

ФИЛОЛОГИЯ

Е. Г. Белоусова, А. В. Сверчкова

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ХРОНОТОПА В РАССКАЗАХ В. НАБОКОВА 1920–1930-Х ГОДОВ

Исследуется строение хронотопа в рассказах В. Набокова, включенных им в русскоязычные сборники «Возвращение Чорба», «Соглядатай» и «Весна в Фиальте». На основании проведенного анализа делается вывод о последовательном усложнении принципов пространственно-временной организации малой прозы художника, а также об эволюции его мироощущения.

Ключевые слова: В. Набоков, «Возвращение Чорба», «Соглядатай», «Весна в Фиальте», хронотоп.

В исследовательской литературе рассказы В. Набокова и их поэтика еще не удостоились серьезного внимания. В частности, слабо изученным до сих пор остается хронотоп сириновской малой прозы. А между тем его изучение для творчества такого автора, как Набоков, при жизни снискавшего репутацию «по преимуществу художника формы» и «писательского приема»¹, автора, чьи тексты отличает тщательная сконструированность их художественного мира, имеет принципиальное значение. Ведь оно не только позволит проникнуть в «художественную инженерию» (Г. Барабтарло) писателя и раскрыть особенности его стилистической формы, но и приблизиться к пониманию уникальной природы его творческого мышления. Не случайно многие суждения специалистов относительно этики, эстетики, и мировоззренческих установок Набокова начинаются с разбора воплощенной в его текстах модели двоимирия как наиболее показательной и вместе с тем инвариантной черты поэтики этого автора².

Так, основу художественного мира «Возвращение Чорба» (первого сборника рассказов писателя) на первый взгляд, действительно, составляет модель двоимирия, весьма характерная, как это следует из работ Ю. Левина³, А. Долинина⁴, Дж. Коннолли⁵, для сириновских романов и предполагающая противопоставление изображаемых автором реальностей друг другу. В их роли у Набокова, как правило, выступают мир «внешнего» бытия персонажа, коррелирующий с пространством чужбины или настоящей действительности героя, и мир «внутренний», который соотносится в произведениях автора с миром родины, фантазии или прошлого персонажа. Однако при более присталь-

ном рассмотрении выясняется, что означенные миры в анализируемых текстах не столько разводятся и противопоставляются друг другу, сколько накладываются, друг на друга, что позволяет уподобить строение набоковского хронотопа скорее *пространственно-временному палимпсесту*⁶, нежели «биспациальной» (Ю. Левин), или антитетичной структуре.

Его образованию в текстах «Возвращения Чорба» в немалой степени способствует сюжетобразующая ситуация повтора. В ходе возвращения, мысленного или фактического, по памятным местам свадебного путешествия («Возвращение Чорба»), на Родину – в крымский уезд («Порт») или Санкт-Петербург («Звонок»), в усадьбу, где прошло лето («Рождество»), герой вспоминает минуты былого счастья, в результате чего настоящее и прошлое постоянно переходят, перетекают одно в другое, а точнее – прошлое постоянно *просвечивает* в настоящем. Приведем соответствующие фрагменты из рассказов «Возвращение Чорба» и «Порт»: «Тень шнура скользила поперек зеленой кушетки, ломаясь по сгибу. На этой самой кушетке он тогда спал. Жена дышала так по-детски ровно»⁷; «Было в ней что-то трогательное, уездное, хотелось думать о фиалочном мыле, о дачном полустанке в березовом лесу. Конечно, за дверью никакой Франции нет. Кисейные движения. Солнечная чепуха» [1; 117].

Примечательно, что из двух реальностей более значимой в ценностном отношении и для героя, и для самого автора неизменно оказывается именно вторая, «внутренняя», действительность, на которой, собственно, и сосредоточен набоковский взгляд, настойчиво стремящийся прорваться сквозь «внешний», видимый

«слой» мира. Отсюда, например, изображение окружающей героя действительности в «Возвращении Чорба» как помехи, завесы, заслоняющей собой пространство единственно подлинного бытия – пространство прошлого: «... в Шварцвальде, по которому они прошли еще осенью, холодноватая весна *не мешала* воспоминанию» [1; 170]. Или: «Теперь он едва узнавал эту улицу, *загроможденную* ночною пышностью каштанов» [1; 173].

Таким образом, особенности строения хронотопа рассказов уже самого первого набокковского сборника со всей очевидностью проявляют основной вектор творческих устремлений писателя – нацеленность его мысли *вглубь, к неявной, но самой значимой, сущностной черте изображаемой действительности*. Причем в текстах двух последующих сборников Набокова «Соглядатай» и «Весна в Фиальте» его действие обнаруживается не менее отчетливо. Как следствие, важная роль в организации их художественного мира принадлежит различного рода просветам и проемам. Они открывают в этом привычном и подчас прозаичном мире нечто принципиально иное – необычное и чудесное. Так происходит, например, в рассказе «Лик», герой которого угадывает следы инобытия «в каких-то *необыкновенных* щелях и складках жизни», таящих в себе нечто «*совершенно особенное*» [5; 381].

И все же, несмотря на близость рассмотренной выше структуре палимпсеста, представленная в этих текстах пространственно-временная организация существенно отличается от той, что мы видели в сборнике «Возвращение Чорба». Дело в том, что отношения между «внешним» и «внутренним» мирами приобретают в рассказах «Соглядатай» и «Весны в Фиальте» более драматичный характер. Он проявляется в текстах второго сборника в резком противопоставлении реальностей друг другу. Причем это противопоставление углубляется и заостряется автором посредством ряда вторичных коррелирующих между собой пространственно-смысловых оппозиций: «замкнутое / открытое», «блеклое, невыразительное / красочное, живописное», «обыденное / экзотическое», «раздробленное / целостное, гармоничное». И все они так или иначе восходят к оппозиции «мнимое / подлинное», выражающей авторскую оценку и потому имеющей определяющее концептуальное и структурное значение.

В «Terra Incognita» противопоставляются пространство предсмертного бреда рассказ-

чика, то есть пространство тропиков⁸, и пространство его комнаты в европейской столице. В рассказе «Музыка» контрастно соотносятся между собой счастливое прошлое и унылое настоящее персонажа; в «Оповещении» – ограниченный глухотой гармоничный внутренний мир старушки и враждебная – беспокойная и суетная, вносящая разлад в безмятежное существование героини – внешняя действительность. В рассказе «Пильграм», в свою очередь, такими противопоставленными друг другу реальностями становятся наполненный смыслом, прекрасный мир мечты героя и мир окружающей его безликой и пустой берлинской действительности.

При этом в каждом из названных рассказов вполне отчетливо и последовательно выражена мысль о том, что лишь «внутренняя» жизнь – красочная, полноценная, свободная – является подлинной, то есть жизнью в собственном значении этого слова. «Внешняя» же жизнь – серая, вынужденная, безрадостная – есть, по Набокову, не жизнь вовсе, а в буквальном смысле смерть. Перефразируя этот тезис и переводя его на язык излюбленных писателем зеркальных метафор, мы можем сказать о том, что «внешнее» бытие служит у него лишь жалкой копией, отражением бытия «внутреннего», «реальнейшего».

Именно поэтому в рассказе «Музыка», например, с первых строк перед нами предстает не сам герой, а его отражение («Отражение Виктора Ивановича поправило узел галстука» [3; 586]), благодаря чему рельефнее проступает изначально заложенный в тексте конфликт между наполненным жизнью счастливым прошлым и призрачным унылым настоящим персонажа. Этот конфликт поддерживается и разграничением грамматических форм первого («я») и третьего лица («он», то есть «не-я») в эпизодах, повествующих соответственно о давно минувших и текущих событиях.

По этой же причине, сознательно разграничивая подлинное и ложное бытие своего героя в рассказе «Совершенство», автор называет «внешнюю» жизнь Иванова «чужой» в противовес искомому им «совершенству». Последнее соотносится в тексте рассказа с пространством далекого прошлого⁹, которое на протяжении всего произведения силится припомнить набокковский персонаж: «Я прожил не очень долго и не очень хорошо, – мельком подумал Иванов, – а все-таки жаловаться грех, этот чужой мир прекрасен, и я сейчас был бы счастлив, только

бы вспомнилось то удивительное, такое удивительное, – но что?» [5; 599].

Характерно, что в отличие от рассказов первого сборника, где «другой», подлинный мир более или менее отчетливо проступал и даже прорывался сквозь «этот», обретение истинного и единственно значимого бытия оказывается возможным в «Соглядатае» лишь в результате разрушения «внешнего», неподлинного мира, которое зачастую сопровождается смертью героя. Благодаря этому мы видим не столько противопоставление «внешнего – внутреннего», сколько двусторонний процесс разрушения – становления, то есть процесс *преобразования одного в другое, противоположное первому*. Не случайно оформление «внутренней» реальности персонажа, как правило, изображается Набоковым не одномоментно, а процессуально. Так, чем больше приближается Пильграм, герой одноименного рассказа, к реализации своей мечты, тем хуже становится его физическое состояние: «страдал от головокружений», «чувствовал <...> тяжесть в висках, черные пятна плыли перед глазами», шел «волоча ногу, багровый, с перекошенным ртом», «сильно пошла кровь носом» [3; 539, 541].

Не менее примечательным представляется и тот факт, что «внешняя» реальность, представленная, в частности, физическим телом Пильграма, метафорически уподобляется в этом рассказе оболочке, кокону¹⁰, который жизненно необходим для возникновения «чудесно растущей» бабочки-мечты, готовой «вот сейчас, сейчас из куколки вылупиться» [3; 541].

Таким образом, хронотоп рассказов «Соглядатая» выстраивается в соответствии с одним из основополагающих принципов набоковской поэтики – *принципом «антитетичной метаморфозы»* (Е. Белоусова)¹¹, который подразумевает выявление сущностного путем преобразования одной противоположности в другую. Причем его появление в данном случае свидетельствует о явном усилении закрытости авторского образа мира. Ведь обретение человеком единственно верной основы бытия происходит теперь лишь за порогом смерти.

В русле все той же тенденции усиления закрытости создаваемого автором образа мира осуществляются трансформации хронотопа в рассказах последнего русскоязычного сборника Набокова «Весна в Фиальте». В них меняется сама суть описанных выше миров, приобретающих вид мира «сотворенного», то есть

мира героев, и мира творящего текстовую реальность автора.

Первый из них детально прописан и представлен вполне конкретными пространственными образами, такими как, например, двор (с каменным крестом, двумя бочками и урной посередине) и дом-пансионат (большой, мрачный и грязный, с «плохонькими» балконами) в «Корольке» или трамвай, кладбище, берлинский сквер в «Наборе».

Второй же мир, напротив, в высшей степени абстрактен и не определен. Он вообще не имеет пространственно-временных признаков. Но несмотря на это, именно первый оказывается мнимым. Показывая это, Набоков целенаправленно множит в текстах рассказов глаголы и причастия с семантикой созидания и своеволия («все это [двор, дом, стена. – *прим. А. С., Е. Г.*] только *намечено* и еще многое нужно *дополнить* и *доделать*»; «спеша помрачнее и потипичнее *меблировать* утро Василия Ивановича, я и *устроил* ему эту поездку на похороны»; «*хотелось* мне, чтобы это было так»), а также эпитеты и сравнения, уподобляющие и само пространство этого мира, и наполняющие его объекты декорациям: «туман, превосходно *подделанный*, с *совершенно убедительными* пятнами расплывающихся фонарей»; «овальный тополек *наподобие игрушечных* деревьев, *валких*, из *крашеной ваты*»; «*бутафорские* переулки»; «*условные* статуи в сених» и др.

Более того, даже присущая этому миру пространственная перспектива зачастую оказывается мнимой, ибо лишь кажется герою (например, в рассказе «Королек»). Причем нередко она и воспринимается им именно как мираж и обман зрения. Подобную ситуацию можно наблюдать, например, в рассказе «Тяжелый дым»: «... то в одном, то в другом месте комнатного космоса, складывалась вдруг и углублялась мнимая перспектива, графический *мираж*, обольстительный своей прозрачностью и пустынностью: полоса воды, скажем, и черный мыс с маленьким силуэтом араукарии» [4; 552].

Все это обуславливает принципиальное изменение характера взаимодействия изображаемых миров. Вместо привычного наложения одного на другой мы видим здесь их *включение друг в друга*. Мир героя находится внутри мира автора, и потому поиск единственно подлинного и по-настоящему значимого бытия персонажами рассказов предстает как поиск изначально *внеположной* их миру действительности.

В итоге, пространственно-временная организация рассказов В. Набокова 1920–1930-х гг., проявляя особый, «пронизывающе-углубляющий» (Е. Белоусова) тип художественного мышления писателя, позволяет говорить о последовательном усложнении (наложение => антитетичная метаморфоза => включение) структуры его хронотопа. Это усложнение свидетельствует об усилении закрытости создаваемого автором образа мира, а также принципиальном сдвиге (эволюции) в мироощущении Набокова – его откровенно возросшем ощущении принципиальной сложности, дисгармоничности жизни и непостижимости ее подлинного смысла. Подтверждение своим выводам находим отчасти у Ю. Левина, который, опираясь на анализ набоковских произведений конца 1930-х гг., то есть периода «Весны в Фиальте», говорит о глубокой неудовлетворенности автора “реальным” [выделено и закавычено автором. – А. С, Е. Г.] миром: «его противоречия безвыходны, “спасение” не может быть в нем достигнуто и ищется даже не столько в мире воображения и творчества, сколько в самой творческой и имажинативной способности человека»¹².

Примечания

¹ Ходасевич, Вл. О Сирине // Октябрь. 1988. № 6. С. 198.

² См., например: Sisson, J. B. *Cosmic Synchronization and Other Worlds in the Work of Vladimir Nabokov*. Univ. of Minnesota, 1979; Barton Johnson, D. *Worlds in Regression: Some Novels of Vladimir Nabokov*. Ann Arbor, 1985; Connolly, J. W. *Nabokov's Early Fiction: Patterns of Self and Other*. Cambridge, 1992; Александров, В. Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика. СПб., 1999; Люксембург, А. М. Коварный конструктор игровых структур: организация набоковского метатекста в свете теории игровой поэтики // Набоковский сборник: Искусство как прием. Калининград, 2001. С. 3–19.

³ Левин, Ю. И. Биспациальность как инвариант поэтического мира В. Набокова // Ю. И. Ле-

вин. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 323–392.

⁴ Долинин, А. Истинная жизнь писателя Сирина // В. В. Набоков. Собр. соч. русского периода: в 5 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 9–25.

⁵ Connolly, J. W. Ibid. P. 31–44.

⁶ Здесь и далее, в том числе и в цитатах, выделено нами – А. С. и Е. Б.

⁷ Набоков, В. В. Русский период // Собр. соч.: в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой. СПб., 2000. Т. 1. С. 172. В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться в тексте с указанием тома и страниц в квадратных скобках.

⁸ Несмотря на то, что пространство тропиков представлено в рассказе как окружающая героя действительность, ряд рассыпанных по всему тексту деталей позволяет исследователям (чьей точки зрения придерживаемся и мы) сделать однозначный вывод о том, что именно эта реальность является у Набокова внутренней, т. е. миром воображения. См., например: Левин, Ю. И. Указ. соч. С. 359–360; Коннолли, Дж. «Terra Incognita» и «Приглашение на казнь» Набокова: борьба за свободу воображения // В. Набоков. Pro et contra. СПб., 1997. Т. 1. С. 354–363.

⁹ Интересное предположение высказывает по этому поводу Л. Копосова. Она допускает, что таким «далеким прошлым» героя является пространство между жизнью и смертью, пространство некоего «пред-» или «до-жизненного» его существования. См.: Копосова, Л. В. Сборники рассказов Набокова «Возвращение Чорба» и «Соглядатай»: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. С. 118.

¹⁰ В английском переводе рассказа эту функцию героя Набоков подчеркивает самим названием произведения – «The Aurelian», производным от англ. устар. «aurelia» – куколка.

¹¹ См.: Белоусова, Е. Г. Русская проза рубежа 1920–1930-х годов: кристаллизация стиля (И. Бунин, В. Набоков, М. Горький, А. Платонов). Челябинск, 2007. С. 87–136.

¹² Левин, Ю. И. Указ. соч. С. 372.

ТВОРЧЕСТВО НИКОЛАЯ ЗАБОЛОЦКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Рассматривается поэтический феномен Николая Заболоцкого в русской литературной традиции. Автор исследует творчество Заболоцкого в контексте не только литературных, но и мировоззренческих исканий эпохи. Несмотря на парадоксальность места, занимаемого фигурой поэта в русской словесности XX в., для него в целом характерна высокая степень открытости по отношению ко всей культуре, куда вписываются традиции как прошлого, так и современности.

Ключевые слова: *Заболоцкий, литературная традиция, «русский космизм», натурфилософская концепция, Соловьев, искусство.*

Поэтическое наследие Николая Заболоцкого является одним из самых загадочных и вместе с тем малоизученных феноменов в истории русской литературы прошлого века. Культурная ситуация эпохи, отмеченная формированием большого количества школ и направлений и довольно сложным переплетением различных художественных систем, делала практически невозможным определение места поэта в русской словесности XX столетия.

В сознании читателя Заболоцкий занимает сегодня прочное место, однако в связи с несколькими различными поэтическими традициями данное обстоятельство, с одной стороны, диктует определенные стереотипы читательской интерпретации, а с другой – дает основание говорить о некоей «пограничной поэтике», перманентном культурном диалоге текстов Заболоцкого.

Согласно мнению литературоведов, для Заболоцкого характерна высокая степень открытости по отношению к культуре, куда вписываются традиции как прошлого, так и современности. Как ни парадоксально, но для большей части любителей поэзии в России Заболоцкий продолжает оставаться в ряду поэтов, связанных с официальной советской линией (Твардовский, Прокофьев, Исаковский). В этом качестве он известен, прежде всего, как автор «Ходоков», «Прощания», «Горийской симфонии», известного перевода «Слова о полку Игореве», патриотически-агитационных лозунгов, как поэт-дидактик, провозгласивший «Не позволяй душе лениться!» Впрочем, как отмечает И. Е. Лоцилов, «стихотворения типа “Смерти врача”, “Некрасивой девочки” или “Железной старухи” крепко вписаны в еще одну парадигму читательского сознания, восходящую к сентиментальным примитивам

Эдуарда Асадова с их эстетическим убожеством и родственной связью со стихией низового городского фольклора, жестокого романса и уличной песни. В этом качестве некоторые поздние стихотворения Заболоцкого способны бытовать, например, на страницах девичьего песенника» [4. С. 5].

В ранних стихах поэта звучат есенинские ноты, смешиваются воспоминания и переживания деревенского юноши, органически связанного с крестьянским трудом и родной природой, впечатления ученической жизни и пестрые книжные влияния, в том числе господствующей предреволюционной поэзии – символизма, акмеизма: в то время Заболоцкий выделял для себя творчество Ахматовой и Блока, подражая последнему в поисках собственных поэтических интонаций.

Вместе с тем, Заболоцкий находится и в рамках классической традиции «Державин – Баратынский – Тютчев – Фет», выступая как «поэт мысли, поэт напряженных раздумий и классической завершенности стиха» [3. С. 5].

Натурфилософская лирика Заболоцкого позволяет нам провести параллели между его поэзией и философскими взглядами К. Циолковского и Н. Федорова, Ф. Энгельса и Г. Сквороды. В основе натурфилософской концепции Заболоцкого – представление о мироздании как единой системе, объединяющей живые и неживые формы материи, находящиеся в отношениях непрерывного взаимодействия и взаимопревращения. Развитие этого сложного организма природы происходит от первобытного хаоса к гармонической упорядоченности всех ее элементов. В связи с рассматриваемыми воззрениями Николая Заболоцкого очевидно такое соположение и взаимодействие бинарных элементов бытия, которое говорит о поисках

единого начала всего сущего, о своеобразном авторском монизме: «Всеобъемлющая материя в различных формах ее существования, повторение великого в малом и малого в великом не допускают противопоставления таких понятий, как макрокосм и микрокосм, Земля и Вселенная, живое и мертвое, человек и окружающая среда» [2. С. 47]. Такая позиция поэта хоть и позволяет исследователям сопоставлять его философию природы с традицией Тютчева и Баратынского, но указывает и на существенное с ними расхождение. Если классическая русская лирика XIX в. проводила четкое разграничение между человеческим и природным мирами, и «неразличение этих двух миров выглядело бы там странным дикарством» [6. С. 633], то у Заболоцкого природа во всех своих представителях, от деревьев, рек и животных до мельчайших частиц, насыщена существами и проникнута разумом, пусть и «темным» по сравнению со «светлым» разумом человека.

Поэзия Заболоцкого определенным образом сопрягается и с философией «русского космизма», в основу которого положено представление о космосе и о человеке как «гражданине Мира», а также о микрокосмосе, подобном макрокосмосу. Идея человека-творца и творящего разума в поэзии Н. Заболоцкого восходит к отдельным философским воззрениям П. Флоренского и Вл. Соловьева, в частности, в его творчестве можно обнаружить следы соловьевской идеи христианского космоса и противоречия между безусловным и условным, абсолютным и преходящим, истинным и мнимым: «Человек совмещает в себе всевозможные противоположности, которые сводятся к одной великой противоположности между безусловным и условным, между абсолютной и вечной сущностью и преходящим явлением, или видимостью. Человек есть вместе и божество, и ничтожество» [9. С. 112].

Некоторые взгляды поэта в целом сопрягаются и следуют из положения вещей в русской философии и литературе конца XIX – первой четверти XX в., обусловленного технократизацией и разрушением нравственно-религиозных основ общества, когда идея антропоцентризма почти полностью вытесняет другую – биоцентризма, то есть идею единства человека и природы. Основную роль здесь играет присущее природе сознание, но при этом именно человек призван взять на себя заботу о преобразовании природы, ибо эта несовершенная и страдающая «вековечная давилня» заключает в себе иде-

альный мир прекрасного будущего, отражая те мудрые законы, которыми следует руководствоваться человеку. Так, в поэме «Торжество земледелия» Николай Заболоцкий утверждает, что миссия разума начинается с социального совершенствования человеческого общества и лишь потом социальная справедливость распространяется на отношения человека к животным и всей природе в целом. Природа как будто сама стремится к человеку, а тот, ее разум, авангард эволюции, выражает это стремление и осуществляет его. В подобных взглядах поэта претворились «манифестированные» слова Хлебникова: «Я вижу конские свободы и равноправие коров» [11. С. 17]. Заболоцкий буквально доводит эту поэтическую метафору до настоящего (пусть и утопического) учения в поэмах «Торжество земледелия», «Безумный волк», «Лодейников».

Время и социально-исторические обстоятельства действия поэмы Н. Заболоцкого «Торжество земледелия» – коллективизация. Социальное переустройство здесь рассматривается поэтом как начало кардинального преобразования мира. «Пролог» к поэме открывается зрелищем расхристанной, поруганной, беспризорной природы: «Тут природа вся валялась / В страшно-диком беспорядке: / Кой-где дерево шаталось, / Там реки струилась прядка» [3. С. 117].

Подобный, беспорядочно-безумный, облик мира, естественно, представляет собой не реалистическое его отражение, но тот идейный образ, который соответствует представлению об энтропии и смерти, царящем в этом мире. Так, явленная наличная, природная данность – своеобразный философский аргумент поэта, приводящий к дальнейшим выводам о необходимости нового в ней порядка. Природа как будто сама стремится к нему, а человек выражает это стремление и осуществляет его.

Такому взгляду на природу Заболоцкий остался, по существу, верен на протяжении всего своего творчества, изменилась лишь художественная форма выражения. В ранний период она резка, эксцентрична, в поздний – спокойнее, классически уравновешеннее. В «Торжестве земледелия» мир не просто перестраивается, а радикально преобразуется, начинается настоящая онтологическая революция, призванная установить «новое небо» и «новую землю».

В художественной литературе в 1920–30-е гг. философия «космистов» породила обширней-

шее направление – произведения о преображении природы руками человека, о так называемой «второй природе». Это нашло отражение в пролетарской поэзии и поэзии футуристов, в «производственной» и «деревенской» прозе, в художественной фантастике и др. Произведения данной идейной направленности утверждали в сознании массового читателя не только новые научные и философские идеи, но и представления о прекрасном, гармонии (они ориентированы не на «живое», а на «мертвое», на «язык» математики, техники), о роли и формах пейзажа в художественном произведении. При разных жанрово-стилевых ориентациях авторы тяготели к единому принципу изображения «второй» природы: отстраненность от реальной картины, идеализирующая типизация, символизация изображения, метафоричность стиля. Впрочем, однозначно говорить о мотиве трансформации «первой» природы во «вторую» в творчестве Заболоцкого не приходится, его поэтические эксперименты были куда более глубинны, поскольку касались преимущественно не всеобщего, а конкретного, не мира в целом, а отдельных его элементов.

Что касается нравственных исканий Заболоцкого, то здесь его имя вполне может быть названо, прежде всего, рядом с именами прозаиков К. Паустовского и М. Пришвина, явившими в художественной практике в рамках лирико-философской, ритмической, импрессионистической прозы то особое планетарное мироощущение, которое и можно назвать «русским космизмом», впоследствии повлиявшим на творчество многих писателей второй половины XX в., обратившихся к теме природы и деревни. Очевидно, что данное философское направление сыграло роль связующего звена между веками в осмыслении и художественной интерпретации отношений природы и человека. Природа виделась писателям первичной по отношению к человеку, влияющей на его жизнь, формирующей нравственные и эстетические представления как отдельного человека, так и целого народа. В литературе ставилась задача изучения и защиты природы, воссоздания в художественных опытах всей полноты ее реальной жизни, изображения ее как самостоятельного объекта изучения. К этим художникам следует отнести часть крестьянских писателей 1920-х гг., часть писателей старшего поколения, верных традициям литературы XIX в., Вяч. Шишкова, М. Шолохова и др. К ним присоединялись на-

деленные даром предвидения писатели, ранее увлеченные антропоцентризмом, например, А. Платонов. В 1930-е гг. он пишет о богатстве и красоте природы, о необходимости облагораживания ею человечества, в человеке же видит не базисную, но надстроечную силу.

Однако именно первичность природы по отношению к человеку выразилась в том, что в своей поэзии Заболоцкий более гуманен и чуток к природе, нежели к людям, и последние у него предстают преимущественно в лице отдельных, не всегда лицеприятных персонажей, что находит подтверждение, среди прочего, в собственных словах поэта. «Искусство похоже на монастырь, где людей любят абстрактно, – отмечал Заболоцкий в одном из писем. – Ну, и люди относятся к монахам так же. И несмотря на это монахи остаются монахами, то есть праведниками. Стоит Симеон Столпник на своем столбе, а люди ходят и видом его самих себя – бедных, бедных, жизнью истерзанных – утешают. Искусство – не жизнь. Мир особый. У него свои законы, и не надо их бранить за то, что они не помогают нам варить суп...» [10. С. 12].

Оценка творчества Заболоцкого современниками никогда не отличалась однозначностью, широко распространены были высказывания разного ранга читателей и критиков о чуждости поэта эпохе, о вредном влиянии, якобы оказываемом его творчеством на литературную молодежь. Среди писателей-современников наиболее тонко оценили «Столбцы» М. Зенкевич и М. Зощенко.

Еще при жизни поэта сформировалось мнение о существовании двух или нескольких Заболоцких. Во всяком случае, критики отчетливо разделяли поэзию Заболоцкого на ранний и поздний периоды, соответственно важнейшим этапам его биографии. [5 ; 7 ; 10].

Ко всему прочему, в кругах литераторов и литературоведов сложилась своя традиция, направленная к постижению личностного и поэтического феномена Николая Заболоцкого через грани парадоксов и несхождений. Еще в 1929 г., когда Заболоцкий «только начинался», Лидия Яковлевна Гинзбург на основе собственных впечатлений от личного общения с поэтом писала: «Какая сила подлинно поэтического безумия в этом человеке, как будто умышленно розовом, белокуром и почти естественно чистеньком. У него гладкое, немного туповатое лицо, на котором обращают внимание только неожиданно круглые очки и светлые, несколько странные глаза: странные,

вероятно, потому, что они почти лишены рещиц и почти лишены выражения» [1. С. 81].

Парадоксальность места, занимаемого фигурой Николая Заболоцкого в русской словесности XX в., состоит в том, что имя поэта, похоже, с годами только набирает вес в литературном сознании, этот поэтический пласт постепенно переходит из разряда массового, доступного, демократического круга чтения к предмету профессионального интереса утонченных знатоков и ценителей русского слова. Вместе с тем оно в основном продолжает оставаться в тени имен старших современников – А. Ахматовой, О. Мандельштама, Б. Пастернака. Продолжает имя Заболоцкого оставаться на периферии исследовательского интереса и в сравнении с именами его «товарищей» по ОБЭРИУ – Д. Хармса и А. Введенского. Несмотря на то, что слово Заболоцкого проявляло и продолжает проявлять высокую степень валентности, своего рода «отзывчивости» по отношению к разным типам читателя, поэзия его так и остается «непрочитанной» в своем существе.

Список литературы

1. Гинзбург, Л. Я. Человек за письменным столом. Л., 1989. 608 с.
2. Заболоцкий, Н. Взаимоотношения человека и природы в поэзии Н. А. Заболоцкого // *Вопр. литературы*. 1984. № 2. С. 34-57.
3. Заболоцкий, Н. А. Собрание сочинений : в 3 т. М., 1983. Т. 1. 655 с.
4. Лоцилов, И. Е. Феномен Николая Заболоцкого. Helsinki, 1997. 311 с.
5. Македонов, А. В. Николай Заболоцкий. Жизнь. Творчество. Метаморфозы. Л., 1987. 365 с.
6. Н. А. Заболоцкий: pro et contra: личность и творчество Н. А. Заболоцкого в оценке писателей, критиков, исследователей : антология. СПб., 2010. 1063 с.
7. Ростовцева, И. Николай Заболоцкий: опыт художественного познания. М., 1984. 304 с.
8. Севастьянова, В. С. Модель мира в русской литературе 1900–1920-х гг. (В. Брюсов, Е. Замятин) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2012. № 1. С. 281–289.
9. Соловьев, В. Чтения о богочеловечестве; Статьи; Стихотворения и поэма; Из «Трех разговоров...»: краткая повесть об Антихристе. СПб., 1994. 528 с.
10. Турков, А. М. Николай Заболоцкий. М., 1994. 144 с.
11. Хлебников, В. Ладомир : поэмы. М., 1985. 100 с.

ПРОМИСИВ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ТИП ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ И АМЕРИКАНСКОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Рассматривается синтактико-прагматический аспект рекламных текстов, а именно прагматические типы предложения (Дж. Сёрль). Одним из наиболее распространенных типов, встречающихся как в русской, так и в американской рекламе, является промисив. Сделана попытка проанализировать его структурные особенности на примере текстов рекламы в русских и американских печатных СМИ.

Ключевые слова: рекламный текст, прагматика, промисив, иллокутивная сила, перлокутивный эффект.

С позиции психологического подхода, реклама – это система средств воздействия на сознание потенциальных потребителей. Их целью является активное продвижение на рынок рекламируемых товаров или услуг, а также формирование позитивного имиджа компании-рекламодателя (В. И. Шуванов). Представители семиотического подхода считают, что реклама в современном обществе озвучивает социальные отношения (А. В. Костина). С точки зрения коммуникативного подхода, реклама рассматривается как одна из форм социальной коммуникации, как процесс передачи и восприятия информации (В. П. Конецкая) (очевидным подтверждением этого может служить и само происхождение слова *реклама* от лат. глагола *reclamare* – «кричать, выкрикивать»). Ю. В. Рождественский, А. Н. Лебедев-Любимов, О. А. Феофанов, Л. Н. Федотова, Е. В. Медведева и другие авторы считают рекламу разновидностью манипулятивной коммуникации. По их мнению, «манипуляция аудиторией осуществляется при помощи внушения потребителю желания приобрести рекламируемый товар» [4. С. 87]. Эта задача представляется вполне достижимой, если учитывать основные положения деятельностного подхода, сформулированные такими классиками психологии, как Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, Б. Ф. Ломов, С. Л. Рубинштейн.

Незаменимым средством создания привлекательного образа (имиджа) товара, а также стимулирования покупательской активности (равно как и в целом привлечения внимания к рекламному тексту) является синтаксис. Многоаспектность синтаксиса позволяет проводить разнообразные исследования рекламных текстов. В рамках данной статьи объектом изучения стали прагматические типы предложе-

ний, используемые в русских и американских печатных СМИ. При рассмотрении рекламного текста как целеориентированного речевого произведения особую значимость приобретает определение его иллокутивной силы. П. Ф. Стросон указывает на то, что «иллокутивная сила высказывания – это то, что, согласно намерению, должно быть понято» [5. С. 149]. Ядро понятия иллокутивной силы составляет иллокутивная цель – само намерение говорящего, направленное на определенное взаимодействие с адресатом (утверждение, вопрос, приказ, просьба и другие). Одной из наиболее разработанных классификаций иллокутивных актов, с опорой на которую в данной работе предполагается изучение рекламных текстов, является теория Дж. Серля. Автор выделяет следующие типы речевых актов: констативы, промисивы, менасивы, перформативы, директивы (инъюнктивы и реквестивы), квеситивы [1. С. 271].

Целью исследования является описание некоторых структурных особенностей промисивов, их большая или меньшая представленность в русских/американских текстах.

Материалом исследования послужили тексты 100 русских и 100 американских рекламных текстов, взятых из различных печатных СМИ за 2011–2012 гг.

Наибольшую распространенность среди русских и американских рекламных текстов имеют такие речевые акты, как промисивы, директивы и квеситивы.

Промисив всегда притягателен для покупателя – *Lazy to walk your dog? We'll do it for you.* (Лень гулять с собакой? Мы сделаем это за Вас) (НА, 2011, № 5); *Aveeno's exclusive formula'll work with your skin's unique chemistry and accelerate your cell renewal process.*

(Эксклюзивная форма Авино будет работать с **уникальной структурой вашей кожи и ускорит** процесс обновления ее клеток) (VF, 2011, № 5); *But one thing will always remain constant – and that is Your Jeep.* (Но кое-что навсегда останется неизменным – это ваш Джип) (VF, 2012, № 8); *You'll get the peace of mind of knowing that our powertrain warranty is always there to keep you working.* (Зная, что ваша трансмиссия вас никогда не подведет, вы можете быть спокойны) (SI, 2012, № 8); *But even if fraud does occur with your Visa credit or check card, you're not liable: Online and off, there's no better protection from fraud.* (Но даже если мошенничество и будет иметь место в случае с вашей кредитной или чековой картой Visa, вы не будете нести за это ответственности: онлайн или нет – нет лучшей защиты от мошенничества) (SI, 2012, № 8); *Rinsing twice a day with Listerine gives you 24-hour protection against the germs.* (Прополаскивая рот дважды в день при помощи Listerine, вы обеспечиваете себе 24-часовую защиту против микробов) (SI, 2012, № 8)

Структурно промисив в американских рекламных текстах в основном представляет собой либо утвердительные предложения в Future Simple (will), либо в Present Simple. Нередко встречается сложноподчиненные структуры, в которых сначала представляется негативный вариант развития ситуации, а затем дается обещание в том, что, используя рекламируемый товар, покупатель никогда не окажется в подобной ситуации (*If you're lunching on a Moby Dick sandwich, there is no reason to worry about amounts of mercury in fish* (Если вы едите сэндвичи Moby Dick, вам не нужно беспокоиться о количестве ртути в рыбе) (NY, 2011, № 4). С психологической точки зрения, предложения в Present Simple звучат более убедительно и весомо, поскольку промисив имеет несколько «завуалированный» оттенок, скорее напоминающий по форме констатив, тем самым «усыпляя» бдительность покупателя и снижая уровень его критичности.

Кроме того, можно найти и совсем простые эллиптические предложения, тоже имеющие иллюкативную силу промисива: *Dow. With no heavy, greasy feeling on your skin.* (Dow. И ваша кожа чиста) (NY, 2011, № 3); *No promises. Just Ford.* (Никаких обещаний. Только Форд) (NY, 2011, № 5). Читатель расшифровывает для себя подобные эллиптические конструкции следующим образом: *There won't be any heavy, greasy feeling on your skin because we are not*

using anything which might cause it. Или – *We are not making any promises. We are just doing it. Making Ford.*

Помимо предложений, в которых используются личные формы глагола (а таких, конечно, большинство) встречаются и промисивы с модальными глаголами, передающими значение «обещания, уверения»: *We can help you deliver on it.* (Мы можем помочь вам получить это) (Money, 2012, № 12); *Once there, you might never stop. Life is calling. Peace Corps.* (Однажды оказавшись там, вы сможете уже никогда больше остановиться. Жизнь зовет. Корпус Мира) (Time, 2011, № 8); *Walden might help you get where you're going* (Вальден мог бы помочь вам попасть туда, куда вы хотите) (Time, 2011, № 8). В данных типах предложений обещание звучит мягче, менее категорично, тем самым становясь менее навязчивым и увеличивая желаемый перлокутивный эффект. Однако в связи с этим можно отметить и определенный риск, на который сознательно идут создатели подобных рекламных текстов: как известно, модальные глаголы *could, might* передают достаточно большую степень неуверенности говорящего и его сомнения относительно реальности обещания. Возможно, поэтому подобные конструкции более характерны для рекламы, носящей скорее социальный характер (в нашем случае, рекламы Корпуса Мира, Университета Вальден, Финансового Пенсионного фонда).

Можно встретить и рекламные тексты, практически полностью построенные на промисивах: *We offer a unique approach. No bureaucracy. No traditional structure. It allows us to create teams based on your specific needs. Which means you get your best lawyers for the job. And we get that great feeling of camaraderie around the office.* (Мы предлагаем уникальный подход. Никакой бюрократии. Никаких традиционных структур. Этот подход позволяет нам создавать команду, основанную на удовлетворении ваших конкретных потребностей. Что позволяет вам получать лучших юристов – профессионалов в своем деле. Поэтому в нашей компании царит атмосфера товарищества и партнерства) (HBR, 2012, № 4). Данный текст включает пять предложений, содержащих явно промисивную интенцию автора. Каждое последующее предложение логично вытекает из предыдущего, подкрепляя его новыми аргументами, развивая первоначальный тезис (*We offer a unique approach*), тем самым создавая кумулятивный эффект обещания реципиенту,

что некая фирма *Haynesboone* обладает всеми вышеперечисленными достоинствами. На достижение подобного эффекта в данном тексте «работают» и парцелированные конструкции, отличающиеся ритмичностью и наличием параллельных конструкций, анафорические повторы (*No bureaucracy. No traditional structure*), что способствует лучшему запоминанию и восприятию информации. Отметим, что согласно Т. А. Козиной, предложения с парцелляцией встречаются в рекламных сообщениях достаточно часто (в 31 % случаев в русском языке и в 61 % – в английском) [2. С. 18].

В качестве подлежащего промисивной конструкции в текстах американской рекламы может выступать местоимение *you, we, I* (*Take me fishing, so I'll always remember you* (Возьми меня с собой на рыбалку, и я всегда буду помнить о тебе) (NG, 2011, № 5); существительное в общем падеже (*one thing*) или существительное в притяжательном падеже (*Aveeno's exclusive formula*); неличная форма глагола (*rinsing*) или отсутствие подлежащего (в случае эллиптических предложений).

Не менее популярны промисивы и в русских рекламных текстах: *Банк «Элита» навсегда избавит Вас от бессонных ночей* (PP, 2011, № 6); *Новый Jeep Grand Cherokee. Так же легко, как покоряет бездорожье, он покорит и Вас! Этой весной он обретет новую силу!* (Деньги, 2012, № 10); *Новый тариф Классный. Ваш ребенок всегда будет на связи (7 дней, 2011, № 36); Джунгли с минералами повышают устойчивость детского организма к простудным заболеваниям – чтобы дети были умны и здоровы* (Goodhousekeeping, 2011, № 2); *BlanX – инновационные и эффективные зубные пасты, которые не просто защищают Ваши зубы и десны, но и делают Вашу улыбку красивой и привлекательной!* (BC, 2012, № 3); *EcoSilver заботится о Вашем здоровье день за днем.* (Cosmopolitan, 2011, № 5); *Mitsubishi Pajero. Сегодня побеждают гонимые, завтра выигрываете Вы.* (Деньги, 2012, № 11).

Как и в американских текстах, в русских промисивах представлены грамматические формы будущего и настоящего времени (в соотношении примерно 40 % и 60 %, соответственно). Глаголы, имеющие значение «обещать», весьма разнообразны: *быть* (самый распространенный), *заботиться, делать, защищать, избавлять, обеспечивать, достигать, мочь, превращать, придавать* и др. При этом в семантике речевого акта обещания всегда присутствуют

два компонента. С одной стороны, это обязательство выполнить что-то в интересах адресата или по его просьбе, что представляет собой понятие обязательства. С другой стороны, обещание позитивных последствий при выполнении взятого на себя обязательства, что является положительной бенефактивностью для адресата. Рассмотрим следующий пример: *Теперь вы можете отказаться от регулярных визитов в химчистку. Новая стиральная машина Siemens серии IQ с принципиально новой программой стирки и одновременной пропитки одежды из микроволокна навсегда избавит вас от этой необходимости. Эффективный процесс пропитки обеспечивает насыщение ткани молекулами водоотталкивающего вещества. В результате такой обработки одежда сохраняет свои свойства, обеспечивая тот самый комфорт, ради которого она и была приобретена. Новая стиральная машина ... позаботится о том, чтобы ее хозяин всегда был в форме.* (BC, 2011, № 1). В данном тексте автор берется избавить адресата от необходимости пользоваться химчисткой, обещает обеспечить одежде ее первоначальный вид, а ее хозяину – быть всегда «в форме». Использование сложных конструкций имеет целью раскрыть сущность явления, акцентировать и привлечь внимание адресата. Наречия *навсегда* и *всегда* убеждают читателя в надежности рекламируемого продукта.

В качестве подлежащего в большинстве случаев выступает местоимение *Вы (вы), ты*, что делает рекламный текст более личным, создавая ощущение обращения к каждому адресату лично: *Обретите свободу – ведь вам останется только выбрать, чем занять свое драгоценное время.* (BC, 2011, № 10); *Вас ждут великие дела.* (За рулем, 2012, № 4); *Обновленный Ford Mondeo: стоит увидеть однажды, и вы уже не сможете отвести взгляд.* (Geo, 2012, № 4); *Делая даже маленький шаг в каждом из этих направлений, ты обеспечишь себе здоровье и отличное настроение на весь год* (Cosmopolitan, 2012, № 5). Но есть и местоимения третьего лица единственного числа (*он, она, оно*), заменяющие рекламируемый предмет или его конкурентные преимущества: *Поможет он – верный, надежный друг.* (За рулем, 2012, № 10); *Он (белый медведь) не исчезнет!* (Geo, 2012, № 2). Кроме того, подлежащим может выступать и словосочетания, построенные по моделям «местоимение + прилагательное + существительное» (*Ваш семейный завтрак*

превращается в веселую и вкусную зарядку (ВС, 2011, № 6), «наречие + прилагательное + существительное» (*Совершенно новые ощущения задействуют те участки мозга, которые до этого активно не работали* (7 дней, 2012, № 32), «существительное + предложная именная группа» (*Nutrilon 2 с пребиотическими волокнами обеспечит комплексную защиту детского организма* (КИ, 2011, № 5) или просто «существительное» (*Captiva вместит все. И всех* (ВС, 2011, № 11).

Таким образом, можно сделать вывод, что промисив как прагматический тип предложения весьма широко представлен в рекламных текстах русских (около 32 % от общего числа отобранных текстов) и американских СМИ (около 40 %). Существенных отличий в плане структурного построения предложений данного типа обнаружено не было.

Список сокращений

HA – Honolulu Advertiser
HBR – Harvard Business Review
NG – National Geographic
NY – The New Yorker

SI – Sports Illustrated
VF – Vanity Fair
BC – Вокруг света
КИ – Караван историй
PP – Из рук в руки

Список литературы

1. Иванова, И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. М., 1981. 285 с.
2. Козина, Т. А. Синтаксис рекламного объявления как средство реализации основных функций рекламы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008. 21 с.
3. Костина, А. В. Эстетика рекламы. М., 2003. 304 с.
4. Медведева, Е. В. Рекламная коммуникация. М., 2003. 280 с.
5. Стросон, П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. 423 с.
6. Шуванов, В. И. Психология рекламы. Ростов н/Д., 2003. 320 с.

РОЛЬ ДИНАМИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ПРОСОДИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ В РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ЛОЖНОГО ГНЕВА

На материале немецкого языка рассматривается проблема использования просодической структуры высказывания для идентификации ложных и истинных эмотивных речевых актов. В качестве примера для фонетического эксперимента рассматриваются речевые акты искреннего и ложного гнева. Предполагается, что высокая степень вариативности, а также антропофоническая основа интонации позволяет использовать просодическую структуру высказывания в качестве показателя искренности говорящего.

Ключевые слова: *неискренность, просодия, гнев, симуляция.*

Ложь является актуальным предметом исследования для многих направлений современной лингвистической науки: прагмалингвистики, когнитивной лингвистики, дискурс-анализа, психолингвистики.

Изучению реализации лжи в дискурсе в настоящее время посвящено множество работ (С. Н. Плотникова, А. М. Приходько, U. Dubravka, F. Hundsnurscher и др.). Ложь в дискурсе рассматривается как особая социальная практика, направленная на манипуляцию поведением собеседника. Для успешной лжи говорящий должен обладать определенным набором компетенций относительно адресата, чтобы предугадать, в каком направлении тот будет интерпретировать предложенные ему ложные сообщения. Важную роль играет коммуникативная стратегия и отдельные тактики, выбранные говорящим для успешного вуалирования истинной интенции и достижения собственной прагматической цели. В зависимости от степени вовлеченности лжеца в коммуникативную ситуацию лжи можно различать активную и пассивную манипуляцию. В целом активная манипуляция направлена на захват смыслового пространства собеседника, подчинение и подавление его коммуникативной инициативы. Она включает в себя тактику оправдания, тактику убеждения, тактику искажения или выдумки, тактику вуалирования и пр. Некоторые тактики в процессе функционирования подверглись ритуализации и не являются эффективными методами сокрытия истинной интенции, например, тактика оправдания.

Методами когнитивной семантики изучается концептуальное пространство лжи на материале различных языков (Н.-J. Heringer, S. Dönninghaus, С. Н. Плотникова, Й. Кубино-

ва, О. Г. Пироженко). Концепт «ложь», а также смежные с ним концепты «истина», «правда», «обман» рассматриваются как важные элементы языковой картины мира, отражающие всю сложность системы человеческих взаимоотношений, противоречивость морально-этических и нравственных установок, а также межкультурные различия в восприятии феномена лжи разными языковыми сознаниями.

В рамках психолингвистики проводится изучение экстралингвистических аспектов лжи, процесс производства лжи и ее соотношенность с физиологическим и психологическим состоянием говорящего (K. Scherer, J. Hirschberg, D. Goleman, В. И. Шаховский, Р. К. Потапова). По мнению В. И. Шаховского, все ложные речевые акты эмотивны, так как при их использовании говорящий стремится скрыть свои истинные эмоции и выразить различными языковыми средствами ложные эмоции, чтобы заставить слушателя поверить ему. «Ложь является поведенческой характеристикой человека, который по своей биологической норме – эмоциональный (*homo sentiens*) и лгущий (*homo mentiens (fallens)*), а его авербальное поведение (в том числе и лживое) – аналог его самого в процессе этого поведения» [5. С. 203].

Проблема определения степени искренности выражаемых человеком эмоциональных состояний и отношений является в настоящее актуальной темой исследования как в отечественном, так и в зарубежном языкознании (J. Hirschberg, В. Giese, А. В. Ленец, Й. Кубинова, В. И. Шаховский, С. Н. Плотникова и др.). Эмоции являются важной формой познания и отражения действительности человеком, при которой актуализируются не столько свойства окружающего мира, сколько субъективное от-

ношение к ним. «Характеристика эмоций как психического явления позволяет с уверенностью утверждать, что они составляют органическую часть мыслительной деятельности человека как сложного процесса. Признание единства эмоциональной и интеллектуальной стороны мышления составляет основу формализованного описания различных эмоциональных состояний и отношений в ряде лингвистических исследований» [4. С. 10]. А. В. Ленец также рассматривает психолингвистический подход как один из центральных в лингвистике лжи. По мнению автора, сокрытие эмоций связано с процессом социализации и подчинением общественным правилам культуры эмоций [2. С. 45]. А. В. Ленец также отмечает этический аспект сокрытия истинных эмоциональных состояний. «Внешнее выражение положительных эмоций при внутреннем отрицательном отношении к собеседнику является ярким свидетельством лживости и проявления двуличия, неискреннего общения» [2. С. 45].

Рассмотрение эмоций в языке связано с выделением категории эмотивности и эмотивных речевых актов как отдельной группы, иллокутивной целью которых является выражение эмоционального состояния субъекта речи или эмоционального отношения к чему-либо [4]. Эмотивные речевые акты представляют особый интерес для изучения роли просодических средств в детекции лжи, так как говорящему приходится имитировать не присущие ему эмоциональные состояния и отношения: гнев, презрение, радость, сочувствие, удивление и так далее. Сложность имитации нужных просодических моделей при попытке сыграть подобного рода эмоции свидетельствует о возможности определять неискренность говорящего вследствие неконгруэнтности ожидаемой и реализуемой просодической структуры.

Толковый словарь под редакцией С. И. Ожегова определяет гнев как «чувство сильного возмущения, негодования» [3. С. 137]. Коммуникативным намерением речевых актов гнева является стремление говорящего передать слушающему свое резко негативное отношение по какому-либо поводу, тем самым эмоционально воздействовать на него.

Неискренний гнев предполагает наличие у говорящего собственной манипулятивной цели, отличной от той, которая вменяется собеседнику. Симуляция гнева является отличной тактикой лжи, так в речевых актах гнева эмоциональный компонент преобладает над

рациональным и, таким образом, слушающему становится очень сложно уличить лжеца в искажении фактов. Например:

„*Davon verstehen Sie nichts!*“ *Auch Diederich fing an, sich aufzuregen. „Ich habe Ihre Tochter nicht verführt. Ich habe getan, was sie wollte, und dann war sie nicht mehr loszuwerden. Das hat sie von Ihnen“.* *Mit Entrüstung: „Wer sagt mir, dass Sie sich nicht von Anfang an mit ihr verabredet haben. Dies ist eine Falle!“*

(Heinrich Mann. Der Untertan).

Особое значение в данном случае приобретает просодическое оформление высказываний. Высокая степень вариативности, а также антропофоническая основа интонации позволяет выделить ее в ряду остальных средств, с помощью которых может быть диагностирована неискренность говорящего.

Для выявления роли просодической структуры в идентификации ложных реализаций эмотивных речевых актов было проведено экспериментально-фонетическое исследование. В качестве основы используется методика экспериментально-фонетических исследований, разработанная и принятая в Нижегородском государственном лингвистическом университете [1]. Материалом для исследования послужили записи высказываний, реализуемые испытуемыми квазиспонтанно в заданной речевой ситуации:

Молодой человек провожает подругу до дома и встречает хулиганов на улице. Он угрожает хулиганам. – Он боится и симулирует гнев.

В качестве примера можно привести следующие высказывания, способные в силу своего содержания выражать значения гнева и использоваться говорящим в данной ситуации:

– *Scher dich zum Teufel, sonst wirst du was erleben!*

– *Ich werde Hackfleisch aus Dir machen!*

– *Dir werde ich den Schädel einschlagen, du Dreckskerl!*

В этом случае симулируемым коммуникативным намерением является стремление выразить свое раздражение и внушить собеседнику. В сознании говорящего ему противостоит истинное коммуникативное намерение – стремление скрыть страх и не потерять лицо.

В качестве испытуемых выступали 5 носителей немецкого языка, постоянно проживающих на территории Германии и владеющих произносительной нормой языка. Возраст испытуемых составил от 19 до 23 лет. При про-

ведении эксперимента дикторам предлагалось ознакомиться с заданной ситуацией, а затем дважды произнести высказывание, стараясь выразить посредством высказывания в первом случае искренний гнев и симулированный во втором. Истинные и ложные высказывания произносились испытуемыми через определенный промежуток времени для обеспечения большей аутентичности эксперимента. Всего компонентами экспериментального материала явились 6 высказываний, которые в силу своей семантики способны нести исследуемое значение. Объем записанного материала составил 60 реализаций. Акустический анализ проводился с помощью компьютерного анализатора речи PRAAT 5.3, позволяющего получить частотно-амплитудную интонаграмму фразы, измерять основные просодические параметры (уровень интенсивности, частоту основного тона, длительность), проводить фонетическую сегментацию.

При анализе динамического компонента ПС были проведены измерения следующих характеристик: средний уровень интенсивности в высказывании (I_{cp}), уровни интенсивности в предъядерной (ИПС), ядерной (ИЯС) и заядерной (ИЗС) частях высказывания, максимальное и минимальное значение интенсивности в высказывании (I_{max}/I_{min}), диапазон интенсивности (ДИ). Сопоставление основных параметров динамического компонента просодической

структуры ложной и искренней реализации представлен на рис. 1.

При сопоставлении полученных данных можно сделать вывод о наличии в ложных реализациях общей тенденции к уменьшению всех основных динамических показателей в целом по сравнению с неложными реализациями. Средний показатель интенсивности уменьшается на 1,87 %; уровень интенсивности в предъядерной части ниже в среднем на 4,28 %; уровень интенсивности в заядерной части ниже в среднем на 1,9 %. Диапазон интенсивности ложных реализаций по сравнению с истинными, напротив, сужается в среднем на 3,89 %. При симуляции гнева также наблюдается незначительное увеличение изрезанности контура интенсивности ложных реализаций по сравнению с искренними. В ложных реализациях коэффициент изрезанности составляет 2,25, что на 2 % больше, чем в искренних, в которых значение данного параметра составляет 2,21.

На основе полученных данных возможно построение инвариантной модели развития интенсивности в ложных и искренних реализациях речевых актов, служащих для выражения эмоции гнева. Чтобы нивелировать влияние индивидуальных особенностей голоса у различных дикторов, все абсолютные цифровые показатели динамического компонента были переведены в относительные единицы. Нормировка осуществлялась делением соответствую-

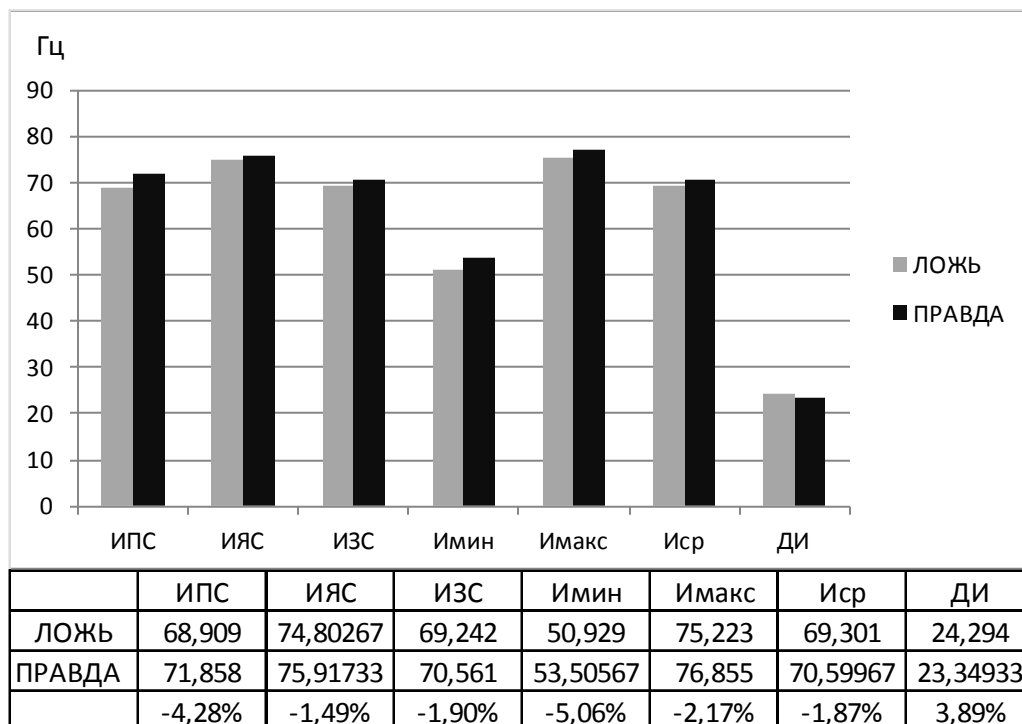

Рис. 1. Динамические характеристики истинных и ложных реализаций

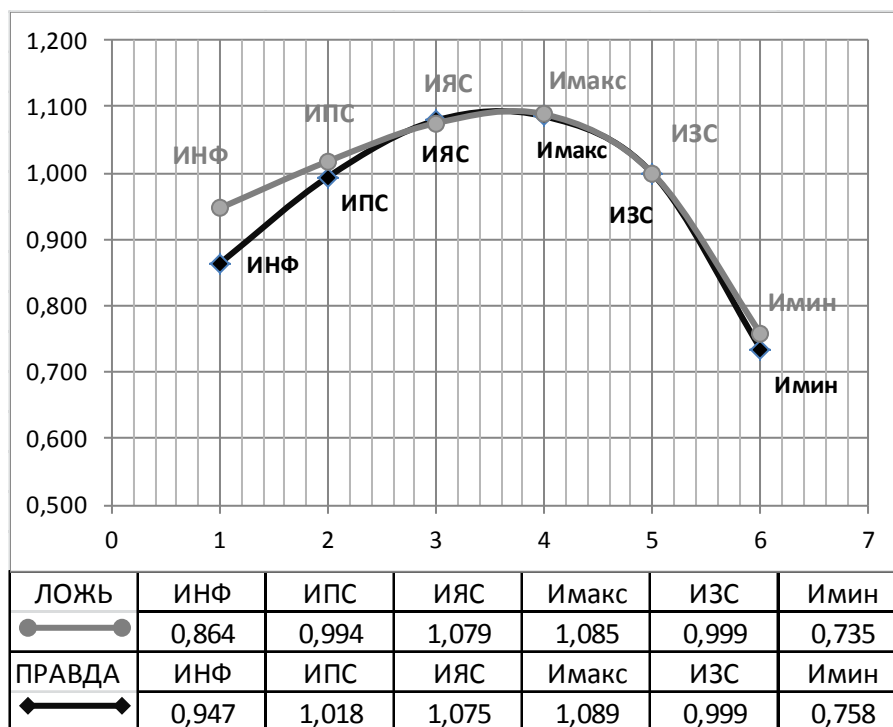

Рис. 2. Инвариантная модель развития интенсивности ложных и искренних реализаций эмоции гнева

ющего абсолютного значения параметра на показатель усредненного значения интенсивности (I_{cp}).

Динамика развития интенсивности при искреннем выражении эмоции гнева и при симуляции графически представлена на рис. 2.

Инвариантные модели развития интенсивности ложных и искренних реализаций эмоции гнева демонстрируют различия только в начале периода фонации. При симуляции наблюдается снижение уровня интенсивности в начале фонации, а также на предъядерном слоге. Локализация динамических максимумов и минимумов в ложных и искренних реализациях совпадает: максимумы сосредоточены в конце ядерной части, минимум — в конце заядерной части.

Обе модели характеризуются резким увеличением уровня интенсивности от предъядерной к ядерной части высказывания.

Таким образом, при неискренней реализации высказываний, служащих для выражения гнева, в их интонационном оформлении возникают определенные изменения. Данные изме-

нения, в частности, затрагивают динамический компонент просодической структуры и позволяют говорить о наличии определенной закономерности изменения интенсивности ложных реализаций по сравнению с интенсивностью искренних реализаций.

Список литературы

1. Бухаров, В. М. Варианты норм произношения в современном немецком литературном языке : монография. Н. Новгород, 1995. 138 с.
2. Ленец, А. В. Прагматика лжи : монография. Ростов н/Д., 2008. 284 с.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. М., 1989. 750 с.
4. Пиотровская, Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков) : монография. СПб., 1994. 146 с.
5. Шаховский, В. И. Человек глуций в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследования. Волгоград, 2005. С. 173–204.

М. С. Выхрыстюк, А. В. Окмянская

МОДЕЛИ РАЗГОВОРНОГО СИНТАКСИСА ТЕКСТОВ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ТОБОЛЬСКОГО МУЖСКОГО ЗНАМЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Предпринята попытка определения показателей разговорности на примере синтаксиса рукописных текстов делопроизводства Тобольского мужского Знаменского монастыря второй половины XVIII в. Роль народно-разговорных конструкций в становлении стилистической системы русского языка велика, но в отечественной лингвистике до сих пор нет четко выраженных критериев разграничения книжности и разговорности.

Ключевые слова: *скорописные тексты XVIII в., памятники деловой письменности, исторический синтаксис, показатели разговорности.*

Исторический синтаксис второй половины XVIII в. изучен недостаточно полно. Вероятно, поэтому в литературе неоднозначно оценивается соотношение в нем книжно-славянских и народно-разговорных элементов (В. В. Виноградов, С. И. Котков).

Исследования последних десятилетий показали, что общерусские синтаксические нормы сложились к концу XVIII в. на основе сплава норм делового приказного письма, синтаксических черт книжно-литературного языка и народно-разговорной речи (Л. А. Глинкина, Л. А. Конькова, А. П. Майоров, З. Д. Попова, А. И. Сумкина, Р. П. Сысуева, А. П. Чредниченко, И. С. Филлипова и др.). К концу XVIII в. узувальные синтаксические нормы упорядочились, некоторые из них получили кодификацию, а главное – в связи с формированием функциональных стилей обозначилась их семантико-стилистическая специализация по жанрам.

Синтаксис текстов российского делопроизводства второй половины XVIII в. представляет особое сплетение стилистически неоднородных явлений. Как и на уровне номинативных единиц, в нем отразилось органическое единство межстилевых, книжно-славянских и народно-разговорных синтаксических конструкций. Их роль в текстообразовании различных жанров деловой письменности может быть самостоятельным объектом и предметом изучения.

Рукописные источники как актового, законодательного, так и частного характера, созданные чиновниками разных рангов и местным населением г. Тобольска, бывшего губернско-го центра, сосредоточенные в исторических фондах ГБУТО «Государственный архив в

г. Тобольске», – обширный и малоизвестный филологам документальный рукописный материал второй половины XVIII в. «Являясь единственным региональным рукописным материалом этого времени, документальные свидетельства, запечатлевшие факты истории, свидетельствуют о многоплановой и интересной жизни бывшей столицы Сибири. Вместе с тем они отражают процессы становления норм русского литературного языка и формирования русской системы делопроизводства на российской окраине, а также дают богатый материал для размышлений о региональной составляющей языка и культуры России прошлого»¹. Более содержательны и многоплановы в этом аспекте церковные и монастырские фонды.

Тобольский мужской Знаменский монастырь – один из первых и до сих пор действующих монастырей в Сибири. Он был основан вскоре после образования г. Тобольска в 1595 г. строителем монахом Логгином. «Монастырь входил в число 15 мужских монастырей первого класса России, которыми руководили архимандриты. Обосновавшись за пределами Урала, он сыграл важную роль в деле освоения края, более трех веков выполнял функцию центра просвещения. К середине XVIII в. он стал крупным миссионерским центром Сибири, помещьем феодального типа, обладавшим большим количеством пашенных земель, а также обширными лесными, рыбными, сенокосными угодьями. В его состав входило пять каменных церквей. При монастыре действовали церковно-приходская славяно-латинская школа и пансион для детей-хантов, что было важно в деле христианизации местного населения»².

В фонде № 70 находятся документы, отражающие многоплановую деятельность мона-

стыря XVII – XIX вв.³. В составе фонда – указы Сената, Духовной консистории, репорты, промемории, памятки, объявления, прошения и доношения монашествующих и крепостных крестьян, ведомости, книги приходов и расходов, описи, списки, окладные и переписные книги и другая документация, касающаяся делопроизводства монастыря.

Документальные тексты рисуют своеобразную картину внешней и внутренней жизни Тобольского мужского Знаменского монастыря, показывают отношение к нему крестьян из близлежащих деревень и взаимоотношение с другими учреждениями города. В документах отражен весь духовный мир обитателей монастыря, весь широкий круг повседневных забот монахов и крепостных крестьян: ежедневный труд во благо монастыря, забота о питании и одежде для членов семьи, планирование свободных от работы дней, ведение домашнего хозяйства, забота о детях и решение частных бытовых проблем.

В соответствии с традициями лингвистического источниковедения назовем наиболее яркие, типизированные синтаксические особенности скорописных текстов делопроизводства Тобольского мужского Знаменского монастыря второй половины XVIII в., концентрируя внимание на их стилистической специфике.

В нерегламентированных частях монастырских деловых текстов разных жанров отметим наиболее значимые показатели разговорности:

1. В структуре предложений отметим случаи несогласования слов в словосочетаниях: *немного время, по сажени дровъ сосновыя, по полусажени березовые*. Подобное несогласование слов в предложении приближает текст к разговорной стихии.

2. В структуре связанного текста разговорного типа нередко цепочки смежных полупредикативных предложений, сливающихся в единое сложное целое, связанное бессоюзной или сочинительной связью с помощью союзов *и, а*. Показательны примеры ряда сложносочиненных предложений: *«Подрядились поставить под мнстырь і съ выгрускою... а въ рупкѣ каждое полено въ длинѣ аршина, а у каждой сажени класть по одной клеткѣ, а рядили мы у него, казначея...»* (И-1-70-21-136)⁴. Отдельные предикативные части такого предложения могут находиться в многообразных семантических отношениях друг с другом: *«...Жена его Харитина послала напередъ жену мою в баню і меня нижайшаго а послѣ немного время по-*

слала ж і прииель я нижайший къ жѣне своей въ баню, і началъ мытца, а михайло аркановъ немного время, въ баню идетъ же і говоритъ самъ къ тутошимъ гдина капита федора тимофеевича людямъ кто есть въ бане сказали ему они діаконъ з женою, недавно де прииель, і онъ аркановъ зачал бранится матерною бранью въ горло мнѣ сулили і говоритъ что де какой честной человекъ діаконъ ідите паритца, і прииель более сталь бранится і выгнал жену мою ізъ бані, ругал ее всячески і она вышла ізъ бани онъ аркановъ прииель ко мнѣ а веника съ собою не принесъ, і напаль на меня і зачалъ отнимать веникъ и я ему не отдалъ і говоритъ я ему что ты въ баню ідишь а веника съ собою не несешь онъ ухватилъ за волосы і съ полка бросилъ на полъ і я справилъ і ушел на полкъ і онъ еще вторишно на меня бросилъ і ударилъ кулакомъ въ шоку...» (И 70-1-25-57).

«В древнерусской, а затем в старорусской письменности, в деловом письме XVII–XVIII вв., – по утверждению Л. А. Глинкиной, – продолжается традиция построения текста в виде крупноблочной цепи связанных предикативных единиц с элементом *ассоциативного* построения с перебивами, уточнениями и попутными вставками-комментариями. По существу, такой полупредикативный комплекс и составляет основную синтаксическую единицу многих текстов, близких к передаче живой речи»⁵. Ассоциативное построение предложений содержат почти все основные блоки и наших документов.

3. Передача диалога или прямой речи в текстах обычно происходит путем смешения ее с косвенной, то есть через придаточное предложение, присоединяемое к главному при помощи союза *что*: *«... і емѣ діакону Ѳокину говорилъ что де онъ подвинулся ...»* (И 70-1-25-58); *«...і онъ аркановъ зачалъ бранится <...> і говорилъ что де какой честной челловѣкъ діаконъ ідите паритца...»* (И 70-1-25-58 об.); *«...о томъ говорилъ мнѣ арканову і ему Диакону что де подвиньтесь: і тогда я аркановъ от него отодвинулся і ему диакону Ѳокину говорилъ что де онъ подвинулся: точию онъ діаконъ не подвинулся і говорилъ что де еще я не напарился»* (И 70-1-25-57 об.).

Нередко при передаче чужой речи используется как знак отчужденности и отказа от ответственности *за* «не свои» слова частица *де*: *«Во вселѣтнюю работѣ с перемѣною де давать работниковъ будемъ де и должны»* (И 70-1-25-53).

4. Разговорной чертой на всех языковых уровнях, в том числе и в синтаксисе, является отражение личного, эмоционального отношения к собеседнику, его и своей речи. Сложную гамму эмоционально-экспрессивных оценок, чувств передают вставные конструкции, фразеологизмы, эпитеты, бытовые формулы христианского благочестия: «...отъ своих усть осудился, а все то дѣлаетъ винній въ головѣ угарь, котораго ежели nebudeтъ оберегаться то и до смерти угориши от чего Боже сохрани» (И 70-1-25-57); «...люди всего четыре человека, которая между собою говорили чертъ де занесъ диакона зъ женою въ баню...» (И 70-1-25-57); «...зачаль браница въ горло мне сулилъ...» (И 70-1-25-58). Однако оценочных конструкций, словосочетаний и слов в текстах деловых бумаг сравнительно немного.

5. Нарушение порядка слов в линейной схеме предложения в соответствии с последовательностью появления представлений: «Кто ѳмянны потребны въ тоболскую дховную консисторию присылкою крестьян» (И 70-1-13-29) = [кто... (из) крестьян]; «Каковы печатные съ инструкціей землемерамъ экземпляры в Тоболску его преѴсѣщенствомъ получены...» (И 70-1-25-31) = [экземпляры... получены]; «...подячей Михайло аркановъ поданного от диакона козмы окина Доношения допрашиванъ...» (И 70-1-25-57) = [подячей... допрашиван].

6. В монастырских текстах допускается свойственное диалектной речи повторение одного и того же предлога перед каждым словом в линейном ряду или перед каждым элементом составного числительного: «Потребно мнѣ нижашему ѳсъ казны мнстырской для отдачи мнстырскимъ крестьяномъ Михаилу ѳ Петру Зиминымъ Никифору Волгину за подрядкой в поставку кирпичъ за дватцетъ за пятьтысячь за каждую по семидесяти по пяти копѣекъ денегъ...» (И 70-1-21-144).

7. К диалектным синтаксическим особенностям севернорусского происхождения можно отнести предикативное употребление кратких действительныхъ причастий (деепричастий), «...гдѣ предѣ окончаниемъ того утренняго пѣнїя оныхъ я заставиши и одного изъ нихъ поймав держалъ но другой не гналъ чемъ язвивши меня въ високъ вырвавъ товарища своего и убежали...» (И 70-1-18-109); «...и пришедши къ банѣ тутъ стоятъ ево господина капитана вестовой солдатъ и люди...» (И 70-1-25-57).

Таким образом, бытовая тематика скорописных документов Тобольского мужского

Знаменского монастыря второй половины XVIII в. предполагает сложный синтез книжно-славянского языка, официального штампа и народно-разговорной речи на традиционной стилистически немаркированной основе⁶. Именно это позволяет раскрыть богатейшую картину внешней и внутренней жизни монастыря.

Синтаксис скорописных документов Тобольского мужского Знаменского монастыря второй половины XVIII в. показывает сплав книжно-славянских элементов с народно-разговорными.

Изучение никем не исследованных монастырских материалов может помочь историкам в углублении знаний о жизнедеятельности монастырей того времени. Тексты делопроизводства этого монастыря – это бесценные лингвистические источники, которые ждут своих исследователей и способны пролить свет на многие спорные вопросы истории русского литературного языка и формирования его стилистики.

Примечания

¹ Выхрыстюк, М. С. Типология скорописных текстов церковных фондов г. Тобольска XVII–XVIII вв. в функционально-стилистическом аспекте // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2007. № 20 (98). Филология. Искусствоведение. Вып. 16. С. 35–40.

² Выхрыстюк, М. С. Тобольская письменность XVII–XVIII вв. в аспекте лингвистического источниковедения и исторической стилистики : монография. Тобольск, 2009. С. 191–192.

³ ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Тобольский мужской Знаменский монастырь (Фонд И 70, далее номер описи, номер дела и страницы).

⁴ ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Тобольский мужской Знаменский монастырь. Фонд И 70, опись 1, 21 дело, 136 стр.

⁵ Глинкина, Л. А. О статусе деловой письменности XVIII в. в системе русского национального языка // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова : тез. докл. М., 1995.

⁶ См. Выхрыстюк, М. С. Деловая письменность XVII–XVIII вв. г. Тобольска: стилистический аспект. Berlin, 2012. 395 с.

СПОСОБЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИМПЛИЦИТНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В ЭКСПРЕССИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ (на материале немецкой лингвокультуры)

Представлен опыт описания коммуникативных способов функционирования имплицитной вежливости в немецкой лингвокультуре. На примере речевых актов извинения проанализированы наиболее частотные коммуникативные стратегии вежливости, связанные с сохранением как позитивного, так и негативного лица адресата. Описаны основные средства реализации выявленных стратегий позитивной и негативной вежливости.

Ключевые слова: *немецкая лингвокультура, имплицитная вежливость, стратегии позитивной вежливости, стратегии негативной вежливости, сохранение лица, речевые акты извинения.*

Взгляд на имплицитную вежливость как на систему коммуникативных стратегий можно сопоставить с положением о том, что вежливость при межличностном взаимодействии направлена на «сохранение лица» как слушающего, так и самого говорящего (адресата vs. адресанта). Поэтому в статье проанализированы наиболее частотные коммуникативные стратегии и средства их реализации, направленные на выражение солидарности с собеседником, с одной стороны, и на соблюдение дистанции с ним – с другой.

Необходимость использования коммуникативных стратегий вежливости в речевом общении продиктована тем, что каждый человек «постоянно нуждается в признании, в устойчивой и, как правило, высокой оценке собственных достоинств, каждому из нас необходимы и уважение окружающих нас людей, и возможность уважать самого себя» [2. С. 88]. В этом случае у человека порождается «чувство уверенности в себе, чувство собственной значимости, силы, адекватности, чувство, что он полезен и необходим в этом мире» [2. С. 88].

Среди распространенных стратегий *позитивной*, или солидарной вежливости (ср. в нем. *Solidaritätshöflichkeit*) можно выделить: 1) демонстрацию интереса к потребностям, мнению и вещам адресата, 2) выражение одобрения и симпатии к адресату, 3) проявление заботы о потребностях и пожеланиях адресата, 4) маркирование внутригрупповой принадлежности, 5) использование шуток, 6) предложение помощи, 7) подчеркивание факта общих знаний, 8) поиск соответствия или выражение согласия, 9) избегание разногласий, 10) предложение к совместным действиям, 11) проявление стра-

тегического оптимизма относительно желания и возможности адресата сделать что-либо для адресанта, 12) «дарение» коммуникативных подарков и др.

В свою очередь, *негативная*, или дистанционная вежливость (ср. в нем. *Distanzhöflichkeit*) представлена совокупностью следующих коммуникативных стратегий: 1) использование конвенциональных косвенных высказываний, 2) выражение извинения и благодарности, 3) семантическая минимизация импозиции, 4) имперсонализация, 5) демонстрация вежливого пессимизма, 6) выражение уважения и др.

Рассмотрим основные способы и средства реализации имплицитной вежливости на примере таких экспрессивов, как речевых актов извинения.

Согласно теории «сохранения лица» [5], речевые акты извинения, реализуемые адресантом, подрывают его имидж и укрепляют имидж адресата, то есть извинение наносит ущерб авторитету говорящего, тогда как авторитет адресата от извинения выигрывает. Р. Ратмайр считает данное утверждение справедливым в том случае, если извиняющийся просит прощения за серьезный проступок. В случае же извинения за пустяковую оплошность, по мнению Р. Ратмайр, адресант, напротив, укрепляет свой положительный имидж. Извиняющийся за незначительные проступки поступает как вежливый человек [4. С. 22–23].

Исследуемые речевые акты употребляются в коммуникативном поведении немцев довольно часто. Это связано с тем, что данные акты в немецком языке сильно клишированы и десемантизированы. Для выражения речевых актов извинения существует огромное количество

средств и приемов, которые в большинстве случаев конвенционализированы и семантически опустошены. Однако частотное использование десемантизированных единиц является свидетельством оказания повышенного внимания, демонстрации интереса к своему собеседнику.

В немецкой лингвокультуре извинение может быть вызвано различными причинами, например, невольным касанием соседа в общественном транспорте, лифте, магазине или в других общественных местах. Практически любое обращение к незнакомому человеку также начинается с извинения, ср. использование наиболее распространенных формул извинения *Entschuldigung!* (a) с вариантами *Schuldigung!*, *Tschuldigung!* и *Verzeihung!* (b) в функции вежливого обращения, которое снижает импозицию последующих речевых актов, реализуя тем самым такую стратегию негативной вежливости, как стратегию семантической минимизации импозиции:

(a) *Verkäuferin: Entschuldigung, kann ich Ihnen behilflich sein?*

Juliane: Hm, im Moment noch nicht, oder? [6. S. 40].

(b) *“Verzeihung”, sagte ich, “öffnen Sie jetzt?”* [7. S. 40].

Семантическая опустошенность формул извинения послужила причиной использования в их составе интенсификаторов, или маркеров усиления, например, прилагательного *groß*, *aufrechtig*, числительного *tausend* (a), наречия *außerordentlich* (b), *wirklich*, *sehr*, *besonders* (c) с помощью которых реализуется стратегия преувеличения интереса, симпатии к партнеру по коммуникации, являющаяся стратегией позитивной вежливости, ср.:

(a) *“- tausend Verzeihung jedenfalls – meine Kusine wollte mich Hauptmann Wunderlich vorstellen, der eine Kampfstaffel führt – “* [9. S. 42].

(b) *“Es tut mir außerordentlich leid, meine Herren, aber ich sehe gerade, daß kein Tisch frei ist.”*

“Das macht nichts. Wir warten.” [12. S. 22].

(c) *Also sagte er: „Es tut uns beiden sehr leid, Frau Euphemia. Wir konnten aber nicht anders. Es tut uns besonders leid, weil Sie jetzt so allein bleiben!“* [13. S. 47].

Вышеупомянутые интенсификаторы являются средствами гиперболизации, прагматическая функция которых заключается в демонстрации преувеличенного интереса или своей симпатии к адресату.

В официальной обстановке общения используются, как правило, косвенные речевые акты извинения, которые образуются при помощи модальных глаголов *dürfen* (*иметь разрешение*) (a), *mögen* (*хотеть*) (b), *müssen* (*быть должным*). В связи с этим реализуется стратегия косвенного выражения высказывания, или стратегия косвенности:

(a) *Darf (Dürfte) ich mich bei Ihnen entschuldigen?*

(b) *Ich möchte Sie um Entschuldigung (Verzeihung) bitten.*

На наш взгляд, использование модальных глаголов в составе формул извинения также является приемом усиления, актуализирующим стратегию преувеличения.

Необходимо отметить, что модальные глаголы *dürfen* и *müssen* в речевых актах извинения могут использоваться как в изъявительном, так и в сослагательном наклонении, а глагол *mögen* – исключительно в сослагательном, поскольку в изъявительном наклонении он имеет значение «нравиться, любить». По мнению Р. З. Мурясова, статус глагола *mögen* является наиболее спорным. «Форму претерита в конъюнктиве этого глагола – *möchte* следует признавать самостоятельным глаголом, так как подобно английскому модальному глаголу *might* она лишена временного значения и осложнена прагматической коннотацией дипломатичности и вежливости» [3. С. 155–156].

В формулах извинения может использоваться также перформативный глагол просьбы *bitten*, который наряду с императивной функцией (функцией воздействия) служит для выражения функции вежливости:

Anscheinend beruhigt nahm Herr Herbst den Zylinder in die Hand. “Ich bitte zu entschuldigen, Euer Exzeellenz – die Störung” [9. S. 178].

В случае употребления формальных обращений в составе формул извинения (ср. также вышеприведенный пример) реализуется стратегия выражения уважения (a), служащая сохранению негативного лица собеседника, тогда как неформальные личные имена (b) маркируют внутригрупповую принадлежность, удовлетворяя тем самым потребности позитивного лица адресата:

(a) *“Ach, lieber Herr, verzeihen Sie, dass ich keinen geriebenen Parmesan im Hause habe. Dennoch wünsche ich einen guten und gesegneten Appetit”* [8. S. 604].

(b) *“Sei mir nicht bös, Agnes”, bat Diederich* [10. S. 64].

В вышеприведенном примере (b) используется нейтральная форма вежливости (*Sei mir nicht böse!*), которая употребляется в неофициальной обстановке общения, когда социальный статус говорящего не выше статуса адресата. В подобных случаях адресант может использовать также заимствованную из французского языка формулу *Pardon!*, распространенную прежде всего на юге Германии, ср.:

An der Tür blieb er stehen. "Pardon", sagte er, "es muß ein Irrtum sein..." [10. S. 180].

В некоторых случаях при выражении речевых актов извинения со стороны адресанта следует объяснение своего проступка. В следующих примерах (a) и (b) провинившиеся ссылаются на свои недостатки, что послужило причиной случившихся проступков:

(a) *Als ich aus der Kaserne zurückkomme, ruft mich eine laute Stimme an. ... "Können Sie nicht grüßen?"*

"Entschuldigen Herr Major", sagte ich verwirrt, "ich habe Sie nicht gesehen." [11. S. 132–133].

(b) *Zwischen den Krisen und halb erstickt, brachte sie hervor: "Ich kann nicht. Entschuldige." Er trug sie auf den Diwan. Als es endlich vorbei war, schämte Agnes sich. "Verzeih! ich kann nicht dafür." – "Kann denn ich dafür?" – "Nein, nein. Es sind die Nerven. Verzeih!"* [10. S. 80].

Таким образом, имплицитная вежливость в речевых актах извинения в коммуникативном поведении немецкой лингвокультурной общности представлена как стратегиями негативной вежливости, так и стратегиями позитивной вежливости. Однако чаще вербализуются стратегии позитивной вежливости, направленные на выражение доброжелательного и уважительного отношения к своему собеседнику, проявление внимания, симпатии, интереса к нему, маркирование внутригрупповой принадлежности.

Стратегии сближения, или стратегии позитивной вежливости являются своеобразным «социальным ускорителем». Они более востребованы в культурах с большей горизонтальной дистанцией, а именно в индивидуалистических культурах, коей является немецкая культура, поэтому в случае необходимости установления

контакта для сокращения этой дистанции необходимы большие коммуникативные усилия, что возможно при помощи стратегий вежливости сближения [1. С. 112–113].

Список литературы

1. Ларина, Т. В. Английский язык в межкультурном диалоге // Межкультурная коммуникация: лингвистические и психологические аспекты : кол. моногр. М., 2009. С. 7–150.
2. Маслоу, А. Г. Мотивация и личность / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой ; вступ. ст. Н. Н. Акулиной. СПб., 1999. 478 с.
3. Мурясов, Р. З. О парадигматике модальных глаголов в сопоставительно-типологическом плане // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики. Кн. 3. / отв. ред. А. П. Юдакин. М., 2008. С. 152–170.
4. Ратмайр, Р. Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / пер. с нем. Е. Араповой. М., 2003. 272 с.
5. Brown, P. Politeness: Some universals in language usage / P. Brown, S. C. Levinson. Cambridge, 1987. 345 p.

Список источников

6. Beile, W. und A. Alltag in Deutschland. Übungsmaterial. Bonn, 1998. 224 S.
7. Böll, H. Und sagte kein einziges Wort : Roman. Moskau, 1966. 384 S.
8. Grass, G. Die Blechtrommel : Roman. München, 1997. 719 S.
9. Kellermann, B. Der 9. November : Roman. Moskau, 1955. 445 S.
10. Mann, H. Der Untertan : Roman. Berlin, 1955. 464 S.
11. Remarque, E. M. Im Westen nichts Neues : Roman. Moskau, 1956. 224 S.
12. Remarque, E. M. Die nacht von Lissabon : книга для чтения на немецком языке. СПб., 2005. 384 с.
13. Roth, J. Das falsche Gewicht. Die Geschichte eines Eichmeisters : Roman. Köln, 1999. 103 S.

АВТОРСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА

Анализируются авторские неологизмы в современном английском языке. Данная категория слов активно создается и проникает в тексты различных стилистических жанров. Материалом для статьи послужил роман молодой английской писательницы Зэди Смит “White Teeth”, где используется большое количество авторских неологизмов, которые наряду с другими стилистическими средствами делают текст повествования живым, ироничным и часто смешным.

Ключевые слова: авторские неологизмы, юмористический эффект, слова-компресивы в английском языке.

В литературоведении и лингвистике проблемами, связанными с природой юмора и языковыми средствами его достижения, занимались многие известные ученые. Определенный вклад в теорию юмора внесли такие исследователи, как И. Р. Гальперин, А. Н. Лук, Ю. Б. Борев, Б. Дземидок, А. В. Карасик и др. Для реализации юмористического эффекта в художественных текстах активно используются многие стилистические средства языка. Природа метафоры, сравнения, гиперболы, каламбура, перифразы, идиомы, зевгмы, неологизма позволяет применять их в ситуации контраста, противопоставления, противоречия, обманутого ожидания, которые, по мнению многих ученых, лежат в основе комического [3. С. 35].

Объектом исследования в статье послужили английские неологизмы. Не вызывает сомнения, что английский язык поставляет в другие языки мира самое большое количество новых слов. Но и сам он на протяжении нескольких десятилетий переживает своего рода неологический бум и постоянно пополняется все новыми и новыми словами. И если раньше среди неологизмов наибольшую группу составляли слова, принадлежащие к компьютерной, научной или специальной терминологии, то в последнее десятилетие новые слова активно появляются в самых разных социальных сферах: культуре, средствах массовой информации, бизнесе, рекламе, моде, бытовой культуре.

Само слово «неологизм» не получило пока однозначного толкования. В Большом энциклопедическом словаре, серия «Языкознание», представлено следующее определение: «Неологизмы – слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз («оказиональные» слова) в каком-либо

тексте или акте речи» [1. С. 331]. С. Ю. Шкуратова определяет неологизм следующим образом: «новая относительно какого-либо предшествующего периода времени единица (слово или словосочетание слов), новая либо по форме, либо по содержанию (либо по форме и по содержанию) и имеющая некоторую закрепленность в речевом обиходе» [4. С. 115]. Приведенные выше определения ясно иллюстрируют многие открытые вопросы в области изучения неологизмов. Отсутствуют четкие критерии отнесения того или иного слова к неологизмам. Как долго должно употребляться слово, чтобы оно могло быть названо неологизмом и после какого «возраста» оно перестает им быть? Каковы критерии разграничения неологизма и окказионализма? Как должны фиксироваться неологизмы в лексикографических источниках, с помощью каких специальных помет? Должны ли они быть зарегистрированы в одноязычных и двуязычных словарях или составлять специальные словари новых слов?

Не имея единства мнения по вопросу временной соотнесенности неологизмов, ученые сходятся во мнении, что неологизм в процессе своего становления проходит несколько стадий. При этом необходимо учитывать, что неологизмы любого развитого языка можно разделить на две группы: языковые и авторские, путь развития и функционирования которых несколько отличается друг от друга. Языковые неологизмы – это слова и словосочетания, недавно появившиеся в языке и используемые для обозначения нового или уже известного предмета или понятия. Языковой неологизм осознается носителями языка как новое, свежее слово, обладающее оригинальной внутренней формой. Как правило, языковой неологизм имеет недолгую жизнь и со временем

исчезает из употребления. Но иногда новое слово постепенно закрепляется в языке, пройдя при этом через несколько этапов. Первый этап – социализация, под которой понимают принятие слова в языковом коллективе. Процесс социализации также имеет поэтапный характер. Сначала новое слово воспринимается и используется узкими специалистами, преподавателями вузов, журналистами, студентами. Затем оно фиксируется в средствах массовой информации. Затем следует последний этап социализации – принятие слова широкими массами языкового коллектива. Следующим этапом развития языкового неологизма является его лексикализация, то есть закрепление его в языковой системе, в результате которой носители языка приобретают знания об адекватном использовании данного слова, наиболее частотных контекстах и ограничениях на его употребление. Так языковой неологизм входит в активный словарный состав языка, теряя при этом свою новизну и оригинальность.

Под авторскими неологизмами понимаются слова и словосочетания, созданные конкретным автором для определенных художественных целей. Они редко выходят за пределы контекста произведения автора, не получают широкого распространения, часто остаются принадлежностью индивидуального стиля, но их новизна и необычность сохраняются. Тот факт, что авторские неологизмы редко покидают пределы художественного произведения, несколько не умаляет их достоинства как языкового явления. Напротив, их создание и использование в тексте свидетельствует об индивидуальной образности, языковой интуиции, таланте словотворчества автора. Ведь общеизвестно, что мировые литературные гении часто создавали новые слова, и их авторство сохранилось до наших времен.

Материалом для исследования послужил роман молодой английской писательницы Зэди Смит “White Teeth”, вышедший в свет в 2000 г. Почему именно этот роман? Во-первых, он получил ряд престижных национальных премий, в том числе как лучший литературный дебют года. А журнал “Time” включил его в список лучших романов на английском языке, созданных в период с 1923 по 2005 г. (TIME 100 Best English-language Novels from 1923 to 2005 list). Во-вторых, это первый роман автора, написанный ею в возрасте 25 лет. В-третьих, в романе раскрываются самые острые социальные проблемы современного общества: проблема

восток-запад, ассимиляция иммигрантов в новом обществе, проблема отцов и детей, брак и семья, девиантное поведение в подростковом возрасте, мультикультурализм, религиозные и расовые конфликты, пагубные привычки, защита животных, деятельность нетрадиционных религиозных групп. В-четвертых, и это самое главное, обо всем этом Зэди Смит пишет смешно, остроумно, ярко, тонко. Рецензенты центральных печатных изданий Великобритании и США наградили эту книгу самыми сильными хвалебными эпитетами: *brilliantly funny, relentlessly funny, extremely funny, rollicking, hilarious, ironic blast of a debut, witty and fresh with authenticity, shining piece of life, sparkles with wit*. Роман имеет огромное количество поклонников во всем мире как среди литературных критиков, так и простых читателей. Он переведен на десятки языков. Перевод на русский язык вышел в издательстве Ольги Морозовой в 2005 г., переводчики – О. Качанова, М. Мельниченко.

В своем романе Зэди Смит очень часто использует созданные ею слова – индивидуально-авторские неологизмы, не зафиксированные ни в одном лексикографическом источнике, привлекающие внимание оригинальной формой, делающие чтение романа наряду с другими стилистическими приемами и средствами интереснейшим, незабываемым «путешествием» во времени и в пространстве, вызывающим у читателя то ироничную ухмылку, то искреннюю улыбку и смех.

Прежде чем приступить к анализу некоторых авторских неологизмов писательницы, необходимо отметить, что основными способами образования новых слов являются заимствование из другого языка и словообразовательная деривация, которая представляет собой образование новых слов по существующим в языке продуктивным моделям. Для английского языка такими моделями являются аффиксация, словосложение, сокращение.

В романе встречаются неологизмы, созданные по всем этим моделям, но их частотность отличается. Приведем несколько примеров.

Straight hair. Straight straight long black sleek flickable, tossable, shakable touchable finger-through-able wind-blowable hair.

В этом предложении речь идет о черной девочке-подростке, заветной мечтой которой являются длинные прямые волосы взамен ее природным кудрям. Неологизмы *finger-through-able* и *wind-blowable* созданы путем

словосложения и аффиксации. Юмористический эффект создан за счет обыгрывания повторяющейся суффиксальной морфемы *-able* во всех прилагательных, используемых для описания «вожделенных» волос. Повторяющаяся морфема прилагательных задает предложению также определенный ритм, который усиливает эмоциональный эффект описания нетерпения героини.

Следующий неологизм был создан также с помощью аффиксации. Он также используется автором для выражения ироничного отношения к описываемым героям. Семья Чалфенов, представителей «белой» британской расы, так уверена в своей исключительности и почти гениальности, что образовала от своей фамилии слова знаменательных частей речи – существительные, глаголы, прилагательные, которые активно использует в своей речи для подчеркивания своего интеллектуального превосходства над представителями других социальных и этнических групп.

It's the Chalfen way, and then he came out with a real Chalfenism, He's Chalfening again, We need to be a bit more Chalfenist about this.

В качестве примера неологизма, созданного с помощью сокращения, можно привести слово KEVIN, которое является акронимом и расшифровывается как Keepers of the Eternal and Victorious Islamic Nation. Юмористический эффект заключается в том, что сокращенное название исламской религиозной организации звучит вполне «по-английски» и совпадает с популярным мужским именем собственным (Kevin Costner, Kevin Spacey). В данном примере очевиден контраст, противоречие между формой и содержанием, между вполне английским именем и абсолютно «неанглийским» содержанием.

Значительная часть неологизмов, встретившихся нам в романе, образована способом словосложения.

Here was where Millat really learnt about fathers. Godfathers, blood-brothers, racinodeniros...

Неологизм *racinodeniro* создан путем словосложения имен двух известнейших голливудских актеров Al Pacino и Robert De Niro, успех к которым пришел после их участия в фильмах о мафии и гангстерах. Неологизм используется для ироничного описания идеалов британского подростка, родившегося в семье выходцев из Бангладеша и проделывающего болезненный путь в поисках самого себя.

В процессе чтения романа нетрудно отметить, что одним из наиболее излюбленных приемов автора является создание так называемых слов-компрессивов. Их на страницах романа встречается довольно большое количество. Можно сказать, что их использование является одной из особенностей индивидуального стиля Зэди Смит. Прежде чем рассмотреть и проанализировать примеры таких слов, необходимо дать толкование тому, что такое речевая компрессия и что из себя представляют слова-компрессивы.

В более ранних исследованиях компрессия понималась как пропуск подразумеваемой языковой единицы, структурная неполнота синтаксической конструкции, и таким образом компрессия часто отождествлялась с явлением эллипсиса. В дальнейшем под компрессией стали понимать способ словообразования в языке, в результате которого образуются сложные слова. В последние десятилетия в английском языке получил широкое распространение особый тип компрессии, который заключается в слиянии целых словосочетаний или даже предложений в одну синтаксическую структуру, функционирующую подобно слову и разделяющую с последним характеристики целостности и отдельности. Речь идет о таких словах, как «good-will-to-all-men». Существует точка зрения, что такой вид словосложения появился в английском языке уже в конце XIV – начале XV в. По мнению В. В. Иванова, первоначально такие слова-предложения выступали чаще всего в качестве атрибута перед определяемыми ими именами существительными. Одно из таких имен он использует в названии главы своей книги «don't-touch-me-or-I'll-kill-you sort of countenance» [2. С. 42]. Не вызывает сомнения, что сегодня подобные компрессивные слова получают свое второе рождение, а их структурная организация отличается большим разнообразием и оригинальностью.

Созданные автором романа слова-компрессивы разнообразны по своей структуре, синтаксической функции, графической форме, стилистической и экспрессивной функции. Можно выделить компактные и развернутые образования, дефисные и слитные образования, атрибутивные, субстантивные и предикативные типы.

Приведем лишь несколько примеров.

... very good-will-to-all-men...

For he is in a past-tense, future-perfect kind of mood.

Get-your-fat-Ganesh-Hindu-backside-up-
there-Elephant-Boy-and-bring-some-of-that-
mashed-pigeon-stuff-with-you.

Niceweatherweare having

Oh, every-bloody-thing

Borntherebornhere

You-might-as-well-carry-on-since-you've
started

chicken-rice-and-peas

a girl called Karina Somethingoranother

the return of her number-one-son-eldest-by-
two-minutes

Вышеприведенные примеры показывают, что слова-компрессивы отличаются многоаспектностью, многомерностью, смысловой наполненностью и их нужно рассматривать как ментальный механизм организации и описания объективной действительности.

Анализ слов-компрессивов в произведении З. Смит позволяет выявить некоторые закономерности их функционирования в современном английском языке. Слова-компрессивы социально обусловлены и свидетельствуют о принадлежности к определенным социальным слоям. Об этом говорит и В. В. Иванов, отмечая, что его американские коллеги называли это явление в английском языке «вульгарным» [2. С. 43]. Основная часть слов-компрессивов, созданных Зэди Смит, используется в речи главных героев, которые принадлежат низшему слою современного британского общества. Это люди, не имеющие хорошего образования, недавние иммигранты, выполняющие разную физическую работу и чувствующие себя ущербно. Встречаются и откровенно вульгарные, намеренно грубые слова, несущие сильную экспрессивную функцию и используемые для создания атмосферы реального устного общения. Например, «You ain't starting on that Mangy Panduwhateverthefuckitis again, are you?». Или «You two gentlemen talk a great deal of the youknowwhat». В данных предложениях слова-компрессивы усиливают негативный эмоциональный фон общения главных персонажей. Они раздражены, недовольны, стремятся прекратить разговор.

Из живой речи главных героев слова-компрессивы переходят и в текст авторского повествования, что свидетельствует о взаимодействии и взаимопроникновении письменного литературного текста и живой повседневной

устной речи. Например, «A distance was establishing itself, not simply between fathersons, oldyoung, borntherebornhere, but...». В данном предложении встречается целый ряд новообразований, созданных посредством словосложения, последнее из которых отличается своей оригинальной структурой и экспрессивной насыщенностью.

Слова-компрессивы не имеют ярко выраженной гендерной обусловленности и встречаются в речи и мужских персонажей, и женских. Можно лишь отметить, что на материале данного произведения наблюдается следующая закономерность: для речи женщин более характерны компрессивы, созданные путем слияния, а для мужской речи – дефисные компрессивы.

Как видно из приведенных примеров, Зэди Смит действительно мастерски владеет словом и обладает тончайшим чувством юмора. Созданные ею новые слова не просто дают новые наименования старым или новым понятиям и предметам, а выполняют важную художественную функцию: создают определенный тон повествования – смешной, ироничный, иногда грустный, передают эмоции и переживания главных персонажей, делают их речь живой, яркой, самобытной. И это в свою очередь делает чтение ее романа захватывающим и незабываемым событием. «If you buy one book this year, White Teeth should be it» *Livewire Magazine*.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь. *Языкознание* / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1998. С. 331.
2. Иванов, В. В. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. М., 2004. 208 с.
3. Смит, Зэди. Белые зубы. М., 2005. 672 с.
4. Степанова, Н. Ю. Лингвостилистические средства достижения комического эффекта в современной английской литературе (на материале романа Зэди Смит «Белые зубы») // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Лингвистика*. 2009. № 4. С. 34–37.
5. Шкуратова, С. Ю. Неологизм как объект лексикографического исследования // *Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2004. № 2. С. 115–125.
6. Smith, Z. *White Teeth*. London, 2000. 548 p.

О. Н. Горбачева, В. А. Каменева

СИНТАКСИЧЕСКИЕ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЕ

Рассматриваются стилистические средства англоязычной социальной интернет-рекламы. Представлены данные анализа синтаксических и фонетических средств, объективирующих прагматический потенциал данного типа рекламы.

Ключевые слова: *социальная реклама, интернет-реклама, синтаксические и фонетические стилистические средства.*

Любая реклама – социальная, коммерческая или политическая – призвана привлекать и удерживать внимание реципиента, и вполне естественно, что все типы рекламы имеют в своем арсенале различные тропы и образные средства помимо других средств и способов воздействия. Так, благодаря различным стилистическим приемам коммерческая реклама способствует скорейшему проявлению так называемого «покупательского импульса», политическая реклама – принятию и поддержке определенного политического деятеля или партии, а социальная реклама – решению социальных проблем. Как известно, коммерческая реклама изобилует различными образными средствами для достижения своих целей¹.

В данной статье приведем данные, полученные в ходе сопоставительного анализа синтаксических и фонетических стилистических средств, объективирующих прагматический потенциал текстов англоязычной социальной интернет рекламы.

Перед тем как обратиться к материалу исследования, мы составили список определений синтаксических стилистических средств. Выделили инверсию, асиндетон и полисиндетон, риторический вопрос и обращение, анафору, эпифору, парцелляцию, параллельные конструкции, хиазм, апозиопезис, литоту, эллипсис, повторы. Вслед за И. В. Арнольд зевгму отнесли к синтаксическим приемам.

Обратимся к данному материалу более подробно. И. В. Арнольд определяет апозиопезис как «эмоциональный обрыв высказывания, когда говорящий действительно или притворно не может продолжать от волнения или нерешительности». По мнению исследователя, «литота – нарочитое преуменьшение, которое выражается отрицанием противоположного. Нарушение обычного порядка следования чле-

нов предложения, в результате которого какой-нибудь элемент оказывается выделенным и получает специальные коннотации эмоциональности или экспрессивности, называется инверсией. Риторический вопрос – превращение вопроса в эмфатическое утверждение. Риторический вопрос не предполагает ответа и ставится не для того, чтобы побудить слушателя сообщить нечто неизвестное говорящему. Функция риторического вопроса – привлечь внимание, усилить впечатление, повысить эмоциональный тон, создать приподнятость. Ответ в нем уже подсказан, и риторический вопрос только вовлекает читателя в рассуждение или переживание, делая его более активным, якобы заставляя самого сделать вывод. Повтором, или репризой, называется фигура речи, которая состоит в повторении звуков, слов, морфем, синонимов или синтаксических конструкций в условиях достаточной тесноты ряда, то есть достаточно близко друг от друга, чтобы их можно было заметить. Хиазм состоит в том, что в двух соседних словосочетаниях (или предложениях), построенных на параллелизме, второе строится в обратной последовательности, так что получается перекрестное расположение одинаковых членов двух смежных конструкций. Полисиндетон – повторение союзов. Зевгма – конструкции с неоднородными связями подчиненных элементов с общим подчиняющим словом, создающие таким образом комический эффект»².

«Риторическое обращение (апострофа) – эмоциональное обращение рассказчика к отсутствующему лицу, неодушевленному предмету или абстракции, как будто они находятся перед ними и способны воспринимать его речь, ответить на его чувства. Анафора – повторение слова или группы слов в начале стихотворных строк, параллельных фраз или предложений.

Эпифора – фигура, состоящая в повторении слова или группы слов (иногда с небольшим изменением) в конце фразы, предложения, а также стихотворной строки или строфы»³.

«Асиндетон – фигура, состоящая в опущении союзов при соединении однородных членов или нескольких предложений в целях усиления образительности речи. Парцелляция – речевая реализация единой синтаксической структуры (предложения) несколькими коммуникативно самостоятельными единицами – фразами»⁴. Под эллипсом понимается «умышленное опущение какого-либо члена предложения в литературно-письменном типе речи»⁵.

Что касается синтаксических средств выразительности, в текстах исследуемого типа социальной рекламы представлены: параллельная конструкция, номинативные предложения, повтор, парцелляция, апозиопезис, анафора, инверсия, хиазм, литота, анадиплосис, полисиндетон, зевгма. Наиболее продуктивными средствами в англоязычной социальной рекламе чистого типа являются параллельная конструкция (22 % из всех синтаксических приемов), номинативные предложения (10 %), повтор (9 %), парцелляция (8 %) и апозиопезис (7 %).

Рассмотрим несколько примеров. В рекламе, посвященной борьбе с алкоголизмом, используется параллельная конструкция: «The more you drink, the less you think». В рекламе, призывающей обратить внимание на проблемы бедной части населения, с помощью парцелляции призыв «Help» акцентируется и выделяется в отдельное предложение: «Help. So that no one has to come here for food».

Апозиопезис, или умолчание, используется в социальной рекламе разной направленности. Он преследует две цели: либо позволить реципиенту прийти к выводу самому, либо удерживать паузу, прежде чем озвучить этот вывод. В примере «Just because you help her home... Doesn't mean you get to help yourself» апозиопезис создает паузу, после которой озвучивается главная мысль, которую хотели донести до адресата.

В рекламе, направленной на предупреждение бытовых пожаров, используется многократный повтор слова «plan»: «Planning to make a plan is not a plan. Protect what matters. Complete your bush fire survival plan now».

Согласно полученным данным, анафора (8 %), инверсия (6,7 %) и хиазм (5,3 %) являются менее продуктивными синтаксическими

средствами. Анафора встречается в рекламе, направленной на защиту окружающей среды, предупреждение преступности, заботу о бедных, привлечение внимания к проблемам сиротства, пропаганду образования. Например, «One more in the bar. One more in the ground. If you think you are over the limit you probably are».

Ярко выраженная инверсия используется в примере, приведенном ниже: «In Africa die from AIDS more people than in a war. Use a condom». Инверсия в тексте данной социальной рекламы позволяет выделить сравнение «more people than in a war», что в свою очередь усиливает эффект производимый рекламой на восприятие реципиента.

В следующем примере представлен хиазм. Фраза «If you forget trees, trees will forget you» построенная крестообразно, то есть окончание первой части предложения совпадает с началом второй, что позволяет, в свою очередь, показать причинно следственные связи.

Такие синтаксические средства, как литота, анадиплосис, полисиндетон и зевгма, мало представлены в исследуемом материале, поэтому могут рассматриваться как малопродуктивные для данного типа рекламы.

Наряду с синтаксическими средствами выразительности при создании текстов англоязычной социальной рекламы чистого типа используются и фонетические, но в гораздо меньшей степени. Согласно порученным результатам, среди фонетических средств равными по частотности употребления являются ономастопия, или подражание (4 из 887), и ритм (4 из 887).

В группу фонетических приемов мы объединили аллитерацию, звукоподражание, рифму и ритм.

«Звукоподражание (ономастопия) – использование слов, фонетический состав которых напоминает называемые в этих словах предметы и явления – звуки природы, крики животных, движения, сопровождающиеся каким-нибудь шумом, речь и различные звуки, которыми люди выражают свое настроение, волю и так далее. Аллитерация в широком смысле слова есть повтор согласных или гласных звуков в начале близко расположенных ударных слогов. Аллитерацией называют также повтор начальных букв. Рифмой называется особый вид регулярного звукового повтора, а именно повторение более или менее сходных сочетаний звуков на концах строк или в других, симметрично расположенных частях стихотворе-

ний, выполняющее организующую функцию в строфической композиции. Ритм – всякое равномерное чередование, например, ускорения и замедления, ударных и неударных слогов и даже повторение образов, мыслей и так далее»⁶.

В результате исследования мы получили следующие данные по использованию фонетических стилистических средств в англоязычной социальной интернет рекламе: ономастопия (36,4 %), ритм (36,4 %), аллитерация (18,2 %), рифма (9 %).

Так, в рекламе, направленной на борьбу с курением, звуки выстрела выражены ономастопически: «Smoke smoke smoke that cigarette! Puff Puff Puff smoke yourself to death!». Благодаря использованию ономастопии авторы текста приравнивают курение к самоубийству, то есть выкуренная сигарета = выстрел.

Ритм присутствует в текстах социальной рекламы чистого типа различной направленности и делает текст более запоминающимся. В рекламе, выпущенной в поддержку прав велосипедистов как равных участников дорожного движения, наблюдается повторение сходных речевых единиц: «Try subbing the words “screw” and “you” with “excuse” and “me”».

В следующем примере с помощью рифмы и ритма текст социальной рекламы может восприниматься реципиентами как детское стихотворение. Тем самым дается понять, что проблемой, поднимаемой данным рекламным сообщением, является обучение детей правилам поведения на дороге: «My pretty car can go to Mars. It's shiny and it runs on stars. We ride wherever with no stops... Now all that's left are tire marks. Children's innocence can turn them into victims. TEACH THEM STREETS ARE NO PLAY».

Рифма делает текст рекламы, призывающей вести себя культурно в общественном транспорте, более запоминающейся: «Talk at 86 decibels on a cell. Lose your secrets and your friends as well. Let's stay human on public transport».

В заключение отметим, что наиболее продуктивными средствами в англоязычной социальной рекламе являются параллельная конструкция, номинативные предложения, повтор, парцелляция и апозиопезис. Малопродуктивны для данного типа рекламы литота, анадиплосис, полисиндетон и зевгма.

Согласно полученным результатам, среди фонетических средств равными по частотности употребления являются ономастопия, подражание и ритм.

В дальнейшем представляется целесообразным исследовать весь комплекс стилистических приемов, которые актуализируют прагматический потенциал англоязычной социальной интернет рекламы.

Примечания

¹ См.: Козлова, С. П. Прагматические функции стилистических фигур в рекламных текстах // Лексико-фразеологическая система немецкого языка и коммуникации : сб. науч. тр. Вып. 315. М., 1988. С. 123–133 ; Кораблева, Е. А. Экспрессивные синтаксические средства создания рекламного текста на английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 24 с. ; Мутовина, М. А. Стилистические особенности англоязычной научно-технической рекламы (в аспекте прагматического синтаксиса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 16 с.

² Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник. 4-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 208–213.

³ Горте, М. А. Фигуры речи : термин. слов. М., 2007. С. 45–240.

⁴ Учебный словарь стилистических терминов. Практические задания : уч.-метод. пособие. Ч. 1. / отв. ред. Н. А. Лукьянова. Новосибирск, 1999. С. 11–38.

⁵ Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. С. 195.

⁶ Арнольд, И. В. Стилистика... С. 240.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

Представлен анализ функционирования регионального языка в медиапространстве Республики Хакасия. Делается вывод о том, что, несмотря на положительные изменения в этой сфере, хакасский язык по-прежнему ограниченно представлен в информационном пространстве региона.

Ключевые слова: билингвизм, миноритарные языки, хакасский язык, медиапространство, СМИ.

Сфера массовой коммуникации в настоящее время может быть причислена к приоритетным коммуникативным сферам, поскольку средства массовой коммуникации являются важным фактором формирования социального пространства. Феномен взаимодействия средств массовой коммуникации и аудитории определяется исследователями как *медиапространство*. Под этим термином понимается совокупность социальных отношений по поводу производства и потребления массовой информации [4]. Согласно определению Е. Н. Юдиной, медиапространство имеет три формы репрезентации: физическое пространство, то есть масс-медиа, составляющие материальную основу производства и передачи массовой информации; пространство социальных отношений агентов медиапространства, которые связаны с производством и потреблением массовой информации; символическое пространство, то есть информационный символический продукт, в форме которого распространяется массовая информация [6]. В последние годы отечественные социологи и лингвисты все чаще обращаются к анализу медиапространства современной России, что, очевидно, объясняется все возрастающей актуальностью исследований в данном направлении. Не вызывает сомнений и необходимость изучения медиапространства отдельных субъектов Российской Федерации, поскольку именно здесь может быть заключена та национальная специфика, которая отличает данный регион от всех прочих. Если же исследуется медиапространство национальной республики, то особое внимание следует обратить на присутствие в нем регионального языка, особенности функционирования которого в этой важной коммуникативной сфере дают определенное представление о степени его благополучия.

Целью статьи является выявление специфики функционирования регионального языка в

медиапространстве Республики Хакасия. Языковая ситуация здесь является двуязычной: хакасский язык (наряду с русским) имеет в республике статус государственного. Анализируя Конституцию РФ (1993), Федеральные законы «О языках народов РФ» (1991) и «О государственном языке РФ» (2005), а также основы языкового законодательства республик в составе России, Т. Г. Боргоякова приходит к выводу, что в них «концептуальное и юридическое закрепление получает билингвизм как основная форма софункционирования русского как государственного языка на всей территории страны, а также языков народов РФ на территории соответствующих республик» [2. С. 37]. Однако, по словам ученого, реальное развитие билингвизма во многом зависит от этнодемографической и коммуникативной мощности миноритарных языков, получивших официальный статус в соответствующих республиках РФ. Так, языковая ситуация в Республике Хакасия характеризуется так называемым *асимметричным билингвизмом*. Данный тип двуязычия развивается в результате «функционально неравноправных отношений между различными языками, функционирующими в обществе» [5. С. 27] – в Хакасии, как и в большинстве республик РФ, исконные носители функционально доминирующего русского языка в большинстве случаев остаются монолингвами, в то время как носители хакасского языка владеют и активно пользуются русским. Такое положение регионального языка Республики Хакасия объясняется как малочисленностью хакасского народа (титულный этнос составляет лишь 12 % от общего числа жителей республики), так и результатами официальной языковой политики, которая на протяжении многих лет была направлена на ассимиляцию и монолингвизм. Анализ коммуникативной мощности хакасского языка свидетельствует

о том, что область его применения достаточно узка: язык присутствует в приоритетных коммуникативных сферах, однако его функционирование носит ограниченный характер (подробнее об этом см. [3]). Это в полной мере относится и к медиапространству Республики Хакасия, хотя нельзя не отметить, что в последние годы наметилась тенденция к усилению его присутствия в этой сфере. На хакасском языке издается единственная республиканская газета «Хабар» («Известия»), учредителями которой являются Правительство Республики Хакасия и Верховный Совет РХ. Газета выходит три раза в неделю, два раза в месяц издается приложение на русском языке «Страна Хабар». В трех из восьми районов Хакасии «Хабар», тираж которой составляет более 3 тыс. экземпляров, занимает первое место среди республиканских СМИ по количеству подписчиков. Кроме того, некоторые газеты, издаваемые в различных районах РХ, имеют приложения на хакасском языке. Так, раз в месяц издается приложение «Чир-суум уни» («Голос родной земли») к газете «Земля таштыпская» (Таштыпский район). Также существует ежемесячное приложение «Асхыс чайааны» («Творчество Аскиза») к газете «Аскизский труженик» (Аскизский район).

С 2008 г. издается детский литературный журнал «Тигір хуры» («Радуга»). Журнал, ориентированный на детей дошкольного и младшего школьного возраста, выходит 2–3 раза в год, его тираж – 1000 экземпляров. После продолжительного перерыва вновь стал выходить литературно-художественный и общественно-политический альманах «Инесай» («Енисей»), который выходит 2 раза в год тиражом в 1000 экземпляров. В «Инесае» печатаются поэзия, проза, литературная критика, драматургия и публицистика. Следует отметить, что журналы начали издаваться министерством образования и науки Республики Хакасия в рамках ведомственной целевой программы «О развитии языков народов Республики Хакасия на 2008–2010 гг.». В настоящее время их выпуск продолжается в рамках долгосрочной республиканской целевой программы «О развитии языков народов Республики Хакасия в 2011–2013 гг.».

Радиопередачи на хакасском языке выходят постоянно в будние дни в течение 50 минут. Вещание на хакасском языке составляет почти треть от общего вещания республиканской ГТРК «Хакасия» (220 часов в год). Особой популярностью среди слушателей пользуются

радиопередачи, которые рассказывают о культуре Хакасии, о мастерах народных ремесел. Кроме того, ежемесячно в эфир выходит получасовая передача о спорте на хакасском языке.

В последние годы увеличилось также количество телепередач на хакасском языке либо с хакасским компонентом, которые ежедневно транслируются каналом РТР. Это информационные программы «Хабарлар» («Новости») и «7 кунниң салтарлары» («Итоги недели»), а также другие передачи, посвященные Республике Хакасия и ее народу. Совместно с ГУ МЧС России по Хакасии творческий коллектив ГТРК выпускает программу «Культ безопасности», которая дублируется на хакасском языке, а коллективом телеканала «ТНТ-Абакан» совместно с кафедрой хакасской филологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова был снят цикл передач «Хада – Вместе», посвященных изучению хакасского языка, а также особенностям национальной культуры хакасов (в настоящее время выпуски «Хада» доступны в Интернете). Кроме того, телеканал «ТНТ-Абакан» выпускает передачу «Изеннер!» («Здравствуйте!»), которая знакомит телезрителя с людьми, внесшими значительный вклад в развитие Хакасии, а в программе передач Республиканской телевизионной сети (РТС) есть телепроект «Чудеса Хакасии», посвященный достопримечательностям республики. Кроме того, в Аскизском районе РХ ведет работу Аскизская студия телевидения (Ас-ТВ), которая выпускает телепередачи четыре дня в неделю. На Ас-ТВ можно увидеть выпуски новостей на русском и хакасском языках; один раз в неделю выходит двуязычная передача художественной редакции.

С каждым годом хакасский язык все активнее функционирует в интернет-пространстве республики. Так, в 2013 г. начал свою работу первый хакасскоязычный новостной сайт «Хакас чирі» («Хакасская земля»). На его страницах публикуются новости политики, экономики, культуры, спорта и других социально значимых сфер. Кроме того, имеется и сайт, посвященный изучению хакасского языка – «Хакас тілі» («Хакасский язык»). В данный момент на сайт загружено немного материалов, однако работа по его наполнению не прекращается: выкладываются видеоуроки хакасского языка с их текстовой расшифровкой, небольшие художественные произведения, интервью со знаатоками хакасского языка и другие материалы.

Согласно результатам социолингвистического опроса, проведенного научными со-

трудниками Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова, среди 380 респондентов хакасской национальности в возрасте от 14 до 63 лет смотрит телепередачи на хакасском языке около 63 % опрошенных, читают газеты и журналы – 56 %. Радиопередачи пользуются меньшим успехом: их слушают только 23 % респондентов.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в медиапространстве Республики Хакасия региональный язык представлен ограниченно, хотя в последние годы его присутствие в этой области усиливается. Причиной положительных изменений в функционировании хакасского языка в региональном медиапространстве отчасти являются позитивные перемены в языковой политике региона. Так, в соответствии с новой редакцией закона «О языках народов Республики Хакасия» 2008 г. (ст. 7) Правительством РХ была принята долгосрочная республиканская целевая программа «О развитии языков народов Республики Хакасия в 2011–2013 гг.». Реализация программы проводится под руководством Министерства национальной и территориальной политики совместно с Министерством образования и науки и Министерством культуры РХ. Программа нацелена на расширение функций хакасского языка как государственного языка Республики Хакасия, а издание периодики на хакасском языке включено в перечень программных мероприятий. Однако нельзя не отметить и то, что в последние годы значительно повысилась степень осведомленности о проблемах регионального языка среди населения Хакасии. Последние социолингвистические исследования свидетельствуют о наличии «стабильно высокого уровня позитивной этнической идентификации хакасской молодежи вкуче с отсутствием враждебных настроений со стороны доминантного русского этноса» [1. С. 236]. Эти выводы подтверждаются и наблюдениями за развитием виртуального медиапространства Республики Хакасия. Так, хакасскоязычный новостной сайт «Хакас чирі», упомянутый выше, был создан по собственной инициативе молодыми активистами без всякой

финансовой поддержки со стороны администрации. Кроме того, в социальных сетях в последние годы появилось большое количество Интернет-сообществ, посвященных хакасскому языку и культуре. Все это свидетельствует о том, что необходимость сохранения и развития миноритарного языка все больше осознается населением Хакасии, причем не только этническими хакасами, но и представителями других народов, проживающих в республике. И хотя ситуацию с функционированием хакасского языка в медиапространстве Республики Хакасия пока нельзя назвать полностью благополучной, позитивные изменения в языковой политике региона, а также высокий уровень лояльности к родному языку и мотивация на его сохранение со стороны титульного этноса республики дают основание на благоприятный прогноз относительно его будущего.

Список литературы

1. Боргоякова, Т. Г. Демографическая мощность хакасского языка и языковая лояльность жителей Хакасии / Т. Г. Боргоякова, А. В. Гусейнова // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5 (36). С. 233–237.
2. Боргоякова, Т. Г. Развитие билингвизма в Республиках Тыва и Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (25) : в 2 ч. Ч. I.
3. Гусейнова, А. В. Хакасский язык в структуре этнического коммуникативного пространства // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сб. науч. ст. Красноярск, 2013. № 4, т. 4. С. 337–340.
4. Касаткина, С. С. Медиапространство современного города [Электронный ресурс]. URL: http://www.pglu.ru/innovation/cyberspace/issues/2011/Kasatkina_S_S.pdf.
5. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006. 312 с.
6. Юдина, Е. Н. Развитие медиапространства современной России [Электронный ресурс]. URL: <http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/sociol/01-09-2008/UdinaEN.doc>.

О СТЕПЕНИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ ОБРАЗА АМИРА ТЕМУРА В ДРАМЕ К. МАРЛО «ТАМЕРЛАН ВЕЛИКИЙ»

Рассматривается проблема определения степени исторической достоверности образа Амира Темура в драме Кристофера Марло «Тамерлан Великий». Опираясь на целый ряд разнохарактерных источников, автор приходит к выводу о том, что К. Марло не ставит своей целью придерживаться исторической правды, так как основное идейное содержание драмы обращено к актуальным общественно-политическим и социальным проблемам современной ему действительности.

Ключевые слова: историческая достоверность, исторический жанр, принцип историзма в литературе, художественный вымысел.

Кристофер Марло (Christopher Marlowe) – драматург и поэт английского Возрождения, создавший большое драматическое произведение о полководце Амуре Тимуре «Тамерлан Великий». Примечательным для нас является тот факт, что автор изображает великого полководца столь жестоким и кровожадным, что это не может не вызвать недоумения даже у читателя, не искушенного в вопросах истории Центральной Азии.

Закономерен вопрос о том, что же именно заставило Кристофера Марло так «сгущать краски» – простое незнание исторической правды или избранная им эстетическая программа? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться как к личности самого Амира Тимура, так и творческим принципам создания драмы «Тамерлан Великий».

Действительно, не имея полных и достоверных сведений о жизненном пути и деятельности А. Тимура, современный историк литературы окажется в определенном затруднении. Известный ученый-тимуровед Харольд Лэмб утверждал: «Дабы понять, на что замахнулся Тамерлан, надо приглядеться на его жизнь. Для этого необходимо отложить в сторону историю Европы, закрыть глаза на современную цивилизацию с ее предубеждениями. И взглянуть на Тамерлана глазами тех, кто сопутствовал ему в походах» [1. С. 18]. В противном случае мы становимся причиной развития односторонних взглядов на великую личность и формирования неверных понятий о ней в сознании молодых поколений.

Русский литературовед А. Парфёнов утверждает: «Исторические и псевдоисторические сведения о жизни Тимура Марло нашел, главным образом, в латинских трактатах флорентинца Пьетро Перондини “Жизнь Тамерлана Велико-

го, императора скифов” (1553), генуэзца Баптисты Фрегосо “О достопамятных изречениях и деяниях” (1518), а также в английском переводе “Сборника различных наставлений” испанца Педро Мехиа (1544)» [2. С. 615]. Такие сведения можно встретить и в книге «Тамерлан: завоеватель мира» американского писателя Жастина Мароцци: «Марло тщательно изучал последние на то время источники, используя такие книги, как “Жизнь Тимура” Пьетро Перондини и “Английское зеркало” Джорджа Уитстоуна» [3. С. 66]. Знаменитый в Европе исследователь творчества Кристофера Марло Эллис-Фермор пишет: «Основными источниками для создания драмы “Великий Тамерлан” послужили работы Халькондилоса, Хайтна, Фрегосо, Мехиа, Примадея и Пирондина» [8. С. 13].

Известно, что самыми достоверными источниками об Амуре Тимуре считаются книги «Зафарнама» Низамидина Шами, «Зафарнама» Шарафидина Али Язди и «История Тимура» Ибн Арабшаха. Эти произведения были переведены на европейские языки лишь в XVIII–XIX вв. В частности, Р. Вотье перевел «Историю Тимура» Ибн Арабшаха на французский язык в 1658 г., книга «Зафарнама» Шарафидина Али Язди была частично переведена на французский язык Петий де Ла Крузом в 1722 г., а «Зафарнама» Низамидина Шами – в 1937 г. Феликсом Тауэром. Это значит, что самые достоверные источники об Амуре Тимуре начали переводиться на европейские языки лишь спустя полвека после смерти Кристофера Марло. Но, по утверждению Жастина Мароцци, «Марло тщательно изучал источники того времени, и поэтому он прекрасно знал про жизнь императора (Тимура)» [3. С. 67].

В свою очередь возникает вопрос, каким образом К. Марло мог «прекрасно знать» об

А. Тимуре, как утверждает Жастин Мароцци, не зная самых достоверных источников?

Верно, что для Европы того времени произведения Халькондилоса, Хайтна, Фрегосо, Мехиа, Примадея и Пирондина служили последними для того времени источниками, однако, не секрет и то, что в большей мере данные произведения были написаны на основе сведений, передаваемых из уст в уста. Ни один из вышеуказанных авторов не был в центре описываемой ими цивилизации, не являлся непосредственным очевидцем происходивших в жизни Амира Тимура событий, а также не творил, непосредственно или опосредовано опираясь на достоверные источники, как это делали историки Яздий и Шомий.

После прочтения драмы «Тамерлан Великий» становится очевидным то, что реального сходства между главным в ней образом, безбожным и хищным Тамбурленгом и исторической личностью Амиром Тимуром практически нет.

Художественный вымысел был широко применен не только по отношению к исторической личности, но и в описании исторических событий. Заслуживают внимания мысли некоторых зарубежных литературоведов, высказанные по этому поводу. В частности, интересной представляется точка зрения Ж. С. Канингхемма, изложенная во введении к изданию драмы «Великий Тамерлан»: «Если не учитывать сцену сражения с турками, то схожесть между художественным описанием Марло и историческими фактами крайне мала» [10. С. 66]. Мысли, принадлежащие английскому ученому-востоковеду Хильде Хукхэм, также вносят определенную ясность в рассматриваемый вопрос: «Источники, которыми пользовался Марло, в действительности не являлись документальными источниками, а были всего лишь героическими романами» [7. С. 3]. Следовательно, драма «Тамерлан Великий» Кристофера Марло не была основана на исторических фактах и документах. Однако также трудно поверить и в то, что Марло, интеллектуал, поразивший свое общество, достигший вершины славы, будучи еще совсем молодым человеком, мог написать произведение не на совесть.

Известно, что исторические события считаются основным материалом и являются самостоятельным объектом изображения в художественной литературе, по крайней мере, в исторической драме. Типичная реальность описываемой эпохи, создание жизненных и

правдоподобных характеров считается главным принципом художественного познания. В основе этого находится описание писателем действительности, в частности, исторического прошлого. Известный узбекский литературный критик М. Кошжанов утверждает: «Хотя писатель, творящий в историческом жанре, так же как и писатель, создающий произведения на другие темы, использует художественный вымысел, связанный со своим личным опытом на уровне, требующем исторической правды, он смотрит на исторические факты как на важный источник. Поэтому решающее место в исторических произведениях занимают исторические события и происшествия и, основываясь на этом, воссоздается характер исторической личности» [6. С.96]. Опираясь именно на эти критерии, требующие практического осуществления при создании исторических произведений, можно сказать, что при создании драмы «Великий Тамерлан» не использовался художественный вымысел уровня исторической правды, а исторические факты не рассматривались в качестве важного источника. Таким образом, правильно ли будет считать драму «Тамерлан Великий» произведением об исторической личности?

Здесь уместно упомянуть произведения, раскрывающие в Восточной литературе образ европейского завоевателя Искандера – Александра Македонского. «Образ легендарного завоевателя всегда находился в центре внимания в человеческом обществе. С течением времени и со сменой столетий личность Александра, его многочисленные походы и победы, превратившиеся в легенду, стали восприниматься с искажением его исторического облика и связанных с ним фактов, вследствие чего появилось множество разнообразных произведений, далеких от исторической реальности. Образ Александра, превратившегося в легенду, под именем Искандер послужил прототипом для героев произведений поэтов восточных народов» [4. С. 6].

Один из важнейших признаков произведений исторических жанров современного типа – принцип историзма. Историзм требует описания исторической эпохи, конкретных своеобразных качеств, присущих человеческой жизни и психологии в их неизменном виде. Но это качество практически отсутствует в произведениях исторического жанра, написанных на основе методов романтизма и классицизма. Это же касается и произведений английского Возрождения. Так, в романтическом произведении Навои «Садди Искандари» историзм

отсутствует. Хотя и кажется, что великий писатель, обращаясь к материалам эпохи Македонского и Аристотеля, на самом деле не ставил перед собой цель описания с исторической точностью качеств описываемых эпохи, деятельности и психологии двух великих людей.

Представители классицизма, занявшего огромную эпоху в истории Европейской литературы и искусства, обращаясь к истории, не задавались целью исторически точного описания. Исторические материалы служили для них средством описания важнейших социальных проблем своего времени.

Следует особенно подчеркнуть, что реальный Амир Темура поверг Европу в ужас, и его персона просто не могла восприниматься сколько-нибудь беспристрастно. Значит, и Кристофер Марло, воспользовавшись образом Тимура в качестве прототипа для героя своего произведения, не ставил перед собой творческой задачи создать объективное повествование о жизни исторической личности в чистом виде. Аналогично «совершенно необоснованным и ошибочным является рассмотрение в качестве хроники биографии или походов великого завоевателя в дастанах, посвященных образу Искандара. Дастаны, обращенные к этой известной личности, всегда отражают собственные социально-политические, философские, нравственно-эстетические взгляды авторов» [5. С. 10]. Таким образом, можно сказать, что Марло понадобились экзотические названия людей и местности для описания актуальных на тот момент проблем, идей, политических и религиозных взглядов.

На наш взгляд, существует целый ряд причин, объясняющих отведение такой значительной роли художественному вымыслу в драме «Тамерлан Великий». Первая, как указывалось выше, заключается в том, что в результате смены эпох великая личность СахибкIRONA, его походы и завоевания обрели оболочку легенды, то есть стали восприниматься искаженно. Вторая причина – инокультурное восприятие исторической концептосферы Амира Тимура, которое не может быть до конца быть объективным. Здесь особенно большая роль принадлежит легендам и сказам, передающимся из уст в уста как свидетельства очевидцев, но претерпевающим неизбежные изменения по пути.

Еще одна причина: К. Марло, будучи государственным служащим, прибегал к экзотическим восточным «реалиям» и наименованиям с целью сатирического изображения предста-

вителей определенных слоев общества в своем государстве, где царил абсолютная монархия. Русский литературовед А. Парфенов, проанализировав драму Марло «Тамерлан Великий», написал следующее: «Было бы неверно искать здесь стремление поэта воссоздать подлинный характер восточного деспота; английская действительность предоставляла ему достаточно психологического “материала” для наблюдений» [2. С. 17]. Ученый-востоковед С. Гринблатт также обращает внимания именно на эту вещь: «Хотя Марло в своих произведениях и использует образы скифского скотовода, мальтийского еврея, германского волшебника, посредством них он описывает своих соотечественников» [9. С. 194].

Общим выводом по нашей статье может быть следующее. К. Марло не ставит своей целью придерживаться исторической правды относительно жизни и деятельности Амира Темура как реального исторического лица, жертвуя принципом историзма в пользу основного идейного содержания, которое нацелено на решение актуальных общественно-политических и социальных проблем современной автору действительности.

Список литературы

1. Лэмб, Гарольд. Тамерлан. Потрясатель вселенной / пер. с англ. Д. Вознякевич. М., 2008. 336 с.
2. Марло, Кристофер. Сочинения / пер. с англ. Е. Бируковой, И. Жданова, Ю. Корнеева, Э. Линецкой, Е. Полонской, А. Радловой, В. Рождественского; вступ. ст. и комментарий А. Парфёнова. М., 1961. 665 с.
3. Мароцци, Жастин. Тамерлан: Завоеватель мира / пер. с англ. А. Г. Больных. М., 2010. 466 с.
4. Навоий, А. Садди Искандарий. Ташкент, 1991. 832 б.
5. Қаюмов, А. Садди Искандарий. Ташкент, 1975. 196 б.
6. Қўшжонов, М. Ойбек махорати. Ташкент, 1965. 356 б.
7. Ҳукҳем, Ҳильда. Етти иқлим султони. Ташкент, 1999. 320 б.
8. Ellis-Fermor, U. M. Christopher Marlowe. London, 1927.
9. Greenblatt, Stephen. Marlowe and the Will to Absolute Play p. 193–221 // Renaissance Self-Fashioning from More to Shakespeare. Chicago, 1980.
10. Marlowe, Christopher. Tamburlaine the Great. Ed. J.S. Cunnigham. Manchester, 1981.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ТЕРМИНОВ РАСТЕНИЕВОДСТВА КАК РЕЗУЛЬТАТ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АГРОНОМИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Представлена типология терминов растениеводства, которые разграничиваются в современном русском языке по следующим основаниям: по времени возникновения и хронологическому статусу, по генетическому признаку, по способам образования, по формальной структуре и частеречной принадлежности, по семантической структуре, по типу терминологического наименования, по степени сформированности и адаптации в русском языке.

Ключевые слова: термины растениеводства, типологические особенности, агрономическая картина мира.

В последние годы пристальное внимание исследователей направлено на изучение различных отраслевых терминологий с позиций когнитивного подхода, который предполагает, что в основе языковой системы лежит определенная картина мира, формируемая в сознании человека в результате его деятельности, в том числе познавательной, и в процессе общения [см., напр.: 8 ; 9 ; 18 ; 31 и др.]. Исследование терминологических систем таким образом представляется не достаточно полным без изучения процессов формирования научной картины мира. Не является исключением и терминосистема растениеводства, развитие которой было обусловлено особенностями становления агрономической картины мира.

Проведенные исследования позволяют утверждать, что с древнейших времен сельское хозяйство было основным занятием русских людей и одним из важнейших источников их жизнедеятельности. Значимость сельского хозяйства для славян определила весь ход исторического развития агрономических знаний и терминологической системы растениеводства, которое осуществлялось на протяжении нескольких исторических периодов: 1) праславянского (IV–III тысячелетия до н. э. – VI–VII вв. н. э.); 2) древнерусского (VI–VII – XIV вв.); 3) великорусского (XIV–XV – XVII вв.); 4) периода становления основ русской сельскохозяйственной науки (XVIII в.); 5) периода интенсивного развития научной сельскохозяйственной сферы (XIX столетие); 6) довоенного советского периода (конец второго десятилетия XX в. – начало 40-х гг. XX в.); 7) послевоенного советского периода (вторая половина 40-х – середина 80-х гг. XX в.); 8) новейшего периода развития русского языка (середина 80-х гг.

XX в. – первое десятилетие XXI в.) [подробнее см.: 11. С. 58 и др.]. При этом каждый период являлся логическим продолжением предыдущего, что подтверждает существующие в отечественном языкознании представления об антрополингвистических принципах становления научной картины мира, согласно которым «каждое данное состояние в развитии научных знаний есть лишь фаза поступательного движения науки» [3. С. 17].

Следует отметить, что праславянский, древнерусский и великорусский периоды являются донаучными и характеризуются наличием в составе сельскохозяйственной лексики прототерминов [о прототерминах см.: 11. С. 29–30]. Основы русской терминологии растениеводства были заложены в XVIII в. Зарождение основ системной организации сельскохозяйственной лексики русского языка было обусловлено целым рядом экстралингвистических и языковых факторов: активной деятельностью государства в области сельскохозяйственного производства и распространения аграрно-научных знаний в России; выделением агрономии в специальном дисциплинарном отношении из общего естествознания; процессами становления в рассматриваемое время научного стиля русского литературного языка и др. Важным явлением в развитии исследуемого пласта специальных наименований в XVIII в. стало то, что в русском языке указанного времени появилось большое количество собственно терминов, значительное количество которых возникло из прототерминов [см. подробнее: 11]. В последующие периоды происходило расширение представлений человечества о сельском хозяйстве, которые получали вербальное закрепление в языке агрономии.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что современная агрономическая картина мира представляет собой совокупность накопленных в течение длительного пути исторического развития научных знаний о возделывании растений, о повышении плодородия почв и урожайности, о рациональном использовании сельскохозяйственных угодий [ср.: 22]. Заключая в себе общее, характерное для всех национальностей содержание, русская агрономическая картина мира получила национальную форму выражения посредством формирования русской агрономической терминосистемы, или терминологической системы растениеводства [ср.: 13. С. 11]. Следовательно, вполне правомерным и оправданным является представление о том, что вербальным воплощением русской агрономической картины мира служат специальные лексические единицы русского языка, представляющие собой элементы терминологической системы растениеводства, неоднородность и сложность которой на современном этапе развития указанной терминосистемы объясняется длительностью ее формирования.

Как показали проведенные исследования, термины растениеводства в современном русском языке разграничиваются по целому ряду оснований: 1) по времени возникновения и хронологическому статусу; 2) по генетическому признаку (источнику происхождения); 3) по способам образования; 4) по формальной структуре и частеречной принадлежности; 5) по семантической структуре; 6) по типу терминологического наименования; 7) по степени сформированности и адаптации в русском языке.

По времени возникновения и хронологическому статусу в исследуемой терминосистеме разграничиваются «старые» термины, известные на предшествующих этапах развития исследуемых номинаций, и термины «новые» (неологизмы), возникшие в новейший период истории русского языка.

«Старые» по происхождению термины растениеводства, присутствующие в современном русском языке, восходят к следующим историческим периодам развития рассматриваемой терминологической системы: праславянскому (напр., *земля* [22. С. 162 ; ср.: 30. Т. 1. С. 323], *поле* [22. С. 408 ; ср.: 30. Т. 2. С. 51], *луг* [22. С. 281 ; ср.: 30. Т. 1. С. 494], *борона* [22. С. 57 ; ср.: 32. Вып. 2. С. 204], *плуг* [22. С. 397 ; ср.: 30. Т. 2. С. 44], *жатва* [22. С. 143 ; ср.:

30. С. 29. Т. 1. С. 292], *молотьба* [22. С. 319 ; ср.: 32. Вып. 19. С. 200], *пшеница* [22. С. 442 ; ср.: 30. Т. 2. С. 87], *рожь* [22. С. 462 ; ср.: 30. Т. 2. С. 120] и др.), древнерусскому (напр., *боронить* [5. С. 92 ; ср.: 14. С. 31], *пахотный* [26. С. 193 ; ср.: 25. Т. 2. С. 89] (напр., совр. *пахотный слой*) [см.: 26], *засеять* [5. С. 345 ; ср.: 14. С. 126] и др.), великорусскому (напр., *земледелие* [22. С. 160 ; ср.: 24. Вып. 5. С. 70], *сенокос* [26. С. 252 ; ср.: 24. Вып. 24. С. 70], *всходы* [26. С. 50 ; ср.: 24. Вып. 3. С. 68], *залезь* [26. С. 86 ; ср.: 24. Вып. 5. С. 231], *покос* [26. С. 206 ; ср.: 24. Вып. 16. С. 172] и др.), периоду становления основ русской сельскохозяйственной науки (напр., *возделывание* [26. С. 47 ; ср.: 23. Ч. 2. С. 915], *распашка* [26. С. 233 ; ср.: 23. Ч. 4. С. 742], *посев* [26. С. 214 ; ср.: 23. Ч. 5. С. 1077], *садоводство* [26. С. 245 ; ср.: 23. Ч. 5. С. 309], *растение* [26. С. 234 ; ср.: 23. Ч. 5. С. 74] и др.), периоду интенсивного развития научной сельскохозяйственной сферы (напр., *вызревание (растений)* [26. С. 51 ; ср.: 4. С. 189], *удобрение* [26. С. 286 ; ср.: 6. Т. 2. С. 303], *всхожесть* [26. С. 206 ; ср.: 6. Т. 1. С. 115], *полеводство* [26. С. 206 ; ср.: 4. С. 1028], *луговодство* [26. С. 139 ; ср.: 4. С. 687], *зерносушилка* [26. С. 91 ; ср.: 4. С. 369] и др.), довоенному советскому периоду (напр., *агрометеорология* [26. С. 2 ; ср.: 21. С. 12], *агрехимия* [26. С. 4 ; ср.: 21. С. 17], *агротехника* [26. С. 3 ; ср.: 21. С. 14], *комбайн* [26. С. 116 ; ср.: 27], *трактор* [26. С. 281 ; ср.: 27. Т. 4. С. 770] и др.), послевоенному советскому периоду (напр., *розеточность* [26. С. 240 ; ср.: 20. Т. 5. С. 440], *подпокровные (посевы)* [26. С. 205 ; ср.: 20. Т. 4. С. 1081], *засоление* [26. С. 87 ; ср.: 20. Т. 2. С. 591], *зернопогрузчик* [26. С. 91 ; ср.: 20. Т. 2. С. 734], *агроклиматология* [26. С. 2 ; ср.: 20. Т. 1. С. 87], *косилка-измельчитель* [26. С. 124 ; ср.: 20. Т. 3. С. 388] и др.).

Следует отметить, что в группе «старых» терминов, входящих в состав в современной русской терминологической системе сферы растениеводства, представлены не только специальные номинации, сохранившиеся в активном запасе современного русского языка, но и терминологические единицы, вышедшие из активного употребления и относящиеся к числу устаревших слов (историзмов и архаизмов) (напр., *рало* [5. С. 1085], *мотыга* [5. С. 559], *житница* [5. С. 307], *десятина* [5. С. 1227], *совхоз* [5. С. 1227] и др.).

К группе «новых» терминов (неологизмов) относятся словесные единицы, появившиеся

ся в составе исследуемой терминосистемы в новейший период развития русского языка и сельского хозяйства в России: *трансгенный* (ср.: *трансгенные культуры*) [29. С. 11], *агроэнергетика* [17. 2008. № 2. С. 140], *агроструктура* [2. 2006. № 8. С. 10], *агробиотехнология* [2. 2005. № 9. С. 61], *агроэкосистема* [1. 2007. № 6. С. 10], *биотопливо* [17. 2007. № 1. С. 60], *биогаз* [17. 2008. № 2. С. 134], *экоземледелие* [17. 2008. № 2. С. 126], *ГМИ* (генетически модифицированные источники) [17. 2005. № 1. С. 65], *ГМО* (генноинженерно-модифицированные организмы) [2. 2006. № 1. С. 32] и др.

С генетической точки зрения, то есть с учетом источника формирования, в исследуемой терминологической системе выделяются: 1) исконно русские термины; 2) термины-заимствования; 3) термины, созданные на базе греко-латинских терминоэлементов.

Группа терминов исконно русского происхождения включает специальные лексические номинации, возникшие в общеславянском, восточнославянском и собственно русском языках (напр., *яровой (хлеб)* [32. Вып. 8. С. 177], *горох* [32. Вып. 7. С. 45], *колос* [32. Вып. 10. С. 152], *вишня* [30. Т. 1. С. 156], *слива* [30. Т. 2. С. 175], *боронить, бороновать* [14. С. 31], *всходы* [24. Вып. 3. С. 68], *покос* [24. Вып. 16. С. 172], *сев* [23. Ч. 5. С. 1071], *посев* [23. Ч. 5. С. 1077] и др.), в том числе терминологические единицы, восходящие к русским народным говорам (территориальным диалектам) (напр., *стерня* [26. С. 267; ср.: 10. Т. 4. С. 323], *отава* [26. С. 185; ср.: 10. Т. 2. С. 709], *высадок (высадки)* [22. С. 92; ср.: 10. Т. 1. С. 312], *сухостой* [26. С. 272; ср.: 10. Т. 4. С. 367], *солонец* [26. С. 260; ср.: 10. Т. 4. С. 268], *подзол* [26. С. 205; ср.: 10. Т. 3. С. 268], *супель* [26. С. 271; ср.: 10. Т. 4. С. 361], *ботва* [26. С. 31; ср.: 10. Т. 1. С. 120] и др.).

Среди терминов-заимствований, присутствующих в составе современной терминосистемы сферы растениеводства, отмечаются вхождения из различных иностранных языков:

1) латинского (напр., *культура* [30. Т. 1. С. 453; ср.: 26. С. 130], *мелиорация* [22. С. 304; ср.: 26. С. 146], *ирригация* [12. С. 303; ср.: 26. С. 101], *интродукция* [12. С. 325; ср.: 26. С. 98] и др.);

2) немецкого (напр., *картофель* [12. С. 358; ср.: 26. С. 107], *культиватор* [16. С. 374; ср.: 22. С. 261], *пинцировка* [12. С. 640; ср.: 26. С. 198], *бактерициды* [16. С. 99; ср.: 26. С. 18], *гербициды* [16. С. 173; ср.: 26. С. 57] и др.);

3) французского (напр., *агрономия* [30. Т. 1. С. 28; ср.: 26. С. 2], *селекция* [16. С. 631; ср.: 251], *дренаж* [16. С. 246; ср.: 26. С. 79], *дефолиация* [16. С. 223; ср.: 22. С. 127] и др.);

4) английского (напр., *фермер* [12. С. 900; ср.: 26. С. 293], *трактор* [16. С. 706; ср.: 22. С. 544] и др.);

5) итальянского (напр., *брокколи* [16. С. 128; ср.: 22. С. 62], *помидор* [30. Т. 2. С. 56; ср.: 22. С. 414] и др.);

6) испанского (напр., *силос* [16. С. 639; ср.: 26. С. 254] и др.);

7) голландского (напр., *сельдерей* [16. С. 631; ср.: 26. С. 251], *абрикос* [16. С. 25; ср.: 26. С. 1], *персик* [30. Т. 2. С. 24; ср.: 26. С. 196] и др.);

8) польского (напр., *фрукт* [16. С. 764; ср.: 26. С. 299] и др.);

9) персидского (напр., *баклажан* [16. С. 99; ср.: 26. С. 17], *кунжут* [12. С. 447; ср.: 26. С. 130] и др.).

К терминам, созданным на основе греко-латинских терминоэлементов и активно функционирующим в современной терминологической системе сферы растениеводства, относятся: 1) терминоединицы, образованные в русском языке в результате словосложения с использованием таких интернациональных элементов, как *агро-, био-, гидро-, фото-, фито-, зоо-, макро-, микро-, радио-* и др. (ср.: *агротелиорация* [21. С. 11], *биоудобрения* [1. 2007. №2. С. 14], *гидромеханизация* [22. С. 104], *фитомелиорант* [17. 2007. № 4. С. 72], *зооциды* [21. С. 348], *радиомутанты* [1. 2007. № 6. С. 22], *макроэлементы* [1. 2007. № 3. С. 18], *микробиология* [21. С. 625], *экоземледелие* [17. 2008. № 2. С. 126], *тетраплоидные (растения)* [1. 2007. № 6. С. 22] и др.); 2) термины, образованные с использованием греко-латинских префиксов (ср.: *мегатехника* [17. 2008. № 3. С. 150], *ультраскороспелый (сорт)* [17. 2007. № 5. С. 96], *трансламинарный* (напр., *препарат трансламинарного действия*) [17. 2008. № 3. С. 78], *субкультивирование* [1. 2007. № 3. С. 22] и др.); 3) терминологические единицы, образованные в русском языке от греческих и латинских по происхождению основ (ср.: *модифицированные (растения)* [17. 2008. № 3. С. 14], *резистентный* [17. 2004. № 6. С. 42], *трансгенный* [2. 2005. № 10. С. 58], *интродуценты* [2. 2006. № 1. С. 33] и др.).

По способам образования термины, входящие в состав русской тематической сферы растениеводства, представлены: 1) терминами, созданными в результате морфологического

способа словообразования; 2) терминологическими единицами, созданными на основе синтаксического способа словообразования; 3) терминологическими единицами, появившимися вследствие лексико-семантического способа словообразования.

В числе терминологических единиц, номинирующих реалии растениеводства в современном русском языке, присутствует большое количество специальных номинаций, образованных в результате аффиксации, представленной такими способами словообразования, как суффиксальный (напр., *пашня*, *пахотный* [26. С. 193], *высадка* [26. С. 51], *пшеничный* [22. С. 443], *высевающий* [26. С. 51], *всхожесть* [26. С. 50], *вспашка* [26. С. 50], *распашка* [26. С. 233] и др.), префиксальный (напр., *высеять* [5. С. 182], *припосевное* (*внесение удобрений*) [17. 2007. № 5. С. 157], *надпочвенный* [5. С. 578], *прикорневой* [17. 2006. № 6. С. 109], *суглинистые* (*почвы*) [26. С. 270] и др.), префиксально-суффиксальный (напр., *послевсходовые* (*гербициды*) [26. С. 214] и др.), безаффиксный (напр., *высев* [26. С. 51], *посев* [26. С. 214], *сев* [26. С. 249], *всходы* [26. С. 50], *покос* [26. С. 206], *обмолот* [26. С. 171] и др.).

Как показал анализ, существенный пласт терминологических единиц, относящихся к терминосистеме сферы «Растениеводство», был образован в различные периоды развития исследуемых номинаций посредством способа сложения. Ср.: *зерносушилка* [26. С. 91], *сенохранилище* [26. С. 252], *старовозрастные* (*посевы*) [17. 2008. № 3. С. 82], *растительно-генетические* (*ресурсы*) [17. 2007. № 5. С. 108], *косилка-измельчитель* [26. С. 124], *подборщик-погрузчик* [26. С. 204], *культуратор-окучник* [22. С. 267], *культуры-предшественники* [17. 2004. № 4. С. 66] и др. В ряде случаев при образовании терминов растениеводства способ сложения сочетался со способом аффиксации и использованием суффиксов *-ств-*, *-тель*, *-к-*, *-ость-* и др. Ср.: *растениеводство* [22. С. 451], *полеводство* [22. С. 409], *лугводство* [22. С. 470], *садоводство* [22. С. 470], *овощеводство* [22. С. 345], *растениепитатель* [26. С. 234], *грядодельщик* [22. С. 120], *соломосилосорезка* [26. С. 260], *короткостебельность* (*культур*) [17. 2001. № 2. С. 23], *быстророслость* [17. 2007. № 1. С. 76] и др.

В современной терминологической системе сферы «Растениеводство» присутствует весьма обширный пласт специальных лексических номинаций, образованных посредством аббре-

виации. Особенно продуктивным названный способ терминообразования стал в советский и новейший периоды развития русского языка. В составе современной русской терминосистемы тематической сферы «Растениеводство» представлены различные виды аббревиатур:

1) аббревиатуры «инициального» типа (напр., *АПК* (агропромышленный комплекс) [26. С. 12], *СХПК* [1. 2005. № 1. С. 6] (сельскохозяйственный производственный кооператив), *КФХ* (крестьянско-фермерское хозяйство) [2. 2005. № 9. С. 21], *ГМИ* (генетически модифицированные источники) [17. 2005. № 1. С. 65], *ГМО* (генноинженерно-модифицированные организмы) [2. 2006. № 1. С. 32] и др.);

2) аббревиатуры, состоящие из сочетания начальной части слова с целым словом (напр., *сельхозорганизация* [17. 2005. № 1. С. 6], *сельхозкомплекс* [17. 2000. № 1. С. 11] и др.).

Особую группу терминологических единиц растениеводства представляют слова, образованные путем соединения аббревиатуры (*ГМ*, *ГИ* и др.) с обычным словом сельскохозяйственной тематики (ср., напр.: *ГМ-растение* [2. 2006. № 1. С. 31], *ГМ сельхозкультура* [29. С. 101], *ГМ картофель* [2. 2005. № 10. С. 59], *ГИ культуры* [29. С. 89] и др.). Очевидно, что терминологические элементы типа *ГМ*, *ГИ* в современном русском языке меняют статус и переходят в разряд словообразовательных элементов, участвующих в создании терминологических единиц путем словосложения.

Как уже отмечалось, многие русские термины растениеводческой тематики, известные в современном русском языке, были образованы в различные периоды развития исследуемых номинаций в результате синтаксического способа терминообразования. Названным способом были образованы, например, многие составные термины с именем прилагательным или причастием **в функции препозитивного определения** (ср.: *яровые культуры* [26. С. 121], *многолетняя пшеница* [22. С. 315], *лугопастбищный севооборот* [22. С. 282], *высевающие аппараты* [26. С. 51], *поливная техника* [26. С. 207], *внутрипочвенное орошение* [26. С. 44] и др.), составные термины с именем существительным **в функции постпрепозитивного определения** (напр., *загрузчик картофеля* [22. С. 149], *известкование почвы* [26. С. 93], *обвалование зяби* [26. С. 170], *омолаживание деревьев* [22. С. 170], *очистка семян* [26. С. 188], *прореживание всходов* [26. С. 224] и др.).

В числе терминоединиц, образованных синтаксическим способом, менее распространенными являются термины, представленные предположно-падежными конструкциями типа *выход в трубку* [26. С. 51], *уход за посевами* [22. С. 559], *устойчивость к полеганию* [26. С. 290], *полив по бороздам* [26. С. 207] и др.

Кроме того, в современной терминологической системе растениеводства распространен лексико-семантический способ словообразования, связанный с возникновением в семантической структуре общеупотребительных слов новых значений (семантических неологизмов). При этом чаще всего появление новых сельскохозяйственных значений у общеупотребительных слов происходило в результате метафорического переноса (ср.: *предшественник*, *посынок*, *подошва*, *лапы* и др.). Ср.: *предшественник* – «тот, чья деятельность в той или иной области подготовила что-л. в деятельности других» [5. С. 962]; «**Предшественники** в севообороте – культуры или пары, занимавшие данное поле в предшествующем году» [22. С. 423].

В современной научной литературе справедливо отмечается, что «через метафору рождаются термины, в основе которых лежат слова, относящиеся к человеку и окружающему его миру. Изменение окружающего мира приводит и к изменению типов метафор в терминологии. Очевидно, что антропоцентризм является характерным признаком метафоры» [31. С. 160].

Следует отметить, что соотношение общенародного и терминологического значений слова в пределах тематической сферы растениеводства в русском языке не сводится лишь к семантической общности ЛСВ. Специальная семантика и обиходное значение могут быть связаны и на основе ассоциаций, обусловленных представлением о самих предметах, называемых словом.

При этом в современной русской терминологической системе растениеводства среди дериватов, образованных в результате ассоциаций, присутствуют термины, деривация которых не связана с преобразованием морфологической парадигмы мотивирующего слова, и термины, производство которых сопровождается изменениями формы слов, от которых они образованы.

Так, к числу терминов, не претерпевших изменения формы слова в результате метафорического переноса, относятся лексемы *плеть*, *кисть*, *кулисы* и др. Ср.: *плеть* – «стелющийся по земле стебель растения с короткими меж-

доузлиями; орган вегетативного размножения, например, тыквы, арбуза, огурца» [22. С. 401], ср.: *кулисы* – «1. Плоские части декорации, располагаемые по бокам сцены одна за другой. 2. С.-х. Перемежающиеся полосы из двух-трех рядов высокостебельных растений (кукурузы, подсолнечника и т. п.), высеваемые на паровом поле для снегозадержания и защиты озимых посевов от выдувания ветром, замерзания и т. п.» [5. С. 479].

Примерами терминологических единиц, образованных лексико-семантическим способом с изменением морфологической парадигмы исходного слова, являются, например, номинации с этимологически выделяемыми суффиксами уменьшительности (напр., *рубчик*, *язычки*, *ушки*, *бороздка*, *хохол*, *головка*, *шейка*, *хвостик*, *клубочек*, *вилочка*, *блюдца*, *гривки*, *рожки*, *мешочки*, *чашечка*, *сединка*, *глазок*). Ср.: «У основания листовой пластинки имеются *язычок* (лигула) и *ушки*...» [19. С. 26].

С точки зрения формальной структуры в современной русской терминологической системе сферы растениеводства присутствуют термины-слова и термины-словосочетания. Проведенные исследования позволяют утверждать, что подавляющая часть терминологических номинаций исследуемой сферы представлена терминами-словами.

Самую большую группу современных терминологических наименований растениеводства составляют термины-существительные: *растение* [22. С. 452], *пшеница* [22. С. 442], *почва* [22. С. 419], *чернозем* [26. С. 311], *урожай* [26. С. 289], *озимь* [22. С. 353], *севооборот* [26. С. 250] и др.

Весьма распространенными в составе терминологической системы растениеводства являются термины, выраженные глаголами: *пахать* [5. С. 788], *сеять* [5. С. 1181], *окучивать* [5. С. 711], *лущить* [5. С. 508], *обмолотить* [5. С. 674], *известковать* [5. С. 378] и др. Термины-глаголы в рассматриваемой терминологической системе входят в одно словообразовательное гнездо с соответствующими отглагольными существительными: *пахня* [26. С. 788], *посев* [26. С. 214], *окучивание* [26. С. 177], *лущение* [26. С. 140], *обмолот* [26. С. 171], *известкование* [26. С. 93] и др.

Термины-словосочетания также широко представлены в терминологической системе растениеводства. Ср.: *зернобобовая жатка* [22. С. 164], *ротационное скрещивание* [22. С. 466], *яровые культуры* [26. С. 121],

поливная техника [26. С. 207], влагоемкость почвы [26. С. 43], безотвальная обработка почвы [22. С. 43], пропашная система земледелия [22. С. 432] и др.

По особенностям семантической (содержательной) структуры в современной терминологической системе сферы растениеводства разграничиваются однозначные (моносемичные) и многозначные (полисемичные) термины. Большая часть исследуемых терминологических номинаций представляет собой однозначные терминоединицы (*десиканты* – «химические вещества, применяемые для высушивания стеблей и листьев растений с целью облегчения машинной уборки урожая» [22. С. 127]) и др.

Многозначные термины менее представлены в составе терминосистемы сферы растениеводства и чаще всего номинируют сельскохозяйственные отрасли. Ср.: *Луговое хозяйство* – 1) Система ведения лугопастбищного хозяйства; 2) Наука, разрабатывающая теоретические основы лугопастбищного хозяйства [22. С. 282] и др.

По типу терминологического наименования в современной терминологической системе сферы растениеводства представлены общенаучные (общетехнические), межнаучные (межотраслевые) и узкоспециальные термины.

Общенаучные термины служат для номинации категорий и понятий, обладающих гносеологической универсальностью и применимых ко всем областям научного знания (ср.: *анализ* [26. С. 9], *метод* [26. С. 148], *исследование* [26. С. 102], *система* [26. С. 256], *структура* [22. С. 270], *качество* [26. С. 109], *количество* [26. С. 115] и др.). Общетехнические термины обозначают различные понятия, соотносимые с техническим оборудованием, оснащением разных областей науки и техники (ср.: *техника* [26. С. 276], *машина* [26. С. 144], *агрегат* [26. С. 2] и др.).

Как показывают наблюдения, общенаучные (общетехнические) термины, обозначающие реалии растениеводства в современном русском языке, нередко конкретизируются и уточняются в составе межнаучных (межотраслевых) или узкоспециальных терминологических словосочетаний (*анализ почв* [26. С. 9], *методы защиты растений* [26. С. 148], *агрохимические исследования* [26. С. 102], *система земледелия* [26. С. 256], *структура посевных площадей* [26. С. 270], *качество урожая* [26. С. 109], *машины внесения удобрений* [26. С. 144], *пахотные агрегаты* [26. С. 2] и т. п.).

Межнаучные (межотраслевые) термины, входящие в состав современной терминологической системы сферы «Растениеводство», представляют собой словесные единицы, распространённые в терминологических системах различных научных отраслей. Так, например, в составе рассматриваемой терминосистемы присутствуют термины ботаники (ср.: *растение* [26. С. 234], *злак* [26. С. 91], *семядоля* [26. С. 253], *корень* [26. С. 119], *стебель* [26. С. 267] и др.), генетики (ср.: *наследственность* [26. С. 164], *генофонд* [26. С. 56], *генотип* [26. С. 56], *изменчивость* [26. С. 94] и др.), селекции (ср.: *гетерозис* [26. С. 57], *гибридизация* [26. С. 58] и др.), почвоведения (ср.: *минералогия почв* [26. С. 151], *морфология почв* [26. С. 156], *почвенный покров* [26. С. 216] и др.), экологии (ср.: *биогеоценоз* [26. С. 23], *фитоценоз* [26. С. 197], *экосистема*, *экотип* [26. С. 316] и др.) и так далее.

Узкоспециальные терминоединицы номинируют реалии, понятия, категории, специфические для данной отрасли знания, формирующей тематическую сферу «Растениеводство», прежде всего для таких отраслей, как «Полеводство», «Луговое хозяйство», «Овощеводство», «Садоводство». Узкоспециальные термины и терминологические словосочетания являются наиболее широко представленным пластом специальных номинаций в составе рассматриваемой терминосистемы. К их числу относятся такие, например, термины и терминологические словосочетания, как *бахчеводство* [22. С. 19], *овощеводство* [22. С. 345], *свекловодство* [26. С. 248], *плодоводство* [26. С. 201], *садоводство* [22. С. 470], *севооборот* [26. С. 250], *пинцировка* [22. С. 388], *пестициды* [26. С. 196], *гербициды* [26. С. 100], *полупаровая обработка почвы* [22. С. 412], *подпокровные посевы* [22. С. 404], *плодосменный севооборот* [26. С. 202] и др.

С точки зрения степени сформированности и адаптации в современной русской терминосистеме тематической сферы растениеводства представлены все известные виды специальных терминологических наименований: собственно термины, прототермины, предтермины и терминоиды. Большую часть специальных номинаций исследуемой терминологической системы составляют собственно термины, обозначающие окончательно сформировавшиеся, устойчивые понятия сферы растениеводства (ср.: *полеводство* [26. С. 206], *посев* [26. С. 214], *пестициды* [26. С. 196], *лушение* [26. С. 284], *луг*

[22. С. 281], *овес* [22. С. 345], *злак* [22. С. 171], *колос* [22. С. 222], *борона* [26. С. 30] и др.

Как уже указывалось ранее, многие из современных терминов сферы растениеводства в предшествующие периоды развития русского языка представляли собой прототермины, то есть специальные номинации, появившиеся в донаучные периоды развития сельскохозяйственных знаний (праславянский, древнерусский, великорусский периоды) и перешедшие затем в разряд собственно терминов (ср.: *луг*, *овес*, *горох*, *морковь*, *злак*, *колос*, *борона* и др.). В современной терминологической системе исследуемой сферы прототермины представлены, в основном, устаревшими номинациями: историзмами и архаизмами (напр., *рало*, *грядиль*, *десятина*, *жеребей*, *нивище*, *озимица*, *ярица* и др.). Термины подобного рода находятся на периферии исследуемой терминосистемы.

Предтермины, то есть специальные номинации, используемые в настоящее время в качестве терминологических наименований новых понятий растениеводства, в рассматриваемой терминосистеме представлены словесными единицами, не имеющими устойчивой языковой формы (напр., *энергетическая кукуруза – кукуруза энергетического назначения* [17. 2008. № 2. С. 142], *финансово-промышленно-аграрная группа* [2. 2006. № 8. С. 44], *финансово-агропромышленная группа – аграрная финансово-промышленная группа* [2. 2005. № 11. С. 29] и др.).

Терминоиды, то есть специальные лексические единицы, употребляющиеся для обозначения недостаточно устоявшихся и неоднозначно понимаемых понятий, в современной терминологической системе рассматриваемой сферы представлены некоторыми неологизмами, появление которых в русском языке связано с возникновением новых направлений в современном растениеводстве – агроэнергетики и нанобиотехнологии растений (ср.: *ГМ-растение* [2. 2006. № 1. С. 31], *ГМ томаты* [2. 2005. № 10. С. 60], *ГМ-линии кукурузы* [29. С. 12], *ГМ-хлопчатник* [29. С. 52], *ГИ культуры* [29. С. 89] и др.).

В целом, как показали проведенные исследования, современная русская терминология растениеводства представляет собой разветвленную, сложно организованную и весьма обширную систему. Сложность и многогранность рассматриваемой терминологической системы в современном русском языке в значительной степени обусловлены длительностью ее фор-

мирования, тесной связью с историей русского народа, русского языка и российского сельского хозяйства, а также ее ускоренным развитием на рубеже XX–XXI вв. Рассмотрение терминологической системы растениеводства в синхронии и диахронии позволяет утверждать, что современное состояние исследуемой терминосистемы и ее типологические особенности являются результатом исторического развития научной агрономической картины мира.

Список литературы

1. Аграрная наука. 2005. № 1, 2, 9 ; 2006. № 9; 2007. № 1–7.
2. Агробизнес-Россия. 2005. № 9–11 ; 2006. № 1–3, 6, 8.
3. Амирова, Т. А. Очерки по истории лингвистики / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский. М., 1975. 559 с.
4. Богданов, С. М. Иллюстрированный сельскохозяйственный словарь : энциклопедия сельского хозяйства. Киев, 1895. 1446 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2001. 1535 с.
6. Бурнашев, В. П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного : в 2 т. СПб., 1843–1844. Т. 1–2.
7. Генетика культурных растений: зернобобовые, овощные, бахчевые / под ред. Т. С. Фадеевой, В. И. Буренина. Л., 1990. 287 с.
8. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. М., 2011. 224 с.
9. Гринев-Гриневич, С. В. Основы антрополлингвистики : учеб. пособие / С. В. Гринев-Гриневич, Э. А. Сорокина, Т. Г. Скопюк. М., 2005. 113 с.
10. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1989–1991. Т. 1–4. (Репринтное издание 1880–1882 гг.).
11. Данькова, Т. Н. Русская терминология растениеводства: история становления и современное состояние : монография. Воронеж, 2010. 280 с.
12. Захаренко, Е. Н. Новый словарь иностранных слов : свыше 25 000 слов и словосочетаний / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008. 1040 с.
13. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. 349 с.

14. Кочин, Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России / под ред. Б. Д. Грекова. М. ; Л., 1937. 487 с.
15. Кочин, Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства: конец XIII – начало XVI в. М. ; Л., 1965. 462 с.
16. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. 5-е изд., стереотип. М., 2003. 856 с.
17. Новое сельское хозяйство. 2000. № 1, 3 ; 2001. № 1–4 ; 2004. № 1, 2, 4, 6 ; 2005. № 1–3 ; 2006. № 5, 6 ; 2007. № 1, 4–6 ; 2008. № 2–4 ; 2009. № 1–6.
18. Попова, Т. Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков) : монография. М., 2003. 146 с.
19. Растениеводство : учеб. пособие / под ред. Г. В. Коренева. М., 1999. 368 с.
20. Сельскохозяйственная энциклопедия : в 6 т. / под ред. В. В. Мацкевича, П. П. Лобанова. М., 1969–1975. Т. 1–6.
21. Сельскохозяйственный словарь-справочник / под ред. А. И. Гайстера. 2-е изд., доп. и испр. М. ; Л., 1934. 1279 с.
22. Сельскохозяйственный энциклопедический словарь / под ред. В. К. Месяц. М., 1989. 655 с.
23. Словарь Академии Российской, произвольным порядком расположенный. СПб., 1789–1794. Ч. 1–6.
24. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 1975–2008. Вып. 1–28.
25. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. М., 2003. (Репринтное издание 1893 г.).
26. Тезаурус АСНТИсельхоз / под общ. ред. З. В. Лебедевой. М., 1990. 325 с.
27. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 1–4.
28. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. 4-е изд. М., 2003. Т. 1–4.
29. Федоренко, В. Ф. Генетически модифицированные растения и продукты питания: реальность и безопасность. Аналитический обзор / В. Ф. Федоренко, Д. С. Буклагин, Э. Л. Аронов. М., 2005. 200 с.
30. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 8-е изд. М., 2007. Т. 1–2.
31. Чернышова, Л. А. Отраслевая терминология в свете антропоцентрической парадигмы : монография. М., 2010. 206 с.
32. Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–2005. Вып. 1–32.

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-04-00045,
проект «Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире».

Исследуется отражение гендерной принадлежности переводчика на перевод художественного произведения (на примере рассказа О. Уайльда «Замечательная ракета»). Данная проблема получает все более широкое освещение в гендерных исследованиях. Основное внимание акцентируется на сравнительном анализе особенностей речи мужчин и женщин на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях при передаче англоязычного текста и как эти различия сигнализируют о гендерной принадлежности переводчика.

Ключевые слова и фразы: *гендер, художественный перевод, мужская речь, женская речь, гендерная принадлежность переводчика.*

В переводоведении все больше возрастает интерес к языковым явлениям, рассматриваемым через призму антропоцентризма, когда большую значимость при изучении языковой личности приобретают отдельные характеристики, важнейшей из которых является пол. Вопросы, связанные с полом человека, находятся в центре внимания самостоятельного междисциплинарного направления, которое называется гендерными исследованиями.

Исследования гендерных различий на материале художественного текста позволяют рассмотреть реализацию гендера как параметра, отражающего гендерную идентичность автора, и влияющего на прагматический потенциал перевода произведения на русский язык. Выбор художественных произведений в качестве материала исследования не случаен. Гендерный фактор в художественном переводе может выступать в качестве структурообразующего элемента произведения и текста перевода, влиять на воплощение художественных образов и сюжетных линий.

Как известно, сложность перевода текстов художественных произведений объясняется необычайно высокой смысловой «нагруженностью» каждого слова. Это свойство проявляется в способности писателя сказать больше, чем говорит прямой смысл слов в их совокупности, заставить работать и мысли, и чувства, и воображение читателя [3. С. 335–336]. Переводчику приходится не столько воспроизводить текст на другом языке, сколько создавать его заново. Следовательно, мы можем попытаться установить параметры, различающие мужскую и

женскую речь при переводе одного исходного произведения у нескольких переводчиков, и определить гендерную принадлежность переводчика.

Исследования ученых-гендерологов, таких как А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова, В. В. Потапов, И. Н. Кавинкина, В. А. Маслова, показывают, что существует гендерная дихотомия в речевом поведении относительно морфологических, лексических и синтаксических черт письменной речи. Для проведения сопоставительного анализа нами выбраны наиболее значимые признаки отличия мужской и женской речи на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Материалом для нашего исследования послужило произведение О. Уайльда «Замечательная ракета» (O. Wilde. «The Remarkable Rocket») и варианты перевода на русский язык, выполненные З. Журавской и П. В. Сергеевым, Г. Нужиным.

Рассмотрим наиболее яркие примеры. Как известно, женщины используют большее, чем мужчины, количество суффиксов со значением уменьшительности, ласкательности (табл. 1).

Таблица 1

Отражение гендерной принадлежности переводчика на морфологическом уровне

О. Wilde	З. Журавская	П. В. Сергеев, Г. Нуждин
... on her head was a tiny cap of silver tissue...	... на голове у нее была крохотная шапочка из серебряной парчи...	На голову ее был надет маленький серебряный венец ...

Мы видим, что З. Журавская при переводе прилагательного «tiny» выбрала эквивалент «крохотная», который обладает не только уменьшительным суффиксом, но и значением «совсем маленький»; тогда как у П. В. Сергеева, Г. Нуждина мы наблюдаем нейтральное прилагательное «маленький». Данный пример показывает, что переводчица выбирает эквивалент с большей степенью уменьшительности в плане значения, чем переводчик-мужчина.

На лексическом уровне мужскую речь отличает лаконичность, преобладание стилистически сниженной лексики, а женскую – тенденция к экспрессии, большее количество междометий. Н. Л. Пушкарева пишет по этому поводу, что «мужские» тексты часто короче «женских» (как и отдельные предложения), менее динамичны и более предметны [2. С. 32] (табл. 2).

Обратимся к примерам.

Таблица 2

Отражение гендерной принадлежности переводчика на лексическом уровне: полнота перевода

О. Wilde	З. Журавская	П. В. Сергеев, Г. Нуждин
<i>At the gate of the Castle the Prince was waiting to receive her. He had dreamy violet eyes, and his hair was like fine gold. When he saw her he sank upon one knee, and kissed her hand.</i>	<i>У ворот дворца дожидался Принц, чтобы встретить невесту. У него были мечтательные глаза, похожие на фиалки, и волосы словно из чистого золота. Увидав Принцессу, он стал на одно колено и поцеловал ее руку.</i>	<i>У ворот замка ее уже ждал Принц. Он опустился на одно колено и поцеловал руку своей невесты.</i>

Отметим, что перевод П. В. Сергеева, Г. Нуждина отличается лаконичностью: переводчики полностью опустили второе предложение и первую часть третьего предложения. З. Журавская, наоборот, четко следует оригиналу и избегает приема опущения.

Следующее отличие касается того, что мужской речи, по сравнению с женской, свойственна тенденция к использованию экспрессивных, обычно стилистически сниженных средств. Мужчины в два раза чаще женщин используют глагол с маркированным значением [1].

Таблица 3

Отражение гендерной принадлежности переводчика на лексическом уровне: использование стилистически сниженных средств

О. Wilde	З. Журавская	П. В. Сергеев, Г. Нуждин
<i>«Quite dead», whispered the Catherine Wheel, and she went off to sleep.</i>	<i>– Умерла и не воскреснет, – прошептало Огненное Колесо и заснуло.</i>	<i>«Сгинула навеки», – шепнула Карусель и заснула.</i>

При переводе нейтрального прилагательного «dead» П. В. Сергеев, Г. Нуждин выбирают разговорный вариант «сгинула», что приводит к стилистическому сдвигу. Переводчица сохраняет нейтральность контекста как и в оригинале.

Типичной стилистической характеристикой женской речи является тенденция к экспрессии. Большая эмоциональность женской речи ведет к более частотному употреблению единиц аффектированной лексики, различного плана интенсификаторов, частиц, восклицательных предложений [1]. Это доказывают примеры, приведенные ниже. Перевод, выполненный женщиной, звучит экспрессивней за счет использования междометий («ах», «фу») и разговорного эквивалента «скверный». Переводчики-мужчины предпочли более сдержанный перевод: восклицание «dear me» передано при помощи разговорного обращения «старина», а восклицание «what a bad rocket!» – посредством модуляции (bad rocket – подмоченный патрон), которая больше служит констатации факта «ненужности, нерабочего состояния» ракеты/ патронов, а не его эмоциональному описанию.

Таблица 4

Отражение гендерной принадлежности переводчика на лексическом уровне: тенденция к экспрессии

О. Wilde	З. Журавская	П. В. Сергеев, Г. Нуждин
<i>«Dear me!» said the little Squib, «I thought it was quite the other way...»</i>	<i>– Ах, Ты, Господи! – пискнула маленькая Шутиха. – А я думала, что как раз наоборот...»</i>	<i>«Старина, – сказала Петарда, – ты все перепутал.»</i>

« what a bad rocket! » and he threw him over the wall into the ditch.	– Фу, какая скверная ракета! – воскликнул он и швырнул ее через стену в канаву.	« А это что? Похоже на подмоченный Патрон. И, перелетев через стену, Необыкновенный Патрон Для Фейерверка оказался в канаве.
--	--	---

Что касается синтаксического уровня, то в силу повышенного эмоционального уровня у женщин наблюдается и более высокая частотность в речи эллиптических конструкций, восклицательных и вопросительных предложений. Рассмотрим пример эллипсиса в тексте перевода.

Таблица 5

Отражение гендерной принадлежности переводчика на синтаксическом уровне

О. Wilde	З. Журавская	П. В. Сергеев, Г. Нуждин
«Bad Rocket? Bad Rocket?» he said, as he whirled through the air; «impossible! Grand Rocket», that is what the man said.	– Скверная! Скверная! – повторяла Ракета, крутясь в воздухе. – Не может быть! Он, конечно, сказал: – при- мерная.	« ПОДМОЧЕННЫЙ ПАТРОН? ПОДМОЧЕННЫЙ? » – думал он, переворачиваясь в воздухе. – Не может быть! ПОЗОЛОЧЕННЫЙ ПАТРОН , вот, что сказал тот благородный человек.

Отметим, что З. Журавская использовала эллипсис в обоих восклицательных предложениях («Скверная! Скверная!»), в то время как П. В. Сергеев, Г. Нуждин – только в одном предложении («Подмоченный патрон? **Подмоченный?**»). П. В. Сергеев, Г. Нуждин пытаются добиться эмоциональности за счет графических средств (использование заглавных букв). Данный пример иллюстрирует то факт, что не всегда различия мужской и женской речи достаточно очевидны.

Итак, исследование показывает неоднозначные результаты. С одной стороны, различия в мужской и женской версиях перевода одного текста нам выявить удалось: различия видны на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. С другой стороны, эти различия не всегда четко прослеживаются. Следовательно, в таких случаях особенности мужской и женской речи определяются как тенденции употребления. Нередки случаи, когда те или иные явления, обнаруженные в речи мужчин и женщин, связаны с особенностями их психического склада, характера, профессии, роли в социуме, но не с различием по полу. Мы пришли к выводу, что проблема гендерного аспекта перевода, когда во внимание принимается пол переводчика, требует пристального изучения. Переводчик должен стремиться создать гендерно-нейтральный перевод, исключить свое влияние на текст перевода. Как мы убедились, сделать это чрезвычайно трудно. Однако переводчику художественной литературы следует уделить внимание всем деталям, которые влияют на художественное впечатление, чтобы гендерная принадлежность переводчика не лишила художественный текст его красочности и индивидуальных особенностей стиля автора.

Список литературы

1. Потапов, В. В. Современное состояние гендерных исследований в англоязычных странах // Гендер как интрига познания. Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. М., 2002. С. 87–110.
2. Пушкарева, Н. Л. Гендерная лингвистика и исторические науки // Этнограф. обозрение. 2001. № 2. С. 31–40.
3. Фёдоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб. ; М., 2002. 416 с.

О. Д. Дербенёва

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДУХОВНОГО КОНЦЕПТА ЛЮБОВЬ В СОВРЕМЕННОМ ПЕСЕННОМ ТЕКСТЕ

Описываются фрагменты исследования песенного текста как источника информации о духовно-ценностной ориентации современного социума на примере репрезентации концепта ЛЮБОВЬ как базовой ценности нации. Исследуются структурно-компонентные особенности концепта ЛЮБОВЬ в лингвокогнитивном аспекте

Ключевые слова: *песенный текст, культура, ценность, духовность, любовь, концепт, когнитивный признак, структура концепта.*

Многочисленные исследования, посвященные изучению языка и культуры, доказали, что эти явления находятся в постоянном взаимодействии и оказывают друг на друга непосредственное влияние. В каждый культурно-исторический, экономический период культура имеет свою специфику, что, несомненно, находит отражение в языке.

Во взаимодействие с языком вступают разные формы культуры. Но прежде всего духовная культура. Произведения художественной культуры и языковые единицы сосуществуют в непрерывном взаимовлиянии.

В современный период неотъемлемой частью жизни общества является массовая культура, которая проявляется в различных видах искусства: литературе, кинематографии, музыкальных произведениях.

В нашей работе мы хотели бы остановиться на таком явлении современной духовной культуры общества, как песенный текст.

Интерес к современной песне проявляется в ряде работ последнего десятилетия. Исследование Е. В. Нагибиной посвящено содержательным и языковым особенностям текстов современной эстрадной песни, в работе Е. А. Карапетян описана экспрессивно-семантическая структура русской лирической песни, стереотипность шлягера описана в работе Т. А. Григорьевой. О. С. Кострюкова, рассматривая когнитивный, коммуникативный и стилистический аспект текста современной песни, выделяет негативные тенденции развития современной песни: активное использование просторечий, средств речевой агрессии, стилистически сниженной лексики и др. [1. С. 9]. А. Н. Полежаева исследует проблемы современного песенного текста с точки зрения нового направления лингвистики – лингвоэкологии, анализируя современный песенный текст

на предмет наличия в нем ненормированных, нелитературных элементов. Исследователь утверждает, что наиболее распространены в нем «не мотивированные синтаксически элементы молодежного жаргона» [2. С. 19].

В ходе анализа имеющейся научной литературы по вопросу исследования современной песни нами было обнаружено, что современные исследователи активно изучают языковую организацию, особенности словоупотребления и стилистическую специфику текстов.

Однако мы считаем необходимым обращать внимание на песенный текст с точки зрения его духовно-культурного наполнения, исследовать ту ценностную, национальную и индивидуальную информацию, которую он в себе содержит. Песенный текст отражает не только индивидуально-авторское восприятие мира, но имеет социокультурную и лингвистическую ценность. «Песня является насыщенным, хорошо организованным и компактным источником национально обусловленной информации как о современном состоянии общества, так и о более ранних этапах его развития. Будучи самым демократичным, самым распространенным и самым древним видом вокального искусства, песня в своем тексте отражает базовые концепты русского сознания» [1. С. 12].

Целью нашей работы является описание особенностей структуры концепта ЛЮБОВЬ на материале современных песенных текстов.

Мы придерживаемся концепции З. Д. Поповой и И. А. Стернина, которые выделяют в структуре концепта **образный компонент**, представляющий собой образ универсального предметного кода, кодирующий соответствующий компонент как единицу мышления, **информационный минимум**, представляющий собой совокупность дифференциальных признаков концепта, определяющих его основное

содержание и отграничивающих его от других концептов, и **интерпретационное поле** – совокупность когнитивных признаков, интерпретирующих образ, информационный минимум и энциклопедическое содержание концепта [3. С. 358–361].

Материалом для нашего исследования послужили тексты песен исполнителей рок-направления, отобранные следующим образом: мы изучили плейлисты современной радиостанции, специализирующейся на трансляции музыки в стиле рок, за период с 8 апреля 2013 г. по 15 апреля 2013 г. Нами было обнаружено 102 песни о любви, повторяющиеся более трех раз за указанный период. На основе этого материала выявлено 19 когнитивных признаков и более 500 лексем и словосочетаний, репрезентирующие эти когнитивные признаки. Важно отметить, что в результате подобных исследований текстов песен других направлений (популярных, рэп и др.) не обнаружено такого разнообразия языковых единиц. Мы считаем, что это объясняется многообразием тематики песен рок-направления: тема любви сочетается с темами смерти, войны и девиантным поведением. Кроме того, эти песни демонстрируют особый набор средств художественной выразительности: большое количество метафор, метонимий, наличие элементов разговорного стиля речи, сленга, жаргона и нецензурной лексики.

Итак, было выявлено 19 когнитивных признаков, составляющих структуру концепта ЛЮБОВЬ.

Концепт ЛЮБОВЬ репрезентирует лексема «любовь», использованная в текстах 56 раз, а также глагольные лексемы «любить» (34) и влюбиться (9).

К ядерной зоне концептуальной структуры относим образный компонент, который включает **перцептивный** и **когнитивный** образы.

Перцептивный образ отражает результаты восприятия референтом концепта органами чувств – зрением, слухом, обонянием, осязанием, вкусом [3. С. 360]. Нами обнаружены следующие компоненты перцептивного образа:

1. Любовь – чувство, сосредоточенное в квазиоргане – «сердце» (10).

Эта языковая единица представлена в разных значениях, поэтому нами было выделено несколько смысловых групп:

а) Сердце – орган, испытывающий разнообразные чувства («Сердце успокой, я всегда с тобой», «Мое сердце замерло»).

б) Сердце – неотъемлемая часть объекта любви, которая нуждается в охране («Я своей рукою сердце твое прикрою»).

в) Сердце – вместилище любви («Ничего нет в сердце»).

2. Любовь – чувство, сопровождающееся восприятием физических характеристик объекта чувств.

Данный когнитивный признак реализуется группой соматической лексики: *руки* (5) (*теплые, сильные, нежные*), *пальцы* (2) (*холодные, тонкие*), *глаза* (10) (*красивые, медовые, теплые, усталые*), *плечи* (3) (*стройные, горячие*), *ладонь* (1) (*влажная*), *тело* (2) (*загорелое, стройное*).

Данный когнитивный признак отражает особенности восприятия объекта чувств субъектом любви, иллюстрирует концентрацию внимания субъекта на объекте чувств и его физических характеристиках.

Когнитивный образ отражает связи содержания концепта с другими концептами. В качестве когнитивных образов интерпретируются метафорические и метонимические характеристики референта концепта [3. С. 360].

1. Любовь – несчастное закончившееся чувство: *уходить* (10), *забывать* (2), (*не*) *возвращаться* (3), *расставаться* (4), *прощаться* (3).

Абсолютно во всех исследованных нами текстах песен любовь предстает как чувство, приносящее страдания. Данный когнитивный признак обнаруживает связь концепта ЛЮБОВЬ с такими концептами, как РАЗЛУКА, БОЛЬ, ТОСКА.

2. Любовь – это смерть: *черный ангел* (1), *умирать* (13), *помирать* (1), *могила* (2), *ад* (3), *хоронить* (2), *шагнуть (шагнуть за карниз)* (1).

Мы считаем данный когнитивный признак уникальным явлением, свойственным текстам песен рок-направления. Обнаруживается тесная связь концептов ЛЮБОВЬ и СМЕРТЬ.

Лексемы, представляющие этот когнитивный признак, имеют два значения: «умирать – значит любить не взаимно, несчастно» («Я умираю от нежности») и значение «физическая смерть – это сопутствующее любви явление» («И, может, она умерла»).

3. Любовь – нематериальная ценность: (*не*) *продать* (2), *дороже золота* (1), *звон монет* (1).

Данный когнитивный признак отражает базовые представления русского человека о любви как о бескорыстном, неподкупном чувстве.

Информационный минимум структуры концепта отражает специфику восприятия кон-

цепта. На основе исследования песенных текстов нами были выявлены следующие когнитивные признаки, реализующие эту зону:

1. Любовь – это вечное чувство: *вечность* (1), *вечный* (3), *вечно* (2), *навсегда* (2).

Данный когнитивный признак отражает основное понимание любви как чувства, пришедшего на долгий срок.

2. Тактильный контакт: *прижаться* (1), *дотронуться* (2), *поцелуй* (5), *держат за руку* (2).

Когнитивный признак представляет ЛЮБОВЬ как желание к физическому сближению с объектом любви: желание приблизиться к объекту любви или коснуться его.

Интерпретационное поле представляет наиболее полный и разнообразный фрагмент структуры концепта ЛЮБОВЬ. В соответствии с концепцией З. Д. Поповой и И. А. Стернина в этом структурном компоненте можно выделить оценочную и энциклопедическую зоны.

Энциклопедическая зона концепта формируется на основе личного опыта индивида, представлений и знаний, полученных ими в течение жизни.

Нами были выявлены следующие когнитивные признаки:

1. Любовь – ожидание: *дождаться* (2), *подожди* (2), *ожидание* (1).

2. Любовь – поиск: *искать* (3), *(не) находить* (3), *терять* (3)

Мы считаем, что данные когнитивные признаки характеризуют ЛЮБОВЬ как чувство, связанное с ожиданием и поиском. Каждый человек в жизни сталкивался с проблемами в любовных отношениях, что наглядно демонстрирует данный когнитивный признак.

3. Любовь – слова: *сказать* (8), *слова* (8), *кричать* (3).

Выражение чувств индивидом невозможно без их вербальной реализации. Человеку необходимо выражать свои чувства к объекту любви. И, кроме того, необходимо слышать ответные реплики как подтверждение взаимности своего чувства. Выражение негативных эмоций, связанных с проблемами в любовных отношениях или расставанием, также сопровождается вербальным общением.

4. Любовь – это чувство, не существующее в реальной жизни.

Этот когнитивный признак реализуют лексемы и словосочетания: *сказка* (1), *обман* (2), *неправда* (1), *взгляд с экрана* (1).

Нередко человек в процессе роста, взросления, развития личности, столкновения с проблемами разного порядка приходит к выводу о том, что любовь – это только выдуманное явление и в реальной жизни его не существует. Обнаруженный нами когнитивный признак отражает это представление.

Оценочную зону концепта ЛЮБОВЬ формируют следующие когнитивные признаки, отражающие разнообразные стороны поэтической интерпретации чувства любви:

1. Любовь – это стихия: *дождь* (3), *огонь* (5), *лед* (3), *ливень* (1), *луна* (2), *вода* (2), *ветер* (4), *жара* (2), *солнце* (5), *звезды* (1).

Данный когнитивный признак представлен самым разнообразным набором лексем. Этот факт мы связываем с метафоричностью исследуемых нами текстов. Необходимо отметить, что одни и те же лексемы в разных песенных текстах выступают в различных значениях.

1. Солнце

а) Номинация объекта чувств («*Ты мое солнце*»).

б) Солнце – характеристика интенсивности любви («*Солнечный огонь любви*»).

2. Огонь

а) Субъект любви («*Жарким огнем стану я*»).

б) Огонь – характеристика интенсивности любви («*Огонь любви*»).

Необходимо отметить и тот факт, что в песенных текстах частотно олицетворение с природной стихией как субъекта любви («*Я был вольным ветром над рекой*»), так и объекта («*Она прошла прохладным ливнем*»).

2. Любовь – полет: *лететь* (5), *парить* (1), *крылья* (2).

Этот когнитивный признак главным образом отражает наделение объекта любви сверхъестественными качествами: наличием крыльев («*Где твои крылья, которые так нравились мне?*») или умением летать («*Она любила летать по ночам*»).

3. Любовь – это музыка: *блюз* (1), *мелодия* (1), *рок-н-ролл* (1), *музыка* (2).

Данный когнитивный признак отражает оценку любви как чувства, связанного с искусством и творческим выражением своих эмоций. Любовь как счастливое положительное чувство ассоциируется с активной энергичной музыкой, такой как рок-н-ролл. Несчастное чувство любви или потеря чувства – это грустная мелодия (*блюз*).

4. Любовь – война: *война* (2), *стрелять* (1).

Этот когнитивный признак представлен лишь несколькими лексемами. Однако мы считаем целесообразным обратиться к нему внимание, поскольку он отражает возможность негативных и даже агрессивных реализаций чувства любви.

5. Любовь – это чувство, сопровождающееся девиантным поведением: *пьяный* (2), *сигарета* (4), *окурки* (2), *дым* (1).

Мы считаем этот когнитивный признак отличительной чертой текстов рок-направления, поскольку рок-музыка в различные периоды становления была связана со свободой выбора и вседозволенностью. Несомненно, что элементы девиантного поведения, обнаруженные нами, связаны с выражением боли и тоски от несчастной любви. Подобные языковые реализации обнаружены исключительно в текстах песен рок-направления.

6. Любовь – это чувство, которое зависит от времени суток: *сегодня* (2), *вчера* (2), *ночь* (4), *утро* (3), *вечер* (3).

В ходе анализа материала нами был обнаружен факт того, что любовь – это чувство, меняющее свои характеристики в зависимости от времени суток. Так вечер и ночь представляют любовь как счастливое чувство («*Ночь обещаний*», «*вечер нашей встречи*»), а утро связано с безответной любовью и расставанием («*Утро прощаний*»).

7. Любовь – это магия: *околдовать* (1), *видение* (1), *сон* (3), *мечта* (2).

Данный когнитивный признак представляет традиционные воззрения русского народа на любовь как на сказочное, необъяснимое чувство.

8. Любовь – это чувство, связанное с животным миром: *кошка* (1), *птица* (2), *зверь* (3).

Лексема «птица» отражает представления субъекта чувств на объект как на существо, наделенное сверхъестественными качествами и умениями («*Ты сильная птица*»). Лексема «зверь» выступает в двух значениях: 1. Зверь – это субъект любви («*Я как зверь одиночка*», «*Как зверь дышу*»). 2. Зверь – характеристика интенсивности и качества чувства любви («*Любовь, как зверь*»).

Итак, проведенный нами анализ позволил выявить некоторые особенности представления концепта ЛЮБОВЬ как современной духовной ценности на материале песенного текста. С одной стороны, любовь является вечной духовной ценностью, независимой от исторического, политического, культурного периода существова-

ния нации, что доказывают такие когнитивные признаки, как «любовь – чувство, сопровождающееся восприятием физических характеристик объекта чувств», «любовь – это чувство, сосредоточенное в квазиоргане», «любовь – несчастное закончившееся чувство», «любовь – ожидание», «любовь – магия» и др. Человек, независимо от эпохи, в которой он живет, места, возраста и социального статуса, склонен наделять любовь магической силой. Каждый человек стремится найти любовь и боится той боли, которую может принести ее исчезновение.

С другой стороны, в структуре концепта ЛЮБОВЬ как современной духовной ценности находим такие когнитивные признаки, как «тактильный контакт», «любовь – нематериальная ценность», которые иллюстрируют динамику развития общества в наше время – понимание любви как физического влечения к объекту чувств и акцентирование внимания на соотношенности любви с материальным благополучием.

Таким образом, любовь предстает перед нами как противоречивая духовная ценность, характеризующаяся широким спектром свойств. Большую роль в понимании любви играет человеческая индивидуальность и особенности психологического типа человека, о чем свидетельствуют когнитивные признаки, демонстрирующие индивидуальные ассоциации и особенности восприятия: «любовь – это музыка», «любовь – это чувство, которое зависит от времени суток. В зависимости от темперамента и характера в сознании человека формируется представление о духовной ценности любви, и на первый план выходят наиболее яркие для данной личности свойства любви.

Список литературы

1. Кострюкова, О. С. Текст современной популярной лирической песни в когнитивном, коммуникативном и стилистическом аспектах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.
2. Полежаева, А. Н. Проблемы современного песенного текста: лингвоэкологический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2011. 25 с.
3. Попова, З. Д. Моделирование содержания концепта (когнитивная интерпретация результатов лингвистических исследований) / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Когнитивные исследования языка. Вып. 2. М. ; Тамбов. С. 358–367.

М. Я. Добря

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ

Материал подготовлен в рамках государственного задания Минобрнауки России по теме «Проблемы и особенности эффективной коммуникации в поликультурной среде» (№ 12-01-10)

Ставится вопрос комплексного системного описания типов языковой личности ребенка с учетом их личностных характеристик, который имеет выход в междисциплинарную область исследований: психолингвистику, психологию речи, социолингвистику. Обращается внимание на признаки, которые лежат в основе определения специфических свойств детской языковой личности.

Ключевые слова: *языковая личность, детская языковая личность, типы языковой личности.*

Ведущей научной парадигмой современной лингвистики является антропоцентризм, который предполагает изучение языка в его отношении к человеку, поскольку «человек центральная фигура языка и как лицо говорящее, и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит» [11. С. 5]. В антропоцентрической парадигме определяются основные теоретические понятия: языковая личность, структура языковой личности, ее типология и модели (работы Ю. Н. Караулова, Г. И. Богина, В. П. Нерознака, С. Г. Воркачева и др.).

Актуальным в последние десятилетия является обращение ученых к изучению языка ребенка, своеобразию его становления и развития. С. Н. Цейтлин называет науку о детской речи онтолингвистикой, подчеркивая ее дуальность: подход к рассмотрению языковых фактов речи ребенка с позиций языковой системы взрослых и сопоставление языка ребенка с нормированным языком взрослых носителей; и анализ детской языковой системы, рассматриваемой как автономный объект, самоценный, имеющий свою структуру и свои единицы на каждом возрастном этапе развития ребенка [25. С. 275].

Однако в большом корпусе исследований детской речи пока мало работ, включающих системное описание языковой личности ребенка с учетом ее типологических характеристик, отражающих специфику возраста, психических и индивидуальных параметров личности ребенка, ее социорольевых признаков. В данной статье мы предпримем попытку представить специфику различных типов языковой личности ребенка как носителя детского языка и тех

ее черт, которые могут рассматриваться как типичные, системообразующие.

Основоположником концепции языковой личности (ЯЛ) по праву считается Ю. Н. Караулов, который под языковой личностью понимает «личность, выраженную в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированную «в основных своих чертах на базе языковых средств» [13. С. 38]. Ю. Н. Караулов исходит из понятия языковой картины мира и представления о личности, которая посредством языка сначала осваивает языковую картину мира, а затем с помощью языка проецирует себя в этот мир, обогащая тем самым себя и общественное сознание.

В. И. Карасик под языковой личностью понимает «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [12. С. 22].

В. П. Нерознак и И. И. Халеева предлагают следующее определение: языковой личностью можно считать любого индивида, реализующего свою языковую компетенцию в устной и письменной речевой коммуникации [17. С. 587].

Наиболее регулярно в научных работах используется уровневое представление ЯЛ, предложенное Ю. Н. Карауловым и Г. И. Богиним.

Ю. Н. Караулов разработал уровневую модель ЯЛ, в которой выделяются:

– вербально-семантический уровень (языковая картина мира). Данный уровень отражает степень владения быденным языком и является базой для языкового общения и формальных средств выражения определенных значений;

– тезаурусно-когнитивный (концептуальная картина мира), на нем в понятиях, идеях, концептах складывается индивидуальная картина мира, формируется когнитивное пространство индивидуального и общественного языкового сознания;

– мотивационно-прагматический, включающий в себя жизненные установки, мотивы и цели, находящие отражение в процессах порождения языковых высказываний и их содержания, а также восприятию чужих текстов [13].

Таким образом, Ю. Н. Карауловым был предложен новый подход, сформулированный в тезисе: за каждым порождаемым текстом, речевым высказыванием стоит языковая личность (в противовес основному направлению в лингвистических исследованиях второй половины XX в.: за каждым текстом стоит система языка).

Модель ЯЛ Г. И. Богина имеет форму куба и включает в себя 60 компонентов, которые получены через перемножение трех параметров (оси А – аспекты языка (фонетика, грамматика, лексика); оси Б – основные виды речевой деятельности (говорение – слушание, письмо – чтение); оси В – оценочные сужения).

Г. И. Богин предлагает 5 уровней для определения сформированности ЯЛ: уровень правильности, уровень интериоризации, уровень насыщенности, уровень адекватного выбора, уровень адекватного синтеза.

Уровень правильности включает знание достаточно большого словарного запаса, основных закономерностей языка и умение строить высказывания в соответствии с правилами языка.

Уровень интериоризации предполагает осознанное осмысление языкового материала, владение внутренней речью.

Уровень насыщенности отражает разнообразие и богатство используемых в речи выразительных средств языка.

Уровень адекватного выбора характеризуется соответствием используемых языковых средств коммуникативной ситуации, сфере общения и коммуникативной роли.

Уровень адекватного синтеза учитывает соответствие речевого высказывания, порожденного личностью, всему комплексу содержательных и коммуникативных задач [2].

В. И. Карасик ведущим критерием при определении ЯЛ выбирает социокультурный признак и рассматривает ЯЛ в условиях общения – как коммуникативную личность, в структуре

которой выделяется ценностный, познавательный и поведенческий план [12. С. 56].

Ценностный план включает этические и утилитарные нормы поведения. Познавательный (когнитивный) план выявляется путем анализа картины мира, свойственной коммуникативной личности. Поведенческий план характеризуется специфическим набором паралингвистических средств общения, которые рассматриваются в социолингвистических и прагмалингвистических аспектах: в рамках первого выделяются индексы речи мужчин и женщин, детей и взрослых, образованных и менее образованных носителей языка, говорящих на родном и неродном языке, в рамках второго – речеактовые, интерактивные, дискурсивные ходы в естественном общении людей [12. С. 20].

Таким образом, каждое из определений ЯЛ содержит инвариант в ее характеристике, который можно определить как «ЯЛ – носитель языка». Далее следует актуализация тех ее признаков, которые являются, на взгляд исследователя, наиболее характеризующими ЯЛ как феномен с выбранной для ее изучения точки зрения: культурологической, лингводидактической, психологической, функциональной и др.

В рамках нашего исследования языковая личность ребенка определяется, вслед за О. А. Шороховой, как «совокупность системных качеств, объективированных в речи, связанных с развитием коммуникативно-потребностной сферы, приобретаемых в целях коммуникативной целесообразности и проявляемых в процессе совместной деятельности в межличностном общении» [29].

Усиление научного интереса к языковой личности отразилось в появлении многочисленного корпуса работ, раскрывающих в соответствии с выбранной для исследования позицией различные аспекты ее изучения, которые могут выступать как комплексно, так и быть центральными при анализе языковой личности. Из-за расширенного понимания феномена ЯЛ исследователи предлагают различные основания для выделения некоторых ее типов. Однако единого мнения не существует, так как ЯЛ – это комплексное явление и ученые кладут в основу типологизации свой предмет исследования: психологический, психолингвистический, социокультурный, этнокультурный, лингвистический, лингвокультурологический и др. Наиболее принятым является характеристика языковых личностей с позиции личности и с позиции языка.

С позиций личности в социолингвистике языковую личность характеризуют по статусным признакам: возраст, пол, уровень образования.

В психолингвистике, выделяя типы языковой личности, изучают специфику речевого поведения человека и проявление его психических качеств в различных ситуациях общения. Данная классификация в рамках психолингвистического подхода является достаточно подробной и включает деление языковых личностей: с точки зрения доминант речевого поведения на: «экстравертов и интровертов, доминирующих и подчиняющихся, романтических и прозаичных, невротичных и усреднено нормальных людей и так далее» [15. С. 262].

А. Б. Добрович при характеристике общения как взаимодействия выделяет такие типы собеседников: доминантный – недоминантный (в общении демонстрирует инициативу и напористость – уступчив и неинициативен), мобильный – ригидный (с легкостью переключается на общение от других своих занятий – постепенно включается в беседу), экстраверт и интроверт (расположенный к общению – несклонный к внешней коммуникации) [9. С. 49–53].

К. Ф. Седов предлагает классификацию языковых личностей на основании речевой стратегии, демонстрируемой личностью во время конфликта: инвективный, куртуазный, рационально-эвристический [22. С. 11].

С позиции языка существует также многообразие классификаций типов языковых личностей. Прежде всего, следует отметить классификацию типов языковых личностей, разработанную О. Б. Сиротининой, которая выделяет применительно к языковой норме: носителя элитарной речевой культуры, носителя диалектной речевой культуры, носителя городского просторечия, носителя литературно-разговорной и фамильярно-разговорной речевых культур и др. [23. С. 5].

Е. А. Шпомер выделяет три типа языковой личности: мыслительную, речевую и дискурсивную в рамках языковой и также множество подтипов. Она основывается на: трихотомии язык/ речь/ дискурс, дихотомии литературный язык/ национальный язык, монолингвизме/ билингвизме, единичности/ множественности, реальности/ нереальности, креативности, межличностных отношениях, ментальности, гендере, сфере общения [30].

Исследователи, рассматривая речевую деятельность человека как совокупность дей-

ствий, связанных с производством новых единиц, определяют ее как особый вид деятельности, получивший в последнее время название «лингвокреативной». Близким к пониманию лингвокреативности языковой личности относится типология языковой личности по критерию творческого или клишированного использования языковых единиц. В. И. Карасик отмечает высокую степень креативности в языковой игре на низовом уровне культуры [12. С. 13.]. В. П. Нерознак рассматривает креативную (творческую) языковую личность в трех статусах – архаисты, умеренные новаторы и экспериментаторы [16. С. 114]. Интересно замечание Б. Ю. Нормана о том, что «законы речепроизводства одинаковы для рядового носителя языка и для великого писателя. Разница только в соотношении “доли стандарта” и “доли новаторства”» [18. С. 13].

Для определения специфики детской языковой личности важным является положение С. Н. Цейтлин о том, что «независимо от индивидуальных различий между детьми, независимо от речевой среды, в которой они воспитываются, независимо даже от особенностей постигаемого ими языка, общая стратегия усвоения языковых правил является для всех единой: сначала постигаются самые основные, глубинные модели языка и основанные на них языковые правила» [27. С. 12].

Попробуем ответить на вопрос: каковы типичные черты языковой личности ребенка с позиций личности и с позиций языка?

Языковой личности ребенка посвящены труды педагогов-исследователей, лингвистов, среди которых следует отметить работы Т. А. Гридиной, В. К. Харченко, О. А. Шороховой, Е. В. Ермаковой [7 ; 10 ; 24 ; 29].

Специфика детской языковой личности в работах лингвистического плана раскрывается при обращении исследователей к явлениям языковой игры в детской речи. Все ученые отмечают бесспорный факт творческого начала в усвоении ребенком родного языка, который проливает свет на когнитивные механизмы языкового пространства ребенка. При этом при создании «своего» слова ребенок нарушает те ограничения, которые накладывает языковая система, то есть все факты языкового творчества детей относятся к неузуальным, ненормативным. Онтолингвисты называют их детскими речевыми инновациями или детскими окказионализмами [8].

Детский окказионализм появляется в результате речевого новаторства в конкретной речевой ситуации или контексте. Обширный исследовательский материал порождения и использования окказионализмов детьми собран и обобщен С. Н. Цейтлин, которая отмечает, что младенцу «предстоит выстроить собственную языковую систему, опираясь на речевую продукцию взрослых, которую он постоянно бессознательно перерабатывает, ибо вовлечен в коммуникацию с другими людьми с момента появления на свет и в этой коммуникации постепенно постигает мир, то есть развивается когнитивно. Речевые инновации – неизбежные спутники его продвижения на этом пути, они свидетельствуют о том, что он не просто перенимает, а именно самостоятельно конструирует свою собственную языковую систему, добывая из речи взрослых языковые единицы и правила их использования и образования» [26. С. 10].

Речевые инновации ребенка связываются с лингвокреативностью как свойством мыслительной деятельности детей. Лингвокреативность детского мышления отмечается многими исследователями. Как проявление творческого начала в языковой личности она особо изучается при описании языковой личности ребенка в создании им окказионализмов (работы Т. А. Гридиной, С. Н. Цейтлин) либо взрослого носителя языка как проявление языковой игры (см. работы В. З. Санникова, Т. А. Букиревой и др. [20 ; 4]. Т. А. Гридина пишет: «Детская речь выступает как сфера проявления творческих способностей ребенка в использовании и переработке имеющегося языкового опыта, моделировании образа мира по собственным “лекалам”» [7. С. 50]. Итак, лингвокреативность предполагает отход от нормативных стереотипов и включение языкового знака в ассоциативный контекст.

А. Г. Арушанова, обращаясь к особенностям творческого освоения языка ребенком, выделяет три типа детской ЯЛ: «стихийные семантики», для которых характерно образование слов с тождественной семантикой, но с использованием различных грамматических средств (*утки – утята, у лосихи – лосих, у белки – белочки*). Следующий тип ЯЛ – «стихийные формалисты», они решают однотипные задания по формальной аналогии, не обращая внимания на «незнакомость» конкретных объектов (*утка и утята, лосиха и лосенок, бобры и бобрята, рябчиха и рябчатка*). Еще один малочисленный

тип детской ЯЛ – «стихийные консерваторы». Такой ребенок хорошо помнит, какие слова он знает, и правильно назовет: у лисы – *лисенок*, но назвать детеныша лося, которого не знает, он не сможет [1. С. 95].

Языковая личность ребенка обнаруживает свою отличительную особенность от языковой личности взрослого высокой степенью экспрессивности, которая естественным образом сопровождает освоение ребенком окружающего мира и языка. То есть, можно сказать, что все когнитивные процессы в языковом сознании ребенка сопровождаются эмоциями [31].

Речь ребенка содержит множество восклицаний, многократные повторения, множество слов с эмоционально-экспрессивной окраской – словом, все обороты речи, выражающие эмоциональность. Данные обороты, сопровождающие спонтанную детскую речь, не являются четко продуманным стилистическим приемом или средством, они выступают как показатели эмоциональности речи ребенка, который с помощью доступных ему языковых средств пытается передать наполненную эмоциями картину восприятия и осознания окружающего мира. По материалам Н. И. Чуприковой, исследующей роль слова в содержании чувственного отражения действительности, эмоциональность речи и развитие структуры ее понимания в психологическом аспекте, в речи детей нет четко установленных правил построения предложения, нет и мотивации для сдерживания своей эмоциональности. И на первый план выходит эмоциональное построение: эмоциональная составляющая слова выдвигается вперед, отодвигая рациональное, таким образом выстраивается структура, не отвечающая никаким правилам, но тем не менее являющаяся информационно и эмоционально наполненной [28].

Рассматривая факты детской речи, ученые отмечают неустойчивость, «вариабельность» временной языковой системы ребенка. Многочисленные детские высказывания в процессе их порождения ребенком обнаруживают несчетные модификации различных лексем и граммем. Часто «маленький лингвист» при порождении высказывания перебирает различные формы слова, «пробует их на вкус», опираясь на уровень развития чувства языка, соотносит с той формой, которая хранится у него в памяти. При этом, не находя данной искомой формы, он пользуется готовым усвоенным грамматическим правилом для создания лексемы (граммемы), отвечающей его потреб-

ности в номинировании определенной речевой ситуации. Так в языковом пространстве ребенка сталкиваются, с одной стороны, творческий характер усвоения языка, с другой – овладение языком под влиянием речевого образца взрослого, проецирующего нормированность языковой системы.

Другое ценное замечание для понимания специфики детской языковой личности касается особенностей метаязыкового сознания ребенка. Изучение метаязыковой способности ребенка А. М. Шахнаровичем дает основание для утверждения о том, что детям в определенный этап своего развития для осознания языка нужен метаязык. В онтолингвистике к метаязыковым высказываниям относят, прежде всего, высказывания, касающиеся фактов языка (детские инновации, объясняемые самими детьми (С. Н. Цейтлин, Н. И. Лепская, Т. В. Базжиана), а А. М. Шахнарович – только высказывания на метаязыке [32].

Затрагивая вопросы особенностей познания ребенком окружающего мира, нужно обратить внимание на еще одну важную составляющую ЯЛ ребенка: детское освоение мира в его знаковых формах связано не только с эмоциональной, но и когнитивной и эстетической функциями языка, которые проявляются в такой черте мышления ребенка, как анимизм (склонность детей оценивать неживые объекты как живые). Ж. Пиаже считал, что анимизм является характеристикой детского эгоцентрического мышления: если ребенок имеет чувства и намерения, то и все остальные вещи должны обладать ими [3. С. 31].

Рассматривая своеобразие ЯЛ ребенка с психоллингвистических позиций, следует обратить внимание на два направления: изучение овладения ребенком коммуникативными навыками и определение периодизации речевого развития ребенка.

В трудах Л. С. Выготского, Д. Б. Элькони-на, А. А. Леонтьева обосновывается положение о качественном своеобразии в психическом развитии ребенка в каждый возрастной период. Так, Л. С. Выготский вводит понятие «кризисных точек» (1, 3, 7, 13 лет), детерминированных социальной ситуацией развития, перестройка которой и составляет главное содержание критических возрастов. А. А. Леонтьев строит периодизацию становления и развития речевой деятельности ребенка из следующих «стадий»: 1) подготовительный (от рождения

до года); 2) преддошкольный (от 1 года до 3 лет); 3) дошкольный (с 3 до 7 лет); 4) школьный (с 7 до 17 лет) [14. С. 176].

Принимая во внимание соотношение интеллектуального и речевого развития ребенка, учитывая появление новообразований в речи ребенка на каждом возрастном этапе, И. Н. Горелов выделяет шесть речевых стадий в развитии ребенка дошкольного возраста: «1) лепет и первые реакции на собственное имя и имя матери (5–7 мес.); 2) первые слова – предложения (9–12 мес.); 3) первые предложения (к двум годам); 4) первые возможности понимания чужой и употребления собственной речи вне ситуации (к трем годам); 5) беглая речь, словотворчество (к четырем годам); 6) сознательное отношение к правилам языка, исправление ошибок в речи других, качественный скачок в сфере полисемии слова (к семи годам)» [Цит. по: 19. С. 37].

Лингвисты строят периодизацию речевого развития ребенка, опираясь на уровневую организацию языка. Комплексное рассмотрение освоения ребенком всех сторон языка и речи проводится в соответствии с усредненными показателями, характерными для того или иного этапа онтогенеза, и определяется как линейный процесс: гуление – лепет – слово – словосочетание – простое предложение – распространное предложение – сложное предложение – текст.

В лингвистике и лингводидактике ЯЛ ребенка характеризуется с точки зрения усвоения лексического запаса языка, овладения ребенком фонетического строя речи, грамматических категорий. Так, А. Н. Гвоздев, учитывая особенности освоения ребенком частей речи, структур предложений, характер их грамматического оформления, выделяет следующие этапы овладения ребенком родным языком:

- период предложений, состоящий из аморфных слов-корней (до 1 года 10 месяцев);
- период усвоения грамматической структуры предложений (до 3 лет);
- период совершенствования морфологической системы языка (до 7 лет) [5. С. 466].

Г. И. Богин в русле лингводидактического подхода выделил следующие типы языковой личности ребенка по ее способности порождать целостные речевые произведения:

Уровень 1, названный исследователем уровнем правильности, соответствует речевому развитию шестилетнего ребенка. О недостижимом его можно говорить: «Он русского языка

не знает». Языковая личность, поднимаясь на эту ступень, овладевает именно языком с его элементарными правилами.

О человеке, не достигшем 2 уровня, уровня интериоризации, говорят: «Он еще говорить как следует не научился». Недостатком здесь является «плохая скорость», связанная с плохо сформированным аппаратом внутренней речи. Преодоление недостатков такого рода вполне достигается к подростковому возрасту 10–11 лет.

До уровня 3, уровня насыщенности, недостатки критикуются суждениями типа: «У него бедная речь». Здесь отмечается слабое использование стилевых ресурсов языка. Преодоление слабости такого рода длится до 15–16-летнего возраста» [6. С. 229].

Конечно, комплексное исследование развития языковой личности ребенка не может не опираться на данные, полученные учеными в результате исследования детской речи и общения детей. ЯЛ ребенка в коммуникативном аспекте рассматривает К. Ф. Седов, представляя результаты исследования особенностей становления дискурсивного мышления ЯЛ ребенка младшего школьного возраста [22]. Исследователь различает две стратегии дискурсивного поведения: изобразительную и аналитическую, выделяя следующие подтипы: репрезентативно-иконический, репрезентативно-символический, объектно-аналитический и субъектно-аналитический. Изобразительная стратегия связана с установкой на изображение ситуации в тексте, а аналитическая – на рассказ о ситуации и ее анализ. Становление дискурсивного мышления ребенка проходит путь от преобладания репрезентативного (изобразительного) способа построения дискурса в 6–7 лет к аналитическому принципу его построения в подростковом возрасте [6. С. 237].

Итак, подводя итог, следует отметить:

1. Языковая личность – носитель языкового сознания и родного языка. Данное положение справедливо и по отношению к языковой личности ребенка.

2. В настоящее время изучение языковой личности ребенка базируется на интердисциплинарном и антропоцентрическом принципах, на исследованиях в области лингводидактики, онтолингвистики, психоллингвистики, социоллингвистики. В антропоцентрической парадигме определяются основные теоретические понятия: языковая личность, структура языковой личности, ее типология и модели.

3. Языковая личность ребенка, вслед за О. А. Шороховой, определяется нами как совокупность системных качеств, объективированных в речи, связанных с развитием коммуникативно-потребностной сферы, приобретаемых в целях коммуникативной целесообразности и проявляемых в процессе совместной деятельности в межличностном общении.

4. Из-за расширенного понимания феномена языковой личности исследователи предлагают различные основания для выделения некоторых ее типов и кладут в основу типологизации свой предмет исследования. Наиболее принятым является характеристика языковых личностей с позиции личности и с позиции языка.

5. Детская языковая личность неоднородна, поэтому возможно выделение ее типов по различным основаниям: с точки зрения способов освоения нового слова: стихийные семантики, стихийные формалисты, стихийные консерваторы. С точки зрения способности порождать и понимать тексты: ЯЛ, использующая репрезентативный (изобразительный) способ построения дискурса, и ЯЛ, использующая аналитический принцип построения дискурса. С точки зрения этапности в освоении языковой системы: ЯЛ ребенка дошкольного возраста, ЯЛ ребенка дошкольника, ЯЛ ребенка младшего школьного возраста, ЯЛ подростка – и др.

6. Специфика детской языковой личности проявляется в таких типичных ее признаках, как лингвокреативность, выраженная в детских речевых инновациях и языковой игре; высокая степень экспрессивности; неустойчивость, «вариабельность» языковой системы ребенка; анимизм как проявление когнитивной функции языка; динамизм, этапность в освоении языковой системы; противоречие между непоследовательностью демонстрации языковых фактов и соблюдением системности в использовании лексико-грамматических единиц и категорий.

Список литературы

1. Арушанова, А. Г. Речь и речевое общение детей. М., 2002. 272 с.
2. Богин, Г. И. Типология понимания текста : учеб. пособие. Калинин, 1986. 87 с.
3. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб. ; М., 2003. 672 с.
4. Букирева, Т. А. Аспекты языковой игры: аномальность и парадоксальность языковой

- личности С. Довлатова : дис. ... канд. фил. наук. Краснодар, 2000. 145 с.
5. Гвоздев, А. Н. Вопросы изучения детской речи. СПб., 2007. 472 с.
 6. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики : учеб. пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. М., 2001. 304 с.
 7. Гридина, Т. А. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи. М., 2006. 152 с.
 8. Гюльвердиева, Л. М. Оказиональные слова в речи дошкольников и младших школьников / Л. М. Гюльвердиева, А. М. Сакиев // Начальная школа. 2000. № 5. С. 82–87.
 9. Добрович, А. Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. М., 1987. 207 с.
 10. Ермакова, Е. В. Лингвориторические основы формирования языковой личности в системе дошкольного образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/352/36744.php>.
 11. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 2010. 368 с.
 12. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. 389 с.
 13. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007. 164 с.
 14. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики. М., 2003. 287 с.
 15. Ляпон, М. В. Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность : сб. ст. / Институт русского языка РАН. М., 1995. С. 260–276.
 16. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996. С. 112–116.
 17. Нерознак, В. П. Языковая личность / В. П. Нерознак, И. И. Халеева // Эффективная коммуникация: история, теория, практика : слов.-справ. / под ред. М. И. Панова. М., 2005. С. 587–591.
 18. Норман, Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994. 228 с.
 19. Плотникова, С. В. Развитие лексикона ребенка. М., 2013. 224 с.
 20. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002. 552 с.
 21. Седов, К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. Психологические и социолингвистические аспекты. Саратов, 1999. 180 с.
 22. Седов, К. Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Язык и человек. Саратов, 1996. Вып. 26. С. 8–14.
 23. Сиротина, О. Б. Социоллингвистический фактор в становлении языковой личности // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград; Саратов: Перемена, 1998. С. 3–9.
 24. Харченко, В. К. Переносные значения слова. М., 2009. 200 с.
 25. Цейтлин, С. Н. Направления и аспекты изучения детской речи // Детская речь как предмет лингвистического исследования. СПб., 2004. С. 275–279.
 26. Цейтлин, С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009. 592 с.
 27. Цейтлин, С. Н. Язык и ребенок: лингвистика детской речи. М., 2000. 240 с.
 28. Чуприкова, Н. И. Принцип словесно-знаковой сигнализации, речевое общение и умственное развитие // Вопр. психологии. 1983. № 5. С. 19–28.
 29. Шорохова, О. А. Критерии развития языковой личности дошкольника [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emissia.org/offline/2006/1079.htm>.
 30. Шпомер, Е. А. Коммуникативные неудачи в диалогическом общении в соотнесенности с коммуникативными законами и типами языковой личности (на материале немецкого языка). Абакан, 2011. 292 с.
 31. Danes, F. Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field // Proceedings of the XIVth International Congress of Linguists. Berlin, 1987. P. 168–179.
 32. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_6_139.

СПОСОБЫ АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОВ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ЖАНРА В ДЕТЕКТИВЕ

Анализируются способы актуализации концептов готического жанра как прецедентного в детективе на материале новелл Г. К. Честертон. Эффект обманутого ожидания в детективе строится на сходстве двух жанров. Концепт прецедентного жанра актуализируется в сознании читателя при помощи элементов композиционной структуры текста, персонажных схем и языковых средств.

Ключевые слова: *прецедентный жанр, концепт прецедентного жанра, детектив, готический жанр.*

Сформулированное М. М. Бахтиным определение жанра как определенных относительно устойчивых тематических, стилистических и композиционных типов высказываний [1. С. 254] применимо к анализу любых форм текстов и дискурсов. Во вторичных, или сложных жанрах (романах, драмах и др.), образующихся на основе первичных, или простых (реплики бытового диалога, письма, бытовые рассказы), происходит «условное разыгрывание речевого общения и первичных речевых жанров» [1. С. 265].

Указанные выше характеристики (устойчивость, тематическое, стилистическое и композиционное единство) способствуют тому, что жанр становится узнаваемым, реинтерпретируется в различных знаковых системах, приобретая, таким образом, статус прецедентного феномена. В нашей работе мы опираемся на предложенное Г. Г. Слышкиным понятие прецедентного жанра, под которым понимаются композиционные структуры и совокупности языковых штампов, известные членам той или иной культурной группы, обладающие для них ценностной значимостью и указывающие на определенный тип текста [3. С. 41–42]. Понятие прецедентного жанра, как и понятие речевого жанра, можно использовать для исследования любых форм текстов и дискурсов. Ценностная значимость прецедентных жанров обуславливает их способность формировать концепты. Лингвокультурный концепт прецедентного феномена представляет собой ментальную репрезентацию, построенную в процессе включения информации о феномене в цельную картину мира языковой личности или языкового коллектива, при этом, в отличие от когнитивного концепта, лингвокультурный концепт характеризуется акцентуацией цен-

ностного элемента [3. С. 41–42]. В качестве стимулов, активизирующих в сознании читателя концепты прецедентных жанров, могут выступить элементы композиционной структуры текста, такие как заголовок, начало, окончание. Узнаваемыми эти тексты делает и присущая им высокая степень клишированности языка. Апелляция к концепту прецедентного жанра направлена на актуализацию не какого-то текста, имени, ситуации или высказывания, а плана текстовой композиции.

Языковая клишированность является одной из основных характеристик формульного жанра, к которому можно отнести детектив и готический роман.

И детектив, и готический роман отличает бинарная картина мира: в детективе она представлена дихотомией хаос – порядок (или зло – добро), в готическом жанре – реальное – фантастическое. В обоих случаях нарушение равновесия становится основой развития сюжета, а результатом – восстановление первоначального баланса.

Апелляция к концепту в конкретных коммуникативных целях относится к уровню его текстовой реализации, при этом задействована только та часть концепта, которая необходима в данной ситуации [4. С. 50]. На этом уровне происходит разделение существующего в культурной и индивидуальной памяти единого концепта «на подконцепты, функционирующие в отдельных жанрах и дискурсах» [4. С. 50].

Точка соприкосновения картин мира детективного и готического жанров – тайна, поскольку она является общим для них системообразующим концептом. Под системообразующим концептом Г. Г. Слышкин понимает концепт, выражающий «потребности носителя культуры, ради удовлетворения которых соз-

дается данный жанр» [4. С. 189]. Все остальные концепты, принадлежащие картине мира данного жанра, конкретизируют системообразующие концепты [4. С. 189]. Тайна детектива так же, как и тайна готического романа, окружает преступление мистическим ореолом, однако детективная тайна постепенно перерастает в загадку, в то время как тайна готическая, как правило, не имеет рационального объяснения. Концепты, конкретизирующие центральный концепт, – это «преступление», «жертва» (характерны для готического и детективного жанра, но могут и отсутствовать), «сыщика», «следствие», «преступник» (концепты детективного жанра).

Примером «сращения» моделей детективного и готического жанра является роман А. Кристи «Ten Little Niggers» «Десять негритят» – в нем присутствуют такие концепты, как тайна, преступление, жертвы, преступник, следствие, но нет сыщика. Сыщик-персонаж замещается функцией сыщика, которую выполняют потенциальные жертвы. Такой прием – переход функций одних действующих лиц к другим, отмеченный исследователями мифов и сказок, – характерен и для детектива. Как утверждает В. Я. Пропп, «самый способ осуществления функций может меняться: он представляет собой величину переменную... Но функция как таковая есть величина постоянная» [2. С. 19].

Апелляция к прецедентному жанру так же, как и к любому другому прецедентному феномену, способствует реализации авторского замысла. Так, для детективных новелл Г. К. Честертона характерны отсылки к жанру готического романа, обладающего такими узнаваемыми для читателя чертами, как замкнутость и ограниченность места действия, атмосфера таинственности, окружающая преступление, а также преобладание характерных для этого жанра элементов построения сюжета, персонажных схем и лексико-синтаксических стилистических средств.

Заголовок рассказа Г. К. Честертона «The Doom of the Darnaways» «Злой рок семьи Дарнуэй» – это ключевой элемент, способствующий реализации эффекта обманутого ожидания. Сначала он указывает на принадлежность текста к жанру готического романа, а после прочтения не оправдывает ожиданий читателя. Заголовок повторяется в тексте 6 раз, тем самым участвуя в процессах создания макросвязности и цельности текста.

Экспозиция рассказа представляет собой типичный «готический» пейзаж и, таким об-

разом, актуализирует в сознании читателя концепт прецедентного жанра:

In terms of tone and form, as these men saw it, it was a stretch of sands against a stretch of sunset, the whole scene lying in strips of sombre colour, dead green and bronze and brown and a drab that was not merely dull but in that gloaming in some way more mysterious than gold. All that broke these level lines was a long building which ran out from the fields into the sands of the sea, so that its fringe of dreary weeds and rushes seemed almost to meet the seaweed. But its most singular feature was that the upper part of it had the ragged outlines of a ruin, pierced by so many wide windows and large rents as to be a mere dark skeleton against the dying light... [5. С. 180].

Если говорить о колорите и очертаниях, то видели они полосу песка, а над ней полосу предзакатного неба, которое все окрашивало в мрачные тона: мертвенно-зеленый, свинцовый, коричневый и густо-желтый, в этом освещении, впрочем, не тусклый, а скорее таинственный – более таинственный, чем золото. Только в одном месте нарушались ровные линии: одинокое длинное здание вклинивалось в песчаный берег и подступало к морю так близко, что бурьян и камыш, окаймлявшие дом, почти сливались с протянувшейся вдоль воды полосой водорослей. У дома этого была одна странная особенность – верхняя его часть, наполовину разрушенная, зияла пустыми окнами и, словно черный остов, вырисовывалась на темном вечернем небе, а в нижнем этаже почти все окна были заложены кирпичами – их контуры чуть намечались в сумеречном свете.

В качестве способов актуализации концепта прецедентного жанра выступают, в частности, эпитеты, описывающие место действия. Они оказывают воздействие на эмоциональный настрой читателя, вызывая предчувствие надвигающейся катастрофы: унылые водоросли, таинственность сумерек, неровные очертания развалин, темный остов дома, умирающий свет, мрачные тона (мертвенно-зеленый, тусклый серо-коричневый) и др.

Таинственная смерть Дарнуэя происходит в полном соответствии с ужасным проклятием, начертанным под портретом одного из его предков:

In the seventh heir I shall return,
In the seventh hour I shall depart,
None in that hour shall hold my hand,
And woe to her that holds my heart [5. С. 187].

*В седьмом наследнике возникну вновь
И в семь часов исчезну без следа.
Не сдержит гнева моего любовь,
Хозяйке сердца моего – беда.*

Единство темы подчеркивается при помощи повтора – параллельные конструкции «In the seventh heir I shall return, In the seventh hour I shall depart» построены одинаково синтаксически, они создают торжественный и зловещий ритм, способствуя сгущению атмосферы тайны.

В персонажной схеме готического романа, как правило, отражается бинарный характер картины мира данного жанра – герои делятся на положительных и отрицательных: юная девушка, живущая в замке или попавшая в замок по воле злого рока, герой, пытающийся ее спасти, освободив от заклятия и злодеев, преследующий их. Персонажная схема новеллы Честертона первоначально кажется типичной для готического романа. Главные персонажи – мисс Дарнуэй, живущая в доме своих предков и помолвленный с ней молодой Дарнуэй (ее родственник) – потомки угасающего и разорившегося рода, над которым тяготеет проклятье, а также врач, художник, приглашенный реставрировать портреты, его знакомый и священник. Сами обитатели дома напоминают привидения:

“Who on earth can live in that old shell?” exclaimed the Londoner, who was a big, bohemian-looking man, young but with a shaggy red beard that made him look older; Chelsea knew him familiarly as Harry Payne. “Ghosts, you might suppose,” replied his friend Martin Wood. “Well, the people who live there really are rather like ghosts” [5. С. 180].

– Ну, скажите на милость, кто может жить в этих развалинах? – воскликнул лондонец, рослый, богемного вида молодой человек с пушистой рыжеватой бородкой, несколько старившей его. В Челси он был известен всем и каждому как Гарри Пейн.

– Вы думаете, призраки? – отвечал его друг, Мартин Вуд. – Ну что ж, люди, живущие там, действительно похожи на привидения.

There were three people in it when they entered; three dim figures motionless in the dim room; all three dressed in black and looking like dark shadows [5. С. 184].

Между тем в ней было три человека – три сумрачные неподвижные фигуры в сумрачной комнате, одетые в черное и похожие на темные тени.

Эпитеты (dim figures motionless, dim room, dark shadows) лексические повторы (dim figures in the dim room), сравнения (like ghosts, like shadows) являются отсылками к концепту готического жанра – сами персонажи кажутся частью мрачного интерьера дома Дарнуэев.

После гибели Дарнуэя священник (отец Браун) начинает выяснять ее причины, и, таким образом, исполняя роль сыщика, ведущего следствие, из второстепенного персонажа становится главным. Именно в этот момент, вследствие смещения персонажной схемы, структура готического романа разрушается детективом, поскольку в готическом романе нет сыщиков.

Взаимодействие готического и детективного жанра прослеживается на всех уровнях организации текста. Так, в завязке читатель знакомится с местом действия – старинным родовым домом Дарнуэев, с героями рассказа, узнает о скором прибытии наследника, развитие действия – приезд Дарнуэя, поражающего всех своим сходством с прадедом, изображенным на портрете, выявление связей и противоречий между персонажами, нагнетание конфликта. После кульминационного момента, когда происходит смерть наследника, готический жанр постепенно трансформируется в детектив, тайна становится загадкой, а развязка, описывающая разрешение конфликта и выводы отца Брауна, представляет типичный для детектива элемент – разгадку тайны. Ужасное проклятие оказывается творением человеческой воли, злым умыслом, мотив которого вполне реален и не имеет никакого отношения к сверхъестественному. Элементы готики создают эффект обманутого ожидания, поскольку, погружая читателя в атмосферу мистики, отвлекают его внимание от деталей преступления. В конце рассказа происходит раскрытие преступления и, следовательно, «разоблачение» готического жанра.

На сходстве детектива с готическим жанром строится детективная загадка и в новелле «The Purple Wig» (Лиловый парик). Хотя в ней нет никакого таинственного преступления, налицо все остальные узнаваемые признаки готического жанра – проклятие, тяготеющее над потомком рода Эксмуров, тайна, вынуждающая его носить парик, кровавые легенды, связанные с историей рода. Все это становится захватывающим материалом для статей сотрудников журнала, эксплуатирующих склонность массового читателя к кровавым историям и

тайнам. Журналист встречает лорда Эксмюра в компании личного библиотекаря и католического священника Брауна и узнает тайну лилового парика. Станным кажется не только парик герцога, но и то, что он сам рассказывает страшные истории о своих предках. Эксмюр словно выставляет напоказ деяния предков, гордится ими. Эту особенность отмечает отец Браун, когда герцог покидает их. Однако библиотекарь объясняет это проклятием, приведшим к наследственному пороку – деформации уха Эксмюров, один лишь взгляд на которое может привести к ужасным последствиям:

...the Duke does really feel the bitterness about the curse that he uttered just now. He does, with sincere shame and terror, hide under that purple wig something he thinks it would blast the sons of man to see [5. С. 106].

...герцога действительно мучает горечь проклятия, о котором он говорил. С искренним стыдом и ужасом прячет он под лиловым париком нечто ужасное, созерцание чего, как он думает, не под силу сынам человеческим.

На лексическом уровне апелляция к концепту прецедентного жанра осуществляется при помощи контекстных синонимов – doom, curse; shame and terror, horror, а также эпитетов family curse, load of horror. Кроме того, ассоциативную связь с готическим жанром осуществляет и идиома **the crack of doom – трубный глас, возвещающий начало Страшного Суда**, – отсылка к 8 главе Откровения Иоанна Богослова.

Языковые штампы также указывают на принадлежность текста к готическому жанру:

The curse of the Eyres of old has lain heavy on this country [5. С. 104].

С давних времен проклятие Эров тяготеет над этими местами...

Описывая свои эмоции в тот момент, когда отец Браун убеждал герцога снять парик, журналист пытается передать атмосферу сверхъестественного ужаса в стиле готического романа:

...I could not banish from my own brain the fancy that the trees all around us were filling softly in the silence with devils instead of birds [5. С. 180].

... и мне почудилось, – как ни гнал я эту нелепую фантазию из своей головы, – будто в тишине вокруг нас на деревьях неслышно рассаживаются не птицы, а духи ада.

Элементы готического жанра переплетаются с элементами детектива, тайна и загадка

компенсируют отсутствие преступления. Расследования как такового нет, однако читатель узнает об имевшем место в прошлом конфликте между последним Эксмюром и его адвокатом, именно здесь находится ключевой момент детективной интриги – согласно рассказанной библиотекарем истории, Эксмюр снял свой парик и потрясенный адвокат исчез навсегда. Отец Браун безуспешно пытается убедить герцога снять парик, чтобы покончить с суеверием навсегда, затем журналист срывает его с головы Эксмюра. Таким образом, читатель узнает, что парик Эксмюра (который оказался тем самым адвокатом, разорившим настоящего герцога и унаследовавшим его замок и титул) скрывал не страшное уродство, а его отсутствие.

Как уже говорилось выше, детектив и готический роман имеют много общих черт, обусловленных генетической связью двух жанров. Именно на сходстве двух жанров и строится эффект обманутого ожидания – элементы готического жанра переходят в элементы детективного жанра, детективная интрига маскируется «готической тайной». Реализации эффекта обманутого ожидания способствует также персонаж отца Брауна, который первоначально воспринимается читателем как «готический персонаж», неотъемлемая часть старинных замков, а затем становится центральной фигурой расследования. Активизация концепта прецедентного жанра в сознании читателя осуществляется при помощи элементов композиционной структуры текста, персонажных схем и языковых средств.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. 336 с.
2. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. 336 с.
3. Слышкин, Г. Г. **Лингвокультурные концепты и метаконцепты** : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 323 с.
4. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000. 128 с.
5. Chesterton, G. K. Selected Stories. М., 1971. 488 с.

В. М. Зубарева

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ОЦЕНКИ В КОММЕНТАХ К СТАТЬЯМ БРИТАНСКИХ ОНЛАЙН-ГАЗЕТ

Описывается специфика репрезентации категории оценки в комментариях к статьям современных британских онлайн-газет. Данная категория рассматривается как аксиологическая модальность. Проводится анализ языковых средств реализации оценки в комментарии, а также описываются основные элементы оценочной структуры – субъект и объект оценки.

Ключевые слова: оценка, аксиологическая модальность, комментарий, субъект оценки, объект оценки, языковые средства реализации.

Цель статьи состоит в описании особенностей проявления оценки в комментариях к статьям современных британских онлайн-газет. Данное описание предполагает определение количественного соотношения оценочных и неоценочных комментариев, выявление субъекта и объекта оценки в комментарии и анализ лингвистических средств, служащих для выражения данного значения. Под комментарием понимается любое сообщение читателя, следующее за онлайн-статьей, в отличие от комментария, традиционно определяемого как «рассуждения, пояснительные и критические замечания по поводу чего-л.» [3. С. 445]. Материалом для анализа послужили 1000 комментариев к онлайн-статьям изданий: The Telegraph, The Guardian, Daily Mail и The Sun. В каждом издании были выбраны по 10 статей различной тематики с первыми следующими за ними в хронологической последовательности 25 комментариями.

Категория оценки – «совокупность разнородных языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [2. С. 139]. Необходимость исследования данной категории в комментариях обусловлена тем фактом, что оценка рассматривается учеными как один из видов модальностей [4. С. 11 ; 11. С. 58]. Модальность (понимаемая как «категория, выражающая отношение субъекта, автора речи к объекту, предмету речи» [9. С. 16]), в свою очередь, является онтологическим признаком комментария, так как по своему определению комментарий представляет собой мнение о ком-либо или чем-либо (ср. “an opinion that you express about someone or something” [13. С. 304]), то есть «суждение, выражающее оценку кого-либо, чего-либо, отношение к кому-либо, чему-либо, взгляд на кого-либо, что-либо» [3. С. 547].

Соответственно, аксиологическая модальность может быть одним из семантических типов отношений, выраженных в комментарии. Другими основными семантическими типами модальности согласно классификации, предложенной для исследования рекламных текстов С. В. Кобызевой, являются интеллектуальная и волеизъявительная модальность [8. С. 7].

Оценка может быть единственным отношением, выражаемым в комментарии, то есть «составлять цель сообщения» [4. С. 32]. В таком случае весь комментарий является собственно оценочным.

Е.g. (1) *wonderful wonderful wonderful... congratulations and well done!!!!*

Очевидно, что пример 1 представляет собой комментарий, единственная коммуникативная цель которого дать положительную оценку. Такие комментарии выражают только одну модальность – аксиологическую. Проведенный анализ показал, что собственно оценочные комментарии составляют большую часть – 71,6 % (716 / 1000). При этом примечательным является преобладание отрицательной оценки (66,5 %) (477 / 716) над положительной.

Оценка также может быть не единственным, а одним из отношений, выражаемых в комментарии, то есть комментарий может содержать несколько модальностей, одна из которых является аксиологической.

Е.g. (2) *Sabine Lidocki is wonderful! Hope she wins the whole thing.*

Пример 2 выражает два вида отношения, во-первых, положительную оценку, реализуемую с помощью слова *wonderful* («wonderful – extremely good [13. С. 1653]») и, во-вторых, желание автора комментария, актуализируемое посредством глагола *hope* («hope» – to want something to happen or be true and to believe that it is possible or likely [13. С. 784]). Таким обра-

зом, в данном комментарии объединены два вида модальности – аксиологическая модальность и интеллектуальная модальность недействительности, а именно, модальность желательности. Комментарии, содержащие как собственно оценку, так и другие виды отношения автора, составляют вторую по численности группу – 17,3 % (173/ 1000).

Кроме того, выражение оценочного значения может не быть коммуникативной целью ни всего комментария, ни его части, при этом оценка может присутствовать в комментарии как один из компонентов его конструкции, в основе которой лежат другие модальности.

Е.г. (3) *Don't pinch your cheeks to make them blush. You'll break those delicate capillaries.*

Пример 3 представляет собой побудительное предложение, которое служит для выражения волеизъявительной директивной модальности. Однако очевидно, что призыв не щипать щеки, чтобы вызвать румянец, является результатом отрицательной оценки этого действия. Данная группа комментариев, в которых оценка присутствует, но не является доминирующей модальностью, очень немногочисленна – 3,4 % (34/ 1000)

И наконец, аксиологическая модальность может совсем отсутствовать в комментарии, что наблюдается в 7,7 % случаев (77/ 1000).

Е.г. (4) *I am pretty sure that the royal baby will be a boy.*

Так, пример 4 относится к интеллектуальной модальности недействительности, и более конкретно к эпистемической модальности уверенности.

Таким образом, количественное исследование показало, что оценка присутствует в подавляющем большинстве анализируемых примеров (92,3 %) и однозначно является основной модальностью комментариев. Данный вывод служит причиной более подробного описания категории оценки в комментарии.

Итак, «оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как “А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/ плохой”» [4. С. 5–6]. Соответственно, основными элементами оценочной структуры являются субъект и объект оценки [4. С. 67].

Субъект оценки – «лицо, часть социума или социум в целом, с точки зрения которого производится оценка» <...> «на основании имеющейся в его «картине мира» шкалы и соот-

ветствующих стереотипов» [4. С. 68]. Субъект оценки может быть как имплицитным, так и эксплицитным. Основным способом выражения субъекта являются аксиологические предикаты, в первую очередь предикаты мнения, ощущения, восприятия (*считать, ставить, казаться, расценивать* и др.) [4. С. 12]. Аксиологический предикат «вводит в высказывание эксплицитную субъективность, указывая на присутствие оценочного субъекта и представляя оценку как относящуюся к его концептуальному миру» [4. С. 97].

Проведенный анализ показал, что в комментариях в качестве аксиологических предикатов используются глаголы *think, reckon, believe, say, feel*.

Е.г. (5) *I think it's terrible that she has so many bikinis and holidays when children are going without food and water in UK... there, I've said it.*

Однако, такие случаи экспликации субъекта редки, так как в комментарии субъектом оценки всегда является его автор, то есть субъект оценки и субъект речи совпадают, комментарий всегда пишется от первого лица. Очевидно, что в любом собственно оценочном комментарии, модальная рамка с имплицитным субъектом может быть восстановлена до модальной рамки с эксплицитным субъектом. Так, например, комментарий *He's looking great* можно трансформировать в *I think he's looking great*.

При такой преобладающей имплицитности субъекта оценки, особый интерес представляют комментарии, в которых обозначается «субъективное отношение как таковое» [4. С. 23], то есть авторы таких комментариев не оценивают объект, а лишь выражают свое положительное или отрицательное отношение к нему.

Е.г. (6) *I was 18 when my parents split and after previously being close with both of them I now dont really like either of them*

Так, в примере 6 автор комментария с помощью глагола *like* в отрицательной форме сообщает лишь свое негативное отношение к родителям, не приписывая им ни пейоративной, ни мелиоративной оценки.

Кроме того, есть комментарии, в которых имеют место и субъективное отношение и оценка объекта.

Е.г. (7) *Strangely I admire him, he seems to be better than those quislings we have*

В примере 7, во-первых, выражается крайне позитивное субъективное отношение автора комментария к объекту оценки посредством глагола *admire* («admire» – to respect and like some-

one because they have done something that you think is good [13. С. 19–20], и, во-вторых, дается сравнительная оценка данного объекта, выраженная прилагательным *better*.

Вторым основным элементом оценочной структуры является объект оценки – «лицо, предмет, событие или положение вещей, к которым относится оценка» [4. С. 12]. Объект оценки, как правило, является эксплицитным [4. С. 47]. Таким выраженным объектом оценки в комментариях может быть:

1) статья:

Е.g. (8) *Great article*.

(9) *Wonderful story*.

2) ньюсмейкер – лицо (а), событие (б) или (с) предмет, являющиеся новостью:

а) Е.g. (10) *She looks good*.

Luiz was outstanding in defence. He and Oscar had great performances.

б) Е.g. (11) *Oh that's a shame...*

What a fabulous match

с) Е.g. (12) *not even to mention its too small, too low, and looks horrible*

(13) *VERY UGLY CAR, HAVE TO PAY ME TO DRIVE IT!!!*

Примеры 10–13 свидетельствуют о том, что если объектом оценки является единственный ньюсмейкер статьи, то он чаще всего обозначается местоимением. Однако если в статье несколько ньюсмейкеров, то объект оценки конкретизируется с помощью имени собственного или существительного.

3) атрибут ньюсмейкера:

Е.g. (14) *cute little bottom on her!!*

(15) *Fine figure!!*

Данные комментарии следуют за статьей, которая посвящена времяпровождению звезды Алекс Джерард с семьей на пляже, однако в них оцениваются не она, а ее купальник («bottom» – 7. the part of a set of clothes that you wear on the lower part of your body [13. С. 167]) и фигура.

4) фотография из статьи:

Е.g. (16) *that last pic is soooo cute*

5) цитата из статьи:

Е.g. (17) *“In the presence of the Queen, certain boundaries must not be crossed: do not speak until you are spoken to, bow from the neck and never, ever, ask if she will pose for a picture with you”*

Jeez. Remind me. What year is this again?

6) заголовок статьи:

Е.g. (18) *The headline is deliberately misleading*

7) лицо, событие или предмет, упоминаемые в статье, но не являющиеся ньюсмейкерами:

Е.g. (19) *Borat is one of the best films ever made. Comedy gold.*

Этот коммент написан к статье, посвященной визиту премьер-министра Соединенного Королевства в Казахстан, и фильм «Борат» не является в нем главной новостью, однако является объектом оценки.

8) коммент другого пользователя:

Е.g. (20) *gunnerjas Brilliant Comment*

Данный объект оценки осуществляется посредством указания ника автора коммента – *gunnerjas* и собственно слова *comment*.

9) другие пользователи:

Е.g. (21) *what is wrong with some of you people?*

From a rather innocent article about a little girl having her picture taken with the royals comes comments about hate of religion, royalty and anything else that grabs you!

10) работа издания:

Е.g. (22) *people at the sun...you blurred the number plate out on the last picture... but on the first one you did not. tut tut*

(23) *amazing work by the guardian*

11) работа автора статьи:

Е.g. (24) *very nice piece of work by Simon Copeland.*

(25) *More (predictably) lazy & sloppy journalism from Chris Bascombe. No quotes from the parties directly involved, no formal statements, and no proven facts. Just more hot air.*

Однако в двух случаях объект оценки в комментариях не эксплицируется. Во-первых, когда объектом оценки выступает единственный ньюсмейкер статьи, в модальной рамке он опускается, то есть имплицитно, при этом он может быть легко восстановлен. Таким ньюсмейкером, подвергшимся эллипсису, может быть и лицо, и предмет и ситуация.

Е.g. (26) {She/ Alex Gerrard is} *looking good.*

(27) {It/ The Car} *Looks amazing!*

(28) {That/ The situation described in the article} *Absolute disaster for both first-time buyers and the economy.*

Во-вторых, объект оценки не выражен, когда коммент состоит из оценочного междометия.

Е.g. (29) *Yuck*

(30) *Pah*

Данные комментарии выражают отрицательное отношение их авторов к объекту оценки («pah» – **used to show that you disapprove strongly** of something [13. С. 1185]; «yuck» – **used to**

show that you think something is very unpleasant [13. С. 1920]), однако объект не может быть однозначно восстановлен.

Следующей задачей при описании специфики реализации аксиологической модальности в комментариях является анализ средств, с помощью которых может быть выражено оценочное значение. Представляется целесообразным проводить данное лингвистическое описание в соответствии с уровнями языковой системы: фонемным, морфемным, лексическим и синтаксическим.

1. Фонемный уровень.

В связи со сложным устно-письменным характером языка сети Интернет представляется необходимым расширить фонемный (фонетический уровень) до фонетико-графического, который включает два типа явлений: «во-первых, графическую фиксацию особенностей произношения и интонации, во-вторых, использование графических знаков для специальных прагматических целей <...>» [12. С. 129]. Интернет-платформы, на которых размещаются комментарии к статьям онлайн-газет не предоставляют пользователям возможности использования специальных графических знаков, в отличие, например, от таких социальных сетей, как **Instagram** или **Facebook**. Данное обстоятельство неизбежно сказывается на крайне незначительной степени выражения оценки в комментариях с помощью подобных знаков.

Е.g. (31) *awesome! putin <3*

В примере 31 графическое обозначение <3 («<3» – when viewed sideways, appears to be the outline of a heart; used in an expression of love [http://www.urbandictionary.com]) заменяет глагол с положительной оценочной семантикой *love*.

Однако, несмотря на то, что единицы фонетико-графического уровня очень редко употребляются для выражения собственно оценки, они широко используются для передачи экспрессивной оценки. Под экспрессивностью в данной работе понимается «усиление выразительности, образности, увеличение воздействующей силы сказанного» (Е. М. Галкина-Федорук, цит. по [10. С. 106]).

Е.g. (32) *GREAT SUCCESS!*

(33) *Try Raw honey from Bee Mercy on face and hair it's amazegggg.*

(34) *scary stuff:(*

Так, в примере 32 собственно-оценочное прилагательное *great* («great» – very good [13. С. 709]) и существительное *success* («suc-

cess» – when a lot of people like something, buy something, go to see something etc [13. С. 1658]), которое содержит в своей дефиниции глагол *like*, выражающий положительную оценку, написаны заглавными буквами, что делает оценку более выразительной и впечатляющей, то есть экспрессивной.

В примере 33 для достижения экспрессии используется многократное написание буквы *g* в общеоценочном прилагательном *amaz-ing* («amazing» – very pleasant and enjoyable [13. С. 43]).

В примере 34 частнооценочное прилагательное, содержащее негативное коннотативное значение *scary* («scary» – making you feel afraid or nervous [13. С. 1464]) употребляется в сочетании с эмотиконом :(, который также обозначает несчастное состояние субъекта оценки. («:(» – a symbol used to express general unhappiness or sadness. Viewed sideways, it is a frowning face or, for short, a «frowny face» [14]).

2. Морфемный уровень.

Словоизменительные морфемы употребляются для выражения сравнительной оценки, в формулировках которой используются такие термины, как «лучше/ хуже», а не «хорошо/ плохо», как при актуализации абсолютной оценки. При сравнительной оценке имеются по крайней мере два объекта или два состояния одного и того же объекта [4. С. 47].

Е.g. (35) *Love him or hate him, Putin is smarter than all the Western leaders put together.*

В примере имеются два объекта: Путин и лидеры западных стран, их сравнительная оценка производится с помощью словоизменительного суффикса *-er*, добавленного к частнооценочному прилагательному *smart*.

Кроме того, аффикс превосходной степени прилагательных служит для интенсификации оценки.

Е.g. (36) *I'm sorry but this is the silliest story I've heffer erred.*

Словообразовательные средства являются вспомогательным средством в выражении оценки, они служат для большей выразительности и отличаются оригинальностью.

Е.g. (37) *That's udderly ridiculous.*

(38) *«an explanatory open letter to chancellor George Osborne»*

Even with pictures and diagrams, Gidiot wouldn't understand it.

Так, примечателен пример 37, который относится к статье, сообщающей о смерти мужчины в результате падения на него коровы.

Слово-интенсификатор *utter* («utterly» – complete – used especially to emphasize that something was very bad, or that a feeling was very strong [13. С. 1825]) преобразовано в *udderly* на основании сходства корня *utter* со словом *udder* («udder» – the part of a cow, female goat etc that hangs down between its back legs and that produces milk [13. С. 1795]).

Не менее интересен пример 38, в котором автор коммента образует слово *Gidiot* путем сложения первой буквы имени канцлера казначейства Великобритании и слова *idiot*.

3. Лексический уровень.

На уровне слова средства выражения аксиологической модальности в комментах представлены общеоценочными и частнооценочными предикатами, эмоционально-оценочными глаголами и междометиями:

1) общеоценочные (собственно оценочные) предикаты обозначают только оценку со знаком «+» («хорошо») или «-» («плохо») [4. С. 29].

В данную группу входят в основном прилагательные и наречия, обозначающие как положительную (*good, well, nice, fine, alright, best, wonderful, brilliant, fantastic, amazing, outstanding, tremendous, fabulous, incredible, excellent, marvelous*), так и отрицательную оценку (*bad, badly, unpleasant, wrong, poor, shocking, disgusting, horrible, terrible, disgraceful, nasty, horrific*) объекта оценки.

Крайне редко в комментах собственно оценочной семантикой обладают существительные, так например слово *crap* выражает пейоративную оценку, ничего больше не сообщая о предмете оценки («crap» – something that is very bad or is of bad quality [13. С. 366]), в то время как слово *perfection* передает мелиоративную оценку («perfection» – the state of being perfect, «perfect» – as good as possible, or the best of its kind [13. С. 1220]).

2) частнооценочные предикаты сочетают оценочный смысл с дескриптивным [4. С. 29].

К таким словам относятся многочисленные прилагательные с оценочной коннотацией и со знаком «+» (*beautiful, stunning, peaceful, breathtaking, refreshing, gracious, lovely, interesting, informative, chirpy, educational*) и со знаком «-» (*useless, silly, loony, ugly, stupid, boring, overrated, arrogant, scary, mental, tragic, vacuous, airhead, gullible, ridiculous, damaging, pointless, miserable, misleading, churlish, ill-mannered, small-minded, vicious, sanctimonious, sour-faced, annoying, implausible, paranoid, toadying, adulterous, cretinous, daft, selfish, obscene, shameful,*

unhelpful, self-interested, bumbling, unfair). Данный перечень, в котором значительно преобладают прилагательные отрицательной оценки (37 единиц против 11 прилагательных положительной оценки), наглядно отражает вывод, сделанный в результате количественного анализа, что комментов с отрицательной оценкой больше, чем с положительной. Примечательно, что наряду с прилагательными в результате анализа были также выявлены и частнооценочные существительные, преимущественно с отрицательным оценочным смыслом: *fool, melt, muppet, cretin, idiot* (a stupid person or someone who has done something stupid [13. С. 805]); *buffoon* (someone who does silly amusing things [13. С. 191]), *rubbish, nonsense* (an idea, statement, etc that is rubbish is silly or wrong and does not deserve serious attention [13. С. 1437]); *junk* (old or unwanted objects that have no use or value [13. С. 877]), *spoilsport* (someone who spoils other people's fun [13. С. 1597]), *drivel* (something that is said or written that is silly or does not mean anything [18. С. 481]), *gallivanting* («gallivant» – to spend time enjoying yourself and going from place to place for pleasure – used humorously in order to show disapproval [13. С. 662]), *numptie* (an insulting word for someone who is stupid or not good at doing something [13. С. 1126]).

В группу частнооценочных слов входят также прилагательные, которые относятся не к объекту, а к субъекту оценки: *disappointed, sad, happy, glad*, то есть они не приписывают оценку объекту, а лишь выражают отношение субъекта к данному объекту.

Е.g. (39) *This article makes me happy.*

3) эмоционально-оценочные глаголы – глаголы, оценочная семантика которых «осложнена эмоциональным компонентом» [7. С. 30]. Наиболее распространенными глаголами для передачи эмоционального состояния субъекта оценки в результате оценки объекта как хорошего являются: *like, love, admire, respect*, и плохого: *hate, cannot stand*.

4) междометия – слова или фразы, выражающие сильные чувства или эмоции [6. С. 46]. Очевидно, что междометия, не называют и не оценивают свойства объекта, а передают состояние субъекта, вызванное определенным объектом. В этом плане они схожи с прилагательными и глаголами, выражающими оценку через отношение субъекта. Благодаря словарным дефинициям становится возможным определение того, является ли такое отношение результатом положительной или отрицательной оценки. Так,

например, междометие *yuk* имеет следующее определение «used to show that you think something is very unpleasant» [13. С. 1920] и соответственно выражает чувства и эмоции субъекта аксиологической конструкции, ставшие результатом пейоративной оценки ее объекта.

В комментариях имеются междометия, передающие и положительную (*well done, yuk*) и отрицательную оценку (*duh, damn, meh, tut tut, yuck, jeez, pah*).

4. Синтаксический уровень.

К синтаксическому уровню оценочных средств, во-первых, относятся немногочисленные примеры использования устойчивых словосочетаний, семантика которых выражает оценку.

Е.г. (40) *I don't really see why people think they can play god in this way.*

It's a slippery slope from this to selecting gender, colour and other characteristics of another human being.

In an over-populated world there is no need for IVF.

Так, выражение *a slippery slope* по своему значению равносильно **частнооценочному** существительному пейоративной оценки («*a/the slippery slope*» – used to talk about a process or habit that is difficult to stop and which will develop into something extremely bad [13. С. 1556]).

Кроме словосочетания, к синтаксическому уровню относятся предложение и текст. На уровне предложения оценка может быть выражена такими средствами, как ирония и риторический вопрос.

Ирония – стилистический прием, основанный на одновременной реализации двух значений слова – словарного и контекстного, стоящих в оппозиции друг к другу [5. С. 146]. Ирония обычно используется для передачи отрицательного значения. Таким образом, только положительные понятия могут быть использованы в своих словарных значениях. Контекстуальное значение всегда выражает отрицание положительного понятия, входящего в словарное значение [5. С. 148].

Е.г. (41) *Just love how THE SUN compares 1 day of nice weather here to a hot country who gets it almost every day. Duh*

Так, в примере 41 слово *love*, которое в своем прямом словарном значении передает положительную оценку, на самом деле используется в противоположном смысле, то есть для выражения неодобрения статьи издательства «The Sun», что подкрепляется междометием *duh*.

Риторический вопрос – фигура речи, состоящая в придании утверждению или отрицанию вопросительной формы для того, чтобы привлечь усиленное внимание слушателя, повысить эмоциональный тон и т. п. [1. С. 85].

Е.г. (42) *Does it have a «start» button?*

Очевидно, что данный комментарий к статье о выпуске новой игровой приставки компании «Microsoft» Xbox One, оформленный в виде вопроса, не предполагает ответа. Автор комментария не может не знать, что устройство имеет кнопку включения. Он использует вопросительную форму для выражения оценочного суждения о новинке, а именно в насмешливой форме отрицательно оценивает все перечисленные в статье технические возможности приставки.

Уровень текста предполагает такую оценку, которая не получает эксплицитного выражения, а выводится читателем самостоятельно. Примечательным для комментариев является то, что выявление в них оценки на текстовом уровне без знания содержания статьи невозможно, так как они образуют единое целое.

Е.г. (43) *Go for a walk...*

Так, если рассматривать пример 43 отдельно от статьи, то он представляет собой побудительное предложение и не выражает аксиологическую модальность. Однако при анализе данного комментария вместе с содержанием статьи, в которой речь идет об особенностях КроссФита – виде фитнеса, становится очевидным, что данный комментарий содержит отрицательную оценку КроссФита и положительную оценку обычной прогулки. Автор комментария советует лучше пойти прогуляться, чем заниматься данным видом фитнеса.

Е.г. (44) *Well everyone knows about it now...*

Пример 44 также не содержит оценки сам по себе. Зная содержание статьи «Perfect Armonay! The beautiful Portuguese island no one knows about» о прекрасном и малоизвестном пляже в Португалии, можно продолжить этот комментарий фразой «и это плохо»: «Все знают о нем теперь, и это плохо». То есть в данном комментарии негативная оценка издания актуализируется на текстовом уровне.

Итак, анализ лингвистических средств выражения оценки в комментариях показывает, что она может быть выражена на всех уровнях языковой системы.

Подводя итог проведенному в данной работе исследованию специфики проявления оценки в комментарии можно сделать ряд выводов. Аксиологическая модальность является

преобладающим семантическим типом субъектных отношений, выраженных в комментарии (92,3 %). Комментарий может включать оценку как единственную модальность (71,6 %), оценка может сочетаться в одном комментарии с другими типами модальности (17,3 %) и оценка может выступать как компонент структуры другого модального типа (3,4 %).

Что касается основных элементов оценочной структуры, субъекта и объекта оценки, то отличительной чертой комментариев является множественность объекта оценки при всегда единственном субъекте – авторе комментария.

Лингвистические средства выражения аксиологической модальности представлены единицами фонетико-графического, морфемного, лексического и синтаксического уровней. Семантический анализ данных единиц подтверждает вывод, сделанный в результате количественных подсчетов, о том, что отрицательная оценка (66,5 %) преобладает над положительной (33,5 %), поскольку лингвистические средства, передающие пейоративную аксиологическую модальность, значительно превышают соответствующие средства выражения мелиоративной оценки.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2007. 576 с.
2. Баженова, Е. А. Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2006. С. 139–146.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. 1536 с.
4. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2002. 280 с.
5. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка : учебник. М., 1977. 332 с.
6. Иванова, С. В. Культурологический аспект языковых единиц. Уфа, 2002. 116 с.
7. Кенжебалина, Г. Н. Оценочные глаголы в коммуникативной деятельности носителей русского языка : курс лекций для студентов и магистрантов. Павлодар, 2010. 99 с.
8. Кобызева, С. В. Реализация модальности в рекламном тексте (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012. 24 с.
9. Романова, Т. В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. СПб., 2003. 296 с.
10. Стернин, И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979. 156 с.
11. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография. М., 2008. 416 с.
12. Щипицина, Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: лингвистический аспект анализа. М., 2010. 296 с.
13. Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Limited, 2003. [XVII], 1949 p.
14. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urbandictionary.com>.

Н. Г. Кантышева

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ТЕРМИНОСИСТЕМ

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, Соглашение № 14.В37.21.0717 «Моделирование терминосистемы «Экологический аудит» и ее лексикографическое описание в систематизирующем комплексном словаре.

Рассматриваются возможности представления семантических отношений между терминологическими единицами в свете когнитивно-дискурсивного анализа языков для специальных целей. Такие возможности актуальны, в первую очередь, для терминологий полиаспектных областей.

Ключевые слова: когнитивное терминоведение, междисциплинарность, терминология.

Междисциплинарность выражается в современном мире по-разному, например, в форме универсальных научных тенденций. Некоторые авторы соизмеряют и идентифицируют этот термин с понятием «синтез». Синтетический характер как следствие междисциплинарных исследований влечет за собой ценность познания – когда проблемы и теории, освещаемые одной дисциплиной, расширяются, дополняются, изменяются, уточняются, устанавливаются отношения через призму другой дисциплины.

Некоторые новые научные направления, такие как количественная лингвистика, биохимия, геотехника, возникли в результате длительного междисциплинарного взаимодействия. Несмотря на границы дисциплин, происходит процесс понимания, находится общий язык для описания и решения проблем, происходит обмен критериями оценки качества научных достижений.

Знание и информация выступают не единственными составными частями «познающего общества». Основопологающим моментом является доступ к этим знаниям, их систематизация и дальнейшее использование. Особое внимание должно быть обращено на человека, который в конечном счете выступает в качестве продуцента и реципиента, классифицирует и исследует предложенные знания.

В связи с этим когнитивное терминоведение ставит в настоящее время новые вопросы о языке для специальных целей (LSP), структурах знания, которые обозначены термином, об особенностях профессионального общения с опорой на достижения корпусной лингвистики и других прикладных дисциплин. Когнитивное терминоведение «исходит из необходимости учета как прототипической категоризации кон-

цептов (что составляет требования новой парадигмы терминоведения), так и актуализации термина как знака “интеллектуально зрелого” и ясно очерченного понятия в сфере специальной коммуникации»¹.

К основным функциям LSP можно отнести следующие:

- представлять концептуальную и языковую картину данной области знания;
- осуществлять профессиональную нормированность и адекватность языковых средств, быть хранилищем структур человеческого знания и опыта;
- служить обеспечению описания специальной области знания и общения в ней, а также ее развитию².

Эти задачи становятся тем более актуальными, когда в процесс формирования значения термина включается контекст, дискурс в своем когнитивном аспекте, то есть как «как вербально опосредованная деятельность в специальной сфере»³. Когнитивный подход к описанию терминологической системы предполагает концептуальное описание терминов, которые выступают в качестве когнитивных структур специального знания (в классическом понимании Е. С. Кубряковой⁴).

Для дальнейшего развития темы представляется необходимым обозначить ключевое понятие темы: под **концептуальным моделированием** мы будем понимать систематизацию и структурирование составляющих конкретного фрагмента научной картины мира в ментальном пространстве специалиста.

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода терминосистема рассматривается разными авторами как:

– когнитивная карта⁵ (основными этапами когнитивного картирования науки выступают: вычленение базовых концептов; выявление концептуальных признаков; объединение тождественных концептов в категории-рубрики; представление в виде схем отдельных фрагментов и всей науки в целом⁶);

– концептосфера науки или ее фрагмента⁷ в виде древовидной схемы, систематизация концептов в которой осуществляется по уровням языковой категоризации;

– концептуальная интеграция⁸, представляющая собой органичное взаимодействие разных ментальных пространств в одной концептосфере;

– когнитивная матрица⁹, выступающая как система взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации смысла;

– фреймовая схема-сеть¹⁰ в виде своеобразного контура, в виде сети, «набрасываемой» на реальную действительность для извлечения понятийной информации и заполняемой в зависимости от предыдущего опыта более детализированным содержанием.

Организация любой терминологии, а тем более относящейся к формирующимся, всегда является результатом процесса сложного и достаточно продолжительного, поскольку зависит не только от ряда факторов и условий, но и от их взаимодействия. Процесс становления понятийной системы определяет формирование терминов как лингвистических знаков, обозначающих специальные понятия. Этот тезис в полной мере применим к гетерогенной (по классификации С. Г. Казариной¹¹) терминологии экологического аудита. Возникновение новой системы экономического обеспечения рационального природопользования, охраны окружающей среды и его распространение – экологического аудита – потребовали создания соответствующего лексического инструментария, позволяющего партнерам устанавливать взаимовыгодные контакты и обеспечивать адекватную коммуникацию.

Важными шагами концептуального моделирования терминологии «экологический аудит» выступают изучение *экстралингвистических* аспектов (представление экстралингвистических факторов, влияющих на развитие терминологии; сравнение этапов становления предметной области в России и за рубежом), так и непосредственно *языковых* (выявление принципов формирования терминологии; фиксация тенденций развития языка для специальных

целей; выделение наиболее значимых характеристик терминологии).

Материалом исследования на первоначальном этапе послужили 40 дефиниций лексической единицы *экологический аудит*, полученных из словарей разных типов, ГОСТов, законодательной и учебной литературы за период 1998–2012 гг. В качестве методологической основы выбран когнитивно-дискурсивный анализ, в ходе которого, среди прочего, предполагается применение когнитивного моделирования дефиниций для выявления специфики репрезентации концепта в определенном типе дискурса. Такое моделирование может служить базой для дальнейшего формирования профессиональных концептов и выявления специфики семантических отношений в процессе терминологизации языкового знака в экологическом дискурсе.

Критический обзор российских и зарубежных законодательных актов, экологической и экономической литературы и анализ дефиниций основополагающего термина дисциплины позволяет нам зафиксировать несколько основных подходов к пониманию экологического аудита:

1. Независимая, комплексная, документированная *оценка соблюдения* субъектом хозяйственной и иной деятельности *требований*, в том числе нормативов и норм, документов в области охраны окружающей среды, требований международных стандартов и подготовка рекомендаций по улучшению такой деятельности (ФЗ «Об охране окружающей среды», «Геоэкология и природопользование: понятийно-терминологический словарь»¹²);

2. Объективный, независимый *анализ, оценка, разработка* соответствующих рекомендаций и предложений по фактическим результатам любой экологически значимой деятельности («Экология и охрана природы : словарь-справочник»¹³);

3. Экологическая *ревизия (проверка) проектов или компаний*; оценка воздействия на окружающую среду действующих объектов, независимая оценка состояния выполнения (соблюдения) природоохранных законодательных и нормативных требований («Экологический энциклопедический словарь»¹⁴);

4. *Составная часть экологического менеджмента* – объективная, систематическая, документированная и регулярно повторяемая *проверка* состояния охраны окружающей среды на предприятии («Экономическая энциклопедия»¹⁵);

5. Проверка деятельности хозяйствующего субъекта для оценки его воздействия на окружающую среду и установление соответствия этой деятельности определенным критериям аудита (с использованием экономико-математических методов («Экономико-математический энциклопедический словарь»¹⁶);

6. Систематическое наблюдение за тем влиянием, которое оказывает производственная деятельность компании на окружающую среду («Менеджмент : словарь-справочник»¹⁷);

7. Отрасль экологического права («Юридический энциклопедический словарь»¹⁸);

8. Экологический контроль, связанный с методами производства в компании («Международная торговля: терминологический словарь»¹⁹);

9. Экономико-правовой инструмент стимулирования природоохранной деятельности с целью повышения инвестиционной привлекательности²⁰.

В ходе дефиниционного анализа лексической единицы *экологический аудит* была выявлена интегрированная модель названного макроконцепта с использованием терминов смежных научных отраслевых направлений (указаны в скобках):

– консультирование по экологическим платежам (экономика);

– контроль за экологически опасными аспектами функционирования хозяйствующего субъекта (экология);

– оценка и управление экологическими рисками и ущербами, минимизация вредных факторов воздействия (страхование);

– стратегический экологический аудит, используемый при разработке и анализе инвестиционных проектов, составление бизнес-планов (бизнес);

– проектирование систем управления окружающей средой (СУОС) в соответствии с действующими требованиями и стандартами (менеджмент);

– экологическая паспортизация и сертификация (маркетинг);

– разработка природоохранных разделов проектной документации (юриспруденция).

Современные терминологи не считают полисемию в таких случаях недостатком терминологической единицы. Наличие разноплановых и иногда противоречащих друг другу дефиниций (аудит = процесс, аудит = результат), относящихся к одному и тому же концепту, является когнитивным механизмом, который играет

функциональную роль в процессе конструирования и передачи знания, в то время как каждый вариант отражает разные стороны/ грани этого концепта²¹. Анализируя многочисленные концепции и исследования по данной проблематике и обозначая более общие группы направлений этой предметной области, представляем комплексный аудит следующими блоками:

1. Экологический (оценка ландшафтно-географической и ресурсной характеристики; анализ уровня нарушенности экосистем и экологической деградации; оценка способности к самовозобновлению и саморегуляции);

2. Экономический (оценка использования собственных основных средств; анализ затрат на производство; оценка потока отходов);

3. Социальный (мнение о демографической политике; оценка процессов миграции и воспроизводства; анализ уровня жизни).

Обобщив зафиксированные определения основополагающего термина и проведя анализ многочисленных классификаций направлений дисциплины, можно утверждать, что когнитивный анализ выявляет фиксацию «многослойной семантики термина»²² – семантики узкоспециальной, отработанной словоупотреблением в языках для специальных целей, и семантики общезыковой того же знака, которая отражается в общих словарях, рассчитанных на неспециалистов. Термины и терминологические системы понимаются в таком случае как «динамические конструкты, которые рождаются в дискурсе и изменяют свое содержание и свою форму в процессе когниции»²³.

Исходя из этого, важным этапом анализа любой отраслевой терминосистемы, и особенно межотраслевой и гетерогенной по составу, нужно назвать выявление ее концептуальной структуры, которая смогла бы зафиксировать положение, по крайней мере, опорных концептов. Это представляет практический интерес в связи с тем, что дает наглядное представление о понятийном аппарате, на котором базируется все многообразие сложных взаимоотношений субъектов в анализируемой предметной области.

Концептуальное моделирование в случае изучения междисциплинарных терминосистем дает возможность отразить архитектуру и организацию определенной совокупности терминологических единиц и выяснить иерархию составляющих ее элементов и типы внутрисистемных связей, которые позволяют такой терминосистеме функционировать и развиваться самостоятельно.

Примечания

¹ Шелов, С. Д. Новая парадигма терминоведения: некоторые перспективы // Терминология и знание : материалы III междунар. симпозиума. М., 2013. С. 57.

² Новодранова, В. Ф. Методы когнитивного анализа в исследованиях языков для специальных целей // Терминология и знание... С. 12.

³ Алексеева, Л. М. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. Пермь, 2002. 200 с.

⁴ Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е. С. Кубрякова и др. М., 1996. С. 93.

⁵ Массалина, И. П. Дискурсивные маркеры в английском языке военно-морского дела / И. П. Массалина, В. Ф. Новодранова. Калининград, 2009. С. 18.

⁶ Федотова, Е. А. Когнитивно-дискурсивный анализ специального языка научной области «Безопасность производства и технологических процессов» (на материале немецкой научной литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2011. С. 8.

⁷ Дроздова, Т. В. Типы знаний и их представление в научном дискурсе // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний : сб. науч. тр. М., Калуга, 2007. С. 111–120.

⁸ Дудецкая, С. Г. Метафоризация как способ терминообразования (на материале английской терминологии черепно-челюстно-лицевой хирургии и стоматологии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 23 с.

⁹ Болдырев, Н. Н. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов / Н. Н. Болдырев, В. В. Алпатов // Вопр. когнитив. лингвистики. 2008. № 4. С. 5–14.

¹⁰ См.: Ивина, Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). М., 2003. С. 103.

¹¹ Казарина, С. Г. Типологические характеристики отраслевых терминологий. Краснодар, 1998. С. 73.

¹² Геоэкология и природопользование : понятийно-терминолог. словарь / под ред. В. В. Козина, В. А. Петровского. Смоленск, 2005. С. 529.

¹³ Экология и охрана природы : слов.-справ. / под ред. А. В. Снакина. М., 2000. С. 28.

¹⁴ Экологический энциклопедический словарь / под ред. В. И. Данилова-Данильяна. М., 1999. С. 763.

¹⁵ Экономическая энциклопедия / Инст-т экон. РАН ; гл. ред. Л. И. Абалкин. М., 1999. С. 37.

¹⁶ Экономико-математический энциклопедический словарь / под ред. В. И. Данилова-Данильяна. М., 2003. С. 634.

¹⁷ Менеджмент : слов.-справ. / под ред. С. Э. Саркисова. М., 2005. С. 786.

¹⁸ Юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. В. Е. Крутских. 3-е изд. М., 2000. С. 440.

¹⁹ Международная торговля : терминолог. слов. / под ред. Дж. М. Розенберг. М., 1997. С. 99.

²⁰ См.: ICC Position Paper on Environmental Auditing, материалы Международной торговой палаты.

²¹ См.: Fernandez-Silvia, S. Text genre and terminological variation: a corpus-driven research in the domain of psychology // Languages for Special purposes in a multilingual, transcultural world. Vienna, 2013. P. 33.

²² Шелов, С. Д. Новая парадигма терминоведения... С. 58.

²³ Там же. С. 59.

Б. Н. Кишин

КОНВЕРГЕНЦИЯ: ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ (СМЕНА СТРАТЕГИИ МЕДИАТЕКСТА)

Рассматриваются особенности перехода редакций классических газет в онлайн-формат. Пути такого перехода рассматриваются на примере личного опыта автора – редактора крупной уральской газеты «Челябинский рабочий». Задача – показать прямую зависимость организации редакции от стратегии медиатекста и перехода в интернет-пространство.

Ключевые слова: конвергенция, конвергентная редакция, газетное дело, онлайн-версия газеты, менеджмент редакции СМИ, газетный текст, интернет-текст.

Конвергенция – широко известное понятие. Вряд ли какой-либо еще термин чаще употребляется медиаисследователями в последние годы. Между тем, создание реальной конвергентной редакции – совсем не тривиальная задача. Ее решение в рамках региональной медиагруппы потребовало немалых интеллектуальных и организационных усилий, заслуживающих внимательного рассмотрения. Сам принцип создания газетного текста был подвергнут кардинальным переменам, и это повлекло за собой крупные организационные перемены.

Речь идет о медиагруппе «ЧР-Менеджер», которая издает четыре газеты, в том числе одну из известных региональных газет России «Челябинский рабочий». Кроме того, в нее входит сайт mediazavod.ru. Это независимая компания, источники доходов – реклама и реализация тиражей. Данное обстоятельство означает, что работа по созданию конвергентной редакции проводилась в условиях ограниченного бюджета, без больших инвестиций.

Надо сказать, что это уже не первая попытка формирования конвергентной редакции в данной компании. Первая датируется 2008 г., когда был создан сайт mediazavod.ru. Тогда руководители компании встали перед выбором: создавать для поддержания сайта специальную редакцию или поручить эту работу журналистам «Челябинского рабочего»? Было очевидно: содержать еще одну редакцию в то время, когда сайт еще не приносил никаких доходов, экономически нецелесообразно. С учетом западного опыта (учитывалась, в частности, практика германской компании «Аксель Шпрингер», о которой тогда рассказывалось в российской прессе) было принято решение: все журналисты должны быть мультимедийными, работать и на газету, и на сайт. Это был первый шаг к созданию конвергентной редакции,

работающей с иным типом текстовой организации газеты.

Редакция сайта состояла из двух человек – руководителя и модератора (позднее к ним добавился еще один модератор). Они обеспечивали функционирование сайта, а контент ему поставляли журналисты «Челябинского рабочего». Как правило, это были материалы для газеты, которые появлялись на сайте накануне ее выхода в свет. Часть новостей готовила редакция сайта, она же осуществляла специальные проекты – проводила онлайн-конференции, готовила обзоры, публиковала другие материалы, которые не использовались в газете. Поэтому сайт не был простой электронной версией газеты, он был шире ее. Кроме того, сотрудники получили возможность перестраивать стиль газетных публикаций под требования новой среды их существования.

Существенная деталь: у редакции сайта не было гонорарного фонда. Поскольку в газете гонорар есть, журналистам писать для нее интереснее. Чтобы стимулировать их онлайн-активность, была предусмотрена повышенная (на 10 %) премия. Ее получали те, кто ежедневно готовил для сайта хотя бы один материал. Обычно за месяц таких набиралось 3–5 человек (из примерно 20).

Результаты такой работы: у [mediazavoda](http://mediazavod.ru) было 8–10 тыс. уникальных посетителей в день, в месяц он приносил 50–60 тыс. рублей дохода.

Развитие сайта ограничивали две серьезные проблемы: неважное техническое состояние и сугубо газетный подход к делу большинства журналистов «Челябинского рабочего». Когда над Челябинском взорвался метеорит, число посетителей сайта за час с небольшим возросло до 42 тыс., и он рухнул. В силу ряда причин что-либо исправить в нем очень трудно,

поэтому решено создать новый сайт. Сейчас готовится техническое задание для его разработчиков.

Вторая проблема гораздо серьезнее. Для журналистов было введено правило: получил информацию – готовь оперативное сообщение для сайта, а потом пиши материал для газеты. Но оно практически не действовало. Получив информацию, корреспонденты обычно ее обдумывали, потом писали газетный репортаж или статью. Перед тем, как сдать материал в службу выпуска, отправляли его в редакцию сайта. Между тем, другие челябинские сайты публиковали эту информацию еще утром, публика ее тут же могла обсудить, внести соответствующие коррективы в свою картину мира и забыть. Именно это «запаздывание» в восприятии сотрудниками новой стратегии медиатекста можно рассматривать как типичную сложность перехода к конвергентной редакции и своевременно организационно предупреждать.

Типичная ситуация того времени. После важного совещания у губернатора корреспондент одного челябинского сайта (он перешел туда из «Челябинского рабочего») прямо в губернаторской пресс-службе написал информацию и передал ее в редакцию. В это время корреспондент «Челябинского рабочего» общался со своими коллегами из других изданий. Потом он не спеша отправился в редакцию. Пришел, рассказал товарищам, о чем говорили у губернатора, пообедал, сел за компьютер. Подготовил сообщение, передал его на сайт и в службу выпуска газеты. Результат такой работы известен. Сотрудник живет в ритме прежней стратегии и не чувствует «пульса» онлайн-журналистики. Такая характеристика, как скорость рефлексии событий и создания сообщений о них, может рассматриваться как новое требование к компетенциям журналистов.

Понятно, что приведенный пример «неспешного» информирования – не конвергентная журналистика. Сотрудник конвергентной редакции – это не газетчик, иногда пишущий для сайта, а универсальный журналист, мотивированный и умеющий одинаково хорошо писать как минимум для двух платформ (газета и сайт). При формировании конвергентной редакции предстояло создать новый редакционный механизм, который позволил бы решить эту задачу.

Оперативный повод для создания конвергентной редакции – сокращение периодично-

сти выхода газеты «Челябинский рабочий» с пяти до трех раз в неделю и уменьшение занятости журналистов на 40 %. Проектированием ее занялась рабочая группа, в которую, помимо автора этих строк, вошли руководитель сайта mediazavod.ru, кандидат филологических наук Дмитрий Коноплев и обозреватель газеты «Челябинский рабочий», кандидат филологических наук Андрей Сафонов. Все, о чем будет рассказано ниже, – результат работы этой творческой группы.

Она делится на несколько этапов.

1. Что необходимо уметь журналисту конвергентной редакции?

Отвечая на этот вопрос, мы имели в виду, что наши журналисты – признанные профессионалы, обеспечивающие выпуск одной из лучших региональных газет России. У каждого из них солидная творческая база, которую необходимо прирастить за счет новых компетенций, обусловленных спецификой онлайн.

В «Челябинском рабочем» существует творческий постулат: самая ценная информация – та, что получена от первоисточника, как говорится, из реальной жизни. Он актуален и для конвергентной редакции. Об этом приходится говорить, потому что в новых условиях журналистам необходимо уметь искать информацию в Интернете, социальных сетях, блогах. Все это – плюсом к тому, что может дать жизнь.

Перечень новых компетенций, необходимых газетчику, работающему в конвергентной редакции, был подготовлен с использованием различных научных источников. Он должен уметь:

- с опорой на социальные сети, форумы, опросы и другие источники информации четко определять тему будущей публикации в рамках своей творческой специализации;
- искать информацию в Интернете, в базах данных (статистических отчетах и др.) с последующим ее анализом, систематизацией и интерпретацией;
- четко формулировать свою позицию по наиболее резонансным темам (авторские колонки);
- выстраивать информационное сообщение, исходя из следующих функциональных критериев:
 - прикладной характер транслируемой информации;
 - общественная значимость информации;
 - побуждение читателей к дискуссии по поводу публикуемой информации;

- выстраивать информационное (аналитическое) сообщение по принципу от более важного к менее важному;
- модерировать (вести) дискуссию в сети по теме публикации;
- работать в разных форматах, (новостном, аналитическом, публицистическом);
- формулировать заголовки с учетом требований к подаче материалов в Интернете;
- размещать информацию (текст, аудио, видео) в Интернете и передавать ее по интернет-сетям.

На втором этапе освоения новых компетенций:

- владеть навыками фото-, видеосъемки и звукозаписи;
- владеть навыками теле- и аудиоинтервью (на первом этапе – в формате блиц-интервью по актуальным темам), а также навыками оперативной передачи новостей в аудиоформате;
- владеть элементарными навыками видео- и звукового монтажа;
- создавать инфографику;
- владеть иностранным языком для поиска актуальной информации в иноязычных источниках.

Поскольку в связи с сокращением периодичности выхода газеты значительная часть творческой деятельности редакции перемещается в Интернет, для журналистов все это становится ежедневными обязанностями. Ими невозможно пренебречь, поскольку от эффективного их исполнения в значительной степени зависит успешность сайта. А он теперь должен, как минимум, обеспечить компании доход, который приносили два сокращенных номера газеты. Серьезность этого момента надо было донести до творческого коллектива редакции. Кроме того, было принято решение организовать для журналистов тренинг по написанию текстов для онлайн.

2. Модернизация тематической структуры сайта.

Существующая система рубрик главной страницы сайта была сформирована к моменту его открытия. Она практически не изменялась, только дополнялась при появлении каких-то новых творческих решений. Эти рубрики интегрировали обширное и достаточно разнообразное содержание. Их перечень выглядит так:

Основные рубрики (публикуются ежедневно): Новость дня, Общество, Происшествия, Политика, Экономика, Качество жизни, Спорт, Отдых, Тенденции, Культура, Авторская колонка, Фото дня.

Рубрики меньшей периодичности (публикуются раз в неделю или по мере выхода в газете):

Кино недели, Мнения, Народная журналистика, Прочитано в блогах, Фотогалерея, Рейтинги.

Всплывающие рубрики (публикуются по мере поступления материала): Последняя инстанция, Выиграй приз, Обсуждаем, Интервью, Вкусное.

При формировании объединенной редакции эту систему было решено модернизировать. Решение продиктовано двумя существенными обстоятельствами. Первое – появление новых актуальных тем, которые, во-первых, не всегда вписываются в существующие рубрики, а, во-вторых, они сами по себе настолько привлекательны, что лучше их прямо предьявлять читателям.

Например, было решено ввести в число основных рубрику «Здоровье». Раньше эта востребованная читателями тема была интегрирована в рубрику «Качество жизни» и больше повествовала о проблемах и достижениях медицины. Между тем, большой читательский интерес представляют материалы именно о здоровье. Они должны соответствующим образом, с учетом специфики Интернета, подаваться, и, безусловно, заслуживают выделения в специальную рубрику.

Второй момент – организационный. Редакция переводит в Интернет 40 % своих творческих активов, необходимо, чтобы они эффективно работали. Поэтому тематическая структура сайта организуется так, чтобы каждый корреспондент имел свою рубрику, отвечал за ее наполнение. Это будет способствовать повышению ответственности, облегчит контроль.

Модернизированная система рубрик выглядит так:

Основные рубрики

Новость дня, Общество, Экономика, Политика, Происшествия, Культура, Спорт, Отдых (в т.ч. Активный отдых), Тенденции, Качество жизни, Здоровье, Авторская колонка, Фото дня, Афиша.

Рубрики меньшей периодичности

Банки, Образование, ЖКХ, Авто, Потребитель, Мнения, Кино недели, Народная журналистика, Прочитано в блогах, Фотогалерея, Рейтинги.

Всплывающие рубрики: Последняя инстанция, Обсуждаем, Интервью, Выиграй приз,

Вкусное, Спецпроект, Наука, Дети, Они о нас, Расследование (Скандал), Moda и красота.

3. Гонорарная политика

Как уже было сказано, сайт mediazavod.ru не имел гонорарного фонда, опубликованные на нем материалы не оплачивались. Теперь такой фонд появляется. Он формируется за счет гонорарного фонда двух номеров «Челябинского рабочего», которые сокращаются. Это не очень большая сумма. В дальнейшем, когда «Челябинский рабочий» предпримет еще один шаг по сокращению периодичности (станет еженедельником), она увеличится вдвое.

Размышляя о принципах распределения гонорара, мы хотели, чтобы они мотивировали журналистов на подготовку нужного количества эксклюзивных и высококачественных материалов. На наш взгляд, этим задачам соответствует универсальный критерий – число уникальных пользователей, прочитавших материал. Чтобы набрать наибольшее количество пользователей, он должен быть оперативно подготовлен и размещен на сайте, соответствовать критерию эксклюзивности, хорошо (качественно) написан. Больше ничего не надо.

Есть одно «но». Чтобы осуществить разметку гонорара за несколько сотен опубликованных в течение месяца материалов, руководителю сайта надо на несколько дней приостановить основную деятельность или нанять для этой работы специального человека. Ни то, ни другое в условиях режима экономии и ограниченных трудовых ресурсов не приемлемо.

Поэтому было решено прибегнуть к традиционным (по сути – газетным) принципам распределения гонорара. Он будет выплачиваться в зависимости от жанра публикации. Набор жанров невелик: новостная заметка, информационный материал размером 1–1,5 страницы, аналитическая статья (большое интервью).

Кроме того, предусмотрен бонус (премия) за наибольшую посещаемость материала – его получают три автора наиболее востребованных материалов. Замерить число посетителей такого количества публикаций руководителю сайта вполне по силам. При этом предполагается использовать специальный коэффициент, учитывающий востребованность материалов различной тематики. Скажем, за 1000 посещений публикации в разделе «Происшествия» журналист получит такую же премию, как за 500 посещений публикации на тему «Наука».

4. Механизм наполнения сайта

Он прост, даже элементарен. Каждому журналисту устанавливается норма: сколько материалов он должен ежедневно подготовить для сайта. Предложение рабочей группы таково: журналист должен готовить каждый день три заметки, один информационный материал размером 1–1,5 страницы и раз в неделю большой текст – интервью или аналитическую статью.

Это не просто волонтеристское решение. Тут действует жесткая логика, продиктованная законами рынка. Если 40 % (а через несколько месяцев 80 %) производимого нами журналистского продукта переносится в онлайн, наши мысли и творческие усилия должны быть в полной мере посвящены ему. Наверное, онлайн следует заниматься даже более творчески и интенсивно, поскольку он пока трудно монетизируется и не дает финансовой отдачи, сколько-нибудь сопоставимой с «бумагой».

Есть надежда, что принесут свои результаты творческие амбиции журналистов. Каждый из них становится хозяином рубрики и, наверное, будет заинтересован в том, чтобы она выглядела максимально привлекательно.

Уже первый месяц функционирования конвергентной редакции показал эффективность избранной модели. Это был месяц, когда примерно треть сотрудников редакции находилась в отпуске. Тем не менее, все показатели продемонстрировали существенный рост. В среднем каждый день на сайте публиковалось 34 новости (в предыдущем месяце – 19), статей – 16 (9). Значительная часть материалов увидела свет под десятью новыми рубриками. Более высокая информационная насыщенность сайта привлекла значительно больше посетителей с социальных сетей. Несмотря на летний спад деловой и информационной активности, сайт mediazavod.ru сохранил свою аудиторию. Есть уверенность, что она будет расти, что позволит компании решать в Интернете новые задачи, осуществлять новую медиастратегию.

Есть еще один медиапродукт, который испытал значительное воздействие конвергенции. Это газета «Челябинский рабочий», которая в новых условиях существенно изменилась. Но это другая тема.

Список литературы

1. Варганова, Е. Л. К чему ведет конвергенция СМИ. М., 1999.

2. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные медиа превращаются в мультимедийные / под ред. А. Г. Качкаевой. М., 2010. 200 с.
3. Засурский, И. И. Интернет и интерактивные электронные медиа: исследования // Лаборатории медиакультуры, коммуникации, конвергенции и цифровых технологий. М., 2007.
4. Интернет-СМИ: теория и практика : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М. М. Лукиной. М., 2010. 348 с.
5. Копылов, О. В. Особенности творческой деятельности журналиста в условиях медиаконвергенции : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013.
6. Павликова, М. Сетевые технологии и журналистика: эволюция финских СМИ. М., 2001.

РЕЛИГИОЗНАЯ И СВЕТСКАЯ КАРТИНЫ МИРА В СЕМАНТИКЕ СЛАВЯНИЗМОВ

Прослеживается семантическая история славянизмов на протяжении развития русского литературного языка. Описываются различные семантические процессы, в результате которых переосмыслились значения славянизмов. На основе различных примеров из исторических словарей и памятников письменности иллюстрируется «переход» слов из религиозной сферы в светскую сферу. Особое внимание уделяется формированию у славянизмов переносных значений, вследствие чего положительная окраска в коннотации славянизмов заменялась отрицательной, негативной.

Ключевые слова: *славянизм, религиозная картина мира, светская картина мира, семантическая трансформация, семантические процессы.*

В ценностном осмыслении мира огромная роль принадлежит религии, которая открывала перед человеком смысл его жизненного бытия, давая надежду на бессмертие, чувство защищенности и веру в свои силы. Религиозное сознание определяет значимость сакрального текста, маркируя слова, в семантике которых присутствует «идеальный» компонент значения в противоположность «материальному», «вещественному». По мнению Е. С. Яковлевой, необходимым атрибутом религиозного сознания является способность к «мысленному, умному зрению, видению», предполагающему противопоставление объектов и ситуаций по линии материальное/ идеальное, физическое/ духовное, внешнее/ внутреннее [9. С. 45].

Религиозная картина мира как основной вербально-ментальный образ видения мира человеком сквозь призму его веры, религиозных представлений, убеждений, объективируемый посредством фонда национального языка, предстает в виде фрагмента языковой картины мира этноса. Религиозная картина мира является важной составляющей религиозного мировоззрения и главным ее признаком является разделение мира на природный, земной и трансцендентный, небесный. Основой мира выступает Абсолют, Бог. Субъектом религиозной картины мира является индивид, опирающийся на веру, а объектом – мир во всей его целостности.

Представляется неоспоримым факт взаимообусловленности языка и религии. Религиозно-конфессиональные факторы играют значительную роль в судьбах языков, что, по мнению Н. Б. Мечковской, оказало влияние на ряд лингво-коммуникативных процессов:

1) распространение двуязычия культового и народного языков;

2) расширение семантических возможностей языка;

3) усложнение системы жанров письменной коммуникации (развитие аллегорической, абстрактно-философской, экспрессивно-метафорической речи);

4) углубление рефлексии над языком [6. С. 58].

Старославянский язык как язык культа и культуры тесно связан с православным мировоззрением и кирилло-мефодиевским наследием, а традиционная русская культура основана на православных ценностях во всех формах своего проявления, в том числе и языковой форме. Именно язык позволяет обнаружить связь с древнейшими пластами культуры того или иного народа, с его религиозным опытом, рефлексией эстетического и научного познания мира.

Усвоение старославянской лексики в условиях сохранения культурно-исторической, религиозной, этнической непрерывности в русской культуре сопровождалось и своеобразным заимствованием элементов концептуальной схемы этого сакрального языка. Священные смыслы в культурной семантике славянизмов как слов, заимствованных из старославянского языка, актуализируют и реализуют духовные значения как инвариантные, сущностные, символические. Основу церковнославянской концептуальной лексики составляет православная нравственность, основанная на христианской добродетели, и потому ее базовыми концептами являются *вера, надежда, любовь, покаяние, истина, совесть, доброта, красота*, опреде-

лившие особый путь русской духовности и ценностное осмысление мира.

Анализируя мир смыслов и мир ценностей, в котором жила и развивалась средневековая культура, и проблему реконструкции языкового сознания средневекового человека, Т. И. Вендина обращается к изучению таких ее базовых концептов, как *Истина, Добро, Красота*, которые во многом определили особый путь русской духовности. Лексикализация этой триады в языке русской духовной культуры свидетельствует не только о значимости этих категорий для русского языкового сознания, но и о глубоком интересе человека к философским основам бытия [2. С. 15]. Эти понятия в старославянском языке концептуализировались как категории религиозные и этические. Осмысление этих абстрактных сущностей в старославянском, древнерусском и современном русском языках происходит сквозь призму слова – знака культуры, сочетающего в себе и материальное, и духовное.

В древнерусском языке прослеживается развитие ментального поля *Истины* за счет втягивания в него новых слов: *Истина* в древнерусском языке осмысливается уже как вера, ср.: *въра* – 1) «истина»; 2) верование, поклонение истинам, догматам» [7. Т. 2. С. 79]. Это ценностное осмысление Истины, ее «гуманизация» приводят к тому, что она становится атрибутом человека: истинноименный – «почтенный, достойный почестей»; истинство – «истинное достоинство, звание» [7. Т. 6. С. 321]. Смысловые приращения этого понятия социализируют его, несмотря на то, что именно Правда, а не Истина становится нормативно-оценочной категорией, определяющей нравственность человека, духовным эквивалентом которой становится совесть. Ср.: *В нем правды нет*, то есть «нет совести».

Первоначально в семантике слов, восходящих к старославянскому (церковнославянскому) языку, содержался только сакральный смысл, поэтому эти слова означали православные реалии и понятия. Однако в результате семантической эволюции славянизмов, обусловленной различными экстралингвистическими и внутрилингвистическими факторами, происходило переосмысление их значений. В. М. Живов называет такое явление «секуляризацией церковнославянской лексики или – с точки зрения позднейшего религиозного восприятия – ее опрофанированием» [4. С. 498]. Так, слово *мечтание*, обозначающее в церков-

ной сфере «ложные ощущения, возникшие в результате бесовского наваждения», становится наименованием «желанного, возвышенного, идеального» в языке светском [4. С. 498]. Глагол *преступити*, первоначально означавший то же, что и *переступити*, преимущественно употреблялся переносно в сочетании со словами *заповедь, законъ, уставъ, заветъ, клятва, обещание* и т. п. Эти сочетания имели большую распространенность в религиозной литературе, в частности, в церковно-книжных памятниках, такой «статус» явился причиной изменения значения глагола, и он стал означать «совершить дурной поступок, нарушить нормы поведения, закон», что нашло отражение в современных словах *преступление, преступный и преступник*, образованных от глагола *преступити*. Такого рода семантическую трансформацию претерпевала церковнославянская концептуальная лексика, соотносящаяся с православной нравственностью и христианской добродетелью: *прелесть, прелестный, страсть, страстный, обаяние, обаятельный, ангел, ангельский, божественный*, а также выражения *Боже мой, ради Бога* и так далее. Таким образом, в семантике славянизмов помимо религиозной картины мира «произрастает» и светская картина мира, что происходит вследствие различных семантических процессов. Е. С. Копорская в монографии «Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени» на большом фактическом материале прослеживает историю славянизмов на протяжении периода с конца XVII в. по XX в. и описывает типологию семантических процессов. Наиболее распространенным семантическим процессом, характерным для славянизмов, является метафорический перенос – «один из основных приемов формирования отвлеченных понятий, относящихся к различным сферам духовной, социальной и культурной жизни общества ... Слово *агнец*, имевшее в старославянском языке помимо номинативного прямого значения «ягненок» и переносное, обозначающее безгрешного человека, и употреблявшееся преимущественно по отношению к образу Иисуса Христа, получает широкое распространение в русской литературе середины XVIII в., чаще это слово выступает в контекстах, связанных с культурно-исторической традицией восприятия образа ягненка как культового жертвенного животного. В этих употреблениях актуализируется смысловой компонент кротости, незащитности, чистоты. Из сферы церковных понятий

оно перешло в область нравственных, секуляризованных» [5. С. 35].

Идея божественной природы света в современном русском языке существенно редуцирована, об этом свидетельствуют изменения в семантике слова. Так, в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского слову *свѣтъ* и производным от него словам отводится несколько страниц словарного формата. Подавляющее большинство производных – *свѣтловати* – «освещать, просвещать»; *свѣтлитиса* – «светиться, сиять»; *свѣтлотворити* – «наполнять светом духовным»; *свѣтлонадръни* – «светом указывающий путь» [8. т. 3. С. 295–302]. Все эти значения в современном языке утрачены, как утрачена сама идея божественной природы света, ведь *свет* и *свят*. В Полном церковнославянском словаре Гр. Дьяченко читаем следующее: «... самая стихия света есть божество, нетерпящее ничего темного, нечистого, в позднейшем смысле – греховного. Понятия светлого, благого божества и святости неразлучны... Так, от санскр. *div* – *светить, блистать, играть* лучами образовалось греч. *Ζηϋς* (род. *Διός*), лат. *Deus* – Бог, *divus* – божественный, святой...» [3. С. 582].

Между тем сакральное значение не исчезло полностью в переосмысленных словах, в некоторых случаях расширяло коннотации синонимичного слова. Это можно проследить на примере пары глаголов *знать* и *ведать*: в ходе исторического развития русского языка в семантическую сферу сакрального знания, связанного с глаголом *ведать*, все активнее проникал глагол *знать*, а сакральная семантика глагола *ведать* уходила на периферию. Сакральная семантика глагола *ведать* проявляется в его стилистической маркированности: именно глагол *ведать*, а не *знать* приобретает в русском языке архаическую возвышенность и используется в целях стилизации, что находит отражение и в производных словах с корнем *вед* -: *проповедь, исповедь, исповедание, проповедник*.

Эволюция многих русских слов происходила под влиянием Священного Писания. Слова, обозначавшие нейтральные понятия, приобретали, в основном, негативные коннотации. К примеру, глагол *искусить* имел значение «испытать, получить опыт»: *Дѣло же свое да искѣшаеть къжьдо. Панд. Анд. IX в.; Искусити Дону великаго. Сл. Плк. Иг.; И рѣша ему бодрѣ: послѣ к нему дары, искоусимъ и, любъзливъ ли*

есть злату, ли паволокамъ. Пов. вр. л. 6479 г. [8. т. 1. С. 1122–1123].

Переосмысление значений славянизмов привело к формированию противоположных оценочных значений. Семантическая трансформация славянизмов преимущественно происходила за счет развития у этих слов переносных значений: *угодный* – *дамский угодник*, *блаженный* – *глуповатый*, *благоверный* – *благоверный муж, празднолюбец*. Использование слов в шутовом и ироническом значениях привело к «расщеплению» коннотации слова и формированию у них отрицательной оценки. В результате перехода слов из православной сферы в светскую они приобретали противоположные значения.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что этические и оценочные представления религиозной и светской картин мира противопоставлены друг другу. Проследивая историю возникновения светского и религиозного значения лексем, соотносимых с общими этическими понятиями, И. М. Гольберг отмечает: «Различная «организация» картин мира светского и религиозного дискурса позволяет говорить о сравнительном анализе элементов наивной этики религиозно-проповеднического стиля и бытового языка. За одной и той же лексической единицей в религиозном и светском дискурсах стоят, как правило, разные понятия, имеющие подчас прямо противоположные этические оценки. При этом картина мира религиозно-проповеднического стиля обнаруживает большее сходство с картиной мира церковнославянского языка... Важно также отметить, что религиозное значение лексемы является значением архаичным, исконым» [1. С. 53]. Исследователь приводит классификацию этической лексики религиозно-проповеднического стиля, основанием которой явились: а) фактор наличия/отсутствия «светского» значения лексемы; б) характер соотношения «духовного» и «светского» значений. На основе анализа лексем, соотносимых с добродетелями и грехами, и их аналогами в светском дискурсе, приходит к выводу о том, что этическая система религиозного дискурса четко выстроена и не допускает двусмысленности, ... в светском дискурсе большое количество понятий не имеют однозначной оценки [1. С. 53].

Следует отметить, что переосмыслились не только слова, концептуализирующие понятия православной ментальности и нравственности, но и слова, обозначающие предметы и по-

нения мирского обихода. Например, *вратарь* – это страж, приставленный к воротам дома, т. е. привратник, дверник: *Како же и великий князь Святоша, преддержавый великое княжение Киевское, и пострижеса в Печерстели монастыри и пятнадцатъ лет во вратарях бысть, и всем работаше знающим его, ими же владыше* («Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь»).

В исторической лексикологии имеются примеры обратного языкового процесса: слова с нейтральным значением, обозначавшие в прошлом бытовые понятия, в современном языке называют реалии и предметы церковного обихода. «*Риза* в современном употреблении прилагается только к церковным реалиям (это верхнее облачение священника, либо же оклад иконы), между тем оно вошло в язык с более широким значением – «одежда» (отголоски его слышны во фразеологизмах *до положения риз; разодрать на себе ризы*). [9. С. 50]. Древнерусский аналог *ризы* выходит за рамки библейской тематики: *риза* используется и как название одежды вообще, ср.: *И подоиша же боаре и боарынь, израдывшеса во брачныа порты и ризы. Ип.л. 6769 г.* [8. т. 3. С. 121].

Интересным представляется нам случай переосмысления слов *гордиться, гордость* – их перемещения из отрицательно оцениваемых (*гордиться* – «неправедно превозноситься») в нейтральные [4. С. 506–507]. По мнению Е. С. Яковлевой, «... конфликт между “светским” и “духовным” языком был решен благодаря синонимии: попирающее первую из заповедей блаженств чувство связывается у носителей современного языка со словом *гордыня*» [9. С. 56].

Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод о том, что на протяжении исторического развития русского литературного языка за славянизмами закрепились два значения: духовное (церковное) и светское (мирское, бытовое). На наш взгляд, следует выделить три процесса «взаимоперехода» славянизмов из религиозной сферы в светскую и наоборот:

1) формирование негативных оценочных значений вследствие секуляризации церковно-славянской лексики;

2) закрепление за нейтральными словами сакрального смысла;

3) нейтрализация слов с отрицательной оценкой.

Таким образом, славянизмы – ментально значимые единицы языка, в которых сконцентрированы многовековой опыт, культурные и религиозно-православные ценности русского народа, поэтому в этих словах сохранились существенные с точки зрения носителей языка представления и понятия – элементы «картины мира».

Список литературы

1. Гольберг, И. М. Религиозно-проповеднический стиль современного русского литературного языка: моральные концепты : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 156 с.
2. Вендина, Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002. 336 с.
3. Дьяченко, Гр. Полный церковно-славянский словарь (репринт 1890 г.). М., 1993.
4. Живов, В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
5. Копорская, Е. С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М., 1988. 232 с.
6. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика. М., 2000. 205 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. / РАН СССР. М., 1972–2012. Вып. 1–29.
8. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1912 (репринт: 1958, 1989).
9. Яковлева, Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопр. языкознания. 1998. № 3. С. 43–49.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Рассматриваются особенности актуализации концептов «кризис» и «терроризм» в современном медиадискурсе. Главным объектом изучения являются составляющие соответствующих фреймов, их вершинные узлы и слоты. Особое внимание уделяется высказываниям ведущих российских политиков, содержащим суждения и оценки кризиса и терроризма.

Ключевые слова: *политический медиадискурс, концепт, фрейм, вершинные узлы, слоты фрейма.*

Динамичность политического медиадискурса обусловлена ориентацией СМИ на злободневность отражаемых реалий и изменчивостью политической ситуации. Материалы на политические темы вносят вклад в формирование политического сознания, влияют на общественное мнение, что в итоге может оказать воздействие на ход политического процесса в целом. В связи с этим мы исходим из широкого понимания политического дискурса и включаем в него любые опубликованные в СМИ тексты, содержание которых относится к сфере политики.

Широкий подход к анализу политического дискурса представлен точкой зрения В. В. Зеленского, который разграничивает два уровня в определении политики: «Политика определяется как набор некоторых действий, направленных на распределение власти и экономических ресурсов в какой-либо стране или в мире между странами. Этот официальный уровень политики включает в себя средства массовой информации, систему образования и все те социальные институты, которые контролируют явления социальной жизни. Второй уровень политики – личностный; он представляет собой сам способ, которым первый уровень актуализируется в индивидуальном сознании, как он проявляется в личности, в семье, во взаимоотношениях людей, в профессиональной деятельности, а также в восприятии человеком произведений литературы и искусства» [3. С. 371].

Политическая жизнь в нашей стране переживает период бурного развития и публичного представления этого процесса. Это обуславливает неразрывную связь между политическим и журналистским дискурсом, которые образуют единое пространство политического медиадискурса.

Под концептом мы понимаем когнитивную структуру, которая содержит информацию о явлениях реального или идеального мира, хранимую в национальной памяти носителей языка [1. С. 29].

Базовыми в рамках политического дискурса являются концепты «политика», «власть», «государство», «выборы» и другие. В последнее время к числу наиболее значимых, глобальных концептов политического медиадискурса относятся концепты «терроризм» и «кризис», актуализация которых объясняется происходящими в мире событиями. Многочисленные террористические акты, затронувшие значительную часть развитых стран, привели к серьезным изменениям в политической картине мира, повлияли на мировосприятие людей и состояние общества в целом. Кризис также стал практически постоянным явлением современной жизни, поэтому необходимо осознать, какое место он занимает в современном политическом дискурсе.

Бесспорно, актуализация концепта в медиадискурсе зависит от особенностей его структуры, анализ которой делает лингвистическое представление о том или ином концепте более полным. В качестве инструмента исследования концептов «терроризм» и «кризис» мы используем понятие *фрейм*. Обращение к фреймовому анализу признается одним из эффективных способов изучения особенностей организации знаний в языковой системе.

Структурно фреймы состоят из вершины (или темы, вершинных (базовых) узлов, ядра, макрофрейма) и слотов (или микрофреймов, подфреймов, терминалов, узлов). При этом вершинные узлы всегда фиксированы и соответствуют понятиям, которые верны и справедливы по отношению к предполагаемой ситуации, а слоты представлены частными

примерами [5. С. 188]. Таким образом, фрейм мыслится как иерархически организованная система знаний об обозначаемом предмете или явлении. Кроме того, фреймы являются наиболее приемлемыми структурами представления знаний при исследовании дискурса как текста в социальном контексте [6. С. 108].

Поскольку концепт является обобщенным представлением о предмете или явлении, его изучение целесообразно начинать с обращения к словарным дефинициям. *Терроризм* в толковых словарях русского языка определяется следующим образом:

Терроризм – лат. устраивание, устрашение смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства [2].

Терроризм – терроризм [терроризм] м. 1) Политика террора. 2) Деятельность террористов [9].

Терроризм – (от лат. *terror* – страх, ужас) – политика и тактика террора, то есть совокупность особо жестких форм и средств политического насилия, которые используют террористы для достижения своих античеловеческих целей [4].

Терроризм – это метод, посредством которого организованная группа или партия стремится достичь провозглашенных ею целей преимущественно через систематическое использование насилия [8].

На базе словарных статей, дающих определение лексической единицы «терроризм», содержательный минимум концепта можно представить следующим образом: терроризм – это метод, предполагающий для достижения политических целей использование особо жестких форм и средств политического насилия, а именно террористических актов (запугивание, устрашение убийствами и взрывами).

Путем анализа словарных дефиниций мы выделили вершинные (базовые) узлы фрейма «терроризм»: политическая цель, насилие, запугивание, убийства, взрывы.

Для того чтобы определить слоты фрейма «терроризм», был проведен анализ фрагментов медиадискурса, описывающих данную предметную область. Нами проанализированы резонансные высказывания известных российских политиков, первых лиц государства.

В. В. Путин:

«Будем преследовать террористов везде. В аэропорту – в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, в туалете поймаем – и *в сортире их замочим*, в конце концов!» – заявил Владимир

Путин на встрече с журналистами в Астане (Казахстан) 24.09.1999.

Д. А. Медведев:

«Реальность такова, что террористический акт, подобный тому, что мы только что, не в первый раз, к сожалению, пережили в России, может произойти в любой момент и в любой точке мира. От этого сегодня не гарантирован никто. Нет универсальных рецептов борьбы с этим злом» [15].

«Эти *выродки* не церемонятся ни с женщинами, ни с детьми. И их не следует жалеть», – заявил Дмитрий Медведев на Выездном заседании Национального антитеррористического комитета (НАК) во Владикавказе [16].

Погибшие от рук террористов мусульманские служители, по его словам, «как раз и есть истинные мученики за веру, а не те *ублюдки*, которые детей взрывают» [16].

Как видим, высказывания ведущих российских политических деятелей о терроризме и террористах, актуализирующие слоты «наказание» и «зло», отличаются повышенной экспрессивностью и эмоциональностью.

Имя концепта «кризис» в толковых словарях русского языка определяется следующим образом:

Кризис – м. лат. *перелом, переворот, решительная пора переходного состояния [2].

Кризис – 1. Резкий, крутой перелом в чем-н. 2. Обусловленное противоречиями в развитии общества расстройство экономической жизни [7].

Кризис – 1) Резкий поворот в каком-л. положении, состоянии. 2) Тяжелое состояние общества, вызванное противоречиями в развитии какой-л. одной или многих составляющих его жизни. 3) разг. Затруднительное положение (обычно вызванное финансовыми неурядицами или сложностями душевного состояния) [10].

Кризис – кризиса, м. (греч. *krisis* – решение).

1. Резкое изменение, крутой перелом. 2. Периодически наступающее в капиталистической экономике явление перепроизводства товаров, ведущее к разорению мелких производителей, к сокращению производства и к усилению безработицы (экон.) [9].

На базе словарных статей, дающих определение лексической единицы «кризис», содержательный минимум концепта можно представить следующим образом: кризис – резкое изменение, крутой перелом в жизни общества, вызванный серьезными противоречиями и разногласиями в развитии какой-либо одной или

многих составляющих его жизни, во время которого должны быть предприняты сложные или важные решения.

На основе словарных дефиниций нами установлены вершинные (базовые) узлы фрейма «кризис»: резкое изменение, перелом, противоречия, разногласия, сложные решения.

Чтобы выявить слоты фрейма «кризис», мы произвели анализ опубликованных в СМИ текстов политического характера, описывающих данную предметную область. Были исследованы речи и высказывания ключевых российских политиков, как и в предыдущем случае.

В. В. Путин:

«История дает России *уникальный шанс* (об экономическом кризисе). Развитие событий настоятельно требует от нас переустроить собственную экономику и модернизировать социальную сферу. И этот шанс упускать мы не намерены» [11].

Д. А. Медведев:

«Кризис – это не только *драматические испытания*, но и тот *вызов, который дает нам судьба*. Этот кризис показал, насколько зависимы наши экономические системы» [13].

«Наш бизнес развивался очень быстро. И за счет этого приобрел и много дополнительных возможностей. Нигде, может быть, в мире так быстро не происходило развитие предпринимательства за последнее время, как в нашей стране. Просто люди становились очень богатыми за очень короткие сроки. Теперь пришло время отдавать долги, долги моральные, потому что этот кризис – *это тест на зрелость*» [12].

«Чем полезен кризис? Кроме того, что это *колоссальное испытание*, он позволяет переосмыслить жизнь. Если бы не произошло этого *падения*, мы продолжали бы, может быть, развиваться в инерционном сценарии» [14].

Как показал анализ, слотами фрейма «кризис», актуальными для российского политического медиадискурса, являются «жизненное испытание» и «возможность для качественно изменения (шанс)».

Таким образом, проведенный фреймовый анализ позволяет охарактеризовать национально-специфические особенности актуализации избранных глобальных концептов в российском политическом медиадискурсе. Если концепт «терроризм» связан преимущественно с резко негативной оценочностью, то репрезентация концепта «кризис» в медиатекстах ведущих российских политиков сопровождается положительным контекстом.

Список литературы

1. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996. 104 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovopedia.com>.
3. Зеленский, В. В. Послесловие к книге: В. Одайник. Психология политики. Психологические и социальные идеи Карла Густава Юнга. СПб., 1996. С. 368–380.
4. Коновалов, В. Н. Политология : словарь. М., 2010. 290 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. 245 с.
6. Меграбова, Э. Г. Фрагмент семантического пространства дискурса о России: «Государственная власть – Олигархи» // Культурно-языковые контакты : сб. науч. тр. Вып. 7. Владивосток, 2002. С. 107–115.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovopedia.com>.
8. Санжаревский, И. И. Политическая наука : слов.-справ. [Электронный ресурс]. Тамбов, 2010. URL: <http://www.polit-gloss.narod.ru>.
9. Толковый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovopedia.com>.
10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovopedia.com>.

Источники

11. В. Путин: мировой финансовый кризис – это уникальный шанс для России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.allmedia.ru/newsitem.asp>
12. Дмитрий Медведев: «Кризис – это тест на зрелость» [Электронный ресурс]. URL: <http://rusk.ru/newsdata.php>
13. Медведев: кризис – это вызов, который нужно использовать во благо всем [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infocrisis.ru>
14. Медведев: кризис оказался полезным [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ntv.ru/>
15. Полный текст выступления Дмитрия Медведева на форуме в Давосе 27.01.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gzt.ru>
16. Уровень террористической угрозы повышен до президентского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc>

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТОВ ГЛАМУРНОГО ЖУРНАЛА

Представлена общая характеристика текстов гламурных журналов, даны содержательные особенности, лингвистическая характеристика данного типа текстов. Приведены результаты экспериментального исследования особенностей восприятия и понимания гламурного текста с использованием методики построения «встречного текста» А. И. Новикова, выраженные в определенных комбинациях уже известных реакций, также описан новый тип реакции.

Ключевые слова: гламурный журнал, построение контртекста, встречный текст, классификация реакций А. И. Новикова, содержательные и релятивные виды реакций.

Целью данного исследования является изучение особенностей восприятия и понимания текста гламурного журнала.

Научная новизна проводимого исследования заключается в выявлении специфики психолингвистических механизмов понимания и интерпретации текстов гламурного журнала, не получивших должного внимания со стороны современных исследователей теории и типологии текста, а также проблем его понимания. Новизна исследования определяется также использованием методики «встречного текста» А. И. Новикова на новом текстовом материале.

Актуальность исследования гламурного текста в плане его социокультурных и психолингвистических характеристик, а также с точки зрения теории речевого воздействия обусловлена тем, что гламурные издания в настоящее время являются широко доступным источником информации, который освещает стилистику современной «красивой» жизни, новинки и тенденции мира моды и пропагандирует здоровый и комфортный образ жизни.

Актуальность исследования связана с выявлением и анализом различных форм речемыслительных процессов, и в том числе оценочного мышления, проявляющегося в процессе понимания и интерпретации текстов гламурного журнала как особого типа речевых произведений с точки зрения «психолингвистики текста».

Для начала следует определить, что такое гламурный журнал и охарактеризовать тип текста, представленный в нем.

Гламурный журнал является разновидностью глянцевого журнала. Существует точка зрения, в соответствии с которой значение термина «глянцевый журнал» складывается из

двух смыслов. «В прямом смысле это – глянцевая блестящая обложка, а также использование глянцевой бумаги, и в переносном – лоск и блеск, идеальность, подразумевающая неестественностью и безжизненностью» [7]. Ж. В. Чернова в своей статье «Глянцевые журналы: издания для “настоящих” мужчин и современных женщин», выделяет три особенности глянцевых журналов. Во-первых, они призваны заполнить пробел между газетами и интеллектуальными книгами. Наравне с развлекательной информацией глянцевые журналы предоставляют материал по истории, искусству, культурному наследию, который по форме и содержанию доступен массовому читателю.

Второй особенностью является их «адресность», ориентация по определенному признаку потенциального читателя: гендерная ориентированность (мужской/ женский), профессиональная принадлежность (журнал для бухгалтеров, строителей, врачей), место жительства (городская/ сельская местность) и др.

Наконец, в качестве третьей специфической характеристики Ж. В. Чернова выделяет дизайн печатного издания. В книгах и газетах преобладает текст, а иллюстрациям отводится лишь второстепенная роль, тогда как в глянцевых журналах визуальный и вербальный компоненты предстают как равные части целого [6].

Учитывая жесткую конкуренцию на рынке печатных СМИ, почти каждый журнал сегодня печатается на глянцевой бумаге. Таким образом, глянцевым журналом можно считать любую печатную продукцию, которая имеет блестящую глянцевую обложку и формат журнала, вне зависимости от содержательных особенностей, возрастной и гендерной принадлежности.

Понятие «гламурный журнал» является более частным и включает в себя определенный тип глянцевого журнала, посвященного моде и красоте. «Гламурный журнал – это энциклопедия гламурной жизни, это красочная картинка, набор статей, которые учат нас, как жить, что читать, что смотреть, как одеваться и что дарить любимому человеку» [7].

Гламурный журнал – это журнал, ориентированный на определенную читательскую аудиторию, основной целью которого является формирование определенного стиля жизни у читателя и осуществление помощи в достижении успеха путем освещения различных аспектов деятельности в современной городской жизни. Содержательные особенности современного гламурного журнала, а именно позитивность, психологическое расслабление и широкая информативность, позволяют определить ряд тем характерных для всех журналов данного типа.

Анализируя тексты гламурных журналов с точки зрения их содержания, можно предложить следующую тематическую классификацию, основанную на типичных темах и подтемах:

1. Тексты с общей тематикой «Красота и здоровье» представляют собой информацию, посвященную красоте и здоровью, они содержат мнения экспертов о том, как добиться безупречности в макияже, уходе за своим телом, волосами и так далее.

Подтемы: уход за собой, поддержание здорового образа жизни, питание, фитнес.

2. Тексты, посвященные вопросам моды, содержат информацию о безупречности стиля; неотъемлемой частью этой темы является реклама известных брендов и фотографии знаменитостей.

Подтемы: стиль, новые тенденции, аксессуары.

3. Тексты, объединенные темой «Карьера», включают биографические истории карьерного роста успешных женщин, советы редакции о том, как получить хорошую работу и не потерять ее.

4. Тексты с проблематикой «Взаимоотношения мужчины и женщины» содержат советы, относительно того, что нужно предпринять, чтобы получить идеального партнера и идеальные отношения, также освещается тема сексуальности.

Подтемы: счастливая любовь, несчастная любовь, гармоничные семейные отношения, секс, советы как покорить мужчину.

В содержании изучаемого типа текстов выделяется коммуникативный аспект, что выражается в открытой оценке и отношении к адресату и событиям.

Для передачи данного типа содержания используются такие средства языка, как оценочная лексика, которая имеет сильную эмоциональную окраску, чаще всего это оценочные прилагательные, выражающие отношение говорящего. Можно привести следующие примеры: «Мне это возмущение всегда кажется лицемерным: мех ведь никогда не был материалом исключительно функциональным. Всякая счастливая обладательница шубы из баргузина или манто из шиншиллы прекрасно знает: мех – это в первую очередь красиво и лишь во вторую – тепло!»; «Чем более замысловатая, непривычная и прочная конструкция, тем лучше: так теперь надо выбирать сумку» [15]. «У этого платья была сказочная, несовременная и нереальная красота» [16].

Стоит отметить, что имена прилагательные с позитивной оценкой встречаются намного чаще, чем с прилагательные негативной оценкой: «Руководствуясь главным правилом повседневного макияжа — выделять либо губы, либо глаза, – визажисты М.А.С. выбирают последние: их новая лимитированная коллекция декоративной косметики «Art of the Eye» предназначена для создания безупречных стрелок, объемных ресниц и сверкающих век» [12]. «Мех сам по себе придает исключительности любому аксессуару, и с ним наряд становится универсальным. А если учесть, что еще с лета папка для iPad – самая актуальная из сумок, то и остро модным» [14]. «Сильная, уверенная в себе женщина в черном кожаном платье или двубортном пальто цвета хаки, с винной помадой на губах – так выглядела на Неделях моды героиня осенне-зимнего сезона» [13].

Для текстов гламурных журналов также характерно употребление большого количества иностранных слов, заимствований: antiage-линия, мастер-класс, визажист, стилист, боди-арт, фэшн-директор, дресс-код, мейк-ап, гаджет, бренд, бутик и так далее.

Пр.: «Есть мнение, что в эпоху твиттера и шоу “Минута славы”, успешны только те, кто сам рассказывает о своих достижениях» [11. С. 116]. «Когда я рассматриваю новые флаконы духов и баночки кремов на beauty-коллагах ELLE, на меня обрушивается вихрь эмоций!» [8. С. 20]. «Неожиданные makeup-оттенки, яркие платки и матовые эффекты –

таков характер новой весны» [8. С. 25]. «Духи для чемодана – новый must-have для тех, кто привык путешествовать первым классом» [8. С. 52]. «Вслед за ВВ-кремами наш beauty-арсенал в скором времени должны пополнить ВВ-блески для губ и СС-крема» [8. С. 54]. «Отныне макияж должен быть полупрозрачным. Это правило коснулось даже классических smoky eyes» [8. С. 180]. «Ведь, по сути, для nude look используется привычный набор make-up-средств» [8. С. 182].

Одной из коммуникативных задач текстов гламурного журнала является речевое воздействие. Это отражается как в лексике, так и в синтаксических конструкциях. Советы, которые говорящий дает адресату, выражаются в основном формой повелительного наклонения: «Перед тем как воспользоваться лайнером, сделайте “эскиз” карандашом» [8. С. 165]. «Не наносите корректор непосредственно на кожу» [8. С. 166]. «Не слушайте тех, кто говорит, что крем лучше наносить на влажную кожу» [8. С. 172]. «Забудьте про темный тональный крем. Это совершенно неприемлемо!» [8. С. 182]. «Смешай оттенки, поиграй с полутонами, создай цвет своих губ» [9. С. 51].

Характерной чертой внешней формы текстов данного типа является обращение автора ко второму лицу единственного числа: «Наверняка ты уже выбрала оттенки, которые наилучшим образом раскрывают твою индивидуальность» [9. С. 51].

Частым является употребление глагольных форм будущего времени, что придает высказыванию значение уверенности, определенности: «Объемные, длинные, эффектные – именно такие сделает твои ресницы новая тушь Le Volume de Chanel» [8. С. 284]. «Самым модным оттенком для губ грядущего сезона станет темно-вишневый» [9. С. 34]. «Мягкие объемные локоны или слегка небрежные волны – романтический стиль в укладках будет актуален и этой весной» [10. С. 52].

Наряду с употреблением глагольных форм в будущем времени встречаются и глагольные формы в настоящем времени, придающие действию, выражаемому глагольной лексемой, значение обязательности (уверенности): «Эта матовая помада не сушит, а мягко обволакивает губы, создавая ощущение абсолютного комфорта» [8. С. 58]. «Сложных укладок на подиумах становится все меньше – это факт» [8. С. 179]. «В новом сезоне бал правят сладкие пастельные оттенки» [10. С. 58].

Кроме того, в качестве характерной черты можно отметить использование номинативных предложений, которые придают интонационную законченность тексту. С помощью таких предложений можно кратко и эмоционально передать чувство или общую атмосферу события: «Простой макияж в тренде» [8. С. 179]. «Полупрозрачные светлые платья, мягко струящиеся волосы и простой макияж» [8. С. 190]. «Самые запоминающиеся наряды и впечатляющие показы – в специальном обзоре ELLE» [9. С. 60]. «Прозрачная органза и тонкое кружево – романтическое оружие в деле соблазна» [10. С. 33].

На российском рынке представлены журналы как для женщин, так и для мужчин, но наличие явного количественного превосходства гламурных журналов для женщин позволяет сделать вывод о том, что имеет место гендерное доминирование данного типа журналов.

Особенности текстов гламурного журнала, связанные и с их содержанием, и с вербальной формой, во многом обуславливают специфику их восприятия и понимания.

Для выявления особенностей восприятия и понимания гламурного текста мы провели экспериментальное исследование с использованием методики построения «встречного текста» А. И. Новикова [4] или «контртекста» (в терминологии Н. И. Жинкина) [2]. Напомним, что в основу эксперимента была положена гипотеза А. И. Новикова об «активной роли реципиента, который не пассивно регистрирует содержащуюся в тексте информацию, не является просто “экраном”, на котором проецируется содержание текста, а сам строит “встречный текст”» [4. С. 65]. Методика получила дальнейшее развитие в трудах Н. П. Пешковой [5], и ее учеников (А. А. Авакян [5], И. В. Кирсановой [3], Я. А. Давлетовой [1] и др.).

Учитывая гендерный аспект, в качестве испытуемых в нашем эксперименте участвовали 72 студентки БашГУ – 1,2 курсов математического, физического и химического факультетов в возрасте от 18 до 20 лет. Испытуемым предлагался для восприятия текст статьи из журнала «Vogue», посвященный созданию коллекции туфель дизайнером и моделью Н. Водяновой. Текст предъявлялся в письменном виде, каждое предложение было пронумеровано. В качестве задания мы использовали оригинальный текст из методики А. И. Новикова [4. С. 65]. Текст задания формулировался следующим образом: «Прочитайте, пожалуйста, инструкцию:

Читая текст, составьте свой “контртекст”. Контртекст – это все то, что возникает в Вашем сознании как результат понимания очередного предложения. Он включает в себя не только то, что прямо сказано, но и то, что подразумевается, дано в неявной форме, опосредованно, в том числе различного рода ассоциации. В практическом плане для выполнения Вами задания необходимо:

1. На отдельном листе бумаги записать номер очередного предложения.

2. Под этим номером записать информацию, касающуюся интерпретации данного предложения.

3. После составления “контртекста” сформулируйте общий смысл прочитанного Вами текста» [4. С. 65]

Испытуемым был предъявлен оригинальный текст, содержащий 16 предложений.

В результате эксперимента на данный текст было получено 72 «контртекста» по количеству участвующих в эксперименте студенток, содержащие 1152 реакции.

Анализ всех реакций, полученных в эксперименте, позволил выявить следующие виды, 16 из которых описаны в экспериментах А. И. Новикова [4]. Мы приводим их ниже в порядке убывания частотности.

Оценка: «Средства от продажи туфель, которые поступят во все несколько сотен магазинов бренда по всей стране, будут перечислены в благотворительный фонд Водяновой «Обнаженные сердца». – 1) Молодец! Благотворительным фондом занимается! 2) Ну и хорошо, что смогла все-таки!

Ассоциация: «Туфельки для Золушки – вот что я представляла, когда приступала к работе над коллекцией» – 1) Вспоминается сказка «Золушка» и маленькие хрустальные туфельки. 2) Туфельки миниатюрные, сказочные.

Перефразирование: «Супермодель и меценат Наталья Водянова освоила новую профессию – дизайнера обуви» – Н. В. решила немного изменить свою профессию и стать дизайнером обуви.

Мнение: «Туфельки для Золушки – вот что я представляла, когда приступала к работе над коллекцией» – Мне кажется, что она создает обувь просто от безделья.

Констатация: «Мы в России любим выглядеть ярко в любой ситуации и в любое время суток, я сама такая» – Да, в России девушки самые лучшие!

Генерализация: «На каждом стразами выложена изящная корона» – Мы вообще во многом отстаем.

Перевод: «Супермодель и меценат Н. Водянова освоила новую профессию – дизайнера обуви» – Супермодель – дизайнер обуви.

Ориентировка: «Кстати, сначала я задумывала туфли еще наряднее, пришлось даже себя немного ограничивать» – Интересно почему?

Вывод: «Люблю высокие каблуки, даже в школу так ходила» – Похоже, что она всегда любила выглядеть женственно.

Свободный ответ: «Об этой коллекции будут говорить, а для благотворительности это важно и нужно» – 1) Хорошее всегда помнят. 2) Мы все кому-то нужны.

Прогноз: «У нас до сих пор почему-то не принято афишировать свое участие в подобных акциях» – К этой коллекции будет огромный интерес.

Предположение: «Туфельки для Золушки – вот что я представляла, когда приступала к работе над коллекцией» – Не уверена, что у нее там что-то нормальное получилось.

Визуализация: «Такой она и получилась, девичьей и сказочной», – Наталья Водянова показывает мне свои творения: пять пар туфель на высоком каблуке, две – на низком, ботильоны и сапоги» – Я представляю, что это все розовое и с пюфляшками.

Инфиксация: «Это (корона) – самый важный элемент, каждая девушка хочет чувствовать себя принцессой» – Но не каждый день.

Аргументация: «Шпильки – женственность и праздник, поэтому я сразу отказалась от идеи сделать еще и балетки» – Балетки не придают девушке женственность, поэтому она не делает их.

Интертекст: «Мне нравится, когда человек, покупая что-то красивое, параллельно вносит свою лепту в благотворительный проект, – говорит Наташа» – За двумя зайцами погонись...

Довольно часто встречается такой вид, как компликативная реакция, выделенная И. В. Кирсановой [3]. Можно привести примеры различных комбинаций следующих типов реакций:

Перефраз + аргументация: «Шпильки – женственность и праздник, поэтому я сразу отказалась от идеи сделать еще и балетки» – Выбирая между шпильками и балетками, она остановилась на первом, ведь в балетках мы ходим только из-за того, что они удобные.

Оценка + ориентировка: «Туфельки для Золушки – вот что я представляла, когда приступала к работе над коллекцией» – *Хорошая идея. Интересно, доступна ли эта цена для Золушек?*

Также встречается тип реакции, названный Я. А. Давлетовой – констатация отсутствия знаний [1] – «Средства от продажи туфель, которые поступят во все несколько сотен магазинов бренда по всей стране, будут перечислены в благотворительный фонд Водяновой «Обнаженные сердца» – 1) *Не знаю, что написать. 2) Первый раз слышу про такой фонд.*

Некоторые из полученных нами реакций не удалось отнести к уже известным типам, поэтому мы сочли возможным дать им свое определение.

Например, мы выявили такой новый тип реакции, как отсылка к личному опыту из жизни испытуемого. Можно привести следующие примеры данного типа реакции: «Люблю высокие каблуки, даже в школу так ходила» – 1) *А я не умею ходить на каблуках! 2) А я вот так не ходила!*

Следует отметить, что в ходе эксперимента были выявлены часто встречающиеся оценочные реакции разных видов. Среди них:

Оценочное мнение – оценочное отношение испытуемого к тому, что сказано в исходном предложении: «На каждом стразах выложена изящная корона» – *Стразы дешево смотрятся и отрываются быстро.*

Ироничная оценка – реакция в виде ироничного высказывания с оценкой того, о чем идет речь в предложении: «У нас до сих пор почему-то не принято афишировать свое участие в благотворительных акциях» – *Да неужели? Все, прям, скрывают!*

Разного рода имплицитные оценки. А именно, имплицитная оценка негативного характера, содержащая подразумеваемое, неявно выраженное негативное отношение испытуемого к тому, что сказано в предложении: «Мы в России любим выглядеть ярко в любой ситуации и в любое время суток, я сама такая» – *Ага, а в деревне разноцветные калоши носить?!*

Имплицитная оценка позитивного характера, включающая в себя подразумеваемое, неявное одобрение того, что сказано в исходном предложении: «Такой она и получилась, девичьей и сказочной», — Наталья Водянова показывает мне свои творения: пять пар туфель на высоком каблуке, две – на низком, ботильоны и сапоги» – 1) *Хотелось бы уви-*

деть эти туфли! 2) Вот бы примерить их все!

Количественный анализ полученных экспериментальных данных позволяет выявить следующие три типа преобладающих реакций – это ассоциация (12,6 %), перефразирование (12,4 %), оценка (12 %) и разновидность реакции «оценка» – оценочное мнение (10 %). Таким образом, реакция оценки (22 %) занимает первое место по частотности, что свидетельствует о значимости оценочного механизма при восприятии информации данного типа текста.

По А. И. Новикову, непосредственно с содержанием предложений соотносятся такие виды реакций, как перевод, перефразирование, вывод, предположение, ассоциация, ориентировка и прогноз. Он определил их как содержательные. Другие виды реакций к содержанию предложений не относятся, а «выражают отношение реципиента к воспринимаемым предложениям» [4. С. 69]. Они охарактеризованы как релятивные. Количественный анализ наших данных показывает, что количество содержательных реакций составляет 417, или 36,1 % от общего числа, а релятивных – 735, или 63,8 %.

Релятивные реакции, то есть смысловые, связанные с извлечением смысла текста, явно преобладают количественно над содержательными реакциями. Следовательно, можно предположить, что это представляет одну из особенностей восприятия текстов данного типа.

По словам А. И. Новикова, «релятивные реакции, не являясь содержательными, участвуют в создании определенного эмоционально-аксиологического поля, определенных интенций и установок...» [4. С. 69].

Таким образом, результаты нашего экспериментального исследования подтверждают предположение о том, что целью текстов гламурного журнала является не столько передача какой-либо фактологической информации, сколько вербальное воздействие на аудиторию, формирование у читающего определенного мировоззрения и стиля жизни. Полученные данные свидетельствуют также о существовании особых стратегий понимания информации, представленной в текстах данного типа. Материалы экспериментального исследования позволяют выявить не только новые виды реакций, но и увидеть несколько иную комбинацию реакций, формирующих «ядро» и «периферию» общего поля реакций, проявляющихся при понимании текстов данного типа.

Список литературы

1. Давлетова, Я. А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012. 193 с.
2. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982. 159 с.
3. Кирсанова, И. В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 193 с.
4. Новиков, А. И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // *Вопр. психолингвистики*. 2003. № 1. С. 64–76.
5. Пешкова, Н. П. Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода : монография / Н. П. Пешкова, А. А. Авакян, И. В. Кирсанова, И. Н. Рыбка ; под общ. ред. Н. П. Пешковой. Уфа, 2010. 268 с.
6. Чернова, Ж. В. Глянцевые журналы: издания для «настоящих» мужчин и современных женщин [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/iprog/topic/16226805/16217039.html>.
7. Что такое гляцевый журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://daz.su/nash-otvet/bez-kategorii/11/index.aspx>.
8. ELLE : журнал [Электронный ресурс]. URL: http://jurnal.com.ua/read.php?|=elle_march_2013_russia&id=789
9. ELLE : журнал [Электронный ресурс]. URL: http://jurnal.com.ua/read.php?|=elle_august_2012_russia&id=349
10. ELLE : журнал [Электронный ресурс]. URL: http://jurnal.com.ua/read.php?|=elle_february_2013_russia&id=715
11. Glamour : журнал [Электронный ресурс]. URL: http://jurnal.com.ua/read.php?|=glamour_september_2012_russia&id=368.
12. Vogue : журнал [Электронный ресурс]. URL: http://www.vogue.ru/beauty/news/Glaz_da_glaz/
13. Vogue : журнал [Электронный ресурс]. URL: http://jurnal.com.ua/read.php?|=vogue_october_2012_russia&id=458.
14. Vogue : журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vogue.ru/magazine/article/499237/>
15. Vogue : журнал [Электронный ресурс]. URL: http://www.vogue.ru/magazine/articles/Leto_krasnoe/Boks_v_ofis/
16. Vogue : журнал [Электронный ресурс]. URL: http://www.vogue.ru/magazine/articles/Super_star.

О. Н. Морозова

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ГЛАСНЫХ СЕЛЕМДЖИНСКОГО ГОВОРА ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА

Излагаются результаты исследования восприятия гласных исчезающего говора малочисленного этноса Приамурья – селемджинских эвенков. В ходе аудиторского эксперимента было выявлено, что контекстное окружение играет решающую роль в опознании гласных. Были определены комбинаторно-позиционные условия для опознания эвенкийских гласных. Полученные данные имеют значение для изучения перцептивного пространства гласных, свойственных носителям эвенкийского языка.

Ключевые слова: фонетика, перцептивные характеристики гласных, селемджинский говор эвенкийского языка.

Как известно, установление человеком фонологического облика высказывания является фундаментом восприятия. При восприятии, полагаясь на присутствующие акустические характеристики речевого сигнала, а также свой лингвистический опыт, человек выдвигает гипотезу о том, какое сообщение он принимает. Как отмечает В. Б. Касевич, одним из возможных способов восприятия фонетической информации является ее последовательный и тщательный анализ, после которого следует идентификация фонологического облика слова [6. С. 72–78]. Решение проблемы, каков объем собственно фонетической информации, необходимой для того, чтобы человек воспринял смысл передаваемого ему сообщения, имеет большое значение как для теоретической фонетики, так и для прикладных ее задач [3. С. 124–125].

Для исследования перцептивных характеристик акающих эвенкийских говоров Амурской области был предпринят пилотный эксперимент, имеющий целью выявить некоторые характеристики перцептивного пространства гласных, свойственные носителям эвенкийского языка.

В качестве экспериментального материала были использованы эвенкийские гласные, выделенные из слов, начитанных диктором-женщиной – носителем селемджинского говора эвенкийского языка. Была составлена программа аудиторского эксперимента, содержащая 21 бессмысленное звуко сочетание, как в открытом, так и в закрытом типах слога. Предъявление подвергаемых изучению сегментов в структуре слога некоторыми учеными рассматривается как условие «лингви-

стической подсказки». Кроме того, известно, что именно слог необходим слушающему для опознания и гласного и согласного [3. С. 151].

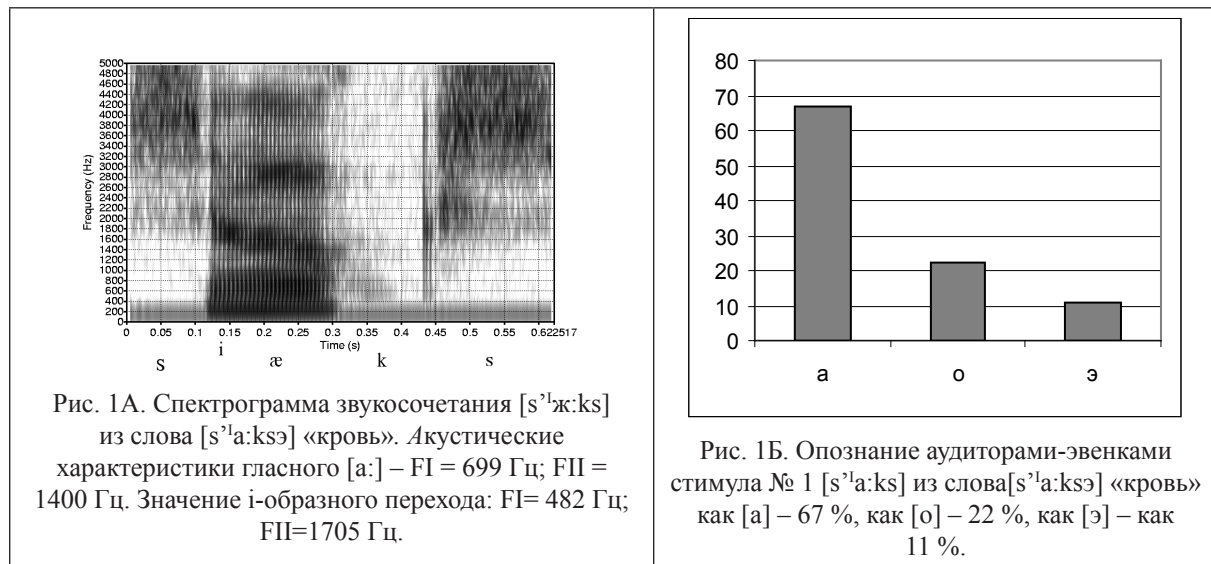
Программа перцептивного эксперимента предъявлялась 9 испытуемым – носителям селемджинского говора эвенкийского языка (жителям с. Ивановское Селемджинского района Амурской области). Перед эвенкоговорящими аудиторами была поставлена задача – прослушать предъявляемые звуко сочетания и произнести то, что они слышат. С каждым из испытуемых эксперимент проводился отдельно. В результате было получено 189 реакций на прослушанные стимулы, отказов от ответов не было. Данные реакции аудиторов представлены в матрице ответов аудиторов (табл. 1).

Транскрипционная запись услышанного аудиторами производилась лично экспериментатором. Кроме повторения услышанного, в качестве примера аудиторы предлагали на каждое звуко сочетание возможное слово, что подтверждает выводы исследователей о стремлении человека любую звуковую цепочку превратить в осмысленное слово. В ходе эксперимента аудиторы произносили услышанное: 1) совершенно так, как это было произнесено диктором; 2) правильно опознавали гласный, но произносили его в другом согласном контексте; 3) предлагали для обозначения стимула слово с другим гласным, иногда в другом согласном контексте. При обработке результатов эксперимента учитывалось только восприятие гласного без учета правильного или неправильного опознания слов, ошибки в согласном контексте также не учитывались.

Таблица 1

Матрица ответов аудиторов

№ п/п	стимул	A1	A2	A3	A4	A5	A6	A7	A8	A9
1.	s'a:ks	tak	s3sk	s'aks	saks	soks	soks	s'aks	saks	saks
2.	ks'э	ks'э	ks'э	ks'э	ks'э	ks'э	ks'э	ks'a	ks'э	kse
3.	tis	tek	p'it'	its	tɪtʃ	tɪts	tɪts	k'etʃ	tɪks	seks
4.	do:n	tot	tort	tol	tɔn	tɔn	top	tol'	tort	tor
5.	'eha	эh	ieh	ieh	э	ieh	ieh	'eht	эк	'eh
6.	gər	kʌt	kʌr	gor	gər	gork	gark	kapk	gor	gor
7.	ʃa:β	shchar	ʃaʊ	ʃaʊ	ʃaʃ³	ʃaʊ	ль':aʊ⁶	ʃaʊ	ʃak	sam
8.	rən	kət	gə	gəl'	gləʃ	g'en	gel'n	k3l'	gʌv	k3l'
9.	ʃa:	s'a	ʃɔʊ	ʃɔ	ʃɔ	ʃɔ	ʃɔn	ʃa	ʃa	sah
10.	kun	kut	kɔrt	kɔr'	kul't	kɔʃ⁵	kurn	kɔn	kurt	k3l'
11.	d'o:n	t'on	d'on	d'ɔn	d'ɪl'	d'ɔn	d'on	d'on	d'ɔn	d'ɔn
12.	rə	dət	gə	brə	g'ər	dro	br'u	ʃa	zər	d'ət
13.	di	t'i	tɪ	ʃi	ptɪ	ptʌ	t'i	tɪ	tɪk	kɪl
14.	d'u	ks'ok	d'u	d'u	d'uɸ⁴	d'oʊ	d'em	d'o	d'uk	d'əl
15.	arɪʃ	ri	riʃ	riʃ	ə'riʃ	'əriʃ	riʃ	br'itʃ	ə'riʃ	kir
16.	d'ag	d'ag	d'u	d'ag	g'ev	d'ap	d'am	g'en	d'an	kəp
17.	ami	ant	am'i	am'i	am'in	am'i	am'i	an	am'i	hani
18.	d'u	d'u	d'u	d'u	d'u	d'up	d'u	d'u	d'u	d'u
19.	kəd	kək	kət	kʰət	kət	k'ət	kət	kəl'e	kət	k'ek
20.	horo	horok	horo	orok	horov	ho	oro	horo	oron	horo
21.	itʃ	ɪk	itʃ	itʃk	itʃ	itʃ	gittʃik	k'itʃ	itʃ	itʃan

Восприятие долгого /a:/. На рис. 1А и 1Б показаны акустические и перцептивные характеристики гласного центрального ряда низкого подъема долгого /a:/. На спектрограмме рисунка 1А показаны акустические характеристики стимула [s'ʲa:ks] из слова [s'ʲa:ksə] «кровь». Формантные характеристики гласного, показанного на спектре, составляют для первой форманты 699 Гц, для второй – 1400 Гц. На

спектре видно i-образный переход от переднеязычного щелевого согласного /s/ к гласному центрального ряда низкого подъема /a:/. Формантные характеристики i-образного перехода составляют для первой форманты 482 Гц, для второй – 1705 Гц, что соответствует гласному переднего ряда высокого подъема широкой разновидности [ɪ]. Данный стимул интересен тем, что в нем отражена диалектная фонетиче-

ская черта, свойственная большинству восточных говоров эвенкийского языка. Благодаря этой фонетической черте восточные эвенкийские говоры в некоторых литературных источниках по эвенкийскому языку получили название акающих диалектов [4]. Подобное «аканье» заключается в том, что эвенкийский долгий гласный /э:/ теряет ряд позиций и заменяется долгим гласным /а:/. Другими словами, дистрибуция /э:/ в говорах восточных эвенков ограничена, что подтверждается данными аудиторского анализа, показанного на рис. 1Б. На диаграмме рис. 1Б видно, что большинство, а именно 67 % аудиторов опознали в стимуле гласный [а], остальные как гласный [о], или гласный [э].

Для исследования перцептивных характеристик долгого гласного /а:/ в эксперимент были

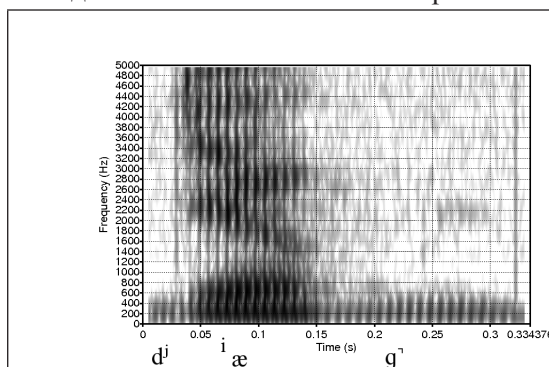

Рис. 2А. Спектрограмма звуко сочетания [d'ag] из слова [d'agdaŋ] «сосняк». Акустические характеристики гласного [а] – FI = 609 Гц; FII = 1423 Гц. Значение i-образного перехода: FI = 514 Гц; FII = 2227 Гц.

мена на более узкий гласный, возможно, явилось следствием контекстного влияния аффрицированного [tʃ], которая вызывает понижение значения формант и восприятие на слух более закрытого гласного.

Восприятие краткого /а/. Эвенкийский гласный центрального ряда низкого подъема краткий /а/ в эксперименте представлен своим комбинаторным дифтонгоидным аллофоном в позиции после мягкого переднеязычного звонкого смычного /d'/ в стимуле № 16 [d'ag] из слова [d'agdaŋ] «сосняк» (см. рис. 2А и 2Б). Несмотря на i-образный элемент в первой фазе гласного, формантные характеристики которого равны FI = 514 Гц; FII = 2227 Гц, большинство аудиторов опознали сегмент, как а-образный гласный. Хотя предлагались такие варианты более узких гласных как /е/, /э/, /у/.

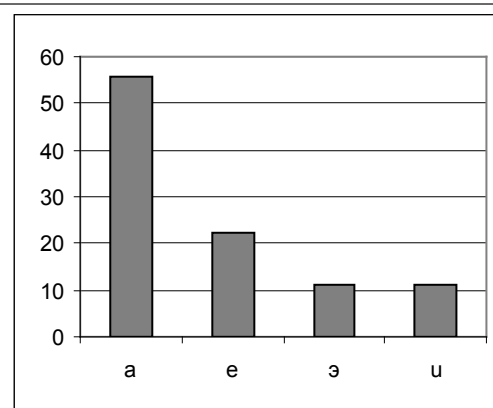

Рис. 2Б. Опознание аудиторами-эвенками стимула № 16 [d'ag] из слова [d'agdaŋ] «сосняк» как [а] – 56 %, как [е] – 22 %, как [э] – 11 %, как [у] – 11 %.

включены также стимулы (№ 7, 9). В стимуле № 7 [tʃ'a:β] из слова [atʃ'a:Я] «я поспал» гласный /а:/ имеет характеристики широкого гласного продвинутого по ряду вперед. Его первая форманта равна 676 Гц, вторая 1537 Гц, длительность гласного составляет 195 мс. Данный сегмент был воспринят всеми аудиторами как а-образный гласный. Однако большая часть аудиторов его обозначила как дифтонгоидный [aU], что можно объяснить контекстным влиянием последующего губно-губного /β/.

При анализе перцептивных оценок стимула № 9 [tʃ'a:] из слова [bu: tʃ'a:] «дал» оказалось, что в большинстве гласный был воспринят как довольно узкий по подъему о-образный гласный, несмотря на его акустические характеристики, которые свойственны гласному открытому центрального ряда гласному. Неуверенное опознание монофтонга и его за-

Восприятие долгого /е:/. Если рассматривать акустические характеристики гласного переднего ряда среднего подъема долгого /е:/ в произнесении носителей селемджинского говора эвенкийского языка, необходимо признать дифтонгоидный характер его основного аллофона. Так, в позиции абсолютного начала слова, что для реализации любого гласного является сильной позицией, так как нет левостороннего влияющего контекста, анализируемый гласный реализуется с ярко выраженным на спектре i-образным переходом (см. рис. 3А). Формантные значения i-образного перехода равны FI = 438 Гц, FII = 2681 Гц. Подобные акустические характеристики /е:/ (i-образное начало) отмечены в томмотском, учурском и чультманском говорах эвенкийского языка [1. С. 9 ; 7. С. 60] При восприятии данного дифтонгоидного стимула, аудиторы так же

воспроизводили прослушиваемый стимул как дифтонгоидный (рис. 3Б). Гласный [э] в данном стимуле опознали только 33 % аудитором.

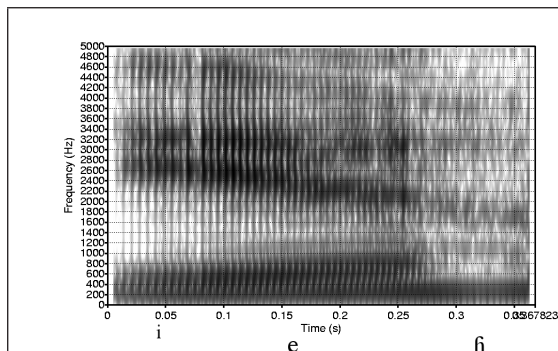

Рис. 3А. Спектрограмма слова [ʲe:fla] «глаз». Акустические характеристики [ʲe:] F1 = 597 Гц; FII = 2113 Гц.

го гласного, в целом, достаточно уверенное, в большинстве случаев более 60 %. Тем не менее, некоторые аудиторы услышали на месте

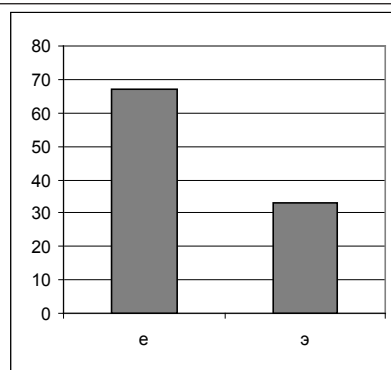

Рис. 3Б. Оpozнание аудиторами-эвенками стимула № 5 [ʲefla] «глаз» как [ʲe] – 67 %, как [э] – 33 %.

Восприятие краткого /э/. На рис. 4А показана спектрограмма стимула № 12 [гэ] из слова [угэ] «гора», содержащие краткий гласный центрального ряда среднего подъема /э/. В имеющихся словарях существуют расхождения относительно последнего гласного в слове [угэ] «гора». Так, в словарях [7. С. 182 ; 5. С. 454] в данном слове зафиксирован краткий /э/. В словаре же Б. В. Болдырева дается два варианта слова [угэ] «гора» с разной длиной последнего гласного [угэ – угэ:] [2. С. 225]. Несмотря на трудность сегментации плавного сонорного /г/ и гласного /э/, мы полагаем, что в речи анализируемого диктора в слове урэ «гора» реализуется краткий /э/. Средние формантные значения данного гласного составляют для первой форманты 532 Гц, для второй – 1503 Гц, что говорит о реализации гласного, находящегося в центре вокалического треугольника. Оpozнание аудиторами это-

/э/ такие гласные, как [о], [у], [а] возможно под влиянием сонанта /г/, который при соседстве с гласным понижает значения формантных областей, что обеспечивает восприятие более закрытых по подъему гласных.

Восприятие краткого /у/. Рассматривая перцептивные характеристики краткой фонемы заднего ряда высокого подъема /у/ из стимула № 5 [кун] из слова [ʲe:kun] «что» (см. рис. 5Б), необходимо отметить, что опознание стимула было довольно неуверенное: аудиторы в позиции после заднеязычного смычного и перед носовым правильно опознали гласный /у/ только в 44 % случаев. Остальные аудиторы услышали гласный или [о] – также 44 % или [э] – 11 %. По нашему мнению, такое неуверенное восприятие можно объяснить влиянием правостороннего контекста на анализируемый гласный заднего ряда, а именно влияние переднеязычного носового сонанта /н/, длительность

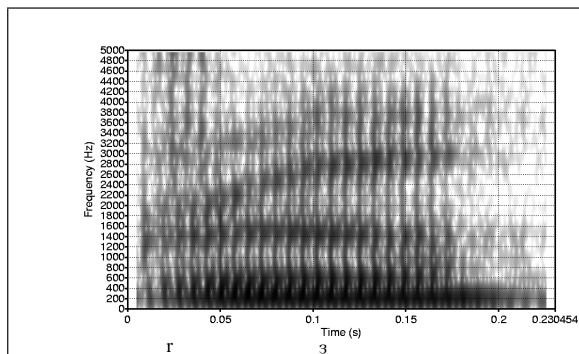

Рис. 4А. Реализация звукосочетания [гэ] из слова [угэ] «гора». Акустические характеристики гласного [э]: F1= 550 Гц; FII=1433 Гц, что говорит о реализации гласного среднего подъема, центрального ряда.

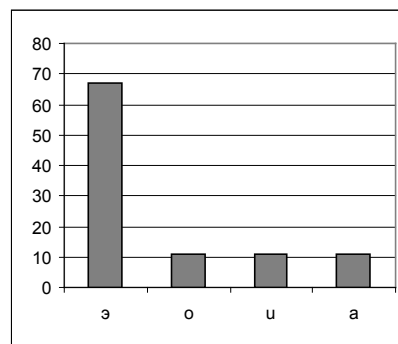
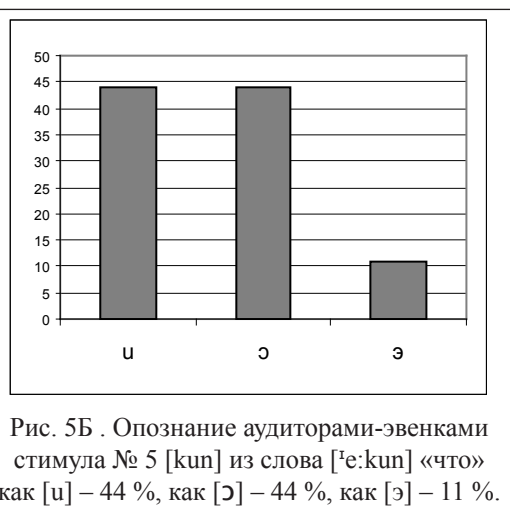
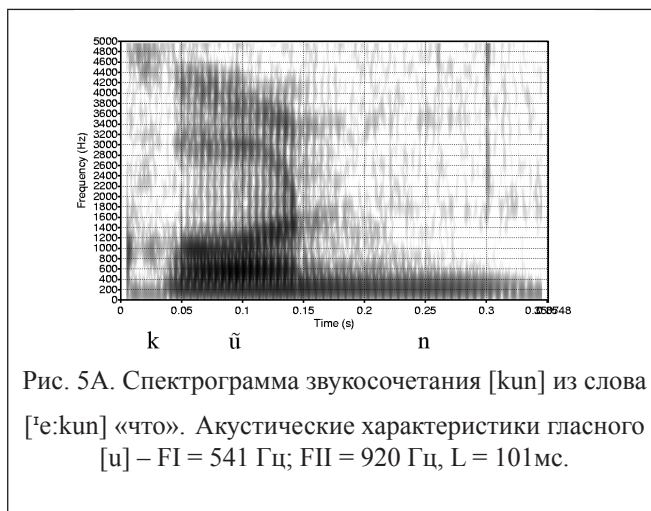

Рис. 4Б. Оpozнание аудиторами-эвенками стимула № 12 [гэ] из слова [угэ] «гора» как [э] – 67 %, как [о] – 11 %, как [у] – 11 %, как [а] – 11 %.

которого почти вдвое больше (188 мс), чем реализация гласного /u/ (101 мс).

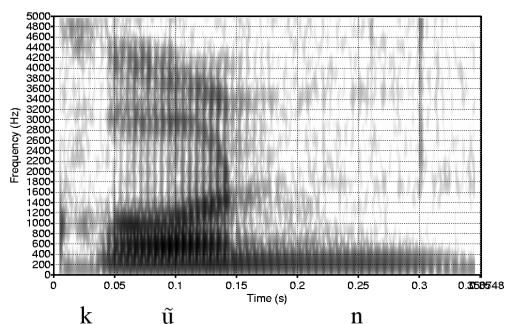

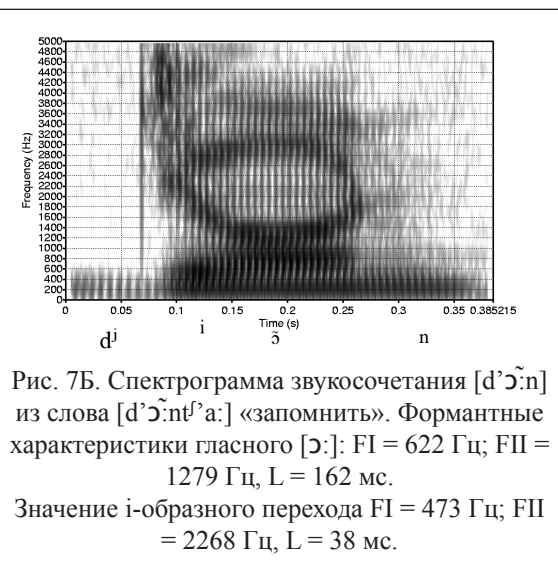
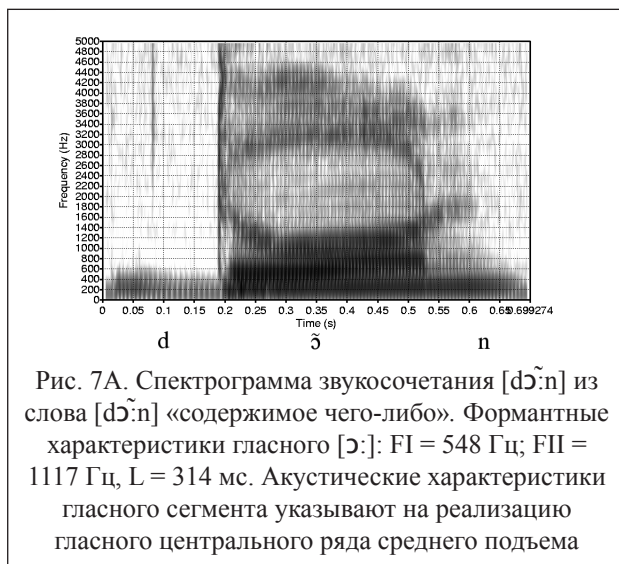
Рис. 6А. Спектрограмма звуко сочетания из слова [d'u:] «чум, дом». Формантные характеристики гласного [u:]: F1 = 393 Гц, F2 = 880 Гц, L = 391 мс, i-образный переход: F = 348 Гц, F = 1547 Гц.

Соседство краткого заднерядного гласного /u/ с мягким переднеязычным звонким смычным /dʲ/ также обеспечивает его неуверенное восприятие аудиторами. Помимо правильного опознания гласного, аудиторы предлагают ва-

рианты более широких по подъему гласных, а именно [o] – 22 %, [oʊ] – 11 %, [э] – 11 %, [e] – 11 %. Если обратиться к спектральным характеристикам реализации гласного /u/ в этой позиции, то нельзя не учесть в начальной фазе реализации гласного ярко выраженный i-образный переход, формантные характеристики которого составляют для первой форманты – 365 Гц, для второй – 1751 Гц. Наличие i-образного перехода в спектре гласного, сильное влияние левостороннего переднеязычного контекста обеспечивают неуверенное восприятие заднерядного краткого гласного высокого подъема /u/.

Восприятие долгого /u:/. Представляется интересным сравнить долгий заднерядный гласный /u:/ в сходной позиции после мягкого переднеязычного звонкого смычного /dʲ/. Оповознаемость данного гласного составила 100 %, возможно в силу его большой длительности, которая равна 391 мс (см. рис. 6А).

Восприятие долгого /ɔ:/. Примеры реализации долгого гласного /ɔ:/ на спектрах в по-

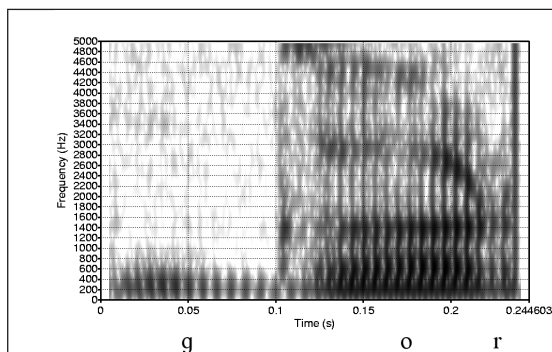

Рис. 8А Спектрограмма звуко сочетания [gɔɣ] из слова [gɔɣɔlɔ:] «далеко». Акустические характеристики гласного [ɔ] – F1 = 484 Гц; F2 = 1378 Гц. L = 93 мс. Акустические характеристики гласного сегмента указывают на реализацию гласного заднего ряда продвинутого вперед среднего подъема широкой разновидности

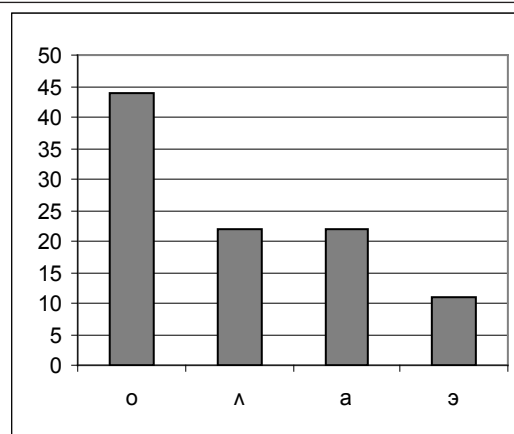

Рис. 8Б. Опознавание аудиторами-эвенками стимула № 6 [gɔɣ] из слова [gɔɣɔlɔ:] «далеко» как [o] – 44 %, как [л] – 22 %, как [а] – 11 %, как [э] – 11 %.

зиции после твердого переднеязычного /d/ и мягкого /d'/ можно увидеть на рис. 7А и 7Б. Опознавание аудиторами данного гласного уверенное и составляет 100 %. См. матрицу ответов аудиторов стимулы № 4 [dɔ̃:n] слова [dɔ̃:n] «содержимое чего-либо» и № 11 [d'ɔ̃:ntʃ'a:] слова [d'ɔ̃:ntʃ'a:] «запомнить». Вполне уверенное опознавание гласного в неблагоприятной для него позиции реализации обусловлено его большой длительностью. После твердого переднеязычного звонкого смычного длительность гласного /ɔ:/ – 314 мс, после такого же мягкого – 162 мс. Вполне возможно, что аудиторами были опознаны слова.

Восприятие краткого /ɔ/. Краткий заднерядный гласный /ɔ/ воспринимался аудиторами также уверенно, как и долгий заднерядный (см. рис. 8А). Однако в позиции после заднеязычного звонкого смычного /g/ можно отметить разнообразие перцептивных оценок этого гласного (рис. 8А и 8Б). 44 % аудиторов отметили, что слышат [o], 22 % – [л], 11 % – [а] и 11 % – [э].

В ходе анализа данных перцептивного эксперимента можно сделать следующие выводы.

1. Контекстное окружение играет решающую роль в опознании эвенкийских гласных. Самыми неблагоприятными позициями для опознания являются: а) левосторонний и правосторонний переднеязычный контекст для заднерядных гласных; б) левосторонний и право-

сторонний заднеязычный контекст для переднеязычных гласных; в) соседство гласных с плавным сонорным согласным /r/.

2. Опознаемость эвенкийских гласных напрямую связана с их длительностью: чем длительнее гласный, тем лучше он опознается.

3. Позиция после мягких согласных не является неблагоприятной для восприятия эвенкийских гласных.

Список литературы

1. Андреева, Т. Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка (экспериментально-фонетическое исследование). Новосибирск, 1988. 142 с.
2. Болдырев, Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск, 2000. Ч. 2. Р-Я. 484 с.
3. Бондарко, Л. В. Фонетика современного русского языка : учеб. пособие. СПб., 1998. 276 с.
4. Булатова, Н. Я. Говоры эвенков Амурской области. Л., 1987. 168 с.
5. Василевич, Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958. 802 с.
6. Касевич, В. Б. О восприятии речи // Вопр. языкознания. 1974. № 4. С. 71–80.
7. Романова, А. В. Диалектологический словарь эвенкийского языка. Материалы говоров эвенков Якутии / А. В. Романова, А. Н. Мыреева ; под ред. Г. М. Василевич. Л., 1968. 215 с.

Г. Г. Москальчук

ПОЗИЦИОННЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ТЕКСТА

Рассматриваются теоретические основы позиционного подхода к изучению целостных качеств текста. Текст вписывается в речемыслительную деятельность человека и на этом основании рассматривается в кругу объектов природы, обладающих пространственно-временными параметрами, воплощенными в таких категориях, как позиция, пропорция, ритм.

Ключевые слова: *текст, речемыслительная деятельность, позиция, повтор, ритм, самоорганизация, формообразование, пространство, время.*

Для современной филологии характерно утверждение, что в естественных и гуманитарных науках должны использоваться принципиально разные методы исследования. Однако речь человека и ее продукт – текст – есть часть единой природы (действительности), а значит, производство и функционирование текста должно определяться, в частности, природной законосообразностью [7–10].

Перспективным представляется путь интеграции знаний о тексте с использованием аппарата естественных наук (случайность, вероятность, симметрия/ асимметрия, фазовое пространство, плотность, распределение элементов последовательности и т. п.) [12 ; 17].

Феноменологические же подходы не верифицируемы в части, касающейся целостных свойств текста, и не содержат достоверных результатов, которые могут быть использованы, например, при построении различных моделей текста. Многие исследования текста ограничиваются изучением его отдельных компонентов и/ или групп языковых единиц, целое как объект лингвистики при этом лишь декларируется. Иными словами, изучается нечто, находящееся в границах текста или ряда текстов, но не сам текст как тотальная цельность и отдельность. В зарубежных исследованиях преимущественно исповедуются также общетеоретические решения, не опирающиеся на значительный текстовый материал.

Текст как целостность в кругу других природных объектов исследован недостаточно. А только такое решение, вписывающее текст в феномены действительности, позволяет перейти к изучению интеграции текста в речемыслительную деятельность, изучать процедуры оперирования текстом в различных ее видах, создавать новые и совершенствовать имеющиеся компьютерные программы, оптимизирующие процедуры исследования текста на больших корпусах.

В современной науке объектом исследований все чаще становятся открытые системы, поскольку закрытые и самозамкнутые системы есть только продукт абстрагирования от реальных свойств и связей объектов-систем. Исходя из этого, существует только один лингвистический объект-система, обладающий качеством открытости в среду, – текст. Среда понимается нами не как психика, сознание и т. п. (такое понимание характерно для когнитивной лингвистики и зарубежной психолингвистики), а как предметная деятельность, под влиянием которой возникают и трансформируются внутри-текстовые структуры [13. С. 103–253].

Выделение в текстах различных объектов как собственно структурно-языковых, так и содержательных (деятельностных, когнитивных), а также установление различных отношений между ними, происходящих в деятельности (пространственно-временных, аксиологических, каузальных, иерархических и др.), создает целостное деятельностно-информационное внутри- и межтекстовое пространство.

Событие действительности, отраженное в тексте и его структурах, целостно и структурировано, прежде всего, деятельностью, а это, в свою очередь, означает, что и целостность текста как психолингвистический феномен структурирована как деятельность. Такое приложение теории деятельности к структуре текста и его функционированию позволяет с единых позиций описывать не только процессы его порождения, восприятия и понимания, но и выражать в терминах данной теории ту область семантики текста, которая связана с устремленностью в невербальное деятельностное пространство, то есть личностный смысл, идею, тему текста.

Важность и актуальность изучения текста несомненна по ряду других причин. Текст является функциональной единицей, собственно

материализующей, репрезентирующей объект лингвистики (*lingua*) изначально. Таким образом, первоисточник знаний лингвистики сам становится ее теоретическим объектом. Кроме того, в существующих моделях и теориях языка, построенных на базисе слов и предложений, не нашло отражение реальное не обратимое пространственно-временное его бытие как форма его движения, в силу чего функционирование языка не могло быть ни адекватно описано, ни, тем более, объяснено и спрогнозировано.

Ахронотопичность лингвистических теорий явилась одной из причин исключения текста из явлений языка, с помощью введения дихотомии «язык–речь», что, в конечном счете, привело к пониманию природы лингвистической теории как феноменологической. На основе изучения текста становится возможным построение нефеноменологической лингвистической теории в целом и определение пространственно-временного бытия языка, его субстратно-субстанциональных качеств.

Текст как объект лингвистики изучается уже несколько десятков лет, сформировалось направление, именуемое *лингвистикой текста*, появилась теория, именуемая *общей теорией текста*, выделены основные признаки текста: *связность, цельность, отдельность, информативность* и др. [3 ; 13 ; 15 и др.] Однако структура текста изучается с помощью терминов и категорий языковой системы, то есть вне фактора реального пространства-времени, в котором осуществляется порождающая текст деятельность и рецепция готового текста. Именно поэтому было обнаружено, что связность текста, фактически уже описанная как *грамматика*, не является его релевантным параметром. В связи с чем лингвистика переходит к изучению законов *целого* текста, текста как такового [13]. В поисках законов целого в тексте лингвистика соприкасается с общей теорией систем, требующей представления в численно измеримых параметрах, и более широко – с системным подходом к анализу различных аспектов бытия текста.

Системный анализ объекта – это и представление изучаемого объекта, явления и т. п. в виде целостной системы, обладающей системными качествами. Именно к подобного рода представлениям о системном анализе относятся утверждения методологов о системообразующем факторе, эмерджентности, взаимодействии системы и среды, кооперативности

процессов в подсистемах единой системы, развитии и самоорганизации системы, управляющих параметрах и параметрах порядка, прямой и обратной положительной и отрицательной связи и др. Общая теория систем, кибернетика, синергетика, теория информации говорят о системном подходе в этом смысле. Системный анализ – это и многоаспектное описание одного и того же объекта, то есть выделение у него же разных предметов, сообразующихся с различными научными областями, и последующий синтез результатов разнопредметного исследования одного и того же объекта [4].

Определение объекта как *объекта-системы того или иного рода* позволяет говорить об уровне организации и движения языко-речевой материи, рассматриваемом исследователем, а также об определении пространственно-временных характеристик объекта-системы. Описание параметров (характеристик, показателей и так далее) объекта-системы, взаимодействия его частей, рассматриваемое через призму основных форм движения материи (пространства и времени), составляет описание онтологии объекта и определяется нами как онтологический аспект системного подхода, с чего и нужно начинать изучение того или иного явления.

В дальнейшем именно онтология объекта позволяет на своей основе выделить те или иные предметы объекта (например: эмотивность, просодика, тематический повтор, тропы, фигуры и др.), представить их в виде абстрактных подсистем, количественно описать их, то есть осуществить системный подход [13. С. 2]. Эти модели должны содержать в себе пространственно-временной показатель, маркирующий появление и дальнейшую судьбу того или иного элемента системы. После количественного описания того или иного предмета необходимо перевести абсолютные численные значения интенсивности процесса в той или иной пространственно-временной координате в относительные значения, где максимумом (единицей) выступило бы максимальное абсолютное значение проявления признака (качества, встречаемости, интенсивности проявления и т. п.) моделируемого предмета.

Затем необходима системная интеграция полученных конструкторов тех или иных предметных областей объекта на основе общности онтологического базиса и единообразного построения (следование и локализация наблюдаемого явления в пространстве-времени текста от его старт-сигнала к стоп-сигналу, квантита-

тивность, относительность проявления признака) предметных моделей.

Очевидно, что описанная стратегия системных исследований отличается от обычных процедур анализа и синтеза тем, что предлагаемая исследовательская программа состоит из целого ряда операций более высокого порядка, таких как качественно-количественная идеализация, моделирование, предметная абстракция. Кроме того, одной из ведущих операций можно считать статистический анализ данных описания того или иного предмета объекта-системы. Статистический анализ в части его корреляционных методов может служить одним из способов интеграции многопредметных описаний объекта-системы [4].

Таков контур методологического базиса системного исследования текста, позволяющий осуществлять в рамках одного исследования не только анализ, но и синтез различных теоретических подходов и решений в описании различных предметных областей организации и самоорганизации как отдельного текста, так и текстовых выборок и корпусов (например, теорию деятельности, теорию тексто- и/или формообразования, теорию функционирования текста в различных деятельностных средах).

В результате наше знание об онтологии объекта становится более содержательным, что приводит к возможности проведения нового исследовательского цикла в тех же режимах. Системное исследование только в единстве его онтологического и гносеологического аспектов может служить гарантом достоверности добываемого научного знания. Именно в этой, принципиально иной, достоверной и обоснованной фиксации результатов и эмпирических обобщений, служащих основой для теоретических утверждений, и состоят приметы «новой парадигмы» в лингвистике [4 ; 5 ; 6 ; 13 ; 11].

В каждый момент времени в реальности актуально функционирует при порождении и восприятии только ограниченная в данным моментом времени часть текста и никогда текст в целом. Как целое текст существует в двух случаях: ментальной репрезентации (в этом случае и говорится о целостности как о психолингвистическом явлении) и абстрактном исследовательском конструкте или модели. При этом ментальное существование текста не поддается непосредственному наблюдению, но в экспериментах и разного рода моделях и конструктах мы можем обнаруживать характер

и структуры осуществленной рече-мыслительной деятельности.

Поэтому исследователь текста опирается в своих построениях на его конструкт (модель). Моделирование заключается в том, что текст переводится в письменный вид и воспринимается зрительно, как графически воплощенный пространственный феномен. При этом текст не теряет связи со временем: начало текста отмечается исследователем как предшествующее, середина – как последующее, а конец – как самое позднее во времени. Наделение текста пространственным существованием создает условия для обратимости времени при чтении письменной его репрезентации [13. С. 27–31].

Очевидно, что, переводя текст в пространственное измерение (в письменную форму), мы искусственно создаем условия для его воспроизводимости, для полного проявления формы текста. Исследователь может изучать внутрисистемные связи и отношения в тексте с любой (и в любой) его точки, в любом направлении и неограниченно во времени, что, в частности, происходит с феноменом гипертекста. Возникает вопрос: изучаются ли при этом системные качества текста? Это позволяет теория деятельности, согласно которой текст может рассматриваться как процесс и результат речевой (речемыслеительной) деятельности; как определенная речевая деятельность.

Текст есть форма осуществления, опредмечивания в языковых знаках лингво-ментальной деятельности субъекта, и при этом текст обладает пространственно-временной протяженностью, что позволяет исследовать процессуальность как создания, так и восприятия текста. Таким образом, многомерный исследовательский конструкт позволяет эксплицировать системность текста в различных качественно-количественных параметрах, в синхронном и диахронном освещении [2].

Именно формы движения материи (пространство и время) создают и задают форму объекта, в частности, текста. Всякая форма состоит из повторяющихся и неповторимых комплексов разного рода, которые могут, в свою очередь, повторяться в рамках данного текста и в других текстах. Единство возникающих симметрично-асимметричных паттернов организации в рамках целого задает ритм его формы. Таким образом, взаимодействие симметрии и асимметрии формы описывает бытие объекта, ибо ритмические характеристики выявляются лишь в целостном объекте.

Единицей измерения внутритекстового пространства-времени служат словоформа и позиция как элементы обнаружения процессуальной структуры текста. Вследствие этого пропорции золотого сечения, отложенные в словоформах или иных более крупных единицах от абсолютного начала текста к его абсолютному концу, будут членить части текста (предложения, синтаксические единства) на равные и неравные отрезки – композиционные зоны и интервалы.

Разбивая предложения на относительно равные ритмические доли, пропорция задает монотонный ритм формообразования. Разделяя же предложения на неравные доли, пропорция создает воспроизводимый в известных пределах ритмический рисунок с помощью акцентов на правую (устремленную к концу) и левую (устремленную к началу) долю предложения, что выявляет интонационные контуры и акценты предложений. Взаимодействие право- и левосторонней асимметрии создает акцентность формы, в которую встраивается монотон равных долей. Взаимодействие противоположных акцентных тенденций и создает все богатство разнообразия моделей формы текста. Это отражает известное положение о том, что именно асимметрия и творит явление [2. С. 14–25 ; 4 ; 13].

Интенсивность же происходящих изменений в системе может зависеть в первую очередь не от хода объективного времени, а от характера внутрисистемных связей, ускоряющих, сохраняющих и/ или замедляющих внутритекстовые структурные изменения. Отсюда очевидно, что происходящие изменения не могут быть непрерывными и однородными, их количественные и качественные характеристики должны меняться, подстраиваясь под интеллектуальные ритмы деятеля. В этом смысле структура текста негомогенна, и способы сохранения, синхронизации и/ или преодоления структурной гомогенности должны быть одним из предметов исследования в лингвистике текста. Важным аспектом становится анализ переходов одних единиц структуры в другие, анализ пространственного размещения тех или иных переходов, выступающих в качестве формообразующего фактора [11].

В пространственном измерении этот тип внутритекстового времени привязан к единообразно заданной координатной оси, единицами длительности (протяженности) которой служат словоформы (предложения, абзацы, главы и другие единицы членения текста как целостно-

го объекта наблюдений). Интенсивность происходящих изменений в системе, зависящая от характера внутрисистемных связей, задает ритм самодвижения текста от абсолютного начала к его абсолютному концу. Ритм интенсивности изменений в тех или иных системах одного и того же объекта-текста разворачивается вероятностно по сценарию метроритмической матрицы как инвариантному сценарию-конструкту, накладываемому на пространство текста [2. С. 14–37 ; 5 ; 6 ; 13. С. 100–170].

Поскольку развертывание (функционирование) текста одновременно выражает процесс, идущий от его возникновения и становления к завершению (свертке), и, текст представляется в исследовательской модели в про пространственной плоскости, то логично связать шкалу собственного (внутреннего) времени текста с пространственной шкалой, ведущей отсчет от абсолютного начала текста, единицей которой может служить любая считающаяся единица: графические знаки и графические слова, словоформы, предложения, абзацы, страницы печатного текста и т. п.

Метроритмическая матрица, выступающая конструктом базисного типа внутреннего времени объекта, задает параметр порядка системным исследованиям текста, поскольку является синхронизатором внутреннего времени самых разных систем одного и того же объекта-текста [2. С. 14–76 ; 13 и др.].

Первый этап фундаментального изучения структуры текста связан с выделением предметных областей для детальной дефиниции отдельных позиций формы, чтобы затем четко определить исследовательский конструкт – метроритмическую матрицу, с помощью которой можно было бы делать утверждения о самой форме текста. Обнаружение позиций в лингвистике текста задано в работах И. В. Арнольд, В. А. Кухаренко, Н. В. Черемисиной и др. индуктивным способом (от материала) [1 ; 18 ; 13. С. 38–64].

Отдельные позиции текста к настоящему времени уже выделены эмпирически и даны в лингвистической литературе списками: заглавие, эпиграф, начало, конец, имя собственное, стиховые переносы, метафоры и так далее. Наиболее полный перечень сильных позиций текста представлен в работах И. В. Арнольд, В. А. Кухаренко, Н. В. Черемисиной и др. [1 ; 6 ; 16 ; 153. С. 39–40 ; 18 и др.]. Характерно, что каждая из позиций описывается с использованием различных филологических терминов

и теоретических представлений, что в силу разнородности самого материала не позволяет сводить многочисленные и весьма разнородные факты в целостную теорию позиций текста.

Эффективность передачи информации, эмоционального и психологического воздействия с помощью текста в значительной степени обусловлена его позиционной структурой. Поэтому реалистичное и конкретизированное в качественно-количественных вероятностных параметрах понимание закономерностей пространственно-временного распределения и функционирования сильных и слабых позиций текста имеет теоретическое и практическое значение.

В наших работах на материале фразового повтора диалектной речи была создана позиционная модель текста-инварианта, которую составили абсолютные начало и конец текста, гармонические центры зоны начала и всего текста, зачин и конец текста, а также абсолютно слабые позиции текста как закономерно проявляющиеся области минимального присутствия в них элементов симметрии (наличие повтора) [16]. В дальнейшем А. Ю. Корбут, изучая тематический повтор в прозаических художественных текстах, получила результаты распределения симметрии и асимметрии в пространстве-времени текста-инварианта, численно коррелирующие с результатами устной диалектной речи. Это позволило предложить инвариант структуры текста как измерительный эталон для сопоставления текстов по собственным структурным параметрам, не зависящим от фактуры речи [5 ; 6 ; 13. С. 133].

Численные данные (координаты от 0 до 1) расположения позиций в тексте оказываются в пределах статистической достоверности коррелирующими с серией пропорций золотого сечения (0,618; 0,236; 0,146; 0,09), что позволяет эксплицировать и отождествить форму любого текста, независимо от его размеров, которые унифицируются с помощью пропорции. Поэтому «позиционная» модель текста выглядит так: гармонический центр (0,618 от объема целого текста в словоформах, принятого за единицу), гармонический центр зоны начала (0,236 от целого текста), зачин (0,146 от целого текста), абсолютно слабые позиции: пропорции 0,236 от целого, откладываемые от гармонического центра текста вправо и влево [13. С. 40–62].

Текст есть часть действительности, его форма строится на основе тех же природных уни-

версалий, на которых строятся формы человеческого тела, цветка, архитектурного сооружения, музыкального произведения, биоритмов головного мозга, планетарных систем, компонентов генного аппарата человека и животных, и многого другого, в том числе и человеческой деятельности – то есть на основе пропорций золотого сечения. На этом этапе формируется представление о *тексте как природном объекте* [2. С. 14–71 ; 7–10 ; 14 ; 13 и др.].

Указанные подходы к решению связаны с последовательной методологической организацией исследования и разноаспектностью исследованного материала. Методами исследования служат моделирование, теоретический прогноз, вероятностно-статистический анализ, лингвистический и психолингвистический эксперименты, широкое применение аппаратных методов (при изучении просодики текста и обработки больших массивов текстов), а также использование уже созданных методик позиционного анализа текста.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностр. яз. в шк. 1978. № 4. С. 32–31.
2. Бекасова, Е. Н. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис : монография / Е. Н. Бекасова, Г. Г. Москальчук, В. Ю. Прокофьева. М., 2013. 217 с.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1979. 140 с.
4. Карпов, В. А. Язык как система. М., 2003. 304 с.
5. Корбут, А. Ю. Инвариант структуры диалектного и художественного текста / А. Ю. Корбут, Г. Г. Москальчук // Явление вариативности в языке: материалы Всерос. науч. конф. Кемерово, 1997. С. 182–188.
6. Корбут, А. Ю. Повтор как средство структурной организации художественного прозаического текста (элементы симметрии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 21 с.
7. Манаков, Н. А. Лингвосинергетика: первые результаты, проблемы и перспективы / Н. А. Манаков, Г. Г. Москальчук // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы. Барнаул, 2000. С. 107–113.
8. Манаков, Н. А. Текст как природный объект / Н. А. Манаков, Г. Г. Москальчук // Педагог: наука, технология, практика. 1999. № 2 (7). С. 58–62.

9. Манаков, Н. А. Физические параметры структуры текста / Н. А. Манаков, Г. Г. Москальчук // *Естественные науки и экономика : ежегодник*. Омск, 2000. Вып. 5. С. 21–26.
10. Манаков, Н. А. Фрактальная природа языка / Н. А. Манаков, Г. Г. Москальчук // *Лингвосинергетика: проблемы и перспективы*. Барнаул, 2000. С. 24–33.
11. Моисеева, И. Ю. Синергетическая модель текстообразования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2007.
12. Москальчук, Г. Г. Общенаучные понятия в исследованиях текста // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 92–94.
13. Москальчук, Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. 2-е изд. М., 2010. 296 с.
14. Москальчук, Г. Г. Структурная организация как объект общей теории текста // *Вестн. Оренбург. гос. ун-та*. 2006. № 1, т. 1. Гуманитарные науки. С. 73–81.
15. Москальчук, Г. Г. Теория формообразования текста // *Язык. Время. Личность (социокультурная динамика языковых явлений в общенародных и личностных репрезентациях) : материалы междунар. науч. конф. (Омск, 3–5 дек. 2002 г.)*. Омск, 2002. С. 517–524.
16. Москальчук, Г. Г. Фразовый повтор в диалектной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 16 с.
17. Пиотровский, Р. Г. О лингвистической синергетике // *НТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы*. 1996. № 12. С. 1–12.
18. Черемисина, Н. В. Вопросы синтаксической стилистики и эстетики речи // Протченко, Н. Ф. *Лексикология и стилистика в преподавании русского языка как иностранного: динамика, экспрессия, стандарт* / Н. Ф. Протченко, Н. В. Черемисина. М., 1986. С. 89–116.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ТЕРМИНОВ КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рассматриваются существующие подходы к лексикографическому описанию англоязычной компьютерной лексики. Описаны проблемы, с которыми сталкиваются составители словарей иностранных слов и толковых словарей при ее толковании. Обосновывается важность уточнения статуса терминов, многие из которых выходят за пределы компьютерного жаргона и требуют описания и адекватной фиксации в словарях общей лексики.

Ключевые слова: лексикография, компьютерно-опосредованная коммуникация, заимствование, калькирование, слова-гибриды.

Англоязычные компьютерные термины, которые появились в США одновременно с соответствующими технологиями, естественным образом проникают в национальные языки. Однако для массового потребителя языком Интернета является родной язык «как единственно приемлемый для общения и работы с сетевой информацией. Поэтому вполне естественным является тот факт, что, несмотря на свою изначальную англоязычность, Интернет стал катализатором развития именно национальных сегментов, которые представляют в виртуальном пространстве различные страны» [15. С. 70]. Естественно, что в России языком массовой аудитории виртуального сообщества является русский.

К сожалению, несмотря на то, что в Интернете, который отличается повышенной языковой рефлексией своих пользователей, существует огромное количество толковых словарей «компьютерного языка», зачастую даже с элементами этимологического анализа, сложно сказать, насколько оправдано их использование не как источников языкового материала, а в качестве справочников. Экспертизе таких словарей, возможно, предстоит стать темой отдельного исследования, однако, как мы увидим ниже, подобная экспертиза не помешала бы и некоторым словарям, существующим в книжном формате.

Специфической приметой воздействия интернет-коммуникаций можно считать комбинированное – одновременно латиницей и кириллицей – написание сложносоставных слов (*Web-камера*, *IT-специалист*, *online-дискуссия*, *IP-адрес*, *avi-файл*, *flash-карта*). Е. В. Маринова относит их к «словам-гибридам» [8. С. 25], а Л. П. Крысин называет «словами-кентаврами», сомневаясь в том, что они принадлежат русско-

му языку: «...считать их естественной принадлежностью русского словаря и даже фиксировать их лексикографически (тем самым давая им “права гражданства” наряду с другими словами, составляющими лексику современного русского языка), едва ли верно: такие слова не прошли еще первый, самый необходимый этап освоения иноязычного слова в русском языке – этап передачи его графическими средствами языка-реципиента. Это не более чем иноязычные вкрапления в речь, хотя и своеобразные, поскольку чуждой для языка является только одна их часть, в то время как другая представляет собой «нормальное» слово» [12. С. 173]. Тем не менее опыт лексикографического описания таких лексических единиц существует [11 ; 13], их выносят в приложение к словарю. Как видно, «языковое смешение совершается именно теперь, ... *in actu*» [1], на наших глазах происходит момент соприкосновения двух разноязычных систем, и мы можем зафиксировать самый первый шаг на пути процесса заимствования слова.

На данный момент как профессиональные, так и составленные рефлексирующими интернет-пользователями словари фиксируют наряду с представленными примерами равноценные «словам-кентаврам» транскрибированные и транслитерированные варианты (*веб-камера*, *онлайн-дискуссия*, *айти-адрес*, *флеш/ флэш-карта*). Более того, *айти-специалист* в неформальной беседе давно превратился в *айтишника*, *ави-файл* – в *авишку*, а *флеш-карта* – в хорошо всем известную *флешку*. Слова такого типа, имеющие отчетливую разговорную окраску (именно для этого стиля характерна экономия языковых средств, выбор более краткой и емкой формы номинации), обычно фиксируются только в словарях компьютерного и молодежного жаргона [17]. Интересно, одна-

ко, что для глаголов с разговорной окраской иногда делаются исключения: так, «Новейший словарь иностранных слов и выражений» дает толкование глаголов *крэкнуть* (от англ. *to crack* – «взламывать»), *хакнуть* (от англ. *to hack* – «надрубить», «проникать в защищенную информационную систему») и *мэйлануть* (от англ. *to mail* – «получать или отправлять что-нибудь по почте»), а также трактует слово *сетан* (от англ. *to set up* – «устанавливать») как глагол, невзирая на отсутствие у последнего каких бы то ни было признаков словообразовательного оформления, необходимого для включения в грамматическую парадигму соответствующей части речи [10]. Не секрет, что английский язык аналитичен, что проявляется, в частности, в том, что количество личных форм глагола сведено к минимуму. Приходя в щедрую на морфологические признаки систему русской грамматики, заимствованное слово неизбежно «обрастает» соответствующими грамматическими атрибутами, что демонстрируют представленные выше глаголы. Возможно, в данном случае имел место технический сбой, и авторы имели в виду существительное *сетан* в значении «установка» или некий глагол *сетанать* или *сетанить*. В любом случае, данную словарную статью нельзя признать удачной.

Существует несколько действительно серьезных проблем, связанных с корректностью освещения терминов КОК в словарях иностранных слов. В частности, это вопрос о лексикографическом статусе некоторых групп слов. Следует ли считать такие термины, как *автомодерация*, *антивирус*, *видеоподкаст*, *гигабайт*, *деархивация*, *интерактивный*, *микрпроцессор*, *мультипрограммирование*, *табуляграмма*, и подобные англицизмами или отнести их к лексике, созданной на базе русского языка посредством международного фонда словообразовательных морфем (куда входят, например, такие препозитивные элементы как *anti-*, *auto-*, *video-*, *de-*, *hyper-*, *hypo-*, *inter-*, *quasi-*, *macro-*, *micro-*, *multi-*, *poly-*, *pseudo-*, *super-*, *tele-* и постпозитивные форманты типа *-graph*, *-graphia*, *-drom*, *-log*, *-logia*, *-meter*)? «Многие слова, образуемые с их помощью, представляют собой открытый ряд: говорящие свободно оперируют этими морфемами, создавая как регулярно употребляемые слова и термины, так и единицы *ad hoc*, на случай. <...> В процессе создания новых терминов – например, для нужд какой-либо новой отрасли знания –

специалисты нередко прибегают к помощи именно древнегреческих и латинских корневых и аффиксальных морфем, а не к прямому заимствованию из живых языков» [6], то есть высокая словообразовательная активность этих аффиксов и схожие черты словообразовательных процессов с их участием в разных языках объясняется как наличием фонетически сходных аналогов элементов этого фонда в других языках, так и высокой их востребованностью в мире высоких технологий. Таким образом, существует тенденция воспроизведения идентичных или схожих терминов в разных языках, поскольку группы людей, связанных с определенной научной дисциплиной, опираются на гибридные неологизмы, имеющие в своей основе иноязычную лексику, фонологически и морфологически адаптированную к языку-реципиенту.

Вторая группа лексики КОК, чье принятое на данный момент описание в словарях вызывает сомнения – это так называемые вторичные заимствования. Анализу данного явления мы посвятим отдельное исследование, здесь же приведем только краткую справку. Под вторичным заимствованием принято понимать «слово, по форме совпадающее с ранее заимствованным, но имеющее иное значение, вплоть до полной омонимии» [12. С. 176]. Сознание носителей языка, осознающих англоязычную природу КОК, четко относит многие из компьютерных терминов в разряд англицизмов, в то же время словари иностранных слов, относят все рассмотренные типы к заимствованиям из других языков.

Наряду с подобными вопросами, требующими серьезного изучения, словари иностранных слов иногда предлагают нам и другие поводы для размышления. Так, из проанализированных нами двенадцати словарей [2 ; 3 ; 4 ; 5 ; 7 ; 9 ; 10 ; 11 ; 13 ; 14 ; 18 ; 19] пять [3 ; 9 ; 10 ; 11 ; 19] дают толкование слова *цифровой* («относящийся к высоким технологиям»), причем четыре из них [3 ; 9 ; 10 ; 11] возводят его к латинскому *digitus* – «палец», и только один [19] – к английскому *digital*. А ведь это даже не вторичное заимствование, ведь других значений словари не фиксируют. Английский язык послужил посредником, там слово *digital*, от которого и произошел русский термин, существует с середины семнадцатого столетия со значением «пальцевый», действительно восходя к латинскому *digitus*; однако с середины двадцатого века слово приобрело значение «цифровой» и употребляется обычно

в контексте КОК [20] – оно-то и было заимствовано русским языком.

Сходство проблем, возникающих при попытке определения лексикографического статуса компьютерных терминов из описанных групп, подсказывает, что решение тоже может быть общим. Действительно, как правило, новые значения развиваются у заимствований благодаря внутренним семантическим процессам, однако «исключения составляют такие ситуации, когда новая отрасль знания или техники, вместе со сложившейся системой терминов, распространяется за пределы того общества, в котором она возникла. Пример – компьютерная технология, обслуживаемая английскими по происхождению терминологическими средствами» [6]. Конечно, едва ли было бы целесообразным записать всю компьютерную лексику в категорию англицизмов только на тематическом основании. Однако, скажем, отнесение термина *домен* к словам французского происхождения вызывает некоторое недоумение: кто, кроме профессиональных историков, помнит его средневековое значение «часть поместья, на которой феодал вел собственное хозяйство» – от фр. *domaine* [10], или кроме физиков – значение «область в веществе, отличающаяся физическими свойствами от смежных областей» [4]? В то же время многие из нас слышали и само это слово, и его производное в словосочетании *доменное имя* в контексте, однозначно связанном с Интернетом, а значит, с английским языком (например: *Сервисы сайта предназначены для поиска свободных доменов и просмотра регистрационной информации по зарегистрированным доменам. Вы сможете подобрать для сайта или блога красивое доменное имя, потратив минимум времени* [21]).

В девяти словарях [2 ; 3 ; 4 ; 5 ; 7 ; 9 ; 10 ; 11 ; 14] мы встречались с понятием *база данных*, причем каждый раз – в словарной статье слова *база*, которое возводилось к французскому этимону. Однако очевидно, что перед нами – неоднословная номинация, семантика которой не равна арифметической сумме отдельных компонентов, составляющих данное сочетание. Более того, это структурная калька с английского *database* и уже поэтому не имеет никакого отношения к саморазвитию семантики слова *база*, требуя, на наш взгляд, отдельной словарной статьи.

Некоторые словари активно представляют аналоги английских аббревиатур: кроме

привычных транслитераций *БИОС* (ср. англ. *BIOS*), *ДОС* (ср. англ. *DOS*), *РАМ* (ср. англ. *RAM*), *РОМ* (ср. англ. *ROM*) и т. п. (которые, несмотря на их активное и давнее использование, не спешат фиксировать составители других словарей), здесь встречаются такие транскрибированные сокращения, как, например, *Ай-Бу-Эм* (ср. англ. *IBM*), *ТиСиПи* (ср. англ. *TCP*), *Эйч-ти-ти-пи* (ср. англ. *http*) и *даблью-даблью-даблью* (ср. англ. *www*). Последнее «слово» присутствует и в «развернутом» виде, а именно *волд вайд веб* (ср. англ. *World Wide Web*) [9 ; 10], впрочем, некоторые другие словари дают вместо него кальку *Всемирная паутина* [5 ; 14]. Вызывает определенное сомнение предложенный вниманию интересующихся компьютерным жаргоном глагол *поРТФМить* [17], очевидно входящий в следующую структуру (мы не рискуем называть это образование словообразовательной цепочкой, поскольку не все ее составляющие освоены в русском языке):

RTFM → *RTFMить* → *РТФМить* → *поРТФМить*

или

RTFM → *РТФМ* → *РТФМить* → *поРТФМить*.

Маловероятно, что этот глагол когда-либо войдет в словари общей лексики, несмотря на то, что активно употребляется в контексте КОК: аббревиатура такого рода не может участвовать в регулярных словообразовательных процессах, в лучшем случае ее придется трансформировать во что-то вроде «*поэртеэфэ-мить*» (по аналогии с *чекист*, *эсмэска* и под.), однако данное новообразование крайне неблагозвучно и труднопроизносимо. Единственная причина существования этого жаргонизма – преимущественно визуальный характер существования интернет-коммуникации: это слово просто не пытаются произнести вслух или услышать, его только *набирают* или читают.

В упомянутом выше «Новейшем словаре иностранных слов и выражений» также описаны как заимствования слова *паковка* (во втором значении – «*то же, что архивирование, сжатие текстового файла программой-паковщиком*») и *паковщик* (единственное значение: «*то же, что архиватор, – компьютерная программа для придания текстовому файлу сжатого (запакованного и компактного) вида*») а также *имя* как слово древнегреческого происхождения, в третьем значении – «*символ или совокупность символов, обозначающих (именующих)*

программу или объект программы» и *мама*, во втором значении – «*материнская плата, на которой размещаются элементы конфигурации компьютера*», с пометкой «жарг.» [9]. В любом языке есть огромный пласт лексики, которую составляют «словарные единицы, которые и в морфологическом отношении, и по своей словообразовательной активности, и по лексической сочетаемости и синонимическим связям в функционирующей языковой системе, а тем более в языковом сознании носителей современного русского языка ничем не выделяются из общего круга слов соответствующих лексико-семантических групп» [16. С. 5]. Сложно не отнести к этой категории слова *имя* и *мама*, которые в данном случае демонстрируют свою многозначность; что касается *наковки* и *наковщца*, то здесь мы определенно имеем дело с производными давно адаптированного глагола *наковать*, который приобрел новое значение в результате калькирования английского *pack* (то же, кстати, справедливо для его однокоренного антонима *распаковывать*, кальки с *unpack*). Мы относим данный случай именно к разряду калек, а не вторичных заимствований, поскольку он отвечает всем трем критериям, выделенным Е. В. Мариновой:

– при семантическом калькировании используется исконное слово или полностью ассимилированное заимствование, воспринимаемое носителями языка как «свое»;

– в отличие от кальки, для вторичного заимствования возможен неоднократный перенос значений на одну и ту же материальную форму (здесь перенос однократный, другие заимствованные значения не зафиксированы, кроме первичного германизма *packen* – «укладывать»);

– калькируется всегда метафора, что не считается обязательным для вторичного заимствования [8. С. 58].

Складывается стойкое ощущение, что описанные выше лексические единицы оказались в словаре иностранных слов только из-за своих новых значений, имеющих отношение к компьютерам. Конечно, строго говоря, калька – хоть и скрытое, но все же заимствование, но в этом случае, чтобы быть последовательными, следует фиксировать и другие семантические кальки из этой терминологической области (компьютерная лексика ими исключительна богата, начиная с *червя* и *мышки* и заканчивая *окнами* и *закладкой*), однако же этого не происходит.

Удивляет отсутствие в словарях толкования терминов, которые регулярно встречаются рядовому пользователю персонального компьютера и интернета: *роутер, слайд-шоу, бан, пост, флуд, флейм, фишинг, фарминг, бот, вебинар, гиперссылка* и т. п.; повторных заимствований и новых значений слов в контексте КОК (*панель, активация, авторизация, админ, модератор* и др.). При этом наличие терминов программирования (*транслятор, алгол, фортран, экстраполятор, компилятор* и др.) и образцов устаревшей терминологии (*перфорация, перфокарты, ЭВМ, плоттер* и др.) или трактовок, опирающихся на устаревшие понятия (например, *компьютер* как «*электронно-вычислительная машина, совокупность полупроводниковых устройств*» – возможно, верная по сути, но определенно требующая обновления формулировка) вызывает недоумение.

Отдавая должное гигантскому труду, проделанному авторами-составителями изученных нами словарей, мы не можем не обозначить по крайней мере три серьезные проблемы, которые были выявлены при анализе лексики всего лишь одной семантической группы. Во-первых, за последние годы заметно снизилось качество подготовки словарей – отсюда устаревшие формулировки при толковании терминов и такие казусы, как не оформленный морфологически глагол *сетан*. Во-вторых, не определены критерии при выборе лексических единиц, требующих описания в словарях иностранных слов и новых толковых словарях, из-за чего множество частотных слов остается за пределами внимания составителей, а устаревшая лексика кочует из издания в издание. И наконец, недостаточная теоретическая разработанность вопросов, связанных с использованием интернациональных элементов и вторичным заимствованием, ведет к принятию непоследовательных решений при определении происхождения недавно заимствованной лексики и уточнении ее лексикографического статуса.

Список литературы

1. Бодуэн де Куртене, И. А. «О смешанном характере всех языков» : вступ. лекция [Электронный ресурс]. С.-Петербургский университет, 1900. URL: http://www.miresperanto.narod.ru/aliaj_lingvoj/boduen_de_kurtene.htm.
2. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов / сост. Е. Гришина. М., 2007. 960 с.

3. Большой словарь иностранных слов / сост. А. Ю. Москвин. М., 2006. 816 с.
4. Захаренко, Е. Л. Новый словарь иностранных слов : свыше 25000 слов и словосочетаний / Е. Л. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008. 1040 с.
5. Катлинская, Л. П. Толковый словарь новых слов и значений русского языка : ок. 2000 слов. М., 2008. 380 [4] с.
6. Крысин, Л. П. Об интернационализации фонда словообразовательных морфем [Электронный ресурс] // Современное русское словообразование и дидактика. М., 2007. С. 69–72. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-07.htm>.
7. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008. 944 с.
8. Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М., 2008. 495 с.
9. Новейший словарь иностранных слов и выражений. М. ; Минск, 2002. 976 с.
10. Новый словарь иностранных слов : более 20000 слов и статей / гл. ред. В. В. Адамчик. Минск, 2008. 1088 с.
11. Словарь иностранных слов и выражений / авт.-сост. Е. С. Зенович. М., 2003. 778 [6] с.
12. Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI вв. / Е. И. Голованова и др. ; отв. ред. Л. П. Крысин. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М., 2008. 712 с.
13. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л. М. Баш, А. В. Боброва и др. 5-е изд., стереотип. М., 2005. 960 с.
14. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия : более 7000 слов и устойчивых сочетаний / ИЛИ РАН ; под ред. Г. Н. Складневской. М., 2005. XLVI, 894 [4] с.
15. Трофимова, Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты : монография. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. 440 с.
16. Хабургаев, Г. А. Заимствование как проблема лексикографии и исторической лексикологии русского языка // Вестн. Моск. гос. ун-та. 1989. Сер. Филология. № 4. С. 3–9
17. Хайдарова, В. Ф. Слова, из которых соткана Сеть : краткий словарь интернет-языка / под ред. С. Г. Шулежковой. Магнитогорск, 2011. 322 с.
18. Шагалова, Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI в. М., 2011. 413 с.
19. Шагалова, Е. Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI в.) : более 3000 слов и словосочетаний. М., 2010. 943, [1] с.
20. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etymonline.com/index.php>.
21. White Whois – о доменах черным по белому [Электронный ресурс]. URL: <http://wwhois.ru>.

В. Г. Павлова

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ АЛЕШКОВА (на примере сборника «Сын Петра и Мариши»)

Исследуется антропонимическое пространство поэзии Алешкова, подчеркивается особая роль данных прецедентных антропонимов, характеризующих поэтический мир автора; определенное внимание уделено структурно-семантическим особенностям стихотворений Николая Алешкова.

Ключевые слова: антропонимы, идиостиль, поэтонимы, поэтическая ономастика, прецедентные имена, текст.

Предметом нашего исследования является ономастическое творчество Н. П. Алешкова – одного из интереснейших татарстанских поэтов ХХI в. Николай Петрович остается оригинальным и неповторимым автором, чье творчество исследовано недостаточно; в лингвистическом же плане его произведения специально монографическому исследованию никогда не подвергались. Использование интертекстуальных приемов представляется особенно значимым на фоне многообразия художественных техник автора, поскольку оно дает возможность не только отследить взаимосвязи в литературном самовыражении, но и открывает перед исследователями подлинную сферу жизни языка.

Исследование проведено в рамках одного из направлений региональной лингвистики, которым руководит профессор Елабужского института К(П)ФУ Дания Салимова. Молодые ученые в ее группе занимаются и поэтической ономастикой: исследуют ономастическое пространство текстов елабужских («Прикамских») авторов. Так, защищены кандидатские диссертации по творчеству Н. А. Дуровой, Д. И. Стахеева, С. Т. Романовского и др., написано несколько монографий. Как справедливо утверждает Д. А. Салимова, «В последние же годы данная тема приобретает особую значимость как в целом в связи с актуализацией проблем нравственного воспитания и с возрастанием роли регионально-национального фактора в общественно-культурной жизни населения России, так и с всевозрастающим интересом лингвистической науки к человеческому Я, что определяет антропоцентризм как ведущий принцип современной научной парадигмы в осуществляемых исследованиях» [2. С. 100]

Объектом исследования стал сборник стихов «Сын Петра и Мариши» как наглядный пример употребления имен собственных в тексте.

Цель статьи заключается в выявлении индивидуально-авторских особенностей ономастической лаборатории Алешкова.

Цель предполагает постановку следующих задач:

- 1) установить источники ономастикона исследуемых произведений, в частности, показать его соотнесенность с реальной антропонимией изображаемого времени;
- 2) выявить своеобразие Алешкова в отборе и подаче антропонимов, прецедентных имен;
- 3) показать системный характер антропонимии произведений Алешкова и проанализировать роль ономастических единиц в реализации идейно-художественного замысла автора.

Исследуя ономастикон произведений Николая Алешкова в сборнике «Сын Петра и Мариши» [1], мы выделили путем абсолютной направленной выборки более 250 антропонимов. Особого внимания заслуживает не освещавшаяся в лингвистических трудах, посвященных языку Николая Алешкова, проблема роли состава ономастикона как части идиостиля в свете изучения особенностей языковой личности автора.

В настоящей статье исследуются категории антропонимов, которые отражают такую часть индивидуального ономастического фонда Алешкова, как имена реальных лиц, в частности имена исторических деятелей.

Актуальность работы связана с обращением к исследованию некоторых особенностей языковой личности в свете антропоцентрической парадигмы сквозь призму имен собственных – единиц языка и составной части идиолексикона Алешкова.

1.1. Имена исторических деятелей (11).

Отдельной проблемой литературной ономастики является функционирование имен *исторических лиц* в художественном тексте. Некоторые

исследователи полагают, что эти антропонимы служат лишь для указания на действительность, и потому их не следует относить к литературным. Так, по мнению М. В. Карпенко, литературный антропоним – это «имя, созданное самим автором и в той или иной степени характеризующее персонаж» [3. С. 42].

В данном вопросе нам представляется верной позиция, выдвигаемая такими исследователями, как Ю. А. Карпенко, В. Н. Михайлов, Г. А. Силаева. Их точка зрения сводится к тому, что «исторические собственные имена, становясь элементом художественной формы произведения, весьма часто активизируют свои потенциальные семантико-экспрессивные возможности, суггестивные свойства» [4. С. 58], а это означает, что целесообразно будет рассматривать имена исторических лиц как поэтические антропонимы. Имена реально существовавших (исторических) лиц являются активной частью антропонимикона Н.Алешкова, одной из идиостилевых черт поэта.

Эта подгруппа у Н. Алешкова в данном сборнике малочисленна: *герой Великой Отечественной войны Александр Матросов (2), Борис Годунов (1), Гришка Распутин (1), Ленин(3), Маркс(2), Сталин (2)*.

Антропонимы Ленин и Маркс употребляются в составе словосочетаний: «Улица Ленина», «Улица Маркса» в форме родительного падежа и в контексте всего стихотворения выступают в позиции локализаторов места» [5. С. 65]:

*Улица Ленина, улица Маркса,
крестовоздвиженский храм на углу...
Сколько на родине бедной ни мойся,
наши мольбы перетрутся в золу.*

(«Стихи, написанные в посёлке Васильево», 266).

Очевидно то, что часть этих имен исторических лиц использовалась в качестве урбанонимов-топонимов, но они играют большую, чем только простая номинация, роль рупора историко-культурологической информации, с отсылкой читателя к глубоким раздумьям.

Грузинская фамилия *Джугашвили* указывает как на национальность носителя, так и на отсылку исторической информации, «изыверскую» деятельность «сатаны» в России:

*Очередной указ – не в бровь, а вглаз...
Но всех опередил товарищ Сталин:
крестьянство уничтожено как класс
в селе одни колхозники остались.*

Имена политических деятелей *Ленин* и *Сталин* употребляются автором в более позд-

ний период творчества в разделе сборника «Здесь». Использование имен исторических личностей прошлых эпох позволяет создать особую историческую атмосферу, аккумулировать великий смысловой потенциал, а также обозначить свою смелую гражданскую позицию. Размышляя о судьбе Родины, поэт задаётся вопросом: «Где ты, Россия? В забытых деревнях, в тёмных лесах, на излуках речных?»:

*Отреклись мы от Ленина смело,
как при нём отреклись от Христа.
(«Надоели газетные споры», 198)*

Антропоним *Александр Матросов* включен в заглавие стихотворения раннего периода в разделе «Долгое эхо». Стихотворение Алешкова – это эпизод из жизни легендарного героя: «Нелепый, коварный случай – в разведке отстал от друзей». «Безусый боец угловатый» в «тесном углу землянки», где «усталые солдаты спят на полу», погружён в мучительные размышления («Маленькая оплошность, и чуть не подвёл всех»).

Имя собственное *Александр Матросов*, употреблённое в официальной форме, включает в своё значение характерную черту носителя: патриотизм. Девятнадцатилетний Александр Матросов (1924–1943), рядовой гвардейского стрелкового полка 27 февраля 1943 года в бою за Черёмушки (Псковская область) закрыл своим телом амбразуру вражеского пулемётного дзота, препятствовавшего продвижению подразделению:

*А завтра, спасая Россию,
он бросится грудью на дзот.*

Высокие слова («спасая Россию») контекста подчёркивают величие подвига героя и выражают авторское отношение к подвигу простого советского солдата.

В стихотворении «Закат» (14) «небо, словно раскалённый лист железа», ассоциируется у Алешкова с «окровавленной плащ-палаткой *Сашки Матросова*». Двухкомпонентная модель (имя+фамилия) употребляется в неофициальной форме, указывает на возраст героя и поэта (они ровесники).

В этом же стихотворении «багрово-красный шар солнца» сравнивается с кровью убитого *Борисом Годуновым* царевича:

*Говорят, что Борису Годунову
закат казался кровью
убитого им царевича.*

Эмоциональное состояние поэта переплетается с историческим событием (русский царь Борис Годунов подозревался в убийстве царе-

вича Дмитрия Ивановича). Антропоним *Борис Годунов* используется в констатирующем контексте и называет реальное историческое лицо.

В стихотворении «Телевизор включу и увижу» (119) антропоним Гришка Распутин обнаружен в контексте:

*Или вправду нас бесы дурачат,
с четырёх окружая сторон?
Век был с Гришкой Распутиным начат.
Кашиповским закончится он.*

Микротекст наводит читателя на размышления о том, что «Что-то странное всюду творится: мир в клубке сумасбродных идей. В экстрасенса легко превратиться, но всё меньше нормальных людей».

Анализ известных читателю антропонимов в рассмотренном нами языковом материале позволил сделать следующие выводы:

1. Отбор имен собственных в конкретные художественные произведения осуществлялся поэтом мотивированно, в соответствии с замыслом, и демонстрирует отношение к имени как носителю традиций наречения, устоявшейся оценки.

2. Прецедентные имена в пространстве художественных текстов Алешкова приобретают коннотации в соответствии с авторской интенцией.

3. Интертекстуальные связи в поэтическом творчестве Н.Алешкова являются сложным ин-

струментом, который обогащает текст произведений, подчеркивает внутренние и внешние изменения в героях, позволяют прочувствовать их мысли, поведения, поступки. Корпус прецедентных имен при всем этом еще и украшает стихи и обогащает их смысловые уровни.

4. Обозначенный антропонимикон формирует интегративный корпус языковых единиц с закономерностями функционирования имен собственных и определением их роли в пространстве произведения.

Список литературы

1. Алешков, Н. П. Сын Петра и Мариши. Избранное. Казань, 2005. С. 13.
2. Бубекова, Л. Б. Лингвостилистические характеристики художественного дискурса Д. И. Стахеева / Л. Б. Бубекова, Д. А. Салимова, Ю. Ю. Данилова. Краснодар, 2011. С. 100.
3. Карпенко, М. В. Русская антропонимика : конспект лекций спецкурса. Одесса, 1970. С. 42.
4. Михайлов, В. Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе // Филолог. науки. 1966. № 2. С. 55–66.
5. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / сост. В. И. Бородулин, А. П. Горкин и др. М., 2003. С. 117.

А. С. Поршнева

ПРОСТРАНСТВО ЭМИГРАЦИИ В РОМАНЕ КЛАУСА МАННА «ВУЛКАН»

Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых УрФУ в рамках реализации программы развития УрФУ; работа поддержана грантом Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-1009.2012.6.

Исследуются закономерности функционирования художественного пространства в романе Клауса Манна «Вулкан». Рассматривается феномен пространства эмиграции, которое выстраивается с точки зрения героев-эмигрантов. Доказывается, что в структурном отношении оно восходит к пространству классического мифа, а в аксиологическом – инвертировано по отношению к нему.

Ключевые слова: эмиграция, эмигрантский роман, Клаус Манн, пространство, миф, центр/периферия, хаос/космос.

Клаус Манн, покинувший Германию после событий 1933 г., является автором двух романов о немецкой эмиграции – «Бегство на север» и «Вулкан». Оба эти произведения практически не замечены исследователями: Клаус Манн известен почти исключительно как автор романа «Мефистофель» [см.: 3 ; 11 ; 12], а его романы об эмигрантах остались неизученными историками литературы. Ни «Бегство на север», ни «Вулкан» не переведены на русский язык. Такое слабо выраженное внимание к фигуре К. Манна объясняется, по мнению Б. Хазанова, тем, что он всю жизнь оставался в тени отца и дяди – знаменитых писателей Томаса и Генриха Манна [9].

С нашей точки зрения, данную лакуну стоит заполнить в первую очередь потому, что в упомянутых романах К. Манна реализуется ряд закономерностей поэтики немецкого эмигрантского романа – жанра, сформировавшегося в немецкой эмигрантской литературе в 1930-е гг., когда около 5500 деятелей культуры, в том числе значительное число литераторов, покинули страну из-за принципиального несогласия с установившимся там национал-социалистическим режимом. Изученные нами ранее в качестве образцов данного жанра произведения Э. М. Ремарка и Л. Фейхтвангера демонстрируют большую общность в аспектах построения пространства и его взаимодействия с сюжетом; это позволило нам ввести термин «пространство эмиграции», под которым мы понимаем пространство, выстроенное с точки зрения героя-эмигранта, порождающее определенные типы сюжетов и имеющее свой символический язык.

В структурном отношении пространство эмиграции выстроено аналогично пространству классического мифа. Как отмечает Е. М. Мелетинский, «в космогонических мифах развитых мифологических систем упорядочивающая деятельность богов более ясно и полно осознается как преобразование хаоса, то есть состояния неупорядоченности, в организованный космос <...> Мифические существа, персонифицирующие хаос, побежденные, скованные, низверженные, часто продолжают существовать на окраинах космоса» [7. С. 205, 212]. «Все лучшее, благое, необходимое для человека всегда пребывает в центре мира, ... а все злое, враждебное и опасное – на его окраине» [1. С. 119]. Космическая модель, таким образом, разделена на зоны хаоса (подземный мир и периферия – враждебная и профанная земля) и космические, упорядоченные зоны («средняя земля», небесный мир – сакральная земля). Мифологическое пространство в силу этого не является гомогенным, оно разделено на качественно разные участки. «Разграничение на *этот* (близкий, наш – в дальнейшем “Э”) и *тот* (чужой, их – в дальнейшем “Т”) миры происходит таким образом, что между двумя частями не возникает однозначного соответствия. Э и Т приписывается разная мерность. Существа, населяющие Т, принципиально не похожи на “нас”» [4. С. 123].

В «нормальной», недеформированной модели мира статусом «этого», своего пространства наделена центральная зона, которая является, соответственно, не только организованным – «организованность трактуется как вхождение

в замкнутый мир» [4. С. 120], – но и аксиологически положительным участком. Противоположную расстановку аксиологических маркеров демонстрирует пространство эмиграции: в нем негативные оценочные смыслы закреплены за центром, а позитивные – за периферией пространства.

Центральная зона. Символически центральную зону мира эмигрантов образует Германия, «снаружи» которой располагается остальной мир. Эмигрант Мартин Корелла, например, замечает, «как не любят нацистов *снаружи*» [13. С. 16] (далее по тексту в круглых скобках указаны номера страниц; выделено мной – А.П.) (здесь и далее перевод мой – А.П.). Марион накануне отъезда в Париж говорит ему следующее: «Только не надейся, что там, *снаружи*, нам будет так уж просто» (20) (выделено мной – А.П.). Когда Тео Хуммлер рассуждает о необходимости нелегально переправлять в Германию пропагандистский материал, призывающий к сопротивлению режиму, он пользуется выражением *nach drinnen* «туда внутрь» (140), а об эмигрантской прессе и издательствах говорит, что они открываются *draußen* «снаружи» (141). Марион говорит о себе и своих единомышленниках-эмигрантах «мы здесь снаружи» (255), а Абель называет наци «эти варвары там, внутри [*drinnen*], в Рейхе» (361). При этом «немецкий» участок пространства обладает – по сравнению со всеми остальными – самым негативным статусом, это худшая из всех пространственных зон, на которые делится пространство эмиграции.

Такой особый статус раскрывается в тексте романа в нескольких плоскостях. Во-первых, Германия маркируется как «плохая» территория с помощью многочисленной негативной оценочной лексики, относимой ко всему немецкому. Так, наци названы «разбойниками» (198), немецкая политика описывается словами *Schandtat* «подлость», *Dummheit* «глупость», *Infamie* «низость», *Entgleisung* «неправильный шаг» (128). Наци, по определению Марии-Луизы фон Каммер, матери Марион, – «непочтительные плебеи» (66); «наци воняют» (68); «Те, кто сейчас правит в Германии, – грязные людишки» (61). В других случаях наци названы «гуннами» (507), «правлящими уголовными элементами» (332) и «тиранами» (333). По определению Абеля, «в настоящее время в моем отечестве сброд получил право преследовать порядочных людей» (126). Один из таких преследователей, коллега Абеля Безенкольб,

организовавший его увольнение из университета, – *Untier* «чудовище» (465).

Берлин в глазах фактически примкнувшего к сообществу немецких эмигрантов Марселя Пуаре – «совсем испорченный» город (28). Тилли фон Каммер, совершая тайную поездку в Берлин в надежде увидеть своего арестованного жениха Конни, отмечает: «Она отсутствовала не более четырех месяцев, и ничего не изменилось. – Нет, изменилось все. Даже небо над Берлином выглядело не так, как раньше; оно затвердело, как стекло, – так казалось Тилли, – и посылало какой-то блеклый свет» (86); «Берлин страшно изменился» (87). Мартин Корелла рассуждает: «В Берлине я жить не хочу. Там отвратительно» (92). Другие города тоже подверглись в глазах героев-эмигрантов негативным изменениям – так, Геттинген для Гельмута Кюндигера «осквернен» (45). Германия в целом – страна «всеобщего упадка» и «варварства» (255), где «невозможно дышать воздухом, отравленным этими чудовищами» (314).

Для Марии-Луизы фон Каммер «наци – это низший класс» (61), а Германия – страна, «где порядочные люди не могут быть спокойны за свою жизнь» (68). Давид Дойч называет национал-социализм «инфернальным феноменом» (102). Кикжу – герой, который, являясь по происхождению латиноамериканцем, мировоззренчески принадлежит к сообществу немецких эмигрантов и неоднократно об этом заявляет, – напрямую соотносит наци, их государство и их деятельность с дьявольским началом: «Я их <наци> тоже не люблю. Недавно я говорил о них с моим благочестивым дядюшкой – он такой умный человек. Он говорит, что немецкий фюрер послан дьяволом; что он – Антихрист во плоти» (58). Эти слова героя очень выпукло выражают представления эмигрантов и мировоззренчески близких к ним персонажей о Третьем Рейхе как средоточии всего самого негативного и разрушительного.

Во-вторых, важную роль играет настойчивое подчеркивание К. Манном такой черты проживающих в Германии людей – и самих наци, и их сторонников, – как неразумие:

– «Если немцы *сходят с ума* – у меня нет желания в этом участвовать. Почему это я должен ждать, пока дело дойдет до апофеоза этого зловещего праздника?» (20) (здесь и далее выделено мной – А.П.);

– «... холодная и тщеславная, *не очень интеллектуальная*; чужая...» (303) – Сюзанна – младшая из сестер фон Каммер, которая, став

совершеннолетней, выходит замуж за наци и возвращается в Германию;

– «Я дрожу за Германию, как за близкого родственника, который становится *душевно-больным*» (381);

– «...молодые люди ...с почти *идиотскими* физиономиями» (419) – Марион о героях немецкой комедии;

– «Теперь она <Германия>, видимо, совсем *сошла с ума?*» (428) – американские дамы, с которыми встречается Марион;

– «непристойный хор *идиотизма*; триумфальный рев *ослепленных*» (502) – о пении, сопровождающем всеобщую радость по поводу присоединения Австрии к Германии.

К неразумию немецкого участка пространства эмиграции добавляется еще одно связанное с ним свойство. Германия осознается как страна, не охваченная не только разумом, но и культурой. «Одним из самых существенных признаков всякой культуры является разграничение всеобщего пространства (универсума) на внутреннюю – культурную, “свою” – и внешнюю – внекультурную, “чужую” – сферы» [5. С. 380]. В данном случае, опять же, наблюдается полная инверсия пространства эмиграции по отношению к «нормальному» пространству: именно внутренняя сфера является внекультурной. В частности, попытки оппонентов апеллировать к факту существования немецкого культурного наследия героини-эмигранты встречают такими возражениями: «Какое отношение немцы имеют к Канту и Гете? Об отношении – точнее, об отсутствии отношения – немцев к этим великим людям вы можете найти исчерпывающие сведения у одного автора, который неплохо разбирался в проблемах психологии» (38–39). По словам Кикжу, «германцы пришли из дремучих лесов, чтобы разрушить христианскую культуру» (58), – герой квалифицирует наци как не охваченных культурой (и враждебных ей) дикарей. Американские дамы, отмечая большой духовный потенциал немецкой нации, с возмущением говорят о ее «вырождении» (428). В то время как эмигранты заинтересованы в том, «чтобы люди стали несколько более просвещенными, цивилизованными, несколько более человеческими», режим наци стремится «все больше лишать их человеческого облика» (103). По определению Абеля, эмигранты противостоят «духовно бессодержательной агрессии варварства» своим «конструктивным, обоснованным мышлением», «моральной серьезностью» и «высокими

культурными амбициями» (447–448). Давид Дойч говорит о «тотальном варварстве, которое означает национал-социализм» (102), называет этот режим «воинствующим варварством» и «агрессивным новым язычеством» (102), опять же подчеркивая присущее ему отсутствие культуры. Еще более выразительным это определение – «языческий фашизм» (380) – становится в устах Кикжу, благочестивого католика.

Немаловажную роль играет еще и неоднократно отмечаемая эмигрантами неэстетичность Третьего Рейха, который представляет собой уродливое пространство, населенное и руководимое уродливыми людьми. В глазах Мартина Корелла «...все происходящее – фарс. К сожалению, не безобидный. Из человека с такой рожей не сделаешь полубога». Он указал на фотографию Гитлера в газете. “Это безвкусно. Ничем хорошим это не закончится”» (20). Марсель Пуаре, сочувствующий немецким эмигрантам, считает Гитлера «самым отвратительным человеком в мире» (29), комментируя его внешность в следующих выражениях: «...и эти маленькие усы – безобразные усы, как будто из носа набежала черная грязь...» (29). Мария-Луиза фон Каммер утверждает следующее: «...эти наци – подлые плебеи. Да вы только посмотрите на их лица! Разве люди с хорошей кровью могут так выглядеть?» (73–74). Профессор Самуэль рассуждает: «Грубые физиономии, лишённые прелести, лишённые духа – меня, художника, они задевают» (491).

Европейские города, а также города за пределами Европы, напротив, получают у героев-эмигрантов противоположную оценку: Цюрих – «прекрасный, солнечный город» (77), «красивый и богатый город» (77); «Как красив Париж!» (22) (Мартин); «Они <Ганс и Эрнст> находили, что Прага великолепна» (89) – «Такой красоты у нас, в Берлине, не найдешь!» (89); Амстердам в глазах Абеля – «серьезный и положительный город» (115), «прекрасный город» (115). Иерусалим – «прекрасный» (489) город, а Нью-Йорку присуща «новая красота» (395).

Обозначенные свойства центрального участка пространства эмиграции полностью вписываются в ту результирующую дефиницию, которую получает Германия у К. Манна: «*Цивилизованные нации* в принципе всегда испытывали отвращение к Германии. Они проявили хороший инстинкт» (38) (выделено мной – А.П.). Третий Рейх, не имеющий отно-

шения к цивилизации, населенный «варварами» и существами, которые «лишены человеческого облика», «проклятая страна» (142), не обладающая разумом, уродливая, соотносится в силу этого с «враждебной землей», которая не испытала цивилизующего влияния разума и в которой обитают не люди, а хтонические существа, «чудовища» (314), персонифицирующие хаос. «Хаос большей частью конкретизируется как мрак или ночь, ...а также в виде отдельных демонических (хтонических) существ, таких, как змеи-драконы, древние великаны и боги старшего поколения» [7. С. 206]. Чудовища в классической мифе «продолжают существовать на окраинах космоса, по берегам мирового океана, ... то есть в соответствующих частях мифологической пространственной модели мира» [7. С. 212].

Как отмечает Ю. М. Лотман, «всякая модель культуры имеет внутренние разграничения, из которых одно является основным и делит ее на внутреннее и внешнее пространства» [4. С. 142]. Поскольку именно «внутреннее» пространство является в мифологической модели мира «своим» и аксиологически положительным, можно утверждать, что на материале центральной зоны пространства эмиграции мы наблюдаем полную аксиологическую инверсию по отношению к мифу, переворачивание таких основополагающих для задания пространственных ориентиров оппозиций, как сакральная/ враждебная земля, космос/ хаос, наличие/ отсутствие культуры, разум/ неразумная грубая сила, человеческое/ демоническое.

Ближайшая периферия. Первое «кольцо» вокруг Третьего Рейха образуют другие европейские страны, которые в романе «Вулкан» равноправны и по отношению друг к другу не дифференцированы. В этом смысле данное произведение выбивается из устойчивой практики авторов эмигрантских романов помещать Францию во второе «кольцо» и наделять Париж статусом переломного хронотопа – как это происходит, например, в романах Э. М. Ремарка «Возлюби ближнего своего», Л. Фейхтвангера «Изгнание» и самого К. Манна «Бегство на север». Если в упомянутых произведениях герои обязательно проходят сначала через первое «кольцо» (Чехия, Австрия, Швейцария, Швеция) и только потом перебираются во Францию, то в романе «Вулкан» эмигрантка Ильза Проскауэр, например, приезжает в Париж «прямо из Берлина» (33). В тексте романа неоднократно встречаются свидетельства

равнозначности европейского пространства за пределами Третьего Рейха:

– «...в этот раз вы поехали в Париж не совсем добровольно». – «Я бы точно так же могла поехать в Лондон» (54) – разговор Анны Николаевны Рубинштейн и Марион фон Каммер;

– «Ганс хотел податься во Францию. – “А если тебя там поймут?” – спросил Эрнст. Ганс ответил: “А если тебя здесь <в Швейцарии> поймут? В Германию они нас все-таки послать не могут, мы политические беженцы, это легко можно доказать. Ночью, под покровом тумана, они спроведят нас через ближайшую границу. И мы снова окажемся в стране, где мы, собственно, не имеем права находиться, – и так у нас, похоже, будет продолжаться вечно”» (199);

– «Есть страны, где меня поймут. <...> Есть Швейцария, Голландия, Австрия, Скандинавия, Чехословакия...» (226);

– «...Ганс Шютте, который не имел права остаться в Праге, а потом в Вене, и во Франции не мог, и в Швейцарии, в Голландии или Скандинавии» (279);

– «Он <Эрнст> странствовал где-то по улицам Финляндии... В течение последних месяцев он был выдворен из шести стран и шесть раз переходил границы в ночные часы без соответствующих документов» (301);

– «Он <Эрнст> долго рассказывал о своих приключениях на дорогах и постоянных дворах многих стран, о стычках с полицией во Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Швеции, Норвегии и Финляндии» (364).

Вследствие такой принципиальной недифференцированности всех европейских стран за пределами Германии можно утверждать, что подлинных границ между ними, то есть внутри первого «кольца», нет. Многократно осуществляемое героями-эмигрантами пересечение формально существующих границ между странами первого «кольца» статусом сюжетного события не обладает, поскольку не связано ни с какими пороговыми событиями и не предполагает перемещения в «иное» пространство. По словам Ю. М. Лотмана, «сюжетное движение персонажа (событие) заключается в пересечении им границы пространства модели. Сюжетные изменения, не приводящие к пересечению границы, “событием” не являются» [4. С. 139]. Подлинная граница, переход которой становится сюжетным событием, отделяет окраинное пространство (за пределами Европы) от первого «кольца» – и ее переход, в отличие от

перемещения из одного европейского государства в другое, в силу одного только желания героя или стечения обстоятельств невозможен.

Образы стран первого «кольца» в романе «Вулкан» неоднозначны, и в этом К. Манн вполне следует выделенной нами в предыдущих работах [см., например: 8] тенденции. Ближайшая по отношению к Германии периферия проявляет себя, с одной стороны, как дружественное эмигранту пространство, в котором он чувствует себя комфортно. В частности, Мартин Корелла воспринимает Париж как «свое», подходящее ему место, и сравнивает этот город с «человеком, с которым составляешь единое целое и с которым, возможно, ты мог бы быть счастливым» (22). Одна из эпизодических героинь отмечает, что в Париже она «может чувствовать себя по-настоящему хорошо» (46). Уже в первой части романа, которая охватывает 1933–1934 гг., делается вывод о том, что «в эмиграции все устраивались. Она продлилась немногим более полугода и, тем не менее, уже больше не была приключением, а была привычным состоянием. У всех были планы, большинство уже обзавелось каким-нибудь занятием, а некоторые даже зарабатывали какие-то деньги. В чужом городе передвигались почти с такой же естественностью, как когда-то на родине; у всех были свои постоянно посещаемые места, свой круг знакомых» (144). Наконец, самый главный показатель «инаковости» первого «кольца» по отношению к Третьему Рейху – то, что «тут, по крайней мере, можно позволить себе открыть рот» (319).

Иными словами, в целом эмигранты «устраиваются» в странах Европы за пределами Германии, вписываются в это пространство и налаживают там относительно нормальную жизнь – то есть добиваются того, что в Третьем Рейхе было для них невозможно. При этом такие в целом «нормальные» отношения эмигрантов с новым для них пространством складываются как результат двух разнонаправленных тенденций – позитивной и негативной.

В Швейцарии актриса Тилла Тибори, подруга Марии-Луизы фон Каммер, показывает последней своих знакомых и дает такой комментарий: «“Это мои коллеги, – сказала она. – С некоторыми из них я еще в прошлом году играла во Франкфурте. Теперь они устроились здесь, в драматическом театре”. – Получается, у нас тут есть “эмигрантские круги”, – подумала Мария-Луиза. Не так уж и плохо они выгля-

дят» (83–84). Давид Дойч в период проживания в Париже работает над научными трудами по социологии немецкой эмиграции и чувствует себя вполне счастливым, поскольку его эта тема очень интересует: «Очень увлекательная тема. <...> Увлекательная как раз потому, что группа людей, о которой здесь идет речь, вообще не представляет собой какого-то единого образования, то есть группы в собственном смысле этого слова; в гораздо большей степени это очень случайно составленная смесь индивидов, которым очень разнообразными обстоятельствами навязана схожая судьба» (99). Профессор Бенъямин Абель являлся в Рейхе изгоем в силу своей национальной принадлежности, и коллега Безенкольб клеймил его в прессе как «вредителя немецкой культуры» (114) – на этом фоне востребованность Абеля в других европейских университетах выглядит очень контрастно, в его случае именно противопоставление невозможности профессиональной реализации в Германии и заслуженного признания за ее пределами, в первую очередь, создает образ не-немецкой Европы как принципиально иного по отношению к Третьему Рейху пространства. Возможность трудоустройства, самореализации и относительно спокойной жизни для героя-эмигранта (которая, конечно, реализуется героями далеко не всегда, но, тем не менее, существует) – один из главных аспектов отличия периферийного пространства от центрального.

Немаловажным критерием отличия стран первого «кольца» от Третьего Рейха является тот факт, что в периферийных странах эмигранты имеют «право голоса» – они издают газеты, журналы, открывают свои издательства. В четвертой главе первой части романа Тео Хуммлер рассказывает «о немецких журналах и издательствах, которые уже открылись “снаружи” или должны были начать свой выпуск в ближайшее время. В Париже недавно появилась ежедневная немецкая газета» (140–141).

С другой стороны, близость Третьего Рейха, а главное, его постепенная экспансия и «присвоение» соседних европейских стран приводят к тому, что пространство первого «кольца» действует на героев-эмигрантов с выталкивающей силой, побуждая их покидать Европу и перемещаться в «окраинные» страны, составляющие второе «кольцо» пространства эмиграции.

В аспекте опасности/ безопасности периферийное кольцо – европейские страны – занимает промежуточное положение между Германи-

ей и странами за пределами Европы. Если Третий Рейх представляет для эмигрантов явную и безусловную опасность, то страны первого «кольца» создают опасности скрытые. Среди них – немецкие шпионы: «В этом кафе на Монпарнасе, должно быть, торчит особенно много шпииков. Говорят, они могут напоить человека и потом будут пытаться вызнать у него, какие у него отношения с Германией» (35). Благожелательность к немцам-эмигрантам, которая у периферийного пространства, безусловно, выше, чем в Третьем Рейхе, все же не абсолютна; на территории Европы отношение к эмигрантам скорее тяготеет к равнодушному, чем к сочувствующему: «Людямы не нужны... <...> Нас презирают, потому что у нас ничего нет. <...> ... и совсем мало нас ценят в Париже – этом классическом городе эмигрантов, который устал от нас, потому что он нас слишком хорошо знает» (54–55). В Чехии, по словам Ганса Шютте, «нас только терпели» (201).

Схожие мысли посещают Бенямина Абеля: «Я чужой, здесь <в Амстердаме> меня только терпят, я не посвящен в обычаи страны, которая предоставила мне крышу» (122). Посетитель в одном из амстердамских кафе реагирует на него негативно: «Еще один немец!! Мне очень хочется знать – почему все эти люди здесь?!... Почему?!» (130). С другой стороны – «это была все-таки достойная любви чужбина. Когда у Абеля случались сравнительно хорошие дни, в те часы, когда он не был совсем подавлен, – он находил, и четко говорил это себе, что Амстердам был прекрасным городом, многоликим и полным достойных восхищения мест и вещей» (129). Таким же двойственным оказывается восприятие Будапешта у Тилли фон Каммер, когда она приезжает туда ради заключения фиктивного брака с целью получения паспорта: «Тилли ... восхищалась Будапештом. Город демонстрировал соблазнительные и трагические черты. Он был блистательным – и ветхим; элегантным – и опустившимся; заносчивым – и убогим; экстравагантным – и безутешным; достойным любви – и жалким» (183).

Такая двойственность периферийного пространства повторяется в меньшем масштабе не только в образе Амстердама и Будапешта, но и в образе Швейцарии, который разработан достаточно подробно в связи с тем, что Мария-Луиза фон Каммер и две ее младшие дочери, сестры Марион, поселяются в Цюрихе. Они сталкиваются с разным отношением к факту их эмиграции из Германии. Старые швейцарские

знакомые Марии-Луизы демонстрируют непонимание и осуждение ее решения покинуть страну: «Между тем, улыбка сошла с лиц состоятельных хозяев, когда госпожа фон Каммер объяснила, что в этот раз она не приехала в развлекательное путешествие, а намерена здесь поселиться. Казалось, они поймали respectable даму на сомнительных, возможно, даже криминальных махинациях» (73). Один из гостей даже предпринимает попытку оправдать происходящее в Германии: «Конечно, в новой Германии далеко не все идет так, как должно. Некоторые тенденции – сами по себе разумные и похвальные – преувеличиваются сверх всякой меры. Это неизбежные детские болезни...» (73). В итоге героиня чувствует, что она в этом обществе «нежелательна» (75). С другой стороны, швейцарцы, занимающие менее привилегированное положение, поддерживают ее решение покинуть Германию: «“Повесить надо было этого Гитлера!” Все сходились на том, что это стыд и позор и что “у нас в Швейцарии” подобное никогда бы не стали терпеть» (76). Позже, познакомившись с сочувствующей эмигрантам семьей Оттингеров, Мария-Луиза «смогла понять, что далеко не все люди из “лучших кругов” разделяли то настроение, которое не позволило ей оставаться в салоне у Крюги» (172). Кроме того, даже с учетом далеко не блестящей жизни Марии-Луизы в эмиграции она осознает, что «у ее хороших знакомых, которые остались в Германии, ... дела шли, кажется, еще хуже, значительно хуже» (166).

Эти две тенденции взаимно уравнивают друг друга, делая Европу «проблематичным континентом» (381), – подобная же закономерность наблюдалась нами в моделировании образа Швеции, страны первого «кольца», в романе «Бегство на север» [см.: 8]. Швейцария в частности и периферийная по отношению к Германии Европа в целом демонстрируют приблизительно равное соотношение «положительной» и «негативной» линий по отношению к эмигрантам; сложившееся равновесие поддерживает и существенный процент людей равнодушных. Первое «кольцо», таким образом, – однозначно «иное» по отношению к враждебной к эмигрантам территории Третьего Рейха, оно терпимо к присутствию эмигрантов и на фоне покинутой Германии воспринимается ими как вполне подходящее для жизни пространство. Если центр пространства эмиграции аксиологически негативен, то периферия ско-

рее нейтральна. Во время присоединения Австрии к Рейху Европа не вмешивалась, а только «наблюдала с почтительным напряжением исторические процессы» (493); ее страны, по определению недоумевающих американцев, «терпят такое варварство посреди континента» (426), то есть не соглашаются с ним, но и не противодействуют ему; позитивные и негативные тенденции в первом «кольце» уравновешивают друг друга, и здесь эмигранты уже получают возможность чувствовать себя в безопасности (многим в этом первом «кольце» психологически комфортно), посвящать себя любимому делу и пытаться по мере сил противодействовать национал-социализму.

Наконец, периферийное пространство, в котором существуют эмигранты, связано с идеей границы между миром живых и миром мертвых. Даже с учетом того, что образность на основе оппозиции живое/ мертвое у К. Манна используется несколько менее подробно и настойчиво, чем у Ремарка и Фейхтвангера, можно заметить, что первое «кольцо» в романе «Вулкан» – это зона, из которой можно попасть как в мир живых, то есть во второе «кольцо», так и в мир мертвых (уйти из жизни). По словам Фридерики Маркус, первое «кольцо» населено призраками мертвых – «лемурами», «человека» там можно встретить редко (161). Марион в 1933 г. переживает в Париже «инфернальное» лето. Вершиной же данного образного ряда пребывания на пороге между жизнью и смертью является вынесенный в заглавие романа образ вулкана – в глазах Марион эмигранты в Европе живут «на вулкане, который изрыгает огонь» (507), то есть на грани гибели.

Окраинная зона. Принципиально иное по отношению к Европе пространство представляют собой страны, находящиеся за ее пределами. В романе «Вулкан» это окраинное кольцо пространства эмиграции включает в себя очень значительное число государств: в качестве входящих в него упоминаются США, Китай, Палестина, почти вся Латинская Америка, Новая Зеландия и другие отдаленные от Европы страны. Различия между ближайшей периферией и окраиной распространяются на целый ряд аспектов.

Во-первых, это люди, населяющие пространство. Европейцы и американцы по-разному оценивают происходящее в Третьем Рейхе и по-разному реагируют на нацистов (или немцев, которых они принимают за нацистов). Это разное отношение проявляется

уже в первом эпизоде романа «Вулкан», когда только прибывшие в Париж немецкие эмигранты ужинают в кафе и сталкиваются там с парой из Америки. Американцам присутствие немцев, в которых они подозревают сторонников наци, явно неприятно; дама произносит в их адрес оскорбительные слова и плюет в их сторону (14). Француженки – официантка и хозяйка кафе, – напротив, наблюдают за происходящим спокойно, хозяйка – «пожимая плечами, как будто хотела сказать: “К чему столько суеты из-за этих немцев? Пока они платят по счету, все остальное меня волновать не должно...”» (14–15). Новая волна эмигрантов, возникшая после присоединения Австрии к Третьему Рейху, сталкивается даже с таким отношением местных жителей: «Ищите себе другое пристанище! Не у нас! Вы отравляете воздух, которым дышите!» (502). Равнодушное в целом отношение к немцам – как эмигрантам, так и наци, – в странах первого «кольца» находится в оппозиции с явно оценочным отношением американцев, которые проявляют к событиям в Германии подлинный интерес и испытывают искреннее отвращение к наци и их политике. Помимо американки из парижского кафе, которой немцы кажутся «отвратительными» (14), такое отношение демонстрируют и жители США, с которыми Марион фон Каммер встречается после переезда за океан: «Люди были доброжелательны и сердечны. Казалось, все они полны живой симпатии к судьбе и работе немецкой эмигрантки, и они выражали ненависть и отвращение, когда речь заходила о наци» (414). Вопросы, задаваемые ими Марион, «сами по себе часто казались наивными и простыми: “Почему господин Гитлер не любит евреев? Почему не найдется никого, кто убьет господина Гитлера?” Но они были озабочены, ошеломлены, их участие было правдивым и сильным» (425–426). Если в Европе эмигрантов «только терпят» (201), то в Америке им искренне рады, их «принимают» (400) – так, таможенный чиновник приветствует Бенямина Абея словами «Хорошо, что Вы приехали сюда! Здесь у нас имеют больше уважения к образованному человеку, чем в Вашей стране!» (392).

Если Германия является в глазах героев-эмигрантов «душевнобольной» (381) страной, то американцы, напротив, – «большой и здоровый народ» (442). Знакомство с американцем Джонни Кларком наталкивает Абея на следующие размышления: «Этот тип наполняет

меня надеждами в отношении Америки. <...> Молодые люди такого рода редко попадают в Европе. В этой же стране их можно встретить довольно часто. У них хорошо развитый, тренированный разум – и при этом они остались простыми, свежими, сердечными, наивными» (451). В силу этого американская молодежь, по мнению Абеля, выигрывает как на фоне тех, кто «совсем не думает» и поэтому «покупается на идеологическое надувательство фашизма» (451), так и на фоне «истеричных интеллектуалов» (451): «у этого типажа есть будущее» (451). Точно так же с новым типом людей другой герой романа, профессор Самуэль, сталкивается после переезда в Палестину: «У молодых евреев – думал он с радостью – нет боязливого взгляда, сгорбленной походки; они смело глядят вокруг себя, высоко держат голову, новое самосознание дает им новое достоинство» (489). Герой расценивает это как «новое рождение» своей нации.

Во-вторых, окраинная зона пространства эмиграции создает условия для максимальной самореализации героев-эмигрантов, которые именно там получают возможность осуществить свои планы и завершить проекты (Европа по сравнению с Третьим Рейхом тоже давала такую возможность, но всегда накладывала определенные ограничения – так, Марион постоянно вынуждена бороться с чиновниками за сохранение своей программы в неизменном виде). Это касается как главных героев, так и персонажей второго плана: профессор Бенямин Абель получает постоянное место в одном из университетов на юге США, в то время как в Европе он имел возможность только читать курсы в качестве приглашенного профессора; Бобби Зедельмайер, перебравшись в Шанхай, открывает там бар и успешно ведет дела (474), чего он не мог сделать в «слишком тесной» для него Европе (185); в Шанхае Гельмут Кюндигер реализует себя в журналистике (473); профессор Самуэль, переехав в Палестину, создает свое главное произведение – картину «Молодая арабская девушка с белыми цветами», которую он считает «самой прекрасной» своей картиной и «вершиной» своего творческого пути (489). В разговорах, ведущихся в зале ожидания еврейского комитета помощи, трудоустройство в одной из окраинных стран обсуждается в качестве предела желаний для эмигранта и счастливого завершения эмигрантской биографии – именно в таком ключе звучат рассказы о «племяннике в Тель-Авиве»,

который работает официантом и «очень прилично зарабатывает», и о сестре, которая «открыла шляпный салон в Буэнос-Айресе» (368).

В Америке, по определению Абеля, «нам дают шанс. Я должен его использовать, я должен быть за него благодарен. Здесь уместен разумный градус оптимизма, воля к будущему... Депрессия определенно преодолена. Пусть жизнь в Америке начнется» (400). Качественная разница между пространством первого и второго «кольца» в данном аспекте может быть продемонстрирована и на примере работы героя в университетах Европы и США. Если в Третьем Рейхе он, как еврей, уволен из университета, то университеты других европейских стран, наоборот, нуждаются в его услугах – но при этом официальные власти под давлением Германии «дают ему понять, что ему следует быть осторожнее» (362), в чем он видит «трусливое оглядывание на немецкую тиранию» (362). И только в США, стране второго «кольца», герой обретает полную научную и преподавательскую свободу, по его выражению – «имеет право снова открыть рот» (362). Это свидетельствует о том, что для обретения «своего» места в профессиональном плане героям-эмигрантам недостаточно покинуть Третий Рейх – они должны переместиться на окраину пространства эмиграции, во второе «кольцо».

В «окраинных» странах герои-эмигранты получают возможность обрести утраченное домашнее пространство. Марион фон Каммер, которая на протяжении всех лет, проведенных в Европе, «не имела родины» (257), «любила город Нью-Йорк» (418) и «сразу же почувствовала себя дома в огромном городе» (402), где «все доставляло ей удовольствие» (404), включая элементы быта – «поездка на лифте с огромной скоростью вверх по небоскребу», «еда на скорую руку в кафетериях» и «аромат американских сигарет» (404); «на улицах ей все доставляло удовольствие» (418). Героиня «вписывается» в окружающее ее пространство и получает от этого удовольствие, что способствует маркировке США в качестве «ее» места, каким не могла быть названа Европа; этот процесс находит свое логичное завершение в обретении героиней дома и семьи. Во многом такое становится возможным благодаря удаленности Америки от Европы в целом и Германии в частности – не столько пространственной, сколько символической. Третий Рейх становится только «кошмарным сном», «не имеет реальности», герои-эмигранты «совершенно отрезаны

от Германии» и «не могут больше представить себе атмосферу в Германии» (469), в то время как в Европе они постоянно сталкивались с последствиями подчинения соседних с Германией стран немецкому влиянию.

Наконец, пространство второго «кольца» изображается у К. Манна как пространство для живых людей, противопоставленное практически подчиненной Третьему Рейху Европе как миру, занимающему промежуточное положение между миром живых и миром мертвых. Марион, принимая решение о переезде в Америку, руководствуется следующими соображениями: «Она думала, что больше не может вынести Европу. Здесь было слишком много утрат, слишком много воспоминаний – повсюду. Она уже давно чувствовала: это чересчур много – определенно слишком много. Или и я умру, или я должна начать что-то новое» (373). Такое восприятие Европы героиней переключается с аналогичными ощущениями героев Э. М. Ремарка, для которых в Европе «слишком много мертвых» [14. С. 319]. На фоне первого «кольца» Америка и другие окраинные для пространства эмиграции страны – это мир живых людей, в котором герой-эмигрант может стать таким же живым, обрести гражданство, работу и постоянное место проживания, то есть компенсировать все те «недостачи», которые созданы в его биографии фактом возникновения национал-социалистического режима. Поэтому эмигрантский путь обретает подлинное завершение именно в окраинном пространстве, которое абсолютно противоположно по своим свойствам темному центру.

В связи с этим следует отметить, что по сравнению со многими изученными нами ранее эмигрантскими романами, действие которых происходит в Европе, структура пространства эмиграции в «Вулкане» упрощена, поскольку в нем вся не-немецкая Европа составляет первое «кольцо». Европейские страны в рассматриваемом романе К. Манна принципиально одинаковы, дифференциации и выделения каких-то из них во второе «кольцо» не происходит – в то время как, например, в романах «Бегство на север», «Изгнание», «Возлюби ближнего своего» Франция представляет собой уже второе «кольцо», и попасть туда можно только из стран первого «кольца», но не из Германии напрямую. В этом «Вулкане», хотя действие в нем и происходит в Европе, примыкает к «американским» романам Э. М. Ремарка, в котором дифференциация пространства осуществляется аналогичным образом: Третий Рейх – Европа – Америка.

Схема 1

Закономерности построения пространства классического мифа в романе К. Манна «Вулкан»

	Пространство мифа	Пространство эмиграции
1.	Абсолютный центр мира – «земной эквивалент точки небесного вращения» [2. С. 60], дом/ город, наиболее сакральная точка пространства.	Покинутый героями родной немецкий город – для большинства Берлин, «оскверненный», отданный во власть «Антихриста» и «чудовищ».
2.	Сакральная земля, непосредственно прилегающая к центру мира. В этой зоне царят порядок и закон, это разумное и пригодное для жизни пространство.	Третий Рейх – «внутреннее», но внекультурное пространство, враждебная земля, населенная «чудовищами», сфера господства хаоса, беззакония и насилия.
3.	Первое «кольцо» вокруг сакральной земли – профанная земля, в покорении и сакрализации которой, ликвидации хаоса заключается деятельность культурного героя [см.: 7. С. 197-198; 1. С. 175-176].	Все европейские страны, кроме Германии: безопасная, но не оказывающая сопротивления нацизму зона пространства; отчасти враждебная, отчасти дружественная эмигрантам, в целом – скорее нейтральная.
4.	Второе «кольцо» – враждебная земля, расположенная на крайней периферии мирового пространства, не охваченная культурой и заполненная остаточным хаосом.	США, Латинская Америка, Палестина, Новая Зеландия: дружественное эмигранту пространство, где он находится в безопасности, в полной мере реализует свой творческий потенциал, получает гражданство, обретает утраченное «свое» пространство, семейное счастье.
	<i>По мере удаления от абсолютного центра мира понижается степень сакральности и возрастает степень профанности пространства. Порядок постепенно и последовательно переходит в хаос, безопасное пространство становится враждебным.</i>	<i>В романе «Вулкан» наблюдается обратная закономерность: негативные оценочные смыслы закреплены за центром, а позитивные – за периферией пространства эмиграции. Удаление от центра (Берлина) сопровождается поэтапным ослаблением враждебности и неразумия пространства, переходом хаоса в порядок.</i>

В целом же пространство эмиграции в романе «Вулкан» строится по тем же закономерностям, что и в других произведениях изучаемого жанра, то есть на основе пространства классического мифа.

Таким образом, пространство эмиграции структурно организовано по образцу пространства в классическом мифе, а в ценностном отношении характеристики пространства эмиграции «перевернуты» по отношению к нему. Пространство эмиграции центробежно ориентировано, оно предписывает героям движение в строго определенном направлении, «выталкивая» их от «темного» центра – средоточия хаоса и неразумия – к «светлой», упорядоченной, разумной периферии, где возможен переход границы и начало не-эмигрантской жизни.

Обращение авторов эмигрантских романов к мифологическому пространству как основе для моделирования пространства эмиграции представляется нам вполне закономерным, так как укладывается в логику европейского литературного процесса XX в. «В XX в. использование мифа в литературе оказалось явлением чрезвычайно неоднородным» [6. С. 58], причем он «выполняет не только сюжетобразующие функции» [6. С. 61]. Существует распространенное мнение о том, «что мифотворчество – признак модернистского искусства» [10. С. 9], однако, как отмечает Е. А. Цурганова, в XX в. писатели, придерживающиеся скорее реалистической манеры письма, тоже активно обращаются к мифу: он «присущ разным методам, с его помощью можно воссоздать разные концепции мира и личности» [10. С. 9]. Показательным примером такой мифологизации в целом реалистического по своей природе произведения можно считать эмигрантский роман, основным путем введения мифа в который становится моделирование пространства.

Список литературы

1. Альбедиль, М. Ф. В магическом круге мифов. Миф. История. Жизнь. СПб., 2002. 336 с.
2. Бидерманн, Г. Энциклопедия символов. М., 1996. 312 с.
3. Кудашова, Н. Н. Портретизация толпы в тексте прозаического произведения (на материале пролога к роману Клауса Манна «Мефистофель») // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации. Саранск, 2006. Вып. 5. С. 40–44.
4. Лотман, Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 109–142.
5. Лотман, Ю. М. Художественный ансамбль как бытовое пространство // Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 376–387.
6. Медведева, Н. Г. Взаимодействие мифа и романа в литературе // Современный роман: опыт исследования. М., 1990. С. 57–68.
7. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа. М., 2000. 408 с.
8. Поршнева, А. С. Пространство наци и пространство эмиграции в романе Клауса Манна «Бегство на север» // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. 2012. № 10. С. 280–289.
9. Хазанов, Б. Клаус Манн [Электронный ресурс] // Борис Хазанов. URL: http://boris-chasanow.imwerden.de/klaus_mann.html.
10. Цурганова, Е. А. Современный роман и особенности литературы второй половины XX в. // Современный роман: опыт исследования. М., 1990. С. 3–24.
11. Albrecht, F. Klaus Manns „Mephisto. Roman einer Karriere“ // Weimarer Beitr. Berlin ; Weimar, 1988. Jg. 34, № 6. S. 978–1001.
12. Fitzsimmons, L. “Scathe me with less fire”: disciplining the African German “Black Venus” in “Mephisto” // Germanic rev. Washington, 2001. Vol. 76, № 1. Pp. 15–40.
13. Mann, K. Der Vulkan: Roman unter Emigranten. Reinbek bei Hamburg, 1999. 572 S.
14. Remarque, E. M. Das gelobte Land. Köln, 1998. 442 S.

СУЩЕСТВОВАНИЕ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В НЕЛИНЕЙНОЙ ВНЕШНЕЙ СРЕДЕ

Анализируется взаимодействие компонентов учебно-педагогического дискурса с нелинейной внешней средой. Системность в построении дискурса и синергичность взаимодействия его компонентов оказываются важнейшими условиями создания функциональной перспективы речи и успешности освоения модели иноязычного общения.

Ключевые слова: учебно-педагогический дискурс, нелинейная внешняя среда, функциональные отношения, учебный текст.

Широкое применение синергетического подхода к анализу учебно-педагогического дискурса обусловлено, в первую очередь, признанием последнего открытой нелинейной системой, которая, по нашему мнению, представляет собой организованное обучение/общение, заключающееся во взаимодействии педагога и учащегося посредством учебных текстов и других знаковых комплексов в рамках целостной учебно-педагогической ситуации.

Незамкнутость (открытость) как один из признаков учебно-педагогического дискурса основывается, с одной стороны, на способности педагога (отправителя сообщения) к вариативности порождения речевого акта, а с другой стороны – на способности учащегося (адресата) к вариативности интерпретации воспринимаемого учебного текста. Эта обоюдная способность связана с постоянным взаимодействием учебно-педагогического дискурса с системами языка и концептуальной картиной мира коммуникантов – системами, составляющими компоненты внешней среды учебно-педагогического дискурса. Открытость признается имманентной учебно-педагогическому дискурсу «через множество ассоциаций, которые модулированы культурными и индивидуальными особенностями» коммуникантов [1. С. 349], что вносит хаотические колебания в функционирование системы дискурса. Следовательно, взаимодействие с внешней средой неизбежно приводит к динамическому саморегулированию и саморазвитию элементов и частей учебно-педагогического дискурса, отражающему протекание подобных процессов в сознании человека.

Нелинейность является доминирующим признаком учебно-педагогического дискурса и проявляется в формировании смысловой системы путем взаимодействия всех элементов.

При этом общий смысл системы конкретного компонента не равен сумме смыслов всех составляющих системы учебно-педагогического дискурса. Помимо этого, система учебно-педагогического дискурса модифицируется под воздействием функциональных колебаний, которые вызваны влиянием внешней среды.

Для учебно-педагогического дискурса компоненты внешней среды – это языковая система, сознание коммуникантов и ситуация общения. В свою очередь, эти (под) системы являются компонентами метасистемы ноосферы (по В. И. Вернадскому). Рассматриваемые системы иерархически соотносятся следующим образом (рис. 1).

Анализируя схему, мы можем сделать вывод, что нелинейность внешней среды учебно-педагогического дискурса, ее зависимость от возникающих флуктуаций обусловлены открытостью, неоднородностью, иерархичностью взаимосвязанных (под) систем. Ядро данной нелинейной структуры организует концептосфера учебно-педагогического дискурса – совокупность концептов, отражающих сущностные особенности учебно-педагогического дискурса, – «педагог», «учащийся», «образование», «воспитание» и некоторые другие. При этом учебно-педагогический дискурс представляет речевую деятельность на микроуровне, язык и коммуникативная ситуация относительно частного фрагмента дискурса становятся самоорганизующимися системами макроуровня; одновременно сам макроуровень служит нелинейной микросредой для учебно-педагогического дискурса.

Описывая существование системы дискурса в нелинейной внешней среде, мы можем утверждать, что применительно к учебно-педагогическому дискурсу взаимодействие с внешней средой проявляется в диалогическом

общении, в существовании учебных текстов в сознании педагога и учащегося. Данные тексты составляют эволюционно разнонаправленные дискурсивные подсистемы, которые, в конечном счете, функционально сближаются в области аттрактора. При этом личностно-ориентированный характер, полифункциональность учебной деятельности и коммуникативная направленность учебного процесса способствуют выбору наиболее эффективных коммуникативных стратегий. Успешность реализации стратегий определяется тем, что дискурсивные подсистемы учащегося устойчиво сохраняют равновесие, поскольку эффективно взаимодействуют с подсистемами педагога, сознание которого продуцирует уверенность в полном овладении моделью иноязычного общения, а также с постоянным развитием ситуации общения, с совершенствованием навыков общения, в прагматике которых учащийся создает благоприятные для себя функциональные колебания.

Анализируя нелинейность учебно-педагогического дискурса, следует упомянуть о по-

ступающих извне хаотических для дискурсивной системы сигналах (непонимание, возражение, отвлечение), которые, с одной стороны, являются дезорганизующими по отношению к системе, а с другой – конструктивными. Хаотические сигналы (случайные колебания) с позиции внутреннего состояния системы могут повлечь возникновение новых тенденций и тем самым расширить спектр возможных путей дальнейшей эволюции и активизировать восприятие элементов дискурса учащимся. Благодаря случайным колебаниям система учебно-педагогического дискурса может выйти на новый уровень упорядоченности и развиваться в обновленном режиме.

Сущность самоорганизации системы учебно-педагогического дискурса заключается во влиянии педагога, которое осуществляется в рамках оптимального, разумного ограничения свободы и при этом не перестает носить личностно-ориентированный характер. От педагога исходит поток информации и энергии, побуждающий учащегося к самоорганизации и саморазвитию. В аспекте синергетики это

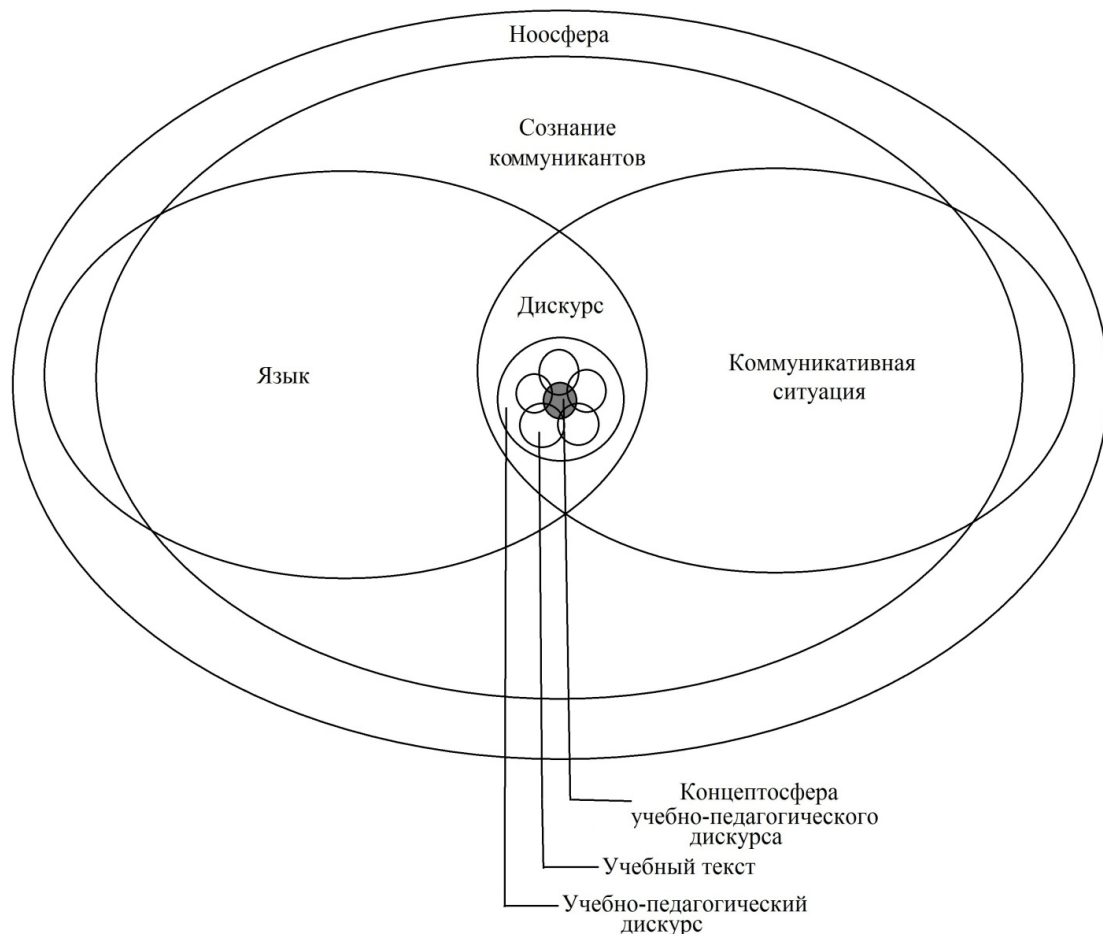

Рис. 1. Компоненты внешней среды учебно-педагогического дискурса

взаимодействие обладает рядом особенностей. Педагог может выступать упорядоченной хаотизирующей системой, которая обладает бесконечным числом степеней свободы. При контакте такой системы с внешней средой при поглощении ею энергии и информации от другой системы происходит уменьшение числа степеней свободы, но сохраняется заранее заданное восприятие учащегося как активного субъекта взаимодействия, как равноправного партнера по общению.

Системность в построении дискурса и синергичность взаимодействия его компонентов оказываются важнейшими условиями создания функциональной перспективы речи и успешности освоения модели иноязычного общения. Учебно-педагогический дискурс нуждается в механизмах саморегулирования речевого материала и поведения элементов системы, в постоянном обмене с внешней средой. Общие принципы подобного взаимодействия проявляются в том, что:

- система учебно-педагогического дискурса формируется под влиянием внешней среды, взаимодействуя с компонентами последней (сознанием, языком и коммуникативной ситуацией);
- движение к цели-аттрактору становится более согласованным и ускоренным, если влияние позитивно для системы; а если влияние деструктивно, система может разрушиться либо устремиться в противоположную от аттрактора сторону;
- изменяя направление, система учебно-педагогического дискурса адаптируется через внутреннюю и внешнюю реструктуризацию;
- стремление системы к самосохранению диктует необходимость оказывать ответное влияние на внешнюю среду, иначе хаотизирующее воздействие среды вызовет настолько сильные изменения во внутренней структуре системы, что она полностью «переродится» или окончательно разрушится;
- главный механизм саморегулирования системы – обмен с внешней средой: привлечение полезных и избавление от деструктивных элементов, которые, уходя во внешнюю среду, перестают мешать движению системы к аттрактору;
- при наличии конструктивных средств взаимодействия со средой система, пройдя через определенные модификации, способна согласовать свои тенденции с состоянием внешней среды и выйти на новый уровень развития, восстанавливая равновесие [5. С. 46].

Следовательно, взаимодействие с внешней средой в виде многообразных внутренних и внешних отношений является средством сохранения системы и одним из решающих факторов успешности (или неуспешности) процесса изучения иностранного языка (в данном случае, английского).

Благодаря нелинейности учебно-педагогического дискурса актуализируются функциональные отношения, которые, в свою очередь, являются управляющими факторами (параметрами порядка) учебно-педагогической ситуации дискурсивного общения и трактуются по Т. ван Дейку как «содержательно-смысловое взаимодействие высказываний в речевой цепи, то есть как семантические связи в их функционировании» [6. С. 33]. Функциональные отношения обладают большей устойчивостью (по сравнению с формами речевого выражения) и способны влиять на привлечение тех или иных речевых элементов для обеспечения продвижения системы смыслов к аттрактору.

Параметры порядка – факторы системы, регулирующие поведение ее элементов [5. С. 46], которые делятся на общие и специальные. Общие параметры порядка – базовые свойства системы, направленные на сохранение ее целостности при обмене со средой. Они обеспечивают взаимодействие элементов учебно-педагогического дискурса с общей логикой коммуникантов. В качестве общих параметров порядка в дискурсе действуют логико-семантические отношения – связи, «устанавливающиеся между высказываниями-компонентами дискурса по объемам выражаемых ситуаций, понятий, суждений (пропозиций)» [5. С. 47].

Формальная логика выделяет следующие объемные отношения между суждениями, приобретающими в текстуальной или речевой репрезентации специфические характеристики [2. С. 20]. Приведем несколько примеров, для иллюстрации которых выбраны высказывания из полилогов учебников “A step forward” (Storybook) by L. Kaminskaya, “America the beautiful” для начинающих и “America the beautiful” для продолжающих (Student’s books) by E. Gordeeva, V. Kurilov, M. Love.

- Тождество – двойное (тройное и так далее) обозначение одной и той же ситуации-референта: *We are pressed for time. Time is running out. (Мы очень торопимся. Время истекает.)*
- Включение – **объем одного высказывания** целиком поглощает объем другого: *I believe everything depends on how and when you*

eat, but now - so much on what you eat. So, I speak about fast-food, junk food, and all that stuff, you know. (Я полагаю, все зависит от того, как и где Вы едите, но на данный момент много зависит от того, что Вы едите. Я сейчас говорю о продуктах быстрого питания, о нездоровой пище и всех тех вещах, о которых Вы и сами знаете.)

– Пересечение – часть пропозиции дублируется, а часть остается «своей собственной» для каждого коррелята: *I expect very good critiques. I'm confident that the performance will be a great success. It will be the hit of the season. (Я ожидаю очень хороших рецензий. Я уверена, что представление будет иметь большой успех. Это будет хит сезона.)*

– Соподчинение – пропозиции входят как составные части в объем более общего описания референта: *Christina is a ballerina. Her native land is Argentina. When people see her dance, they fall in love with her at once. (Кристина – балерина. Она родом из Аргентины. Когда люди видят ее танцующей, они влюбляются в нее с первого взгляда.)*

– Исключение – пропозиции сопоставляемых высказываний не имеют общих элементов: *You never know with women. Yesterday they were crazy about shopping and today they regret it. (Никогда не знаешь, чего ожидать от женщин. Вчера они были без ума от похода по магазинам, а сегодня они огорчены по этому поводу.)*

В качестве специальных параметров порядка учебно-педагогического дискурса в аспекте функциональной лингвосинергетики выделяют прагма-семантические отношения между фразами и высказываниями, предназначением которых является формирование целостности и системного взаимодействия компонентов в рамках конкретной подсистемы дискурса, то есть обеспечение их функционирования в определенном контексте [3. С. 47]. Нелинейность в данном случае выражается зависимостью свойств системы от функционирования любого из элементов. Комплексное прагма-семантическое воздействие присуще системе в целом, но не элементам вне системы. Далее представлены виды прагма-семантических отношений.

– Пояснение, целью которого является устранение коммуникативной недостаточности, связывает высказывания, пропозиции которых равнообъемны и аналогичны по содержанию-смысловой нагрузке: *What was it really like to be a cowboy? It was one of the toughest*

jobs in the world, one of the dirtiest, most tiring, and at least rewarding. Eighteen hours a day on the back of a horse, seven days a week. (Какое это – быть ковбоем? Это одна из самых сложных работ в мире, одна из самых грязных и изнурительных. По сравнению со всеми остальными, она мало вознаграждается. Кроме того, нужно ездить верхом восемнадцать часов в день, семь дней в неделю.)

– Расширение, заключающееся в упорядочении восприятия высказываемого суждения путем включения его в систему предшествующего опыта, связывает номинацию факта или явления и более широкое обозначение ситуации, в которую включается данный факт: *It's my feeling that we have to touch upon the problems of big cities: overpopulation, air pollution, city development... Let alone juvenile delinquency! That's not exactly an environmental issue. But I think that environment, I mean things that surround people at home and in streets, influences their present and future. (У меня такое чувство, что мы должны обсудить проблемы больших городов: перенаселенность, загрязнение воздуха, застройка... Не говоря о подростковой преступности! Конечно, это не экологическая проблема. Я полагаю, что окружающая среда, я имею в виду то, что окружает людей дома и на улице, влияет на их настоящее и будущее.)*

– Спецификация представляет функциональную связь между высказываниями, одно из которых излагает общее суждение, а второе уточняет первую пропозицию через номинацию конкретного проявления или составной части общей ситуации: *It's getting dark. The last ferry must have left. Oh no! It was here a couple of minutes ago. While we were chattering, it was sailing away. We have to face the music: the ferry's gone! (Начинает темнеть. Должно быть, паром уже отчалил. О, нет! Он был здесь пару минут назад. Пока мы разговаривали, его отшвартовали. Мы вынуждены признать неприятный факт: последний паром ушел!)*

– Каузация реализуется через отношения причины-следствия, условия и цели: *A boy's mother says to him: "Eat cabbage. It'll put color in your cheeks." Boy: "But Mom, who wants green cheeks?" (Мама сказала мальчику: «Поешь капусту. Она придаст твоим щекам естественный цвет». Мальчик ей ответил: «Мама, я не хочу, чтобы мои щеки позеленели!»)*

– Противопоставление структурирует систему путем сопоставления и выявления осо-

бенностей любого объекта или явления относительно других объектов или явлений: *I can't help thinking about work. Life itself furnishes me with ideas. I only have to implement them. But I can't do it. I feel so exhausted from work stress.* (Я непрерывно думаю о работе. Сама жизнь мне подает идеи. Я должен только применить их. Но я не могу ничего сделать. Я так сильно устаю от изнурительной работы.)

– Декодирование выражает семантико-функциональные отношения, которые складываются между общим понятием/ пропозицией/ суждением и перечислением компонентов либо признаков, составляющих его, то есть декодируется внутреннее содержание объекта высказывания:

- *I want to know: does anybody ever win at the casino? If you trust the pictures on the walls there are lucky stiffs who win up to ten thousand bucks!*

- *Don't be so naïve! All big winnings are carefully planned beforehand.* («Я хочу знать: кто-нибудь выигрывал в казино? Если судить по фотографиям на стене, есть счастливицы, кто выигрывал десять тысяч долларов!» – «Не будь таким наивным! Все большие выигрыши тщательно спланированы».)

– Прагматический комментарий заключается в выражении прагматики восприятия ситуации первого высказывания:

- *I wonder how we can get to Northwest terminal?*

- *The bus stops right outside the entrance. Let's check with Information and we'll see what will happen.* («Как нам добраться до северо-западного терминала?» – «Автобус останавливается прямо перед входом. Давайте ориентироваться по карте. Посмотрим, что из этого выйдет».)

– Переключение характеризуется отсутствием общих элементов в сопоставляемых пропозициях, что вызывает изменения в развитии системы смыслов и смену тематической направленности: *He is eating peanuts and drinking beer. He's a good guy.* (Он ест арахис и пьет пиво. Он неплохой человек.)

Возможны комбинированные виды прагматических связей, выступающих в роли специальных параметров порядка учебно-педагогического дискурса.

Рассмотрев примеры функциональных отношений, указывающих на нелинейность системы учебно-педагогического дискурса, мы приходим к выводу, что общее функционально-смысловое пространство учебно-педагогического дискурса создается синергическим взаимодействием множества последовательно встроенных, пересекающихся или присоединяющихся формальных, семантических, прагматических и других дискурсивных связей и процессов. Указанные выше отношения влияют на качество развития учебного текста, а также на систему учебно-педагогического дискурса. Общее функционально-прагматическое пространство учебного текста создается целым комплексом линейных и нелинейных связей, образующих многоуровневую систему смыслового взаимодействия компонентов учебно-педагогического дискурса. «Выстраивание информационной архитектуры должно опираться на способность видеть любой текст “стереоскопически” – именно как сложную нелинейную неравновесную открытую систему языковых единиц и связей между ними и как систему, постоянно взаимодействующих с внешней средой (коммуникативной ситуацией и сознанием ее участников)» [4. С. 14].

Список литературы

1. Буданов, В. Г. Принципы синергетики и язык // Философия науки. Вып. 8. М., 2002. С. 340–353.
2. Ивлев, Ю. В. Логика : учебник. М., 1992. 269 с.
3. Пономаренко, Е. В. Функциональная системность дискурса (на материале английского языка) : монография. М., 2004. 328 с.
4. Пономаренко, Е. В. О принципах синергетического исследования речевой деятельности // Вопр. филологии. М., 2007. С. 14–23.
5. Пономаренко, Е. В. Синергетика бизнес-общения с позиций компетентностного подхода (на материале английского языка) : монография. М., 2010. 151 с.
6. Dijk, T. A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse. Hague ; Berlin, 1981. 331 p.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ТЕКСТЕ

Рассматривается проблема функционирования глаголов эмоционального состояния в художественном повествовании, основным значением которого является динамика. Анализируется функциональная реализация семантических признаков глагольных предикатов эмоционального состояния в повествовательном тексте.

Ключевые слова: глаголы эмоционального состояния, семантика глагола, повествование.

Целью статьи является выявление функциональных особенностей глаголов эмоционального состояния в тексте типа «повествование».

Глагольные предикаты эмоционального состояния представляют собой подгруппу класса статальных глаголов, которые, по мнению многих современных исследователей, определяются следующими семантическими признаками: статичность, временная локализованность, процессность (длительность во времени), эпизодичность (временная непостоянность), фазовость, перцептивность, ориентированность на субъект, неагентивность субъекта, неконтролируемость. Исследуемые глаголы в целом соответствуют перечисленным признакам.

Глаголы эмоционального состояния релевантны для описательного текста, основным значением которого является статичность. Под статичностью нами понимается отсутствие каких-либо изменений во времени как в количественном, так и в качественном отношении.

Особенностью глагольных предикатов, выражающих эмоциональное состояние, является их способность сочетаться с показателями динамичности (сначала, потом) в художественном тексте, поэтому данные глаголы могут функционировать в повествовательном контексте.

Под повествованием подразумевается структурно-семантическая модель текста с предикатным ядром [8. С. 60]. Текст типа «повествование» передает активную смену событий, поэтапную смену явлений. Следовательно, главный признак повествования – динамичность, активность глагольной формы, ее полноточность и полновесность. В повествовательном тексте основную смысловую нагрузку несут акциональные глаголы, то есть глаголы действия. Несмотря на то, что категориальное значение акциональных глаголов максимально

реализуется в повествовании, в текстах художественных произведений функционируют глаголы, семантическим наполнением которых является значение состояния.

Глагольная модель содержит в себе «активный» компонент действия, указывая на то, что субъект «активно» переживает состояние. Глагольные предикаты обладают особым компонентом значения, который реализуется, когда необходимо сообщить о некоторой зависимости эмоционального состояния от усилия, воли или желания человека. Употребление глагольной модели представляется оптимальной в случаях, когда необходимо описать состояние субъекта, выражающееся в его поведении. Глагольная модель позволяет говорить о внутреннем состоянии, обнаруживаемом в поведении человека. Высказывания типа *Он грустит (веселится)* могут быть интерпретированы следующим образом: «Он ведет себя так, что обнаруживает состояние грусти (веселья), Он проявляет своими действиями это состояние» [6. С. 193].

В последнее время появилось много работ, посвященных изучению проявления эмоциональных состояний в языке (Н. Д. Арутюнова, Л. Г. Бабенко, А. Вежицкая, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, В. И. Шаховский и др.).

«Эмоции имеют двоякий способ обнаружения в языке, – пишет Л. Г. Бабенко. – Во-первых, они проявляются в языке как эмоциональное сопровождение, эмоциональная окраска, возникающая в результате прорыва в речь говорящего его эмоционального состояния в виде эмоциональных оценок... Во-вторых, эмоции отражаются языковыми знаками как объективно существующая реальность, подобная любой другой наблюдаемой реальности» [2. С. 1].

Эмоциональный мир человека очень сложен и многообразен, жизненные ситуации за-

дают условия для возникновения смешанных и сложных эмоций. Способы изображения эмоциональных состояний в языке чрезвычайно разнообразны. Эмоциональные состояния обозначаются разными видами предикатов, в первую очередь глаголами и глагольными конструкциями: *волноваться, радоваться, сердиться* и т. п., деепричастиями: *благоговей, радуясь* и др., прилагательными: *спокойный, радостный, сердитый* и др., существительными *испуг, восхищение, гнев* и др., различными сочетаниями.

Состояния, выраженные глаголами, могут прямо называть состояния, а могут быть интерпретированы говорящим или наблюдателем на основании каких-либо действий, жестов, мимики. И в повествовании, где события излагаются наглядно, смысл происходящего раскрывается через жест, движение действующих лиц, внимание читателя обращается на подробности, на детали, например:

Я один букет бросил старой бабке в телегу. Испугалась сначала бабка, не разобравши, что такое, и погрозила нам кулаком. Но потом увидела, улыбнулась и кинула с воза три больших зеленых огульца.

(А. Гайдар, «Голубая чашка»)

В данном примере глагол *испугалась* имеет значение эмоционально-психического состояния. Наличие внешних проявлений активности (*погрозила кулаком*) со стороны субъекта позволяет говорить не о семантике состояния, а о семантике поведения. Тем более, неакциональные предикаты сочетаются с глаголами действия в однородном ряду, что приводит к нарушению признака статичности. Как следствие, предикаты служат для выражения акциональной семантики.

Необходимо отметить, что в повествовательном тексте функционируют глаголы со значением изменения цвета, в них развивается значение психологического состояния, обозначающие переход в качественно другое состояние (*побледнеть, покраснеть, потемнеть, позеленеть, побагроветь* и др.). В описательном тексте данные глаголы представлены в статике, в них нет развития. Для сравнения рассмотрим следующие примеры:

В саду уже пробилась светло-зеленые иглы молодой травы, на яблонях набухли и лопались почки, приятно позеленел мох на крыше домика Петровны.

(М. Горький. «Детство»)

В данном описательном фрагменте нас интересует глагол *позеленел (мох)*, в толкование

которого включается перцептивный компонент «виднеется как зеленый». В данном глаголе актуализируется стательное значение, поскольку сообщается информация о наблюдаемом цветовом признаке.

Рассмотрим функционирование этого же глагола в повествовательном контексте:

Волков робко переступил порог, а когда увидел лежащего под столом председателя, вовсе позеленел и затрясся от страха.

(В. Войнович. «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»)

В данном примере глагол *позеленел* употреблен в переносном значении. В толкование слова включается компонент «сильно бледнеть, изменяться в лице под влиянием гнева, злости, нездоровья и т. п.». У глагола актуализируется акциональное значение, поскольку это состояние имеет внешнее проявление. Также в данных примерах субъекты получают двойное (агентивное и неагентивное) осмысление.

Глаголы эмоционально-психического состояния, в семантике которых актуализируются компоненты цветовой и световой характеристики (*покраснеть, позеленеть, посереть, почернеть, побледнеть, просиять, потемнеть*) в повествовательном контексте получают широкое распространение.

Например:

Мой брат побледнел от оскорбления, потом покраснел, но сдержался и, еще сильнее стиснув зубы, процедил, с ненавистью глядя на меня: – Хорошо.

(В. Катаев. «Алмазный мой венец»)

Известно, что активное начало связано с человеком и с тем, что подобно человеку. В повествовательном тексте, как уже упоминалось, предполагается активный субъект. Связь действия с деятелем, субъектом, является условием самого осуществления действия: предмет существует, действие не существует, а осуществляется лишь как функция действующего субъекта. Действие, как акт, как событие своим возникновением обязано реализации его связи с субъектом [7. С. 254].

Я до вечера бродил пешком по окрестностям Машука, утомился ужасно и, пришедши домой, бросился на постель в совершенном изнеможении.

(М. Лермонтов. «Герой нашего времени»)

С активным субъектом связаны такие признаки, как активность, контролируемость со стороны субъекта. В повествовательных тек-

стах действие представляется как исходящее от субъекта.

Глаголы эмоционального состояния обладают признаком временной отнесенности, то есть соотносятся с временной осью. Эмоциональное состояние человека характеризуется изменчивостью, подвижностью, а также продолжительностью, текучестью, поэтому для предикатов эмоционального состояния признаки временности и длительности определены самой природой отображаемой ситуации. У глаголов эмоционального состояния признак длительности входит в их лексическое значение.

Существенным для семантической характеристики предикатов является такой признак, как временная локализованность. Локализация состояния во времени связана с типом реакции и со степенью ее проявления; бурные эмоции не могут длиться долго, что объясняется психическим устройством человека, поэтому эпизодичные состояния осложняются семей «степень проявления» (удивиться – поразиться, испугаться – бояться, трепетать и так далее). В повествовании состояния, как правило, эпизодичны, наблюдаемы, поскольку у глаголов эмоционально-психического состояния проявляется такое свойство, как ограниченная протяженность во времени.

Например:

Она как будто испугалась, подняла голову и на минуту оцепенела, все слушая.

(А. Гончаров. «Обрыв»)

Эпизодичность состояния, выраженного глаголом *испугалась* подчеркивается обстоятельством *на минуту*.

Рубцов изумился до немоты, потом посерел от злости и стал дико ругаться.

(М. Горький. «Мои университеты»)

Глагол *изумился* в данном контексте передает состояние субъекта, причем на большую интенсивность указывает не только лексическое значение самого предиката, но и обстоятельственное слово *до немоты*. Глагол *посерел* обозначает наблюдаемое внешнее проявление состояния.

Итак, в повествовательном тексте глаголы эмоционального состояния получают акциональное переосмысление, поскольку обнаруживают внешние проявления (имеют семантику поведения), сочетаются с активными субъектами. Глагольная модель содержит в себе «активный» компонент действия, указывая на то, что субъект «активно» переживает состояние. Эмоционально-психологическое состояние в повествовании носит эпизодический характер, имеет ограниченную протяженность. Более того, неакциональные предикаты сочетаются с глаголами действия в однородном ряду, что приводит к нарушению признака статичности. Как следствие, предикаты служат для выражения акциональной семантики.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. М., 1995. 472 с.
2. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989. 184 с.
3. Болдырев, Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола. М., 2009. 144 с.
4. Вольф, Е. М. Состояния и признаки. Оценки состояний // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 320–339.
5. Вольф, Е. М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1989. С. 55–74.
6. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Ониненко, М. Ю. Сидорова. М., 2004. 544 с.
7. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 2007. 368 с.
8. Хамаганова, В. М. Описательный текст в семиотическом аспекте. М. ; Улан-Удэ, 2000. 157 с.

В. Н. Сурина, В. А. Каменева

ГИПЕРКАРКАС КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ САЙТОВОГО ГИПЕРТЕКСТА

На материале сайтовых гипертекстов американских медицинских учреждений была доказана правомерность и обоснованность выделения гиперкаркаса как неотъемлемого компонента структуры сайтового гипертекста и установлены его сущностные особенности.

Ключевые слова: гипертекст, сайтовый гипертекст, интернет коммуникация, поликодовый текст.

Новые формы и способы трансляции информации в Интернет-пространстве порождают исследовательский интерес к изучению нелинейности гипертекстов. Так, если сущностные характеристики гипертекста в общем довольно тщательно изучены, то структурная специфика сайтового гипертекста находится в стадии разработки.

Как известно, «минимальными единицами гипертекста являются гипотекст и ссылка (часто именуемая гиперссылкой). Гипотекст, как предельная единица гипертекста, обладает простой и легко узнаваемой формой и семантической цельностью, единым и неразрывным внутренним содержанием»¹.

Для решения задачи по обоснованию гиперкаркаса как неотъемлемой части сайтового гипертекста и установлению его инвариантных и варьируемых характеристик привлекались гиперкаркасы следующих сайтовых гипертекстов:

<http://www.hscpediatriccenter.com>;
<http://www.gwhospital.com>;
<http://www.downtownhospital.org>;
<http://www.marywashingtonhealthcare.com>;
<http://www.dimensionshealth.org>;
<http://www.whcenter.org>;
<http://www.childrenhospital.org>;
<http://www.beverlyhospital.org>;
<http://www.bmc.org>;
<http://www.dmc.org>;
<http://www.emersonhospital.org>;
<http://steward.org/Good-Samaritan>;
<http://www.winchesterhospital.org>;
<http://www.orthohospital.org>;
<http://www.rwmc.org>;
<http://www.alegentcreighton.com/immanuel-medical-center>.

1. Структурно-тематическое деление гиперкаркаса сайтового гипертекста.

Как показал анализ данного материала исследования, гиперкаркас можно условно поделить

на несколько устойчивых структурных блоков, в зависимости от их месторасположения: верхняя панель, нижняя панель и боковая панель.

Согласно полученным данным, в верхней панели размещают название медицинского учреждения, его логотип и слоган, если таковой имеется, что позволяет реципиенту сразу же определить тематику и направленность сайтового гипертекста. Кроме вышеперечисленных элементов, в верхней панели гиперкаркаса также размещают поисковую службу «Search», что упрощает пользователю поиск необходимой информации в пределах гипертекста сайта; ссылки на сторонние сайты и социальные сети, такие как: Facebook, Twitter, Youtube, предоставляющие информацию о конкретном учреждении. За редким случаем в верхней панели указывают адрес учреждения и ссылку на сервис по переводу информационного контента на другие языки. Одним из главных элементов, размещаемых в верхней панели гиперкаркаса, является «меню» сайтового гипертекста, представляющее собой гиперссылки, отсылающие реципиента на основные информационные разделы, к которым, как было установлено, можно отнести следующие:

- информация об учреждении и его отделениях;
- услуги, предоставляемые медицинским учреждением;
- информация для пациентов и посетителей;
- информация для врачей;
- услуга поиска врача;
- пожертвования;
- новости об учреждении и мероприятиях;
- вакансии;
- общая энциклопедическая информация о наиболее распространенных заболеваниях;
- месторасположение;
- контакты.

В тематическом блоке о медицинском учреждении раскрывается информация о его

структуре, отделениях, миссии, истории развития, основателе и составе совета директоров, помощи, оказываемой учреждением немущим слоям населения, медицинском персонале, работающем в конкретном заведении. Кроме всего вышеперечисленного, указывается план расположения отделений учреждения. Гиперссылка на данный блок информации номинируется при помощи следующих словосочетаний: «About us», «About + название медицинского учреждения».

К информации о предоставляемых услугах отсылают гиперссылки: «Services», «Hospital Services», «Services We Provide», «Services & Institutes», «Specialties», «Medical Services», «Departments & Services».

Тематический блок «для пациентов и посетителей» содержит сведения о правилах посещения медицинского учреждения; правах пациентов и требованиях, предъявляемых им; питании, предоставляемом в учреждении; сувенирных магазинах; магазинах, располагаемых на прилегающих территориях, и пр. Для номинации гиперссылки на данный блок информации чаще всего используются словосочетания: «Patients & Visitors», «Patients/ Families», «Information for Patients and Guests», «For Patients».

Информация блока «для врачей» касается работы с пациентами: запись на прием, выписка, этика работы с пациентом; а так же сообщает о курсах повышения квалификации, новых образовательных программах и образовательных учреждениях, научных публикациях. Данный тематический блок представлен гиперссылками: «For Physicians», «For Health Professionals».

В разделе «Пожертвования» реципиенту сообщают о способах оказания помощи медицинскому учреждению, а это донорство, денежные пожертвования и волонтерство. Гиперссылки данного раздела номинируются с помощью словосочетаний: «How to give», «Donate», «How you can help», «Ways to give», «Donations», «Foundation, donate blood, volunteering».

Информация о событиях и новостях, связанных с данным медицинским учреждением, находится в разделе, обозначенном гиперссылками: «Press Room», «Media», «Event Calendar», «News at + название медицинского учреждения».

В тематическом блоке «Вакансии» раскрывается информация о вакантных должностях для медицинского персонала, описываются требования к кандидатам и условия приема на работу в данное медицинское учреждение. Данный раздел определяют гиперссылки:

«Careers», «Jobs», «Employment», «Physician Recruitment».

Согласно материалу исследования, в гиперкаркасах сайтовых гипертекстов встроены не только ссылки, переводящие реципиента на гипотексты, касающиеся непосредственно функционирования медицинского учреждения, но и к «общей энциклопедической информации о наиболее распространенных заболеваниях». Такую информацию можно найти, перейдя по гиперссылкам: «Health Information», «About your health», «Health & Medical Library».

В тематическом блоке «Месторасположение» раскрывается информация о нахождении медицинского учреждения и его структурных подразделениях, остановках общественного транспорта и т. п. Гиперссылки данного блока номинируются с помощью следующих слов: «Locations», «Maps & Directions», «Directions», «Locations, Directions & Parking».

Контактная информация медицинского учреждения дана в разделе «Контакты», обозначенном гиперссылками: «Contact us», «Connect with us», «Contact». Боковая панель представляет собой панель с гиперссылками, которая расположена в левой или правой части гиперкаркаса. В ходе нашего исследования были обнаружены три основных типа организации боковой панели.

Первый тип представляет панель, где расположены гиперссылки, дублирующие главное меню, и ссылки, предоставляющие выборочную информацию, считающуюся наиболее необходимой. При переходе от гипотекста к гипотексту в боковой панели детальнее раскрывается раздел, интересующий реципиента.

Второй тип отображает только гиперссылки, относящиеся к одному разделу, рассматриваемому пользователем.

При третьем типе организации на боковую панель домашней страницы выводятся гиперссылки, дублирующие основное меню, но при переходе от одного гипотекста к другому данный структурный элемент сайтового гиперкаркаса отображает контактную информацию медицинского учреждения.

Третий структурный элемент сайтового гиперкаркаса – нижняя панель. Информация, указываемая в нем, не столь стандартизирована, по сравнению с первыми двумя. Чаще всего в нижней панели указывают адрес и контактные данные медицинского учреждения, информируют о защите содержания гипертекста законом об авторском праве, политике конфиденциальности, отказе от ответственности при

ненадлежащем использовании информации сайта, о действии закона «О перемещаемости и подотчетности страхования здоровья», включают гиперссылки на сторонние сайты, например, www.facebook.com, www.youtube.com, www.twitter.com и др. Кроме всего вышеперечисленного, в нижней панели в некоторых случаях дублируются выборочные ссылки главного меню, расположенного в верхней панели сайтового гиперкаркаса.

Как известно, до настоящего времени идет спор о конечности/ бесконечности гипертекстов, о том, какие параметры или содержательные или структурные аспекты позволяют провести грань между гипертекстами.

Как показал анализ нашего материала, сайтовый гипертекст обладает четкими границами. Благодаря наличию гиперкаркаса, пользователь при работе со всеми гипотекстами четко видит, на каком сайтовом гипертексте он находится. Кроме того, осознанному переходу на другой сайтовый гипертекст помогают так называемые «внешние» гиперссылки.

Нами было установлено, что гиперссылки сайтового гипертекста можно подразделить на **внутренние** и **внешние**. Если гиперссылка выводит пользователя на гипотексты своего сайтового гипертекста, то есть сайта определенного медицинского учреждения или медицинского лечебного комплекса, то она может рассматриваться как внутренняя. Если на гипертекст другого сайта – ее можно рассматривать как внешнюю гиперссылку. Например, в гипертексте сайта «The HSC Pediatric Center» гиперссылка «Patients & Families» переводит пользователя на гипотекст «Being Admitted to HSC», который является структурным компонентом того же сайтового гипертекста. При этом гиперссылка «Carf» гипертекста сайта «The HSC Pediatric Center» отсылает реципиента к гипертексту сайта «Carf International». А ссылка переводит пользователя на гипертекст сайта всемирно известной социальной сети Твиттер. Формальным показателем того, что гиперссылку можно отнести к внешним, служит перевод пользователя на гиперкаркас другого сайта.

Таким образом, с позиций структурно-тематического деления сайтовый гиперкаркас можно определить как информационно-композиционный блок, состоящий из верхней, боковой и нижней панелей, содержащих варьируемые тематические блоки. При этом название и девиз медицинского учреждения всегда даются в верхней панели.

II. Поликодовость сайтового гипертекста.

Обращение к материалу исследования позволило обратить внимание на такую особенность сайтового гипертекста, как множественность кодов трансляции информации, или поликодовость. Как известно, «код – это совокупность знаков и система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из этих знаков для ее передачи, обработки и хранения»².

Кроме того, во внимание было принято то, что «в массовой коммуникации иллюстрирование ныне все шире становится элементом текстообразования. Уровень интегрированности всех изобразительных средств, равно как и других знаковых образований, в единое текстуальное пространство печатных и электронных изданий весьма высок»³.

При классификации кодов, основываясь на теоретических положениях, выдвинутых Ч. Пирсом об иконе, индексе и символе, мы сознательно и несколько искусственно разграничили языковой код от символического.

Как утверждал Ч. С. Пирс, «**икона** есть знак, который обладал бы своим характерным свойством, собственно и делающим его значимым, даже если б его объект и не имел существования; такова графитовая черта, представляющая геометрическую линию. **Индекс** есть знак, который бы сразу утратил свое характерное свойство, делающее его знаком, если убрать его объект, но не утратил бы этого свойства, если бы не было интерпретанты. Таков, например, какой-нибудь предмет с дырой от пули в качестве знака выстрела; ибо без выстрела не было бы никакой дыры, но сама дыра там есть, неважно, достанет ли у кого-нибудь умственных способностей связать ее с выстрелом или нет. **Символ** есть знак, который утратил бы характерное свойство, делающее его знаком, если бы не было интерпретанты. Таково любое речевое высказывание, которое значит то, что значит, только в силу того, что его понимают как имеющее именно такую значимость»⁴.

В нашем исследовании под символами или символическим кодом мы понимаем математические знаки («+», «-»), символы сторонних сайтов. Например, символ условно обозначает сайт социальной сети Твиттер.

Проведенный анализ позволил классифицировать все коды, которые встречаются в сайтовом гипертексте на:

- 1) вербальные англоязычные;
- 2) цветные;

- 3) графические (шрифты, выделения);
- 4) визуально-изобразительные (фотография и так далее);
- 5) вербальные иноязычные;
- 6) буквенные;
- 7) цифровые;
- 8) индексные;
- 9) иконические;
- 10) символные;
- 11) звуковые;
- 12) видео-звуковые.

Отметим также, что разделение вербального и звукового кодов условно и акцент мы делаем на том, что напечатанную информацию, данную вербально, будем рассматривать как закодированную вербальным способом, а звучащую информацию – как данную звуковым кодом.

В сайтовом гиперкаркасе было обнаружено кодирование информации при помощи всех вышеуказанных кодов, кроме звукового и видео-звукового. Необходимо отметить, что, в отличие от всех кодов информации, сочетания которых могут варьироваться при переходе от гипотекста к гипотексту, цветовой код гиперкаркаса остается неизменным, выполняя помимо прочего связующую функцию, давая понять реципиенту, что он не вышел за пределы данного сайтового гипертекста.

Как показал анализ, информация на гиперкаркасе дана как в виде маркированных гиперссылок, так и вне их.

В результате проведения анализа исследуемого материала можно выделить следующие коды, используемые при подаче информации в гиперкаркасе (без учета гиперссылок): вербальный англоязычный, цифровой, визуально-изобразительный, цветовой.

Посредством вербального кода подается такая информация, как название медицинского учреждения и его подразделения, девиз, адрес, сообщение о защите авторского права, отказ от ответственности при ненадлежащем использовании информации, указанной на сайте.

Адрес и контактная информация, указываемая как в верхней, так и нижней панели гиперкаркаса, транслируется посредством вербального и цифрового кода. Оформление таких данных, как номер телефона, номер здания, годдается, естественно, при помощи цифр. Например, в верхней панели гиперкаркаса сайта NewYork Downtown Hospital указан девиз учреждения «Lower Manhattan's Community Hospital Providing High Quality Health Care», ниже мы видим номер телефона и предложе-

ние позвонить: «Call Us: 212.312.5000». Таким образом, констатируем использование как вербального, так и цифрового кода.

Необходимо отметить, что гиперкаркас любого гиперсайта выделен фоновым цветом. При этом, цвет фона различных структурных элементов одного гиперкаркаса различается, то есть цвет верхней панели отличается от цвета нижней, но цвета эти не меняются при переходе от гипотекста к гипотексту. Например, фоном верхней панели гиперкаркаса сайта NewYork Downtown Hospital является синий и серый цвет, а нижней панели – красный. В результате анализа были выделены наиболее распространенные цвета фона различных элементов: синий, красный, белый, зеленый, желтый, серый. Использование визуально-изобразительного кода было отмечено только в верхней панели гиперкаркаса для подачи логотипа и прочей информации, связанной с деятельностью учреждения.

Таким образом, самыми распространенными кодами, используемыми при подаче информации в гиперкаркасе сайтового гипертекста, без учета гиперссылок, являются цветовой, вербальный, цифровой и визуально-изобразительный.

В заключение отметим, что анализ подачи информации различными кодами позволяет дать определение гиперкаркаса следующим образом. Гиперкаркас – это обязательный структурный элемент сайтового гипертекста, представляющий собой информационный и навигационный ресурс, состоящий из верхней, боковой и нижней панелей, несущих информацию, подаваемую при помощи вербального, визуально-изобразительного, цифрового и цветового кодов, предоставляющий реципиенту возможность определять путь прочтения/ просмотра/ прослушивания информации гипертекста сайта.

Примечания

¹ См.: Кольцов, И. А. Методика использования креолизованных гипертекстов в обучении межкультурному иноязычному общению студентов языкового вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2009.

² См.: Яковлев, И. П. Основы теории коммуникации. СПб., 2011.

³ См.: Березин, В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М., 2003.

⁴ См.: Пирс, Ч. С. Название : избранные философские произведения. М., 2000.

ПОСЕССИВНЫЕ СЛОЖНЫЕ СЛОВА В НЕМЕЦКОМ И ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Работа проводилась при поддержке Минобрнауки РФ в рамках Программы стратегического развития «Педагогические кадры для инновационной России» (госзадание № 2 от 16.03.2013)

Производится сравнительный анализ образования посессивных сложных слов в двух неродственных языках: немецком и эрзянском. Установлено сходство посессивных конструкций с точки зрения их структуры и семантики. Что же касается количества членов посессивной конструкции, то в эрзянском языке возможно существование трехчленных композит, в отличие от двухчленных посессивных слов немецкого языка.

Ключевые слова: сопоставительная грамматика, немецкий язык, эрзянский язык, словообразование, словосложение, посессивные слова, бахуврихи-компози́ты, детерминативные слова, денотат, семантика, непосредственно составляющая.

Неисчерпаемым источником обогащения словарного состава являются новые слова, а одним из самых продуктивных способов образования неологизмов является словосложение. Этот способ словообразования широко представлен в разноструктурных языковых семьях: агглютинативных, корневых, флективных. Ему принадлежит исключительное место в развитии словообразования языка в целом. В именном словообразовании как немецкого, так и мордовских языков принимает участие сравнительно небольшое число словообразовательных суффиксов. Их малое количество в мордовских языках компенсируется другим словообразовательным способом – словосложением. Немецкий язык также очень склонен к образованию сложных слов.

Словосложение является, по-видимому, одним из самых древних типов словообразования как индоевропейских, так и в финно-угорских языках. О его древности говорит тот факт, что сложные слова (компози́ты разных типов) составляют значительную долю словарного состава этих языков. В зависимости от отношений между компонентами сложных слов они подразделяются на детерминативные (определятельно-подчинительные), копулятивные (сочинительные) и посессивные компози́ты. Исследование посессивности в мордовских языках явление не новое [4 ; 5 ; 6].

Посессивные компози́ты – это сложные слова, характеризующие человека или вещь по преобладающему либо бросающемуся в глаза признаку. Они подразумевают нечто лежащее вне подлинного значения сложного существи-

тельного. Поэтому такие компози́ты также называют экзоцентрическими в противоположность эндоцентрическим. Наряду с этими терминами вошел в употребление также термин, который впервые был употреблен в индоевропейском языкознании.

Финно-угорские языки (в том числе и эрзянский) богаты субстантивно-атрибутивными словосочетаниями и сложными словами различных типов. Изучение компози́тов типа бахуврихи в индоевропейских языках имеет долгую историю. По своему строению данные слова близки к детерминативным компози́там. Определяемое слово, как правило, называет часть тела, одежды и т. п., особенностями которых характеризуется сам обладатель или носитель этих признаков. Бахуврихи объединяются в единую группу на основании определенного семантического элемента их словообразовательной модели, который В. Хенцен характеризует следующим образом: «Субъект... не называется внутри сложного слова, а находится вне его» [7. С. 89]. Для немецкого языка характерны двухчленные посессивные компози́ты: Geizkragen «скряга», Nashorn «носорог», Graubart «седая борода». Как видно из примеров, характеристика человека, животного, растения или предмета на основе какой-либо части тела, одежды или другого признака в немецком языке употребляется в качестве наименования самого носителя данного признака, оставляя денотат вне содержания компози́та.

В эрзянском языке денотат входит в состав компози́та, так как в данном языке широко используются трехчленные посессивные кон-

струкции: *эчке зепе цёра* «парень с толстым карманом», *кишинь нерь варака* «ворона с железным клювом». Для обозначения действующего лица используется имя существительное в форме основного, указательного или притяжательного склонения [1. С. 76]. Трехчленные композиты могут превращаться в двухчленные, если третий компонент отбрасывается, например, *кудряв черь* «кудрявоволосый», *сэнь сельме* «синеглазый».

Первый компонент (первая непосредственно составляющая) композита в обоих языках, как правило, состоит в атрибутивных отношениях со второй непосредственно составляющей: нем. **Brausekopf** «вспыльчивый человек», **Bleichgesicht** «бледнолицый», **Milchbart** «молокосос», **Kreuzschnabel** «клест», **Rotbart** «человек с рыжей бородой»; эрз. *Поки сакал покитя* «дед с длинной бородой», *кайгарчонь чама становой* «становой с лицом суслика», *раужо сельме тейтерь* «черноглазая девушка», *ашо чама ава* «женщина с белым лицом», *лёмзёр сельме тейтерь* «девушка с глазами как черемуха» и так далее.

Первый компонент, выражая признак, присущий или приписываемый денотату, определяет второй компонент композита, конкретизируя его. При этом часто первые компоненты композита объединяются со вторыми в одно слово с использованием генитивного определения: нем. **Schafskopf** «глупец, дурак», **Kalbskopf** «телячьи мозги, дурья голова»; эрз. *Сырнень превне бабине* «бабушка с золотым умом», *прянь шныця цёра* «хвастун».

В немецком языке второй компонент всегда является существительным: **Abendpflaunauge** *зоол.* «глазчатый бражник», **Bauchfüßer** *зоол.* «брюхоногие моллюски, улитки», **Kahlkopf** «лысая голова», «лысый, плешивый (человек)», **Klumpfuß** «косолапый человек».

В эрзянском языке, как отмечает А. П. Феоктистов, второй компонент всегда является существительным в абсолютной форме (*ашо меште псака* «собака с белой грудью», *поки сельме тейтерь* «большеглазая девушка») либо в форме инессива основного склонения (*колмо этажсо кудо* «трехэтажный дом», *колмо пейнесэ пакарезэ* «трехзубый гребень (прялка)») [6. С. 182–182].

Третий компонент бахуврихи в эрзянском языке также всегда является существительным: *кувака черьбуло тейтерь* «девушка с длинной косой», *кавто кутьмерьсэ лишме* «верблюд» (*букв.* «лошадь с двумя спинами = горбами»),

пондаки пуло киска «собака с лохматым хвостом», *келей сакало ломань* «человек с широкой бородой».

В качестве определяемого компонента структуры бахуврихи-композитов в обоих языках характерно использование таких лексем, которые представляют собой какую-то определенную часть по отношению к целому (*parsprototo*): нем. **-gesicht** «лицый», **-kopf** «головый», **-bart** «бородый», **-bein** «ногий», **-ohr** «ухий», **-auge** «глазый», **-nase** «носый» и так далее; эрз. *чама* «лицо», *сельме* «глаз», *сакал* «борода», *пря* «голова», *черь* «волос», *нерь* «морда, рыло», *курго* «рот» и пр. Примеры: нем. **Eselskopf** «ослиная голова», **Schnapsnase** «красный нос (о пьянице)», **Milchgesicht** «юнец», **Eisenbart** *пренебр.* «коновал (о плохом враче)»; эрз. *сакалов чама* «бородатое лицо», *поки курго* «большой рот», *раужо сельме* «черноглазый», *кудряв черь* «кудрявый волос».

С точки зрения структуры, которая определяется первой непосредственно составляющей, бахуврихи-композиты делятся на следующие подгруппы:

1) композиты с первым компонентом, выраженным существительным (нем. **Holz Kopf** «дубовая голова, дурак», **Schleierschwanz** *зоол.* «вуалехвост»; эрз. *боба сельме* «человек с глазами как бобы», *варьга курго* «рот варешкой»);

2) композиты с первым компонентом, выраженным прилагательным (нем. **Rotkappe** «подосиновик», **Blaustrumpf** «синий чулок»; эрз. *рудазов сур варьга* «варешка с грязным пальцем», *чова турва курго* «тонкогубый рот»);

3) композиты с первым компонентом, выраженным числительным (нем. **Dreizahn** «трехзубец», **Neunauge** *зоол.* «минога речная»; эрз. *кавто пулосо кече* «ковш с двумя ручками», *кавто вальмасо кудо* «дом с двумя окнами»);

4) композиты с первым компонентом, выраженным глагольной основой (нем. **Döskopf** «соня», **Hinkebein** «хромяя нога»; эрз. *чемениязь пружина дивант* «диваны с ржавыми пружинами», *тоцязь пильге стольть* «столы с резными ножками»).

Остановимся на рассмотрении данных подгрупп более детально. В подгруппе, где в качестве первого компонента выступает существительное, первая непосредственно составляющая, как правило, выступает в номинативе в немецком языке и в абсолютной форме в эрзянском: нем. **Geizkragen** «скряга», **Geißblatt** *бот.* «жимолость», **Grimbart** «Барсук (в сказках)», **Bierbauch** = **Biergurgel** «любитель пива»; эрз.

менель *тештть сельмензэ* «его глаза как небесные звезды», *помела пря* «голова как помело», *боба сельме ава* «женщина с глазами-бобами», *сия пей тейтерь* «серебрянозубая девушка», *вирь чиресэ килей* «береза на опушке леса».

Наряду с этим первый компонент рассматриваемой подгруппы может использоваться в форме генитива: нем. Schafskopf «глупец, дурак», Schafsnase «глупец, дурак», Kindskopf «глупый, по-детски наивный человек», Hundsfott *груб.* «негодяй, подлец»; эрз. *прянь иныця цёра* «хвастун», *оймень мишця* «(человек), продавший душу», *кайгарчонь чама становой* «становой с лицом суслика».

В немецком языке первый компонент в конструкции «существительное + существительное» может выступать в форме множественного числа: Borstenkopf «человек с щетиной», Birnenkopf «грушевидная голова», Gänsefuß *бот.* «марь», Hasenfuß «трусишка».

Первый компонент композита второй подгруппы выражен прилагательным. В подавляющем большинстве это прилагательные со значением цвета:

нем. Rotbart «человек с рыжей бородой», Graubart «человек с седой бородой», Weißdorn *бот.* «боярышник», Blaustrumpf «синий чулок», Rotfeder *зоол.* «красноперка», Grauhaar «старик», Weißkopf *зоол.* «лунь болотный», Schwarzhemd «чернорубашечник, итальянский фашист», Rotdorn *бот.* «розовый боярышник», Blaufuß *зоол.* «скопа»; эрз. *раужо сакал ломань* «чернобородый человек», *якстере кутьмере унжине* «жучок с красной спиной», *раужо черьбуло тейтерь* «девушка с черной косой», *раужо цёко каркс* «пояс с черной кисточкой», *тюжса пря атякш* «желтоголовый петух», *якстере чама* «красное лицо», *сэнь сельме тейтерь* «синеглазая девушка», *аио сакало прявт* «седобородый глава», *раужо курго каитом* «печь с черным ртом», *аио чама ава* «белолицая женщина».

Первый компонент данной подгруппы может быть также выражен прилагательным со значением качества, размера, формы и т.д.:

нем. Großmaul «горлопан, бахвал», Hartschädel «твердолобый», «медный лоб», Besthaupt «лучшая голова скота, лучшее животное», Hohlrippe *бот.* «пустореберник», Klumpfuß «косолапый человек», Langfinger «воришка», Langohr «заяц», Leichtfuß «вертопрах», Kurzhaar «коротковолосый», Langbart «длиннобородый»; эрз. *нурька пуло вашине* «жеребец с коротким хвостом», *кичкере пильге*

«кривоногий», *пондаки пря атя* «дед с лохматой головой», *чаво пря* «пустоголовый», *ёлганя рунго тейтерь* «стройная девушка», *сэрей голенища кемть* «сапоги с высокими голенищами», *кежсев пурьгине азор* «злой хозяин», *келей лавтово ломань* «широкоплечий человек», *эчке чама ломань* «толстощекий человек».

В конструкциях третьей подгруппы в качестве первого компонента выступают количественные числительные в неизменяемой форме:

нем. Vierblatt «четырёхлистник», Einhorn «единорог», Tausendfuß *зоол.* «многоножка», Dreizack *бот.* «триостренник»; эрз. *кавто кутьмерьсэ лишиме* «верблюд» (букв. «лошадь с двумя спинами=горбам»), *колмо вальмасо кудыне* «домик с тремя окнами», *кавто пулосо кече* «ковш с двумя ручками», *вете этажсо кудо* «пятиэтажный дом». В исследованных материалах нами не обнаружено случаев употребления порядковых числительных в качестве первого компонента, что значительно ограничивает пополняемость этой модели новыми лексемами.

В немецком языке в словах четвертой подгруппы в качестве первого компонента используется императивная форма глагола: Brummbart «ворчун», Naschmaul «лакомка, сластена», Hinkebein «хромо́й», Drehkopf «бес-толочь», Murrkopf *разг.* «ворчун, брюзга».

В конструкциях четвертой подгруппы эрзянского языка в качестве первого компонента может выступать активное либо пассивное причастие: *аишолдыця прячерь ломань* «человек с седеющими волосами», *цитниця голенища кемть* «сапоги с блестящими голенищами», *пиезь судо цёрыне* «мальчик с обожженным носом», *синтрезь козырь картуз* «картуз со сломанным козырьком».

В качестве второго компонента всех рассмотренных выше структур в обоих языках выступает существительное:

нем. Kuhfuß «лом», Lockenkopf «кудрявая голова», Quatschkopf «болтун, трепло»; эрз. *кудряв черь* «кудрявоволосый», *варьга курго* «рот как варежка (о болтливом человеке)», *ожо курго бока* «желторотый», *валдо черь* «светлово-лосый».

В эрзянском языке второй компонент используется в абсолютной форме: *сэрей кочкаря туфлят* «туфли с высокими каблуками», *кеме рунго цёра* «мужчина с сильным телом», *кувака прячерь боянист* «баянист с длинными волосами», *чуро сакало колхозник* «колхозник».

с редкой бородой». Наряду с этим вторая непосредственно составляющая композита, как уже отмечалось выше, может использоваться в форме инессива основного склонения: *чаво валсо кортыця* «пустомеля», *кавто вальмасо кудыне* «домик с двумя окнами». Употребление инессива характерно для трехчленных конструкций.

С точки зрения семантики бахуврихи-компози́ты можно разделить на две группы, которые образуют бинарную оппозицию. В первую группу входят бахуврихи-компози́ты, обозначающие одушевленные объекты, во вторую, соответственно, бахуврихи-компози́ты, обозначающие неодушевленные реалии окружающей действительности.

Рассмотрим более детально группы бахуврихи, обозначающих одушевленные объекты. В данной группе можно выделить следующие подгруппы:

1) обозначения человека (антропонимы): нем. Brausekopf «вспыльчивый человек», Geifermaul «злюка», Bleichgesicht «бледнолицый», Taugenichts «бездельник, шалопай» [3. С. 34], Schnapsnase «красный нос (о пьянице)»; эрз. *сиянь сакалнэ* «серебряная борода», *мазы чама* «красивое лицо», *прянь шныця* «хвостун», *оймень мищя* «продавец души»;

2) обозначения представителей животного мира (фаунонимы): нем. Paarhufer «парнокопытное», Rotkehlchen «горихвостка», Graukopf «дятел седоголовый», Schwertschwanz «мечехвост»; эрз. *поки пря кори* «сова», *кавто кутьмерьсэ лишме* «верблюд», *пшти нерь киска* «собака с острой мордой», *нурька пуло вашине* «жеребенок с коротким хвостом», *якстере кутьмере унжине* «жучок с красной спиной»;

3) названия различных растений (флоронимы): нем. Einkorn «пшеница однозернянка», Nieswurz «чемерица», Goldblatt «золотолистник»; эрз. *варакань пря тикше* «клевер».

Среди бахуврихи-антропонимов преобладают, как правило, бахуврихи, отражающие внешние либо внутренние качественные признаки, зачастую негативного характера. Богаты подобными примерами произведения мордовских писателей, которые являются «демонстрацией их отношения к своему народу» [2. С. 90]. К конструкциям, отражающим внешние характеристики человека, можно отнести следующие: нем. Pausback «полнощекий ребенок», Rothaut «краснокожий», Schielauge «косоглазый», Schnauzbart «мужчина с усами, усач», Weißhaar «седовласый»; эрз. *валдо*

черь одирьва «светловолосая невеста», *кувака черьбуло тейтерь* «девушка с длинной косой», *келей чама покитя* «широколицый старик», *тюжа пря* «желтоголовый», *кичкере пильге* «кривоногий».

К бахуврихи-компози́там, обозначающим внутренние качества человека, относятся: нем. Gierschlund «обжора», Lästerzunge «клеветник», Lügenmaul «врун», Schnattermaul «болтун, трещотка», Dummbart «дуралей, олух»; эрз. *кежев пурьгине (азор)* «злой хозяин», *сыр-нень пря* «золотая голова», *прянь шныця* «хвостун», *чаво пря* «пустоголовый», *оймень мищя* «продающий душу».

Группа, в которой объединяются названия неодушевленных объектов, значительно меньше предыдущей. В эту группу входят названия предметов по какой-либо характерной их части или по количеству характерных элементов: нем. Doppeldecker «биплан», Einackter «одноактная пьеса», Dreispitz «треуголка», Dreimaster «трехмачтовик», Dreibein «тренога», Achteck «восьмиугольник», Einglas «монокль», Hochrad «нечто с большими колесами», Nachtmütze «ночной колпак»; эрз. *сэрей кочкаря туфлят* «туфли с высокими каблуками», *пшти пря шапка* «островерхая шапка», *раужо курго каштом* «печь с черным ртом», *синтрезь козырь картуз* «картуз со сломанным козырьком», *раужо цёко каркс* «пояс с черной кистью», *кувака ожа панар* «рубашка с длинными рукавами», *якстере пря бутылка* «бутылка с красной головой (пробкой)», *рудазов сур варьга* «варежка с грязным пальцем», *колмо пильге стул* «трехногий стул».

Таким образом, образование посессивных конструкций разных типов характерно и для немецкого и для эрзянского языков. По своей структуре они делятся:

1) на конструкции с первым компонентом, выраженным существительным (нем. Nashorn «носорог»; эрз. *варьга курго* «рот варежкой»);

2) на конструкции с первым компонентом, выраженным прилагательным (нем. Freigeist «вольнодумец»; эрз. *ёлганя рунго тейтерь* «стройная девушка»);

3) на конструкции с первым компонентом, выраженным числительным (нем. Eindecker «моноплан»; эрз. *кавто пулосо кече* «ковш с двумя ручками»);

4) на конструкции с первым компонентом, выраженным глагольной основой (нем. Triefauge «человек со слезящимися глазами»;

эрз. *чемениязь пружина дивант* «диваны с ржавыми пружинами»).

По своей семантике посессивные конструкции делятся на бахуврихи-композицы, обозначающие одушевленные объекты (нем. *Fettwanst* «толстяк»; эрз. *сырнень пря* «золотая голова»), и на бахуврихи-композицы, обозначающие неодушевленные предметы (нем. *Achtsilber* «слово с восемью слогами»; эрз. *сэрей голенища кемть* «сапоги с высокими голенищами»).

Список литературы

1. Водясова, Л. П. Лингвистические сигналы начала и конца ложного синтаксического целого в современном эрзянском языке // Гуманит. науки и образование. 2012. № 3 (11). С. 76–79.

2. Водясова, Л. П. Концепты традиционности образа народа в творчестве мордовских писателей конца XIX – начала XX в. / Л. П. Водясова, Т. В. Уткина // Гуманит. науки и образование. 2012. № 2 (10). С. 89–91.

3. Иванова, Т. К. Терминосистема сопоставительного словосложения русского, не-

мецкого и английского языков / Т. К. Иванова, Н. В. Аржанцева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 2 (256). Филология. Искусствоведение. Вып. 62. С. 30–37.

4. Прокаева, Е. П. Категория посессивности в эрзянском и финском языках: сравнительный аспект / Е. П. Прокаева, Ю. П. Князькин // Языки в современном мире : тез. междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: Г. Т. Мельникова, И. И. Ляпина, А. А. Ветошкин ; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2003. С. 93–95.

5. Трямкина, О. Е. Образование субстантивов в эрзянском и немецком языках (типологический аспект исследования) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2000. 16 с.

6. Feoktistov, A. Über die Bahuvrihi-Komposita in den finnougriischen Sprachen, besonders im Finnischen und Mordwinischen // *Laponica et Uralika*. Uppsala, 1996. S. 179–184.

7. Henzen, W. Deutsche Wortbildung. Halle (Saale), 1947. 307 S.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ В РАЗВИТИИ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Рассматриваются основные этапы становления германских языков, анализируются их общие типологические черты на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Ключевые слова: классификация языков, типология, германские языки, диалекты, грамматика, морфологическая общность, синтаксические особенности.

Изучением типологической общности языков лингвистическая наука занимается сравнительно недавно, хотя предпосылки типологического языкознания восходят к исследованиям античных философов, которые были уверены, что все языки имеют глубокое внутреннее сходство между собой. Наиболее интенсивное развитие типологии как лингвистической науки приходится на XIX в., когда происходило установление системы лингвистических типов и распределение всех языков мира соответственно этим типам. Такие крупные языковеды XIX в. как Ф. Шлегель, В. Гумбольдт, А. Шлейхер, Г. Штейнталь, Ф. Мистели заложили основы типологической классификации языков, которая носила на тот период в основном морфологический характер.

Типологическое сходство языков обусловлено принципиальным единством человеческой природы, единством биологической и психической организации человека как вида. 100–75 тыс. лет назад в развитии человечества произошел толчок, который привел к выделению из рода *homo* современного вида *homo sapiens*, толчок, который и обусловил глубинное сходство разных племен в последующем социально-историческом развитии человечества.

Наш интерес к типологической общности языков связан с проблемой становления языков Средневековой Европы, которому предшествовала хаотическая ситуация бурного освоения европейской территории многочисленными германскими племенами, тесненными гуннами в период великого переселения народов.

В рамках синергетического видения данной исторической реальности это хаотическое движение племен и их разнообразных союзов «выступает в качестве физического обеспечения неравновесности, то есть ... как фактор самоорганизации» [8. С. 681] в формировании варварских государств, затем новых «моло-

дых» народов и их «неправильных» языков и, наконец, современных европейских государств с их национальными языками. Таким образом, явный внешний фактор разрушения с течением времени становится «силой, выводящей на тенденцию самоструктурирования нелинейной среды» [8. С. 681]. В результате самоорганизационных процессов развития народностей и их языков, в средневековой Европе формируются современные романские и германские языки, которые представляют две значимые ветви в индоевропейской семье языков.

В современной лингвистике традиционно выделяются 3 подгруппы германских языков:

1. *северная* (шведский, датский, норвежский, исландский, фарерский),
2. *западная* (английский, немецкий, нидерландский, люксембургский, африкаанс, фризский, идиш),
3. *восточная* (вымершие готский, бургундский, вандальский, герульский).

Развитие германских языков от племенных диалектов до национальных литературных языков связано, как было уже отмечено, с многочисленными миграциями их носителей. Область первоначального расселения германских племен охватывала южную часть Скандинавского полуострова, полуостров Ютландия и территорию Шлезвиг-Гольштейн. Германские диалекты древнейшей поры делились на две основные группы: скандинавскую (северную) и континентальную (южную).

Во II–I вв. до н. э. часть племен из Скандинавии переселилась на южное побережье Балтийского моря, в низовья Вислы и Одера, и образовала восточную германскую группу, противостоящую западной германской (ранее южной) группе племен, обитавших между Эльбой и Рейном. С середины II в. до новой эры в эпоху «великого переселения народов» племена готов, принадлежавшие к восточной германской группе, продвигаются к югу, в

причерноморские степи, откуда проникают на территорию Римской империи и затем через Галлию на Пиренейский полуостров. После падения остготского королевства в Италии (V–VI вв.) и вестготского королевства в Испании (V–VIII вв.) носители готского языка смешались с местным населением. [9. С. 37]

Заметим, что внутри западногерманского ареала в I в. н. э. выделялись 3 группы племенных диалектов: ингвеонская (североморская), иствеонская (рейнско-везерская) и эрминонская (приэльбская).

Переселение в V–VI вв. части ингвеонских племен (англы, саксы, юты) на Британские острова предопределило обособленное развитие в дальнейшем древнеанглийского языка. На континенте иствеоны (франки) распространились на запад, в романизованную северную Галлию, где в конце V века было образовано двуязычное государство Меровингов. Под властью франков в рамках государства Меровингов и Каролингов (V–IX вв.) произошло объединение западно-германских племен (франков, алеманнов, баюваров, турингов, хаттов), а также саксов, переселившихся в IV–V вв. с побережья Северного моря в области Везера и Рейна, что создало предпосылки для позднейшего формирования древневерхнегерманского языка как языка немецкой народности [10. С. 213].

Эрминоны (алеманны, баювары) с I в. н. э. передвигаются из бассейна Эльбы на юг Германии и становятся в дальнейшем носителями южногерманских диалектов. В основу нижнегерманских диалектов лег древнесаксонский, входивший изначально в ингвеонскую группу и испытавший впоследствии мощное влияние франкских диалектов. В результате взаимодействия франкских диалектов с фризскими и саксонскими в IX–XI вв. создаются условия для возникновения нидерландского языка.

Группа скандинавских диалектов после их обособления в V в. от континентальной группы вследствие постепенной миграции их носителей на север и юг делится с VII в. на восточную и западную подгруппы. На базе восточноскандинавских диалектов позднее образуются шведский и датский языки, на базе западноскандинавских – норвежский. Заселение в IX–X вв. Исландии и Фарерских островов выходцами из Норвегии привело к становлению исландского и фарерского языков.

Из новейших германских языков идиш сформировался в X–XIV в. на основе верхнегерманских диалектов с включением семитских

и позднее славянских элементов. Африкаанс возник в XVII в. в результате смешения нидерландских диалектов с немецким, английским, французским языками, а также с некоторыми африканскими языками и с креольским малайско-португальским языком [2. С. 93].

Установлено, что среди отличительных фонетических особенностей, выделяющих германские языки среди других индоевропейских языков, являются следующие:

- динамическое ударение на первом (корневом) слоге,
- редукция безударных слогов,
- ассимилятивное варьирование гласных,
- общегерманское передвижение согласных,
- широкое использование аблаута как фонеморфологического средства [5. С. 284].

Древняя история германских языков – это сложнейшая картина схождения и расхождений, смешений и взаимодействий. Самые ранние памятники германской письменности свидетельствуют о большом сходстве всех германских языков. Одновременно в них отчетливо видны следы различий, которые являются результатом изменений, произошедших в условиях разобщенности племен.

С возникновением племенных объединений, с появлением определенных иерархических отношений в структуре того или иного племени, с выделением общего «надплеменного языка» (то есть языка союза племен), все остальные ранее самостоятельные языки племен, входящие в данное родоплеменное объединение, становятся в подчиненное положение по отношению к «надплеменному языку».

История германских племен свидетельствует, что объединение в племенные союзы проходило не один этап. Еще до Великого переселения народов мелкие кровнородственные племена, связанные территориальной близостью, объединялись между собой. К этому их побуждала необходимость сплачивать силы против общего врага – римлян. В эпоху Великого переселения народов возникали большие племенные объединения, они были неоднородны по этническому составу, в них вливались племена, говорившие на неродственных языках, например, в племенной союз. Ярким примером такого союза было королевство готов с его предводителем Эрманарихом. Германарих или Эрманарих (лат. Hermanaricus, готск. Airmanareiks, Airminareiks; ум. ок. 375 г.) – король готов в IV в., из рода Амалов. Эрманарих подчинил готские племена гревтунгов и мест-

ные племена в Северном Причерноморье. Точные данные о размерах владений Эрманариха отсутствуют. Тем не менее, в древнегерманском эпосе и римских источниках он упоминается как один из великих варварских вождей. Варварская империя Эрманариха пала под натиском гуннов в 370-е гг., и примерно с этого периода начинается процесс миграции германских племен, а также их разделение на вестготов и остготов.

Гунны в свою очередь при полководце и правителе Атилле пытались завоевать весь романский запад (середина V в.). Аттіла (лат. *Attila*, греч. *αττίλας*, ср.-в.-нем. *Etzel*, ум. 453) – вождь гуннов с 434 по 453 г., объединивший под своей властью варварские племена от Рейна до Северного Причерноморья. Центр территории расселения гуннов находился в Паннонии, где позже обосновались авары, а затем – венгры. В таких союзах уже были зародыши государственной организации, но такие государства не были устойчивыми, не имели границ и легко распадались.

Понятие общего языка союза племен существенно для этого исторического периода. Это язык самого сильного в политическом и военном отношении племени, на котором формулируются, а потом и записываются обязательные для всех законы, на котором глава племенного союза обращается к своим воинам и подчиненным. Племенные диалекты таких больших объединений могут иметь больше отличных друг от друга черт, чем племенные диалекты более ранних и сравнительно небольших объединений, а неродственные языки, вошедшие в состав таких союзов, либо могут исчезнуть, если носители растворятся в большинстве населения племенного союза, либо продолжать обособленно развиваться в окружении неродственных диалектов [4. С. 512].

Рассуждая о типологической общности и различиях тех или иных языков, необходимо отметить, что их общие характерные признаки не всегда могут быть объяснены генеалогическим родством или ареальными причинами. Это касается и многообразия германских языков, типологические особенности которых затрагивают широкий спектр системных и структурных связей собственно лингвистического характера, объяснение которым можно искать как в истории их развития, так и в эволюции их языковой структуры.

Для грамматического строя германских языков характерна тенденция к аналитизму,

реализуемая в отдельных языках с разной степенью полноты. Наиболее четко она проявляется в именном склонении.

Категория падежа в большинстве языков представлена оппозицией общего и родительного (притяжательного) падежей. Это характерно для английского, датского, шведского, норвежского, нидерландского, фризского языков. Четырехпадежная система сохранилась только в немецком, исландском, фарерском языках, а в африкаансе формальные показатели падежа отсутствуют. Падежные отношения выражаются в большинстве германских языков преимущественно порядком слов и предложными конструкциями.

В парадигму склонения личных местоимений входит от двух до четырех падежных форм. Именительный падеж в личных местоимениях (общий/ субъектный) противопоставлен косвенным (объектным) падежам.

Категория числа двучленная (единственное – множественное), но формально выражено только множественное число, причем наибольший набор показателей отмечен в немецком и норвежском языках (их пять), наименьший – в английском (и он один). В скандинавских языках форма множественного числа существительных определяет также тип склонения.

Наличие трех родов у существительных (мужской, женский, средний) характерно для пяти из одиннадцати германских языков: немецкого, норвежского, исландского, фарерского, идиш. В шведском, датском, нидерландском, фризском представлены два рода – общий и средний, в английском и африкаансе категории рода нет.

Определенный и неопределенный артикли имеются во всех германских языках, кроме исландского и фарерского, в которых неопределенный артикль отсутствует. Особенностью скандинавских языков является препозитивный свободно стоящий определенный артикль и его вариант – суффиксированный артикль.

Для системы спряжения германского глагола характерна классификация глаголов по способу образования претерита: сильные, или неправильные, глаголы образуют формы претерита с помощью аблаута, слабые, или правильные, используют дентальный суффикс, у претерито-презентных претерит образуется по типу слабых глаголов, а формы презенса восходят к формам претерита сильных глаголов. Система временных форм включает презенс,

претерит, перфект, плюсквамперфект, будущее I и II, будущее в прошедшем I и II.

Существенны различия по языкам в инвентаре временных форм. Так, в исландском отсутствует форма будущего времени, в африкаансе – флективный претерит, только в английском имеются особые длительные временные формы. Наибольшее число временных форм представлено в английском (16), наименьшее – в датском и африкаансе (6), причем в последнем пять из шести форм являются аналитическими. Аналитические глагольные формы, состоящие из вспомогательного глагола и его неличных форм (инфинитив, причастие, супин), широко представлены в германских языках. Формы будущего времени образуются путем соединения вспомогательных глаголов с исконным модальным значением и инфинитива, формы перфекта – соединением вспомогательных глаголов с исконным значением «иметь» и «быть» и причастия II. Двучленная категория залога (актив – пассив) выражается оппозицией личных форм и конструкций с глаголами «быть» и «становиться» + причастие II (в английском языке только с глаголом «быть») [1. С. 178].

Категория лица в системе глагола морфологически не выражена в шведском, норвежском, датском, африкаансе и идише и передается приглагольным личным местоимением. В других языках личные глагольные окончания сохранились. Наиболее полно они представлены в немецком и исландском языках, слабее – в нидерландском, фарерском, английском и фризском языках.

Основными единицами синтаксиса, подлежащими типологическому сопоставлению, являются словосочетание и предложение. Кроме того, в связи с особой типологической значимостью, как отдельное направление типологического анализа рассматривается типология порядка слов. Согласно широкому подходу, доминирующему в современной грамматике, словосочетание определяется как любая синтаксически организованная группа синтагматически объединенных слов, включая объединения служебных и знаменательных слов, предикативные и сочинительные сочетания слов.

В плане типологических сопоставлений наибольший интерес представляют синтаксические приемы подчинительного объединения слов. Согласование и управление типологичны только для тех языков, где имеется развитая морфологическая система, в частности, для германских языков, хотя практически от-

сутствуют в английском языке, сохранившись в качестве рецессивной черты в нескольких моделях. В языках без развитого морфологического оформления слов примыкание как тип связи становится ведущим, типологическим. В английском языке словосочетания всех типов – атрибутивные, объектные, адвербиальные, предикативные образуются в основном с помощью этого типа связи.

Важным типологическим показателем является порядок следования компонентов в словосочетании. Считается, что по расположению определяющего слова к определяемому слову английский язык находится ближе к языкам агглютинативного типа с препозицией определения, в частности, с препозицией генетива, что отличает его от всех германских языков [6].

Несомненно, германские языки считаются одной из наиболее крупных групп индоевропейских языков, которые необходимо изучать в историческом аспекте для понимания и осмысления диалектики развития языков мира с целью осознания их типологической общности.

Список литературы

1. Адмони, В. Г. Историко-типологическая морфология германских языков: именные формы глагола. Категория наречия. Монофлексия / В. Г. Адмони, В. Н. Ярцева. М., 1978. 178 с.
2. Амирова, Т. А. История языкознания : учеб. пособие / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский ; под ред. С. Ф. Гончаренко. М., 2003. 93 с.
3. Берков, В. П. Современные германские языки. М., 2001.
4. Виноградов, В. А. Типология // Языкознание : большой энцикл. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998. С. 512–514.
5. Кузьменко, Ю. К. Фонологическая эволюция германских языков. Л., 1991. 284 с.
6. Мейе, А. Основные особенности германской группы языков / пер. с франц. М., 1952.
7. Мечковская, Н. Б. Структурная и социальная типология языков : учеб. пособие. Л., 2001.
8. Можейко, М. А. Синергетика // Всемирная энциклопедия: Философия XX в. М., 2002. С. 677–687.
9. Сизова, И. А. Германские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.
10. Соловьёва, Л. Н. Древние германцы и их языки. Сравнительная грамматика германских языков. Т. 1–4. М., 1962–1966.

А. Ю. Церюльник

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЗАГОЛОВОЧНОГО КОМПЛЕКСА В ОРГАНИЗАЦИИ ГИПЕРТЕКСТА ДИСКУССИОННОГО БЛОГА

Рассматривается организация гипертекста блога. Предлагается система структурных и семантических типов конструкций, представляющих собой часть заголовочного комплекса дискуссионных блогов.

Ключевые слова: блог, дискуссионный блог, гипертекст, заголовок, заголовочный комплекс, структурно-семантическая классификация.

Проблемы, связанные с текстовым заголовком, в настоящее время активно изучаются в лингвистической науке.

В научных работах по языкознанию можно встретить использование терминов «заглавие», «заголовок», «название». Считаю необходимым рассмотреть соотношение данных терминов. В общезыковых словарях [6 ; 14 ; 17 ; 21] эти термины представлены как синонимичные. Как отмечает В. В. Виноградов, «различие между «заголовком» и «заглавием» в настоящее время сводится к тому, что заголовок более просторечно, заглавие же - общелитературно» [3]. При этом некоторые ученые разводят термины «заглавие» и «название». Н. А. Кожина под «названием» понимает собственно заглавие в его номинативной функции, а под «заглавием» конструкцию из названия и подзаголовка. В отдельных случаях исследователь включает в данную конструкцию автора и дату написания [8]. Данный подход Н. А. Веселова назвала лингвистическим, сопоставив его с филологическим подходом, где под «заглавием» можно понимать «все элементы, которые предшествуют тексту и в своем системном взаимодействии реализуют смыслообразовательный потенциал» [2. С. 203]. В данной работе обозначенные термины будут использоваться как взаимозаменяемые синонимы.

Среди нерешенных вопросов, связанных с заголовком, значительное место занимает проблема определения статуса и синтаксической природы заголовка. Многообразие и порой неоднозначность исследовательских выводов по поводу данных аспектов дают основание ученым для создания различных классификаций по ряду параметров.

Например, О. Ю. Богданова на материале художественных произведений британских авторов конца XVII–XX вв. строит структурно-

семантическую классификацию заголовков, представленную номинативными конструкциями (имена собственные и нарицательные), подчинительными и сочинительными словосочетаниями, синтаксическими оборотами, в том числе придаточными предложениями, а также заголовками, представляющими собой двусоставные предложения. Изучая специфику связи заголовка с текстом, исследователь выделяет группы заглавий, называющих действующих лиц, место действия, указывающих время действия, отражающих событийную сторону сюжета и основную идею [1].

О. Н. Траченко на примере современных англоязычных рассказов приводит развернутую классификацию заглавий, в основе которой также лежит структурно-семантическая точка зрения. Исследователь выделяет большие группы по структурному признаку (количество грамматических основ, тип грамматической основы), а в рамках данных групп рассматривает семантические подгруппы, где главные члены предложения выражены той или иной частью речи, а также представлены различные структуры (приветствия, благодарности и так далее), устойчивые обороты [18].

Вызывает интерес классификация заголовков И. Р. Гальперина, в которой ученый использует термин «название». Названия классифицируются исследователем по форме присутствующей в них содержательно-фактуальной или содержательно-концептуальной информации: 1) название-символ, 2) название-тезис, 3) название-цитата, 4) название-сообщение, 5) название-намек, 6) название-повествование (названия глав в английских романах XVIII в.) [5. С. 134].

Е. Н. Комаров рассматривает заголовки в прагматическом аспекте и выделяет три типа заголовков, к которым относит фактуальные

заголовки (являются носителями фактуальной предметно-логической информации), персуазивные заголовки (суждения или умозаключения, выражающие результат осмысления явления реальной действительности адресантом), директивные заголовки (суждения или умозаключения адресанта, являющиеся результатом его восприятия и осмысления реальной действительности, стремящиеся побудить реципиента к совершению конкретных неречевых действий) [9].

А. С. Попов в структурном аспекте предлагает различать заголовки по типу грамматической основы, отдельно рассматривает конструкции, характерные для диалогической и разговорной речи, а также «осколочные» заглавия и номинативные конструкции (имя существительное в именительном падеже или словосочетание во главе с этой формой) [15].

А. В. Фатина рассматривает синтаксические особенности заголовков и выделяет группы по количеству предложений, грамматических основ, по типу односоставного предложения, а также отдельно рассматривает осколочные конструкции [19].

Таким образом, значительное количество работ, посвященных изучению заголовков, осуществлено в большей степени на материале публицистических и художественных текстов. В основе имеющихся классификаций лежат семантические, структурные и прагматические принципы.

Выше мы уже рассмотрели соотношение терминов «название», «заголовок», «заглавие». Наиболее интересным нам представляется термин «заголовочный комплекс», который принадлежит Н. А. Веселовой. Данный комплекс включает в себя имя автора текста, собственно заглавие (название текста), подзаголовок, посвящение и эпиграф, в некоторых случаях дату и место написания/ издания, а также полиграфическое оформление текста. Таким образом, по мнению Н. А. Веселовой, к заголовочному комплексу относятся «все затекстовые элементы, каждый из которых потенциально способен, взаимодействуя с другими, служить созданию новых смыслов» [2. С. 203].

Термин «заголовочный комплекс» использует также Э. А. Лазарева. По определению исследователя, заголовочный комплекс - это «подсистема внутри текстовой системы, состоящая из элементов, находящихся вне текста» [10]. К заголовочному комплексу исследователь относит заголовки, рубрики, подзаго-

ловки, вводки (лиды), врезки (текст в тексте), анонсы. Анализируя газетный дискурс, автор считает возможным перенести результаты анализа на все дискурсивные объекты, которые ориентированы на восприятие реципиента. В качестве примера возможности экстраполяции теории газетного заголовка на другие типы текстов Э. А. Лазарева дает дискурсивную характеристику журналистского телепроизведения, рассматривая специфику его заголовочного комплекса. В рамках своего исследования автор комментирует и заголовочную систему сборника научных статей. В результате проведенного анализа разных дискурсивных сфер исследователь приходит к выводу, что «общая теория заголовка, созданная на основе газетного заглавия, имеет значительную объяснительную силу применительно к произведениям СМИ разных типов, научным сочинениям <...> эта теория может быть использована и для построения типологии текстов, функционирующих в Интернете» [10].

К. В. Прохорова предлагает термин «совокупный заголовочный текст», который рассматривает как разновидность газетного текста. Под совокупным заголовочным текстом исследователь понимает «совокупность заголовочных комплексов периодического издания, взятого в дискурсе определенного периода» [16. С. 4]. Совокупный заголовочный комплекс, по мнению автора, представляет собой последовательность заголовочных комплексов. К составляющим элементам данного комплекса К. В. Прохорова относит тематические названия полосы, рубрики, собственно заголовки, подзаголовки, внутренние заголовки, а также лиды (предтексты), имеющие шрифтовое выделение. Из определений исследователя можно сделать вывод, что понятие совокупного заголовочного текста шире, чем понятие совокупного заголовочного комплекса.

Таким образом, заголовочный комплекс представляет собой совокупность различных элементов, направленных на более мобильную ориентацию читателя в большом потоке информации.

Материалом для имеющихся характеристик заголовочных комплексов послужили в основном художественные и публицистические тексты, заголовочные комплексы блогов предметом изучения не были.

В связи с возрастающей популярностью блогов (в настоящий момент по версии Яндекса в Рунете их насчитывается более 85,5 млн - дан-

ные на 21 июня 2013 г.) создание качественно-го заголовочного комплекса в блогговом пространстве с целью оптимизации восприятия опубликованного материала представляется особенно актуальным.

Под заголовочным комплексом блога мы понимаем систему, включающую в себя основную заголовочную часть блога, подзаголовки, заголовки записей блога, рубрики, к которым относятся записи блога, заголовки информационных блоков, а также в некоторых случаях вводные части записей блога до гиперссылки «читать далее». В связи с тем, что блог обладает интерактивностью, то есть возможностью оперативного взаимодействия автора и читателя (в отличие от традиционных бумажных изданий СМИ и художественных произведений) посредством комментариев к авторским записям, заголовки данных комментариев также, на наш взгляд, входят в заголовочный комплекс блогов. Однако не все сервисы блогов имеют возможность указать заголовки к комментарию и далеко не все читатели указывают заголовки к своему комментарию. Таким образом, совокупность элементов данной системы организуют внутренний и внешний гипертекст блога на структурно-семантическом уровне.

Внешний уровень гипертекста блога представляет собой интерфейс блога (профиль автора, рубрики, ключевые слова (ярлыки, теги), ссылки на интересные автору блоги или некоторые ресурсы, соответствующие, например, тематике данного блога. В том случае если блог расположен на каком-либо сервисе, оформление интерфейса (наличие, а также расположение определенных структурных элементов), в отличие от автономных блогов, зависит от программного обеспечения этого сервиса.

При помощи информационных блоков и гипертекстовой технологии организуются все записи блога, а также к основному содержанию блога добавляется материал внешних ресурсов, переход к которому возможен по внешним гиперссылкам и который значительно расширяет информационное поле определенного блога. Каждый информационный блок, каждая запись блога (пост) сопровождаются подачей их внутреннего заголовка, выражающего основное содержание.

Внутренний уровень гипертекста блога составляют страницы записей автора (включая их заглавия) и комментарии к записям.

Основой для рассмотрения совокупности заголовков блога как системы заголовочного

комплекса является наличие единого содержания в рамках блога, а также возможность выявления важнейших особенностей организации гипертекста блога. Исследование структурно-семантической организации заголовочного комплекса блогов обусловлено также особенностями структурного строения блогов и связано с тем, что структурные единицы в коммуникативном плане характеризуются семантической значимостью, так как «синтаксические единицы любого уровня и формата – двусторонние значимые единицы, соединяющие выражение (форму) с содержанием (значением)» [13].

Выделим основные наиболее распространенные жанры блогов в Рунете.

1. «Сетевой дневник» – как правило, тематика подобных блогов может быть весьма широкой: от личных проблем, покупок в магазинах, заметок о курьезных случаях автора и других людей до глобальных общечеловеческих вопросов. Читают такие дневники, в первую очередь, друзья и знакомые блогера.

2. «Дискуссионный блог» (известного человека) – в данном случае особое значение имеет автор блога как известная и публичная личность. Блоги политиков, писателей, шоуменов, телеведущих, артистов и пр. пользуются обычно большой популярностью.

3. «Путевые заметки» – данные блоги содержат в большей степени по сравнению с другими жанрами мультимедийные материалы, сопровождающие текст (фото, видео). Путешествуя по различным городам и странам, посещая удивительные уголки планеты, авторы выкладывают отчеты в свой блог, в котором попеременно чередуются вербальные и невербальные части.

4. «Сообщество по интересам» – блоги подобного жанра не имеют одного автора. Как правило, в заглавии блога обозначена основная тема, которой придерживаются все участники сообщества, публикуя в блог свои материалы.

5. «Корпоративный блог» – данный блог также не имеет, как правило, одного автора, здесь работает команда, представляющая интересы той или иной структуры (например, компании, вуза, библиотеки и пр.). Здесь важен единый стиль и направленность на популяризацию структуры, которой принадлежит блог.

6. «Образовательный блог» – цель данного блога – «научить» читателей. Блоги подобного жанра нацелены на просвещение своих читателей, передачу нужной и полезной для них информации. Важно отметить, что среди чита-

телей нет, как правило, «случайных». Блог посвящен определенной теме, например, русскому языку или информационным технологиям.

Для исследования структурно-семантических особенностей заголовочного комплекса блогов нами были отобраны наиболее читаемые блоги российских писателей, которые представлены на сервисе блогов Livejournal и вызывают живой интерес у современной читательской аудитории, который выражается в большом количестве просмотров материала блогов, в активном комментировании авторских записей, а также в частом присутствии в комментариях записей блога полилога среди читателей, что является признаком резонансности опубликованных материалов. Следует отметить, что важнейшим показателем для высокого рейтинга блога является регулярное обновление блога, подбор автором актуальных и интересных материалов для потенциальных читателей. В результате данного исследования было изучено 173 Мб информации, представленной в 10 дискуссионных блогах, авторами которых являются известные российские писатели, 133 записи (постов) блогов, 153 страницы блогов. Под страницей блога мы понимаем совокупную информацию, имеющую конкретный web-адрес (индивидуальную ссылку в сети Интернет). Временной промежуток опубликованных материалов для выборки представляет собой март 2013 г.

Методами анализа особенностей организации материала блога стали уровневый компонентный анализ заголовочного комплекса блога, в том числе связи его структурных элементов, а также структурно-семантическая систематизация заголовков блогов.

Среди авторов характеризуемых блогов – Борис Акунин, Макс Фрай, Сергей Лукьяненко, Александр Громов, Олег Рой, Святослав Логинов, Татьяна Толстая, Александр Тюрин, Ник Перумов, Олег Дивов. Следует отметить, что индивидуальный стиль писателя находит отражение и в их блогах. Однако, учитывая специфику среды блогов, а также их возможности, можно выделить и общие черты и свойства, характерные для данной группы блогов.

Для начала рассмотрим основные заголовки обозначенных блогов.

Если обратиться к формальной стороне, то большая часть из заголовков представляет собой именное словосочетание: «Любовь к истории» (Борис Акунин) [22], «Приемный Покой Доктора Пиллюлькина» (Сергей

Лукьяненко) [26], «Бивак погонщика леммингов» (Александр Громов) [23], «Официальный блог Олега Роя» (Олег Рой) [27], «Записки отставного капитана Темного Воинства» (Ник Перумов) [28], «Худший из лучших» (Олег Дивов) [24], «tanyant» (Татьяна Толстая) [29], «Дневник Святослава Логинова» (Святослав Логинов) [25]. Конструкция «как объяснять картины мертвому зайцу» (Макс Фрай) [31] формально является безличным предложением, каждое слово которого отделено точкой посередине строки. «А. Тюрин. Киберпанк по-русски» (Александр Тюрин) [30] сочетает в себе формально 2 части, разделенные точкой.

Перейдем к характеристике содержательной стороны данных заглавий. Заголовок, являясь сильной позицией текста, характеризуется автосемантической, которая понимается как содержательная независимость и самодостаточность. Как мы уже говорили, к сильным позициям относятся заглавия. Однако «сильная позиция может быть и не самопонятна, будучи всегда семантически автономной» [12. С. 91]. Такая двойственность значительно проявляется в анализируемых нами заглавиях. Следует отметить, что только в трех блогах мы можем найти указание на авторство, которое присутствует в основном заглавии: «Официальный блог Олега Роя», «Дневник Святослава Логинова», «А. Тюрин. Киберпанк по-русски», в том числе латинский вариант имени автора («tanyant»). Остальные заглавия включают в себя интересы автора блога («Любовь к истории»), метафорические формулы («Приемный Покой Доктора Пиллюлькина», «Бивак погонщика леммингов», «Записки отставного капитана Темного Воинства»), «как объяснять картины мертвому зайцу»), собственную оценку («Худший из лучших»).

Следует отметить, что профиль автора, присутствующий в блоге, также может дать информацию об авторстве. Некоторые исследователи считают необходимым говорить о тесной связи автора с заглавием произведения [20] в рамках структуры заголовочного комплекса. Как правило, при переходе в блоге по гиперссылке с именем автора (вариант – гиперссылка «User info», «Об авторе» и т. п.) мы узнаем дополнительную информацию, в которой представлены интересы автора, его увлечения, перечень других блогов, автором которых он является, список друзей со ссылками на их блоги и так далее, в зависимости от сервиса блога, а также желания автора указывать о себе ту или

иную информацию). Однако ни в одном из указанных блогов в данном разделе не указана прямая информация об авторах (в том числе и в тех блогах, где нет информации об авторстве в заглавии). Вероятно, это связано с творческой натурой писателей, их известностью в широких кругах. Тем не менее это значительно затрудняет обнаружение в сети блога того или иного писателя. Часто его можно найти только в сводных списках на других сетевых ресурсах или перейти в блог по ссылке с официального сайта писателя.

Т. Ю. Кизилова отмечает: «...Обладая большей формальной (и функциональной) обособленностью, подзаголовки обладают большими возможностями как со стороны структурной организации (произведения – прим. А. Ц.), так и в содержательном плане (представления о жанре, стиле, композиции, тональности произведения)» [7. С. 57]. Можно сделать вывод, что писателями несколько недооценены возможности подзаголовка, так как только 2 из всех блогов имеют его: «Не только йод и касторка! Мы идем в ногу со временем. Будут и клизмы!» (Сергей Лукьяненко), «Олег Рой. Судьба дает шанс поРой» (Олег Рой). В заглавии и подзаголовке блога С. Лукьяненко содержится развернутая метафора, указывающая на критическое отношение автора к действительности. В философском подзаголовке блога О. Роя обыгрывается фамилия автора «поРой», присутствует рифма: Рой – порой.

Рассмотрим заголовочные комплексы мартовских записей 2013 г., обозначенных в работе десяти блогов. Можно выделить 2 большие структурные группы: предикативные и непредикативные конструкции. В рамках данных групп выделим ряд структурных подгрупп.

I. Непредикативные конструкции.

1. Номинативные конструкции (главным словом является существительное или субстантивированное прилагательное; 65).

а) Нераспространенные номинативные конструкции (имя существительное в именительном падеже) (N).

б) Распространенные в препозиции и постпозиции номинативные конструкции (словосочетание во главе с существительным в именительном падеже) (N+).

в) Главное слово – субстантивированное прилагательное.

2. Адвербиальные конструкции (во главе конструкции наречие; 4).

3. Местоименные конструкции (главное слово – местоимение; 2).

4. Нумеральные конструкции (в конструкции во главе стоит числительное; 4).

5. Осколочные конструкции (часть предложения (например, придаточное предложение), одиночные существительные в косвенных падежах во главе конструкции, предложно-падежные сочетания, а также заглавия, включающие конструкции с формами сравнительной степени, междометные конструкции, 11).

II. Простые (элементарные) предикативные конструкции.

1. Verb/ Verb + (отглагольные конструкции, 13).

а) Реальный план.

б) Ирреальный план.

2. Субъект + предикат (16).

III. Сложные (неэлементарные) предикативные конструкции.

1. Фраза (16). Под фразой в нашей работе понимается смысловое единство, целостность которого создается интонационными средствами (объединяющей фразовой интонацией того или иного типа и паузами, отделяющими данную фразу от соседних), а также определенной синтаксической структурой [11. С. 558].

2. Сложное синтаксическое целое (ССЦ) (8). Под ССЦ в нашей работе понимается фрагмент текста, сегментированного на ряд дискретных единиц [11. С. 435]. Связь между дискретными единицами ССЦ (анафорическая и катафорическая) обеспечивается общностью заданной темы, развертыванием части предшествующей части в последующей, всеми видами тематической прогрессии, перифразами, повторной номинацией, разделительными паузами между ССЦ, порядком слов, местоимениями, синтаксическим и ритмическим параллелизмом [11. С. 435].

Отдельно мы выделили иноязычные конструкции (4), так как они не являются типичными для русскоязычной блогосферы, а грамматические явления другого языка не всегда соотносятся с грамматическими явлениями русского языка).

1:32p – On writing :) (Дивов, 14)

kummer, oooh kummer (Фрай, 9)

надобраніч (Фрай, 19)

praha (Фрай, 4)

С точки зрения семантики можно выделить 4 основные группы конструкций, являющихся частью заголовочного комплекса дискуссионных блогов. Параллельно с характеристикой

семантических групп рассмотрим процентное количество структурных групп, конструкции которых в большей степени содержат ту или иную семантику.

1. Бытийная (предметная) семантика (36 %).

– Лексика с предметным значением, обозначающая конкретные предметы окружающего мира.

– Как правило, во главе конструкций с бытийной семантикой стоят конкретные существительные.

– Обозначается существование предмета в определенном фрагменте мира.

– Лексика, представляющая сферу знаний о мире.

Следует отметить, что к данной семантической группе в большей степени относятся номинативные конструкции (80 %). Это связано с тем, что лексика с предметным значением, как правило, представляет собой имена существительные, являющиеся центром обозначенной этой структурной непредикативной группы.

2. Признаковая (в т. ч. предикативная) семантика (41 %).

– Лексика, обозначающая признаки предмета, в т. ч. признаки по действию.

– Признак может быть выражен прилагательным, причастием, глаголом, наречием.

Большой процент (45 %) среди структурных групп, содержащих данную семантику, принадлежит непредикативным номинативным конструкциям, распространенным в препозиции и постпозиции. Так как во главе словосочетания подобных конструкций существительное, то с ним в паре обычно находится прилагательное или причастие, обозначающее признак предмета. Также данная семантика присутствует в простых предикативных конструкциях, в состав которых входит субъект и предикат (31 %). В данных примерах семантика является предикативной.

3. Модальная семантика (20 %).

– Предикативный признак, проявляющийся во времени и/ или в том или ином отношении к действительности.

– Лексика экспрессивно-оценочная.

– Конструкции вопросительные, восклицательные.

– Использование многоточия как средства недосказанности.

– Использование слов, прописанных заглавными буквами.

– Наличие эксплицитно выраженной оценки чего-либо.

Модальная семантика в приоритетном количестве содержится в простых предикативных отглагольных конструкциях схемы Verb/ Verb + (52 %). В центре данных конструкций глагол, при помощи которого выражается реальный или ирреальный план. Также модальная семантика присутствует в ряде осколочных конструкций, содержащих в себе оценочное значение или отношение автора к действительности (20 %).

4. Абстрактная семантика (3 %).

Данную семантическую группу представляют все местоименные, нумеральные и некоторые осколочные конструкции, содержащие в себе междометия.

Опираясь на процентное соотношение, можно сделать вывод, что преобладающее количество конструкций содержит признаковую семантику (41 %).

Примеры заголовков записей блогов писателей представлены ниже (табл. 1 и табл. 2).

Таким образом, многообразие исследовательских выводов, связанных с природой заголовка и его статуса, порождают большое количество различных классификаций, в основе которых представлены структурные, семантические, прагматические аспекты. Большая часть данных классификаций осуществляется на основе художественных или публицистических произведений. Однако активные темпы развития информационных технологий создают возможность изучения относительно новой среды, которой является блогосфера.

В связи с этим представляется необходимым выделить четкую классификацию и произвести характеристику структурных элементов заголовочного комплекса блогов, являющихся значимой частью гипертекста блога. Так, на примере жанра дискуссионных блогов (а именно блогов известных писателей) была выделена новая система структурных и семантических типов конструкций, лежащих в основе заголовочного комплекса блога.

Выделение структурных типов отражает неоднозначность природы заголовка, который часто формально соотносят с традиционными синтаксическими единицами (предложениями). Семантические типы, рассмотренные в структурных группах конструкций, позволяют увидеть более полную картину соотношения формы выражения и содержания элементов заголовочного комплекса дискуссионных блогов.

Таблица 1

Непредикативные конструкции

Семантич. значение	Непредикативные конструкции						
	Номинативные			Адвербиальные	Местоим.	Нумер.	Оскол.
	Нераспр.	Распростр.	Субстантив.				
Бытийная (предмет.) семантика	Кипр (Л., 19) ПОЕЗД (Р., 14) ФОТОСЕССИЯ (Р., 29)	Помощь зала (Проект «ИРГ») (А., 30) констатация двух фактов (Ф., 1)	–	–	–	–	О сладком (Л., 20) О Сталине и Мао (Г., 5)
Признаковая (в т.ч. предикативн.) семантика	–	удивительная тайна (Ф., 20) Занимательная этимология (Г., 25)	ледяная, лубяная (Ф., 11) Аэрофлотовское (Л., 20) Среднехольный (Л., 2)	КОРОТКО О ГЛАВНОМ (Г., 17)	–	–	дома, ночью, по уши в делах, с предвкушением (Ф., 3)
Модальная семантика	Облом (Г., 25)	–	–	Радостно? Грустно? (Г., 4)	–	–	Вне логики (Г., 23) Что за бред? (Л., 21)
Абстрактная семантика	–	–	–	и еще (Ф., 6)	меж тем (Ф.) ну или, скажем, так (Ф.)	6:28р (Д, 2) 8:44р (Д, 4)	Туп-туп (Лог., 12)

Таблица 2

Предикативные конструкции

Семантич. значение	Предикативные конструкции			
	Простые		Сложные	
	Отглагольные конструкции	Субъект+предикат	Фраза	ССЦ
Бытийная (предметная) семантика	–	–	«Эстафета помощи»: Даша Кравчукова (А., 4)	«Эстафета помощи». День третий (А., 6)
Признаковая (в т.ч. предикативн.) семантика	–	Как я обиделся (А., 1) Шотландцы не носят носков! (Л., 21)	= ПОСТ: ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ = (Р., 18)	= ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ * ПОЕЗДКА В ПАРИЖ = (Р., 5)
Модальная семантика	Не люблю Бонапарта (А., 15) Старею! (Л., 1)	–	Мне кажется, это куда важнее кипрских конфискации (Л., 21)	ЕСТЬ ИЛИ НЕ ЕСТЬ? ВОТ В ЧЁМ ВОПРОС! (Р., 2)
Абстрактная семантика	–	–	–	–

Список литературы

1. Богданова, О. Ю. Заголовок как элемент текста // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2007. № 1. С. 116–119.
2. Веселова, Н. А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998. 236 с.
3. Виноградов, В. В. История слов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asf.ru/docs/wordhist/zaglavie.html>.
4. Выготский, Л. С. Психология искусства. М., 1968. С. 204.
5. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2007. 144 с.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Современное написание : в 4 т. М., 2009. Т. 1. А-З. 576 с.
7. Кизилова, Т. Ю. Способы выражения авторской оценки в заглавии и речи персонажей: на материале современной английской и американской литературы : дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 170 с.
8. Кожина, Н. А. Семантика и структура заголовка. М., 1984. С. 56-62.
9. Комаров, Е. Н. Ценностные ориентиры в заголовках французских и российских средств массовой информации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 20 с.
10. Лазарева, Э. А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия // Изв. Урал. гос. ун-та. 2006. № 40. С. 158–166.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М., 2002. 709 с.
12. Лукин, В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М., 2005. 560 с.
13. Новиков, А. И. Семантика текста и его формализация. М., 1983. 215 с.
14. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2010. 736 с.
15. Попов, А. С. Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие // Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966. С. 95-166.
16. Прохорова, К. В. Совокупный заголовочный текст как разновидность газетного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 21 с.
17. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999. Т. 1. А-Й. 702 с.
18. Траченко, О. Н. Стилистические характеристики заглавия как знака текста в синтагматике и парадигматике (на материале современного англоязычного рассказа) : дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984. 219 с.
19. Фатина, А. Ф. Функционирование заголовочных комплексов в современной российской газете (стилистика-синтаксический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 24 с.
20. Федорова, Т. Роль заголовочного комплекса в изучении художественных произведений [Электронный ресурс]. URL: <http://ipk.68edu.ru/component/content/article/40-2010-05-31-12-33-20/429-rus-yaz-i-lit.html>.
21. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2007. 1248 с.

Источники

22. Акунин, Б. Любовь к истории [Электронный ресурс]. URL: borisakunin.livejournal.com.
23. Громов, А. Бивак погонщика леммингов [Электронный ресурс]. URL: lemming_drover.livejournal.com.
24. Дивов, О. Худший из лучших [Электронный ресурс]. URL: <http://divov.livejournal.com>.
25. Логинов, С. Дневник Святослава Логинова [Электронный ресурс]. URL: sv_loginow.livejournal.com.
26. Лукьяненко, С. Приемный Покой Доктора Пилулькина [Электронный ресурс]. URL: dr_piliulkin.livejournal.com.
27. Рой, О. Официальный блог Олега Роя [Электронный ресурс]. URL: roy_oleg.livejournal.com.
28. Перумов, Н. Записки отставного капитана Темного Воинства [Электронный ресурс]. URL: captain_urthang.livejournal.com.
29. Толстая, Т. Tanyant [Электронный ресурс]. URL: tanyant.livejournal.com.
30. Тюрин, А. Киберпанк по-русски [Электронный ресурс]. URL: tyurin.livejournal.com.
31. Фрай, М. Как объяснять картины мертвому зайцу [Электронный ресурс]. URL: chingizid.livejournal.com.

А. Д. Чиркасова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЕННОГО КРИПТОТИПА «АГЕНТИВНОСТЬ/ НЕАГЕНТИВНОСТЬ» В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Рассматриваются семантические парадоксы модифицирующего именного криптотипа «агентивность/ неагентивность», возникающие в условиях языковой игры, и причины, порождающие их. Исследование проведено на материале текстов современных периодических изданий.

Ключевые слова: агентивность/ неагентивность, криптотип, парадокс, языковая игра.

Языковая игра – лингвальный феномен дискурса, подразумевающий «творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/речевой, в том числе – стилистической, речеповеденческой, логической нормы) использование любых языковых единиц и/ или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера» [10. С. 86]. Одним из языковых средств, в котором это речевое явление заключено, является скрытая категория (криптотип) – «семантические и синтаксические признаки слов или словосочетаний, не находящие явного (эксплицитного) морфологического выражения, но существенные для построения и понимания высказывания, в частности, потому, что они оказывают влияние на сочетаемость данного слова с другими словами в предложении» [8. С. 457–458].

Скрытая категория агентивности/ неагентивности именных групп (ИГ) относится к числу модифицирующих в связи с переменностью своего значения для данной единицы. Она характеризует высказывание в целом и дает информацию о субъекте высказывания: является ли он только Агенсом или только каузатором действия, совершаемого в его интересах, или ложным Агенсом при глаголе, не предполагающем наличие субъекта.

Исследуемая нами в публицистических текстах категория тесно взаимодействует с другими криптотипами. Так, изменение категории контроля с ограничением функций Агенса наблюдаем в следующем примере: *В этом случае мы вынуждены просыпаться и работать на два часа раньше, чем включается каждый наш орган. А если заставлять их работать совсем по другому времени, не по биоритмам, то они быстрее изнашиваются* [2]. Предикат *просыпаться* («очнуться ото сна; пробудиться» [11. С. 1027]) является действием неконтролируемым.

При аномальном воздействии ближайшего окружения (*вынужденный* – «совершаемый по принуждению или по необходимости, в зависимости от каких-либо обстоятельств» [10. С. 176]) происходит его угасание, так как есть воздействие извне. Люди, о которых идет речь в статье, перестают быть полноправным Агенсом указанного действия. Истинный субъект действия находится за кадром. В этом же примере можно увидеть и другой факт смены признака контроля: органы человека работают независимо от чьего-либо желания и воли, но в сочетании с *заставлять* («принудить сделать что-либо, поступить каким-либо образом» [11. С. 347]) они также теряют свою агентивность.

«Агентивность/ неагентивность» связана с наличием/ отсутствием волевого начала у ИГ, что можно проследить в диктете *Они не могут, да в большинстве своем и не хотят знать, куда уходят их налоги* [5]. В первой части фразы действие (*не мочь*) («быть в состоянии, в силах что-либо сделать» [9]) является неконтролируемым. И. Б. Шатуновский связывает данный признак с понятием воли – способностью выбора, способностью выбирать, «поскольку выбор предполагает наличие альтернатив... С волей неразрывно связана свобода – возможность выбора из нескольких альтернатив» [12. С. 285]. Таким образом, *Они* (простые люди) не являются полноправным Агенсом данной диктеты. Однако во второй ее части ситуация резко меняется, так как предикат *хотеть* («испытывать желание, охоту, ощущать потребность, необходимость в чем-либо» [9. С. 622]) предполагает наличие выбора и придает личному местоимению, заменяющему имя существительное, признак агентивности. В рамках данной фразы наблюдается семантический синкретизм Агенса, так как одновременно сосуществуют две противополо-

ложные черты личных существительных: «наличие» и «отсутствие волевого начала» и присутствие и отсутствие признака агентивности.

Субъектом и объектом действия диктемы *В худшем случае мы победим до конца только свою собственную страну* [6] оказывается лексема *мы* в значении «группа лиц, включая говорящего» [11]. Это отражает в комплексе смысл всей фразы и в частности местоимение *свой* и прилагательное *собственный*, обладающие устойчивым признаком определенности и отнесенностью к «нашему», к России.

Опять бедный Гиппократ вертится пропеллером в своем языческом гробу, едва ли не поминутно поминаемый в СМИ и на просторах Сети [5]. Значение предиката *вертеться* («совершать круговые движения, вращаться, кружиться» [9. С. 153]) несет в себе признак «+контроль» и представляет в качестве субъекта называемого действия *Гиппократа*. Но лингвальная пресуппозиция отсылает читателя к известному фразеологизму *В гробу перевернулся бы (или перевернется)* («о чем-либо что противоречило бы взглядам, установкам умершего, что вызвало бы его негодование, гнев и т. п.» [9. С. 50]). Итак, Гиппократ выступает квази-Агенсом, реальным же субъектом действия оказываются СМИ и Сеть (Интернет), и предложение не может быть преобразовано в инфинитивное (с изменением стилистической окраски и привнесением смысла «интенсивного и внезапного приступа к действию»), так как описывает неактивное действие [1. С. 339–343].

В диктеме *Четыре года назад на волне успеха Евро-2008 сразу целую группу футболистов сборной России вынесло из застоявшегося пруда отечественного чемпионата на большие европейские просторы* [4] словосочетание *группа футболистов* выступает как Пациенс, чему способствует безличная конструкция предложения. Но при обращении к экстралингвальным знаниям (спортивные достижения России) эта фраза оказывается парадоксальной, так как спортсмены были полноправным Агенсом сложившейся ситуации и благодаря своим усилиям достигли нового уровня в спорте. Все предложение функционирует в качестве агентивного, что доказывается его возможностью сочетаться с инфинитивом или обстоятельством цели [1].

Говорение – неотъемлемая черта человека, контролируемая им. Но во фразе *Случилось счастье – народ вышел на площадь! Пока не заговорил. Говорит не он, за него говорят* [7] ано-

мальное сочетание *за него говорят* указывает на реальное бесправие народа, лишение его выбора из-за отсутствия альтернатив и аннулирование агентивности в связи с отсутствием права на собственное мнение и декларацию его.

М. Д. Прохоров, кандидат в президенты, проводил активную предвыборную кампанию и в соответствующем контексте должен быть представлен Агенсом. Но в газете «Комсомольская правда» отражена другая ситуация – «*Правое дело*» *решилось было на сильный ход – пригласило в лидеры олигарха Прохорова* [3] – известный политик «лишен» агентивности, так как лексема *лидер* («глава, руководитель политической партии, профсоюза и т. п.» [9. С. 182]) предполагает самовыдвижение, однако при сочетании ее с предикатом *пригласить* («предложить кому-либо сделать что-либо, принять участие в чем-либо, заняться чем-либо» [9. С. 240]) эта характеристика утрачивается, а наименование политического деятеля берет на себя семантическую роль Пациенса, потому что как Агенс лишается волевого начала.

Итак, трансформации исследуемого крипто типа в языковой игре на страницах периодики идут в двух противоположных направлениях: от агентивности к неагентивности и наоборот. При этом данные преобразования имплицитных смыслов часто происходят в комплексе с изменениями других скрытых категорий: 1) *агентивность + воля + личность*; 2) *агентивность + контролируемость + воля*; 3) *агентивность + контролируемость*; 4) *агентивность + определенность*. В случае взаимодействия с предикатными крипто типами наблюдается прямая зависимость с агентивностью диктемы: потеря агентивности при актуализации признака – *контроль* и отсутствии волевого начала, и наоборот. Категория определенности, как правило, указывает на Агенса За кадром. Кроме того, при функционировании крипто типа *агентивность/ неагентивность* нами были отмечены два вида синкретизма: 1) *актантный* (совмещение в одном участнике ситуации ролей Агенса и Пациенса) и 2) *крипто типный* (актуализация в одной ИГ сразу двух коррелятивных значений – наличия и отсутствия волевого начала).

Список литературы

1. Булыгина, Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 320–355.
2. Комсомольская правда. 2011. 1 окт.

3. Комсомольская правда. 2011. 24 нояб.
4. Комсомольская правда. 2012. 2 фев.
5. Литературная газета. 2011. 16 нояб.
6. Литературная газета. 2012. 1 фев.
7. Литературная газета. 2012. 29 фев.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
10. Сковородников, А. П. О понятии и термине «языковая игра» // Филолог. науки. 2004. № 2. С. 79–87.
11. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2008.
12. Шатуновский, И. Б. Семантика предложений и нерелевантные слова. М., 1996.

К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧИЯХ И СХОДСТВЕ МИРОВОСПРИЯТИЯ ФРАНЦУЗОВ И ИТАЛЬЯНЦЕВ (на основе фразеологизмов с именами собственными)

Рассматриваются французские и итальянские фразеологизмы с именами собственными литературных персонажей или исторических личностей, которые могут перейти в другой язык со значительными изменениями в объеме создаваемого им образа либо остаться достоянием создавшего их народа в зависимости от степени близости культур двух сообществ, общности их истории и взглядов.

Ключевые слова: национально-культурная коннотация, имя собственное, фразеологизм, имя нарицательное.

Язык является формой выражения национально-специфических компонентов культуры. По образному выражению В. Гумбольдта, «каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он вступает в круг другого языка» [1. С. 58]. В то же время язык является не только средством получения большей части сведений о культуре и познавательных процессах, но и основным фактором, характеризующим мыслительные процессы. Особенно взаимосвязь языка и культуры заметна во фразеологизмах (далее – ФЕ) с именами собственными (далее – ИС).

В контексте пословиц и поговорок функции ИС часто не ограничиваются именованием определенного предмета. Основное значение собственного имени расширяется за счет различных смысловых оттенков. Это значит, что в пословицах и поговорках ИС выступает в более обширной функции, продиктованной особенностями контекста. В пословицах и поговорках происходит трансформация значения имен собственных. Как отмечает Ю. А. Рылов, первоначальное значение ИС (то есть указание на соотнесенность собственного имени с каким-либо предметом, его именование) заглущается различными сторонами энциклопедического знания, активно вступающими в формирование семантики выражения в целом.

Имена собственные не только образуют свою собственную систему, но и интегрированы в лексическую систему языка в целом, поэтому они по-разному функционируют в разных языковых системах и соответствующих социумах. Антропологическая система каждого языка образует замкнутую систему и имеет свои правила функционирования. Также как и

другие элементы лексики, ИС не могут быть правильно интерпретированы и изучены вне их системы.

Мотивы употребления собственных имен в пословицах и поговорках разных народов часто не совпадают. Каждому народу присущи свои специфические черты, а это, в свою очередь, накладывает отпечаток и на его фольклорную традицию. Для ФЕ с ИС, метафорически ассоциируемых с каким-либо человеком, особую значимость приобретает коннотативное значение, то есть такие элементы значения, которые дополнительно несут информацию о существенных свойствах и признаках объекта. Таким образом, чтобы понять, какой именно смысл вкладывают носители языка в ту или иную ФЕ с ИС, необходимо восстановить тот фон, тот остающийся за текстом факт, ассоциативная связь с которыми придает дополнительную художественную окраску ФЕ с ИС.

Анализ фразеологизмов с именами собственными позволяет проследить за принципами отбора народом собственных имен в эти конструкции. Проанализировав имеющиеся во французском и итальянском языках ФЕ с ИС, можно сделать вывод, что причины включения ИС в ФЕ могут быть следующими.

1. Имена собственные принадлежат конкретным историческим личностям, выделившимся по каким-либо качествам своего характера. Значения таких собственных имен не всегда прозрачны. Реконструкция значения многих ИС требует специального исследования. Примером фразеологизма, в составе которого есть имя конкретной исторической личности, является французская пословица *se chauffer à la cheminée du roi René* (досл.: *греть-*

ся на печке короля Рене, то есть греться на солнце). «По преданию, Рене Прованский любил греться на солнце» [3. С. 114]. Приведем в качестве примера включения во фразеологизмы имен собственных людей, оставивших след в истории, итальянский фразеологизм *dopo Nerone, ne vien un peggiore* (досл.: *после Нерона может появиться кто и похуже*). В данном выражении имеется аллюзия на жестокость римского императора Нерона. «По легенде, гуляя, император встретил прядильщицу БERTУ, которая пожелала ему долгих лет жизни. Однако монарху было известно о нелюбви народа, и он спросил о причине такого пожелания. На это девушка ответила: “После одного тирана приходит кто-то еще хуже”» [4. С. 416]. Смысл выражения состоит в том, что уж лучше знакомое зло, чем что-то неизвестное. В обоих приведенных примерах без реконструкции прецедентной ситуации невозможно понять смысл выражения.

2. Имена собственные в составе фразеологизмов связаны с историческими событиями, прошлым народа. В основном речь идет о топонимах. Например, во французском языке *le soleil d’Austerlitz* (солнце Аустерлицца – символ военной победы) речь идет о победе армии Наполеона в сражении при Аустерлице. Итальянский фразеологизм *strillare come un’oca del Campidoglio* (досл.: *галдеть, как капитолийские гуси*, которые своим криком разбудили стражников и тем самым спасли Рим от захватчиков) также включает в себе аллюзию на исторический факт, имевший место на самом деле.

3. Имена собственные могут быть названиями племен, народов, в образе жизни, характере мышления которых были подмечены какие-либо особенности. С помощью фразеологизма им дается оценка – положительная или отрицательная. Например, французская ФЕ *être avare comme un Auvergnat* (досл.: *быть скупым, как житель региона Овернь*) указывает на стереотипное представление о жителях этого региона Франции. В итальянской пословице *al Francese un’oca, allo Spagnolo una rapa* (досл.: *француз – гусь, испанцу – репу*) есть аллюзия на неприхотливость в еде испанцев и богатые кулинарные традиции французов.

4. Имя собственное подбирается по созвучию с основной рифмой фразеологизма. Образность достигается с помощью особой ритмической организации. Например, французская ФЕ *c’est juste, Auguste!* (досл.: *точно,*

вот именно, Огюст!), итальянская ФЕ *Adagio, Biagio!* (досл.: *осторожно, Биаджо!*).

Закрепляясь в речи за конкретным лицом с его индивидуальными свойствами, имена собственные превращаются в индивидуальные имена собственные с уникальным набором признаков и богатым содержанием. Имена собственные не только имеют глубокую национально-культурную специфику, но и связаны с восприятием мира и определенным образом отражают его познание. При составлении списка французских и итальянских ФЕ с ИС, обладающих национально-культурной коннотацией, были обнаружены устойчивые выражения, в состав которых входят одни и те же имена, однако в такие выражения вкладывается совершенно разный смысл, и они трактуются представителями французского и итальянского лингвокультурных сообществ по-разному. Другая группа заимствованных фразеологизмов – те, значение которых не изменяется, а интерпретация имен собственных не переосмысливается. Далее приведены примеры, иллюстрирующие разную или аналогичную интерпретацию одних и тех же ФЕ с ИС представителями разных национальностей.

Проведенный анализ итальянских фразеологизмов показал, что в Италии необычайно популярны персонажи-маски комедии дель арте: *Pulcinella, Pantalone, Balzone, Granduia, Arlecchino, Brighella, Colombina*, и др. Эти имена стали нарицательными, своеобразными когнитивными концептами определенного типа человека. И это отражается в том, что имена данных персонажей входят в состав многих фразеологизмов. Ни в русской, ни во французской культуре не существует театра масок, подобного итальянской комедии дель арте. Однако были обнаружены и такие ФЕ с именами масок итальянского национального театра, которые были заимствованы французским или русским языками.

Так, знаменитая неаполитанская маска *Pulcinella* (человек, одетый в белую рубашку, штаны и характерный берет) – символ болтливости и невоздержанности на язык, непостоянства во взглядах и беспорядка в мыслях, что нашло отражение в ряде идиом: *il segreto di Pulcinella* (*секрет Пульчинеллы*, то есть *тайна, известная всем*), *fare il Pulcinella* (*менять взгляды*), *finire come le nozze di Pulcinella* (досл.: *закончиться как свадьба Пульчинеллы*, то есть *беспорядком и потасовкой*). В Россию этот персонаж попал из Франции, что объясняет произношение на

французский манер данного имени – *Полишинель* (*Polichinelle*) и несовпадения в объеме образа: в России и во Франции этот персонаж известен только по фразеологизму *le secret de Polichinelle* («секрет Полишинеля»). По нашему мнению, несовпадение в объеме коннотаций связано именно с тем, что в России и во Франции не столь известен итальянский театр масок и его персонажи, ведь это национальный театр именно Италии. Поэтому при заимствовании во французском языке произошла потеря некоторых свойств, присущих данному персонажу.

Другая, уже венецианская, маска *Pantalone* в нашей стране также не столь известна, и это имя в русском языке не употребляется во фразеологических оборотах. Для итальянцев Панталоне – благодетельный ворчун, образ, ставший символом человека, которому постоянно приходится расплачиваться за ошибки других: *tanto chi paga è sempre Pantalone; paga Pantalone* (всегда платить мне, за ошибки правительства платит народ) [4. С. 376]. Однако во французском языке также существует ФЕ с именем этого персонажа: *à la barbe de Pantalon* (досл.: *под бородой у Панталоне*, то есть под носом у к.-л.; несмотря на ч.-л. присутствие). Здесь необходимо отметить, что, несмотря на то, что смысл у фразеологизмов разный, образ в итальянском и во французском языке остается один и тот же: добродушный человек, которого постоянно обводят вокруг пальца из-за его наивности и доверчивости. Однако в итальянском языке внимание заостряется на том факте, что за чужие ошибки расплачиваться приходится Панталоне, а во французском – на том, что его все «надувают». Схожесть образов, на наш взгляд, можно объяснить близким контактом двух культур и схожим восприятием действительности.

Другой пример, *Arlecchino* – маска из Бергамо, в одежде из разноцветных ромбов; это симпатичный, неунывающий шутник, в то же время человек несерьезный, часто меняющий свое мнение; отсюда выражения: *essere vestito come un Arlecchino* (одеться в пеструю одежду или в несколько нарядов одновременно), *fare l'Arlecchino* (вести себя несерьезно), *discorso d'Arlecchino* (бессвязная речь), *essere un Arlecchino* (не держать слово, быть слабохарактерным). В России в настоящее время «Арлекин» – скорее трагическая, двойственная фигура, за шутками которой скрываются слезы.

Во французском языке имя собственное *Arlequin* в составе фразеологических оборотов

не встречается. Оно входит лишь в словосочетание *habit d'Arlequin* (досл.: *одежда Арлекина*) – о чем-то, состоящем из лоскутков, разнородных частей (что совпадает с итальянским языком).

Как видим, имена одних масок перешли во французский и русский языки, обычно со значительной модификацией характеристики маски и ее связей с другими масками, названия же других – в языковом смысле – остались достоянием итальянского языка. Некоторые персонажи итальянской комедии масок часто становились известными в России благодаря французскому посредничеству, что дает возможность сделать вывод о тесном контакте трех культур (французской, итальянской, русской).

Особое место занимают фразеологизмы с именами исторических персонажей. В этом случае представители различных культур могут по-разному оценивать заслуги и вклад в историю того или иного правителя, политика, любой видной исторической личности. Например, во французском языке в выражениях, связанных с фигурой Карла Великого, можно отметить следующие черты: значимость для французской истории (Карл Великий до самой смерти сохранил все свои завоевания, предпринимал попытки возродить традиции классической латинской поэзии, привнося в европейские страны латинский язык, покровительствовал наукам и искусству): *être sorti de la côte de Charlemagne* (дословно: *выйти из ребра Карла Великого*, то есть слишком много мнить о себе, задаваться); расчетливость, здравый смысл, дальновидность: *faire Charlemagne* (досл.: *поступать, как Карл Великий*; значение данного выражения: выйти из игры после выигрыша) [3. С. 65]. В итальянских же фразеологизмах с данным именем собственным акцент делается на не всегда логичном поведении короля, который ради побед шел на многочисленные жертвы со стороны народа: *farne più di Carlo in Francia* (досл.: *натворить больше дел, чем Карл во Франции*, то есть наделать столько дел, сколько битв провел Карл Великий; совершить много странных поступков); *alla Carlona* (досл.: *на манер Карла*, то есть кое-как, небрежно. *Carlo Magno* в поздних рыцарских рассказах предстает как символ грубости и простоты) [4. С. 10].

Таким образом, на основе подобных фразеологизмов можно сделать выводы о том, как относятся представители той или иной наци-

ональности к историческому персонажу, как оценивают его поступки с позиции вклада в историю и благополучие своей страны.

Список литературы

1. Гумбольдт, В. фон Язык и философия культуры. М., 1985. 448 с.

2. Рылов, Ю. А. Очерки романской антропологии : монография. Воронеж, 2000. 163 с.

3. Назарян, А. Г. Почему так говорят по-французски. М., 1968. 341 с.

4. Ambra, F. *Proverbi italiani ordinati e illustrati*. Firenze, 1886. 459 p.

Н. С. Щербакова

СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО КОНФЛИКТА В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ДРАМЕ

Рассматривается духовно-нравственный конфликт в современной молодежной драматургии (на материале драматических произведений Златы Дёминой, Александра Архипова) – представителей младшего поколения уральской драматургической школы Николая Коляды. Исследуются две пьесы заявленных драматургов, объединенные в один спектакль – «На Пасху солнце танцует». Основными мотивами произведений являются мотивы евангельской любви, сострадания, награды и воздаяния, доминантный конфликт строится на антиномической оппозиции духовно-нравственного и бездуховного.

Ключевые слова: современная молодежная драма, пасхальный сюжет, пасхальное чудо, современная мистерия, мотив евангельской любви и сострадания, притча, доминантный конфликт духовно-нравственного и бездуховного.

В современной молодежной драматургии, погруженной в весьма специфические художественные решения жизненных проблем, рассматриваемых, как правило, под углом зрения постмодернизма, особое место занимают вопросы веры как жизненной основы. Более того, обращение к религиозной системе ценностей побуждает молодых драматургов к осмыслению компонентов христианской культуры и способов их освоения художественной словесностью.

«Пасхальный текст в русской литературе существует как самостоятельный пласт календарно-духовной словесности, наряду со святочным и рождественским текстами, и берет свое начало в фольклоре и древнерусской литературе» [5], современная драматургия обращается к системе координат православия, указывая на культурно-нравственные «провалы» духовной жизни молодежи.

При этом пьесы с пасхальным сюжетом – довольно редкое явление, даже исключительное. Причины «осторожности» в обращении к названному культурному контексту писателями лежат в плоскости адекватности постижения роли веры в системе координат юношества, с одной стороны, а с другой, – в специфике мировидения самих авторов. Более того, выстраивание драматургического конфликта, речевой фактуры персонажей, их системы с опорой на художественно-речевой и религиозно-речевой состав веры, – задача щепетильная. В настоящее время в жанре пасхальной пьесы пишут Александр Архипов и Злата Дёмина – представители молодого поколения «уральской драматургической школы» Николая Коляды, пи-

сателя, драматурга и режиссера, автора более девяноста трех пьес [4].

Единство творческой манеры З. Дёминой и А. Архипова обусловило рождение своеобразного театрального эксперимента. В 2007 г. в Челябинском Камерном театре состоялась премьера спектакля «На Пасху солнце танцует», поставленного по пьесам двух авторов («Бог любит» З. Дёминой [2] и «Дембельский поезд» А. Архипова [1]). «Говорят, на Пасху солнце танцует», – слова одной из героинь пьесы Дёминой «Бог любит», давшие название всему спектаклю. Жанр поставленной двухчастной пьесы обозначается как «современная мистерия». «Бог любит» и «Дембельский поезд» – близкие по стилистике, хронологу, типологии персонажей произведения, взаимообусловленные художественно-нравственные миры. Канонически в произведении, обозначаемом как «пасхальный текст», события разворачиваются в преддверии священных событий. Две изначально самостоятельные пьесы, будучи объединенными при постановке, приобретают уже принципиально новую внутреннюю форму. Кажется противопоставленным реальное и символическое художественное пространство двух частей новой пьесы: больница. В первой части больница-роддом, во второй – госпиталь, где умирают тяжелораненые солдаты. Экзистенциальное пространство Рождения-Смерти с их бытийно-аксиологическими смыслами лежит в основе драматургического конфликта, который актуализирует сакральные значения Пасхи как Воскресения Спасителя, Страстной седмицы как пути к смерти «Сына Человеческого». Земное и сиюминутное, бы-

товое и даже пошлое рассматривается в духовно-нравственной системе координат, когда образ матери и Материнства как божественного промысла и Материнства как высочайшей священной любви и страдания, которое в радость, объясняют драматическое и драматургическое наполнение образов героев в обеих («женской» и «мужской» частях). В пьесе «Бог любит» мужчины в действие практически не вводятся. Это эпизодические персонажи. З. Дёмина добивается, таким образом, эффекта *камерности, исповедальности* именно женского мира, соположенного Священно-вселенскому пространству. Внешне женщина здесь остается один на один с собой и с зарождающейся в ней жизнью, а внутреннее в ней зависит от ею осознаваемого собственного духовно-нравственного статуса, от внутреннего духовного зрения или духовной ее глухоты и слепоты. В «Дембельском поезде», наоборот, главные действующие лица – солдаты, лежащие в госпитале после боевых ранений. Главный женский образ здесь – воображаемый ими образ матери, проходящий магистральной линией через всю пьесу, образ той, что дала им жизнь, каждому и всем вместе.

В основе мистерии, в которую входят «Бог любит» и «Дембельский поезд» не просто лежит пасхальный сюжет. Все обязательные компоненты, считающиеся базовыми для произведений подобного свойства, – «притчеобразность, приуроченность к комплексу пасхальных праздников, спасительная функция, наличие пасхального чуда, счастливая развязка; система образов включает в себя образ Праведника, Грешника; основные пасхальные мотивы: всеобщая любовь, чудо перерождения, поиски пути, искупительной жертвы, покаяния, милосердия, страдания, дара, моления, бессмертия, раскаяния, и так далее [5]» — определяют внутренний строй постановки. В пьесе Дёминой «Бог любит» в больничной палате встречаются четыре женщины, разного возраста, характера, социального положения и жизненной судьбы. Встречаются они накануне важного события в их жизни, и отношение к этому у всех различное. Зрителю предъясняется своеобразный экзистенциально-инициационный духовно-нравственный «узел» проблем. По одной ситуации автор дает возможность судить о состоянии семьи в принципе, воспитания женщины сегодня, о «здоровье» общества и даже о том, что сейчас принято обозначать как «национальная безопасность». Именно по-

этому вторая часть является своеобразным зеркальным отражением, ибо «национальная безопасность» обозначена уже названием части «Дембельский поезд» тех, кто, кажется, отдал свой долг родине. В диалогах, размышлениях женщин, их откровениях зрителю «предъявлено» внешне узнаваемое, банально бытовое: кто-то из будущих мам с трепетом ждет ребенка, для кого-то появление малыша – обыденное дело, другие считают, что в их возрасте рожать абсурдно:

«**Рита.** В моем возрасте одни дуры рожают... У меня только жизнь начинается. Я не дура, гробить жизнь на какого-то ребенка. Сделаю аборт и уеду подальше отсюда».

«**Лена.** Вот, хочу сделать стерилизацию. Все, хватит. Пять детей, куда еще».

«**Галя.** Интересно, наши дети видят сны??? Может быть, они видят бога? Бог ведь дал им жизнь. Видят рай, то, с чего все началось. Ангелов. Видят то, к чему мы стремимся всю жизнь, и знают то, что мы желаем познать всю нашу жизнь. И мы когда-то в утробе матери видели эти сны. Только мы их забыли».

Галина воспринимается остальными как «не от мира сего», даже значение ее имени «безмятежность, ясность» указывает на особый ее статус в событиях драмы. Галина с греческого означает «спокойная, кроткая». Именно кротость и смирение – главные качества Галины в пьесе. Она выполняет в произведении знаковую роль – роль **Праведника**. Злата Дёмина говорит о главной героине: «Мне интересны странные люди с надломом в душе. Галя – именно такой персонаж. Она почти юродивая... Я хотела противопоставить Галю остальным героиням, в чем-то трафаретным типажам» [6]. Она находится вне «бытового пространства»: «кухонных» разговоров, ссор, обсуждений; она пребывает в абсолютно иной, духовной «зоне». Для того чтобы показать это противопоставление, Дёмина намеренно выписывает образы остальных героинь приземленными, лишенными душевно-духовного мира. Галя на протяжении всей пьесы будто разговаривает сама с собой, ее никто не слышит, для всех она странная. Для Гали ребенок – это чудо, дарованное Богом; остальные же героини считают иначе:

«**Галя.** Так страшно, когда лишаешь жизни ребенка. Он же твой, твой, родной. Пасха завтра. Ты сама не понимаешь, что творишь. Для матери ближе ребенка никого нет. Он живой. Живой маленький человечек. Он любит тебя».

Все делается по воле божьей. Бог дал тебе такое чудо.

Рита. Мне-то чо. Знаю я, как делается это чудо, не девочка».

<...>

Столкновение возвышенно сакрального в речи Галины и пошло-бытового в речи Риты метонимически разворачивают вопиющие проблемы современности.

«Гая. Бог помог вам, Ольга. Он любит таких, как вы. Не сломить которых ничем. Никакими несчастьями. Вы верили – вот и помог вам Бог. Счастливая вы.

Ольга. Ни при чем здесь Бог».

<...>

«Гая. А вы, что ни говорите, вам Бог помог. И родите точно в Пасху.

Лена. Ничего хорошего. На выходные выпадает. В праздники все нажгутся, кому охота роды принимать? А еще дежурные халтурят». Новый разворот диалога, в котором сталкиваются два диаметрально противоположных представления об одном и том же, важен для постижения доминантной линии драмы, которая выстраивается через разрешение конфликта пошлого, грубого, материального, даже низменно материального, мира и мира красоты и правды высшего свойства и бытийного состава.

Основной мотив в пьесе – мотив евангельской любви и сострадания. «Прочувствование» – характерный элемент пасхального текста» [5]. Галина, несмотря на все слова и поступки соседок по палате, любит их, не осуждает и сострадает им. Рита, решившаяся на аборт, является в пьесе антагонистом Гали и выполняет функцию **Грешника**. Важно отметить тот факт, что в пьесе отсутствует важный для евангельского содержания произведения мотив раскаяния и искупления, то есть остальные героини так и остаются в неведении своей греховности, но отсутствие «покаяния» выполняет важную функцию формирования психологического плана: поскольку априори оно долженствует быть, то его отсутствие вносит дополнительные эмоционально-семасиологические смыслы во внутреннюю форму как одной части, так и мистерию в целом.

«Пасхальный текст характеризуется набором ряда постоянных символов и деталей: колокольного звона, священного огня и воды, подарков (яйцо, кулич, пасхальный херувим), вербы, лестницы, восходящей в небо (арфа), чаши и креста» [5]. Эти элементы присутствуют в центральном, кульминационном моноло-

ге Галины, содержащем в себе всеобщую пасхальную радость:

«Гая. ...Вся церковь белая. Священники в белых рясах ходят по храму, кадят. Все стоят со свечками. И старики, и молодые. Все улыбаются. “Христос воскрес! Воистину воскрес!” Радость какая! Благодать на всех спускается. Священники будто не ходят, а подпрыгивают легко-легко. И поют так тихо-тихо. (Поет.) “Христо-ос воскресе из метрвы-ых. Смертию сме-ерть попра-ав”. Потом все громче... “И сущим во гробе-ех живо-от дарова-ав”. И вот уже весь храм поет. И ангелы поют над всеми. И так хорошо мне в эту минуту становится, все ликует внутри. Она присутствует! Она пришла! И все души радуются, и живые, и мертвые. Я смотрю в глаза Богоматери и слышу: “Христос воскрес! Мой сын воскрес из мертвых!”»

Пьеса заканчивается счастливой развязкой (счастливая развязка – один из элементов пасхального текста): Гая рождает мальчика в Пасху. Это событие является пасхальным чудом в пьесе. Из всей палаты только у Гали рождается ребенок: Рита делает аборт, у Ольги ребенок погибает, про Лену так и ничего не известно. Чудом оно является именно потому, что у Гали – самая сложная беременность и высокая угроза выкидыша, она рождает не в срок, в отличие от других героинь, беременность которых проходит без осложнений. Но Гая верит в чудо: «Все будет хорошо. Пасха же завтра». Функция пасхального чуда состоит в том, что «в момент его свершения человеческая жизнь наполняется смыслом» [5], как это происходит у Галины после рождения долгожданного ребенка:

«Гая (держит на руках ребенка). Смотрю на тебя и понимаю – сегодня моя жизнь кончилась. Я отдала ее тебе. И больше ничего мне не будет радостней твоей улыбки и тяжелее твоих слез. Бог дал мне счастье любить. Любить без остатка. Только эта любовь может сравниться с любовью к Богу».

Происходит рождение новой души для исцеления своей собственной – душеспасительная функция пасхального текста. Христос говорит: «Женщина, когда рождает, печаль имеет, ибо пришел час ее; когда же родит дитя, уже не помнит скорби от радости, что родился человек в мир». Сюжет пьесы носит притчеобразный, нравственно-философский характер. Отсюда смысл названия произведения «Бог любит»: Бог любит и дает чудо тому, кто верует в Него, и не оставляет тех, в ком сильна духовно-нравственная основа.

Таким образом, Злата Дёмина в пьесе «Бог любит» строит свое произведение на пасхальном сюжете, социально-психологический план пьесы опирается на доминантный конфликт духовно-нравственного и безнравственного, бездуховного: чудо материнства – ужас бездушия. Основным лейтмотивом здесь является мотив всеобщей любви и сострадания.

Пьеса «Дембельский поезд» А. Архипова стала уже классической пьесой-притчей о локальных российских конфликтах и войнах последних лет. Главные герои пьесы – Тихон, Ваня и Женя – солдаты, лежащие в госпитале после боевых ранений, мечтающие о дембельском поезде, который увезет их домой. Действие пьесы происходит накануне Пасхи. А. Архипов нигде не обозначает конкретное место действия «Дембельского поезда» – это обобщенное пространство: «Я писал пьесу и боялся, что ее поймут как историю о Чеченской войне. Этого больше всего не хотелось. У меня нет ни одного слова, которое указывало бы на место события» [3]. В «Дембельском поезде» также есть свой герой-праведник, перекликающийся с Галей из пьесы «Бог любит». Это Тихон. Неслучайно героя на самом деле зовут Тимофей, что с греческого переводится как «почитающий Бога». Он очень похож на Галину: тихий, странный, весь в себе, пишет письма матери, умершей три года назад. Но если в пьесе «Бог любит» линия религиозности Галины показана напрямую, в открытую, через реплики, то здесь это остается за сценой. Это показано лишь в первом эпизоде, когда Тихон подъезжает на инвалидной коляске к иконе, крестится, берет икону в руки, целует, и этой сцены уже достаточно, чтобы наметить характер Тихона. Важно отметить, что в отличие от пьесы «Бог любит», здесь отсутствует образ Грешника.

Главный женский образ здесь – образ матери, к которой постоянно обращаются герои в своих письмах:

«**Тихон** (пишет письмо). Значит, это стихотворение я придумал по мотивам военной жизни и местного быта. Посвящаю его Людмиле Николаевне – маме... Мама, я приеду скоро».

«**Женя** (начинает писать в воздухе воображаемое письмо.) Дорогая мама! Извини, что долго не писал. Часто представляю себе, как открываю родимую дверь. Меня на время в госпиталь отправили, на днях выписать должны. Пиши. Высылаю свою фотографию. Я снят рядом с танком 72-Б. Любящий тебя младший сержант Селезнев Евгений».

«Дембельский поезд» – пьеса-фантазмагория. Поначалу нам кажется, что мы следим за жизнью реальных, живых ребят, но концовка пьесы неожиданна: в день долгожданной выписки ребят звучит траурный марш, за дверью больничной палаты героев ждут три цинковых гроба. Герои пьесы с их мечтами, переживаниями оказались душами погибших ребят. В пьесе показана судьба каждого из солдат, их надежды, мечты. И в оппозиции жизни и смерти жизнь в «Дембельском поезде» все равно побеждает. Несмотря на ужасы войны, здесь все наполнено любовью к жизни. «Дембельский поезд» – пьеса контрастов: жизнь, творчество, любовь – грязь, смерть, боль, война. Как в современной жизни, в пьесе все переплетено: мечты и реальность, прошлое и настоящее, этот и тот свет, реальная земная жизнь – и жизнь того, кто покинул земные пределы. В каждой реплике героев – жажда жизни:

«**Женя**. ... А сегодня, пацаны, мне Ленка ночью снилась. Вся смешная такая, в косыночке. Руки ко мне тянет, плачет. От радости, наверное, что вернулся. Не могу больше, пацаны. Приеду домой, в шахту устроюсь, на рудник. «Жигуль» куплю, пылесос, на Ленке женюсь». Такие простые мечты не могут осуществиться – в этом трагизм жизни.

Кульминационная сцена в пьесе – сцена отъезда ребят на воображаемом дембельском поезде. Образ поезда – символ жизни, радости, света, дома. Герои понимают, что дембельский поезд никуда не поедет. Только к концу пьесы они осознают, что они умерли, их больше нет, теперь они знают, почему сюда не приходят письма и не отправляются отсюда, а дембельский поезд, на котором они мечтают уехать, – это поезд в небеса. Таким образом, возникает пространственная дихотомия, также свойственная пасхальному тексту, когда «происходит столкновение реальности с идиллией. Зачастую этот переход осуществляется через страстные муки. Стремление к идиллии приведет в итоге к свершению чуда» [5]. Герои в финале пьесы, в день Пасхи уезжают на небесном дембельском поезде в рай. Это событие в пьесе – пасхальное чудо, которое заслужили ребята за мученическую смерть: они были зверски убиты. Поэтому главная идея произведения: страдания воздаются, путь страдальца, взрастившего свою душу, ведет к вечному блаженству на небесах. Таким образом, главный мотив в «Дембельском поезде» – это мотив страдания, награды, любви и воздаяния.

Поскольку жанр двучастной пьесы определен как мистерия, катарсисная часть дается в рождении мальчика у Галины и смерти «мальчиков» в госпитале, потому что «смерть в земных пределах есть рождения в духовных»: «У Бога нет мертвых, у Бога все живы». «Ясность» такого вывода явлена тем, что в мистерии обязателен «грех» и нисхождение в ад, и раскаяние, и хотя бы самый первый шаг из ада. Отсутствие хотя бы одного мистериального компонента свидетельствует о том, что он вынесен за границы театрально-драматургического пространства в жизнь, он «поучителен» для зрителя.

Список литературы

1. Архипов, А. Дембельский поезд // Урал. 2004. № 5.

2. Дёмина, З. Бог любит // Урал. 2004. № 5.

3. ИА «Апельсин». «Дембельский поезд Александра Архипова» [Электронный ресурс] // [Apelcin.ru](http://apelcin.ru): информационное агентство. 2004. URL: <http://apelcin.ru/view/12526-dembelskij-poezd-aleksandra-arhipova.html>.

4. Коляда, Н. В // People su. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.people.su/55451>.

5. Николаева, С. Ю. Пасхальный текст в русской литературе XIX в. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 218 с.

6. Титова, О. Злата Дёмина: «Может, я ненормальная...» [Электронный ресурс] // Полит74: информационно-аналитическое агентство. 2007. URL: <http://www.polit74.ru/archives/3783.html>.

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

РЕЦЕНЗИЯ

на книгу З. И. Комаровой

«Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике». Екатеринбург, 2012.

Нередко при обсуждении научных работ молодых исследователей приходится констатировать, что даже если исследование завершено, его автор не всегда внятно может ответить на вопрос о методологии своего труда, использованных методах и методике описания материала. Назрела необходимость систематизировать методологию лингвистики, упорядочить многочисленные макро- и микропарадигмальные методы и методики лингвистики.

Книга известного отечественного лингвиста, профессора, основателя научной школы З. И. Комаровой посвящена решению одной из самых актуальных проблем современной лингвистики (металингвистики): систематизации лингвистической методологии, созданию системной методологии [1. С. 5–6].

Необходимость и важность такого упорядоченного обобщения упоминается почти во всех лингвистических исследованиях, но мало кто решился предпринять такую попытку. Грандиозность цели и масштаб работы удалось преодолеть и реализовать З. И. Комаровой. Автор скромно называет пособие введением в системную методологию [1. С. 6], однако по содержанию и форме изложения материала труд явно выходит за рамки учебного пособия по введению в металингвистику.

Книга З. И. Комаровой весьма актуальна и будет востребована не только специалистами-лингвистами, но и представителями различных областей науки, бакалаврами, магистрантами, аспирантами, докторантами, преподавателями, ведущими теоретические языковедческие дисциплины. Рецензируемый труд очень полезен при написании научных работ. Начинающий лингвист-исследователь найдет в нем систематизацию алгоритмов по написанию статьи и диссертации, а его научный руководитель – яркие примеры такой систематизации.

Основательный труд автора состоит из четырех частей, включающих шестнадцать глав. Во «Введении в проблематику системной лингвистической методологии: предпосылки и источники» автор последовательно знакомит

читателя с проблематикой лингвистической методологии, анализирует работы методологического характера по лингвистике: «Методы лингвистических исследований» (под ред. Б. А. Серебренникова), «Методы и принципы современной лингвистики» и «Основы общего языкознания» Ю. С. Степанова, «Общее языкознание» В. И. Кодухова и другие труды, посвященные вопросам методологии, и приходит к справедливому выводу о дискуссионности «практически всех методологических проблем языкознания», о необходимости создания системной методологии лингвистики [1. С. 27]. По мнению автора, антропоцентризм, дискурсивность, парадигмальность vs непарадигмальность познания языка и речи, деятельностный, системный и статистико-комбинаторный постулаты взаимосвязаны, а понятие *суперконцепт* их синтезирует и является «ядром» системной методологии лингвистики [1. С. 30]. З. И. Комарова расширяет структуру лингвистического метода, говоря о четырехчастном строении метода: методология, метод и методика, технология. Четырехчастная структура метода и обусловила названия и содержание четырех частей книги.

В первой части пособия «Системная лингвистическая методология: основания и характеристика деятельности» последовательно раскрыты философские, логические, психологические, аксиологические, эстетические, этические составляющие лингвистической методологии, акцентирована роль семиотики, лингвистики как определяющих источников лингвистической методологии, рассмотрено значение систематизации (системологии) при создании и описании лингвистической методологии. Глава «Науковедение и наука как источники и составные части лингвистической методологии» посвящена описанию науки, ее функций в обществе, структуры и особенностей классической, неклассической и постнеклассической науки.

Во второй части книги «Метод как ядро системной лингвистической методологии» пред-

ставлена общая теория метода, методы гибридных методологических уровней, общенаучные и частнонаучные методы и приемы исследования, закономерно обсуждается вопрос о новой парадигме и методологии социально-гуманитарных наук, объединяющей естественнонаучное и гуманитарное знание.

Особый интерес представляет третья, самая объемная, часть работы «Дисциплинарные методы и методики системной лингвистической методологии», в которой детально представлены макропарадигмальные лингвистические методы и методики, начиная со сравнительно-исторической и заканчивая когнитивной макропарадигмой (глава 12), 9 методов и методик частных парадигм лингвистики: социолингвистики, этнолингвистики, ареальной лингвистики, психолингвистики, нейролингвистики, паралингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, политической лингвистики (глава 13) и непарадигмальные лингвистические методы и методики (глава 14).

Очень полезной и успешно реализованной считаем попытку автора систематизировать свой многолетний опыт при описании технологии современной лингвистической методологии (см. часть 4 рецензируемого пособия). В заключительной части книги систематизированы технологии научно-исследовательского процесса в лингвистике и технологии описания его результатов. Четвертая часть книги базируется на материале и анализе 19 диссертационных работ, выполненных под руководством автора.

Впечатляет большой библиографический список по каждому разделу книги и очень подробный перечень литературы для углубленного

изучения рассмотренных в разделе методологических проблем.

Библиографический список состоит из подробно представленного перечня научной литературы, словарно-справочной литературы, источников материала.

Весьма актуально приложение, в котором представлена Рабочая учебная программа для магистрантов «Методология научных исследований в языкознании», которая будет востребована при подготовке будущих магистров-лингвистов.

Пособие четко структурировано, написано хорошим научным языком, читается легко, несмотря на солидный объем, содержание частей и глав логично и продуманно, все разделы снабжены списком литературы для углубленного изучения, вопросами и заданиями для обсуждения.

Пособие можно использовать на самых различных этапах подготовки студентов, аспирантов, докторантов, для самообразования преподавателей лингвистических дисциплин, его замысел и способ воплощения отвечает современным запросам отечественной лингвистики, а автор заслуживает глубокого уважения.

Список литературы

1. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 2013. 820 с.

Доктор филологических наук,
профессор кафедры теории языка ЧелГУ
С. А. Питина

SUMMARY

BELOUSOVA E. G., SVERCHKOVA A. V. Principles of Chronotope Organisation in Nabokov's Short Stories of 1920–1930's.

The article deals with the chronotope structure of Nabokov's short stories, written by him during the Russian period of his creative work and included in the collections "The Return of Chorb", "The Eye" and "The Spring in Fialta". The analysis results in conclusions about gradual complicating of the principles which organize time and space in Nabokov's short prose and evolution of writer's world view.

Keywords: V. Nabokov, "The Return of Chorb", "The Eye", "The Spring in Fialta", chronotope.

BUTOVA A. V. Nicolay Zabolotsky's Works in the Context of the Russian Literary Tradition

The article deals with a poetic phenomenon of Nicolay Zabolotsky in the Russian literary tradition. The author examines Zabolotsky's works not only in the literary context but also in the philosophical quest of the era. Despite the paradoxical nature of the place occupied by the figure of the poet in Russian literature of the XX century, he is generally characterized by a high degree of openness to all cultures, which fits into the tradition of both the past and the present.

Keywords: Zabolotsky, a literary tradition, "Russian cosmism", natural-philosophical concept, Solovyov, art.

CHIRCASOVA A. D. Cryptotype "agentivity/ non-agentivity" Functioning in Condition of Language Game

This article deals with semantic paradoxes of modifying categories of "agentivity/ non-agentivity" arising in the conditions of language game, as well as with the reasons generating them. The research is carried out on the texts of modern periodicals.

Keywords: agentivity/ non-agentivity, the latent semantic categories, paradox, language game.

DADABOYEV O. O. About Degree of Historical Reliability of the Image of Amir Temur in C. Marlowe's Drama "Tamburlaine the Great"

Article is devoted to a problem of historical reliability degree definition of Amir Temur's image in C. Marlowe's drama "Tamburlaine the Great". Leaning on a number of various sources, the author comes to a conclusion that C. Marlowe didn't set as the purpose to adhere to the historical truth since the main ideological contents of the drama are turned to actual political and social problems of his time.

Keywords: historical reliability, historical genre, the principle of a historicism in literature, art fiction.

DANKOVA T. N. Typological Features of Russian Plant Growing Terms as Result of Historical Development of the World Agronomic Picture

The article presents a typology of plant growing terms which are differentiated in contemporary Russian language on the following bases: according to their emergence time and chronological status, on their genetic signs (original sources), on their ways of development, according to their formal structure and speech accessory, on their semantic structure and terminological name, as well as according to their formation and adaptation degrees in Russian language.

Keywords: plant growing terms, typological features, world agronomic picture.

DENISOVA I. V. The Reflection of Gender Characteristics of Translator in Literary Translation

The article is devoted to the analysis of the reflection of gender characteristics of a translator in literary translation – the problem, getting extensive research in the field of gender studies. We illustrate our analysis by the examples from O. Wilde's story "The Remarkable Rocket." The main attention is focused on the comparative analysis of the peculiarities of the masculine and feminine speech at the morphological, lexical and syntactical levels of the translations of the given English text, and on how these differences show the gender characteristics of the translator.

Keywords: gender, literary translation, masculine speech, feminine speech, gender characteristics of the translator.

DERBENEVA O. D. To the Study of Modern Song Texts in Cognitive Aspect

This article describes the results of song text study as a source of cultural information about orientation of modern society by the example of representation of the concept LOVE as a value of the nation. We study the structural features of the component in the concept of LOVE in cognitive aspect.

Keywords: song, culture, value, concept, cognitive feature, structure of the concept.

DOBRYA M. Ya. Specific of Children's Linguistic Personality: the Problem of Complex Description

The article deals with the problem of complex description of types of child's linguistic personality on the base of their personal features. This problem is in the interdisciplinary field of researches such as psycholinguistics, the psychology of language, sociolinguistics. The author of this article pays attention to some signs, which underlie of determination particular character of childish linguistic personality.

Keywords: linguistic personality, childish linguistic personality, types of linguistic personality.

GAZIZOV R. A. Ways of Functioning of Implicit Politeness in Expressive Speech Acts (on the Basis of German Linguistic and Culture)

The article makes an attempt to present communicative ways of implicit politeness functioning in German linguistic and culture. On the example of speech acts of apology the most frequent communicative strategies of politeness related to saving both positive and negative recipient's face have been analyzed. In addition, the main realization means of identified strategies of positive and negative politeness have been described.

Keywords: German linguistic and culture, implicit politeness, strategies of positive politeness, strategies of negative politeness, face saving, speech acts of apology.

GAZIZOVA L.V. Author's Neologisms as Means of Creating Humorous Effect

The article is about new words that are coined by modern English writers. These words are created constantly and penetrate into texts of different styles and genres. Zadie Smith's novel "White Teeth" serves as the material of the research. The author of the novel coins and uses a great number of new and original words that together with other stylistic devices make the text vibrant, funny and fresh.

Keywords: author's neologisms, comic effect, kompressive words in English.

GORBACHEVA O. N., KAMENEVA V. A. Syntactical and Phonetic Stylistic Means of English Language Social Internet Advertising

The article is devoted to the stylistic means of English language social internet advertising. The results of the analysis of the syntactical and phonetic stylistic means, which help to implement the effecting potential of social internet advertising are given in this article.

Keywords: social advertizing, internet advertizing, syntactical and phonetic stylistic means.

GUSEINOVA A. V. The Regional Language in the Media Space of the Republic of Khakassia

The article presents the analysis of the regional language functioning in the media space of the Republic of Khakassia. Making a study of the Khakas media, the author comes to a conclusion that the Khakas language is still represented limitedly in the information space of the region despite some positive changes in this sphere.

Keywords: bilingualism, minority languages, the Khakas language, media space, mass-media

KANTYSHEVA N. G. "Conceptual Modeling of Interdisciplinary Term Systems"

The article deals with the achievements of cognitive terminology during the last period. Using discourse methods of terminology problems research conceptual modeling shows semantic relations of terms in interdisciplinary domains.

Keywords: cognitive terminology science, interdisciplinarity, terminology.

KIRSHIN B. N. Convergence as the Experience of Practical Implementation

The article is devoted to the peculiarities of the transition of editions of classic newspapers in the online format. The author points to the method of this action by the example of his experience of editor of one of the biggest Ural newspaper «Chelyabinskij Rabochij».